

13

СВЯТАГО БОЖЬЯ

РУССКЕ БЕДНУРИСТ

СОЧИНЕНІЯ

А. В. ПИСЦЕНСКАГО.

ТОМЪ VI.

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

ТОМЪ VII.

СОЧИНЕНІЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМЪ VII.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостинный дворъ, №№ 17 и 18.

Петровка, домъ Михалкова, № 5

1884

<http://rcin.org.pl>

ТЫСЯЧА ДУШЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЬХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Два дня уже тащился на сдаточныхъ знакомый намъ тарантасъ по тракту къ Москвѣ. Калиновичъ почти не подымалъ головы отъ подушки. Купецъ тоже больше молчалъ и съ какимъ-то упорствомъ смотрѣлъ въ даль; но что его тамъ занимало — Богу извѣстно. Въ Серповихѣ, станцій за нѣсколько отъ Москвы, у нихъ ямщикомъ очутилась баба, въ мужицкихъ только рукавицахъ и шапкѣ, чтобъ не очень ужь признавали и забирали на дорогѣ. Купецъ замѣтилъ было ей:

— Страмота, тетка, и ѣхать-то съ тобой, хоть бы къ ночѣ дѣло-то шло, такъ все бы словно поскладнѣе было.

— Не все, батька, дѣло-то дѣлается ночью; живала я вашу братью и днемъ. Не ты первой!..—

возразила баба и благополучнѣйшимъ манеромъ доставила ихъ на станцію, гдѣ встрѣтила ихъ толпа ямщиковъ.

— А, чортова перечница, опять въ извозъ пустилась! — замѣтилъ одинъ изъ нихъ. — Хорошо-ли она вамъ, господа, угождала? А то вѣдь мы сейчасъ съ нее спросимъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ сѣдокамъ.

— Ты поди дѣвкамъ-то своимъ угождай и спрашивай съ нихъ, а ужь мужчнкѣ тебѣ противъ меня не угодить! — возразила баба и молодцовато соскочила съ передка.

Когда новыя лошади были заложены, на бесѣдку взлѣзъ длинновязый парень, съ сережкой въ ухѣ, въ кафтанѣ съ прорѣхами и въ валеныхъ сапогахъ, хоть мокреть была страшная; парень изъ дворовыхъ, недавно прогнанный съ почтовой станціи, и для большаго форса, все еще вздвигшій съ колокольчикомъ. Въ отношеніи лошадей онъ былъ какъ торгаш; какъ подобралъ возжи, такъ и началъ распорядиться:

— Н-н-у! — крикнулъ онъ и вытянулъ всю тройку плетью.

Коренная вздумала было схитрить и сѣла въ хомутѣ.

— О, чортъ! дьяволь! — проговорилъ извозчикъ и началъ ее хлестать не переставая.

Лошадь наконецъ заскакала. Ему и это не понравилось.

— О, проклятая! заскакала! — промычалъ онъ и передернулъ возжи, а самъ все продолжалъ хлестать. Тарантасъ то уходя, то высканивая изъ рыт-

винъ, немилосердно трясъ. У Калиновича, какъ ни поглощенъ онъ былъ своими грустными мыслями, закололо наконецъ бока.

— Что-жь ты сломя голову скачешь? — проговорилъ онъ.

— Сердить я ѣздить-то, — отвѣчалъ извозчикъ, потомъ вскрикнувъ: «о, вислоухіе!» — неизвестно за что, дернулъ возжу отъ лѣвой пристяжной, такъ что та замотала отъ бока головой.

— Тише, говорятъ тебѣ! — повторилъ Калиновичъ.

— Ничего! Сидите только, не разсыплю! — возразилъ извозчикъ, и опять крикнувъ: «ну, вислоухіе!» понесся маршь-маршь. Купца, не смотря на его тяжеловѣсность, тоже притряхивало, но ему, кажется, это было ничего и даже нѣсколько пріятно.

— Лошадь, вѣдь, у нихъ вся на ногу разбитая: коли онъ вначалѣ ее не разгорячить, такъ хуже, на подорогѣ станетъ, — объяснилъ онъ Калиновичу.

— Не станетъ у меня! Не такое мое сердце нынче въ лихорадкѣ лежалъ, такъ еще сердитѣе сталъ, — отвѣтилъ на это ямщикъ, повертывая и показывая свое сплошь желтое лицо и желтые бѣлки.

Станціи, такимъ образомъ, часа черезъ два какъ не бывало. Въѣхавъ въ селеніе, извозчикъ на всемъ маху повернулъ къ избѣ, которая была побольше и понаряднѣй другихъ. Тамъ зашумаркали: пробѣжалъ мальчишка на другой конецъ деревни. Въ окно выглянула баба. Стоявшій у воротъ мужикъ, ямщикъ староста, снялъ шляпу и улыбнулся.

— Кто очередной? — спросилъ извозчикъ, слѣзая съ передка.

— Старикъ, — отвѣчалъ староста.

— Наряжай, любезный, наряжай, нечего тутъ проклажаться! — проговорилъ купецъ.

— Наряжено, хозяинъ, наряжено, — отозвался староста и, обходя сзади тарантасъ, проговорилъ: «московскій, знать... проходной, видно».

— Проходной, до Москвы, — отвѣчалъ извозчикъ.

— Тетка Арина! дай-на огонька, — прибавилъ онъ глядѣвшей изъ окна бабѣ и, вынувъ изъ-за пазухи засаленный кисетишко и коротенькую трубоченку, набилъ ее махоркой.

Баба скрылась и черезъ минуту высунула изъ окна обѣ руки, придерживая въ нихъ горящій уголь, но не вытерпѣла и кинула его на землю.

— Ой, чтобы тѣ, и съ огнемъ-то твоимъ... Вся рученьки изожгла, — проговорила она.

— Больно ужъ хлипка, — какъ на томъ-то свѣтѣ станешь терпѣть, какъ въ аду-то припекать начнутъ? — сказалъ извозчикъ, поднимая уголь и закуривая трубку.

— Угорѣли же, паря, — говорилъ староста, осматривая тяжело дышавшую тройку.

Извозчикъ вмѣсто отвѣта подошелъ къ лѣвой приетяжной, болѣе другихъ вспотѣвшей, и проговоривъ: «ну, запыхалась, проклятая!» схватилъ ее за морду и непременно заставилъ счихнуть, а потомъ, не выпуская трубки изъ рта, сталъ раскладывать.

— Что-жь, любезный, скоро ли будетъ? Аль не сегодня надо, а завтра? — отнесся къ старостѣ купецъ.

— Коли хошъ, такъ и завтра, — отвѣчалъ съ полуулыбкой староста.

— А деньги не хошь завтра? — возразилъ купецъ съ ожесточеніемъ.

Въ это время подошелъ мужикъ съ ребенкомъ на рукахъ.

— Пошто деньги завтра? Деньги надо сегодня, — вмѣшался онъ.

— То-то, деньги сегодня! Деньги вы брать охочи, — проговорилъ купецъ, сурово взглянувъ на него.

— Сейчасъ, хозяинъ, сейчасъ! Не торопись больно: смелешь, такъ опять пріѣдешь, — успокивалъ его староста, и *сейчасъ* это началось съ того, что старуха-баба прпташила въ охапкѣ хомуть и узду, потомъ мальчишка лѣтъ пятнадцати привелъ за челку мышиннаго двѣта лошаденку. Оказалось, что она должна была быть коренная. Надѣвъ на нее узду и хомуть, онъ началъ, упершись колѣнками въ клещи и побагровѣвъ до ушей, натягивать сунонь, но оборвался и полетѣлъ навзничъ.

— Смотри, паря, каменья-то не ушиби, — замѣтилъ ему все еще стоявшій около мужикъ съ ребенкомъ.

Парень окрысился.

— Поди ты къ дьяволу! сталъ тоже тутъ съ пострѣломъ-то своимъ! — проговорилъ онъ и, плюнувъ на руки, опять сталъ натягивать сунонь.

Одна изъ пристяжныхъ пришла сама. Дворовый ямщикъ, какъ бы сжалившись надъ ней, положилъ ее постромки на вальки и, ударивъ ее по спинѣ, чтобъ она ихъ вытянула, — проговорилъ: «ладно!

идеть!» У дальней избы баба, принесшая хомутъ, подняла съ какимъ-то мужикомъ страшную брань за возжи. Другую пристяжную привелъ наконецъ самъ извозчикъ, съденый, сгорбленный старичишка, и принялся ее прищутывать. Между тѣмъ старый извозчикъ, въ ожиданіи на водку, стоялъ уже безъ шапки и обратился сначала къ купцу.

— Мелкихъ, любезный, нѣтъ, — отвѣчалъ тотъ равнодушнѣйшимъ тономъ.

— И мелкихъ не стало, — повторилъ извозчикъ, почесывая въ головѣ: — купечество тоже, шаромыжники! — прибавилъ онъ почти вслухъ, обходя тарантасъ и обращаясь къ Калиновичу. Тотъ бросилъ ему съ досадой гривенникъ. Вообще вся эта сцена начала становиться невыносима для него, и преимуществу возмущалъ его своимъ неподвижнымъ, кирпичнаго цвѣта лицомъ, и своей аляповатой фигурой купецъ. Ему казалось, что этому болвану внутри его ничего не мѣшаетъ жить на свѣтѣ и копить деньгу. За десять цѣлковыхъ онъ готовъ, вѣроятно, бросить десять любовницъ, и ужь конечно, скорѣй осинѣ, чѣмъ ему, можно было растолковать, что въ этомъ случаѣ человекъ долженъ страдать. «Сколько жизненныхъ случаевъ, думалъ Калиновичъ, гдѣ простой человекъ перешагиваетъ какъ соломензу, тогда какъ мы, благодаря нашему развитію, нашей рефлексіи, беремъ какъ крѣпость. Тонкія наслажденія, говорятъ, намъ даны, Боже мой! Кто бы за эту тонину согласился платить такими черезчуръ ужь не тонкими страданьями, которыя гложутъ теперь мое сердце!» На послѣдней мысли онъ кривнулъ сердито.

— Скорѣй вы, скоты!

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ, — отозвался старикашка извощикъ, взмачиваясь наконецъ на козлы.

— О-о-о-ой, старуха! — продолжалъ онъ: — подька сюда, подай на передокъ мѣшокъ съ овсомъ, а то, ишь, рожна, какой жесткій, хошь и кожей обтянуть.

Старуха подала.

— Ты, старецъ любезный, и живой-то не доѣдешь, послалъ бы парня, — замѣтилъ купецъ.

— О-о-о-ой, ничего! со Христомъ да съ Богомъ доѣдемъ.

— Еще какъ важно старикъ-то отожжетъ... Трогай, дѣдушка, — подхватилъ староста. Старикъ тронулъ. Сама пришедшая пристяжная обнаружила сильное желаніе завернуть къ своему двору, въ предугиженіе чего мальчишка взялъ ее за уздцы и, колотя въ бокъ кулакомъ, повелъ. Стоявшіе посрединѣ улицы мужики стали подсмѣиваться.

— Выводи, выводи жеребціе-то! Ишь какъ онъ голову-то гнетъ, — сказалъ между ними мужикъ съ ребенкомъ, а прочіе захохотали.

Калиновичу сдѣлалось еще досаднѣе.

«И этимъ, дурачье, могутъ веселиться», подумалъ онъ съ завистью. Выбравшись за деревню, старикашка пустилъ лошадей маленькой рысцой. Въ противоположность прежнему извощику, онъ оказался предобродушный и тотчасъ же принялся разсуждать самъ съ собой: «ну-ка, паря, возжей пожалѣлъ. Да, мошенникъ, говорю я; я тебя лошадкой, живой тварью, ссужалъ, а ты, на-ка! веревки жадничаешь. Не удавлюсь на твоёмъ мочалѣ, ду-

ракъ — сусѣдъ еще!»—Проговоря это, старикъ остановился на нѣкоторое время въ раздумьѣ, какъ бы все еще разсуждая о жадности сосѣда, а потомъ вдругъ обратился къ сѣдокамъ и присовокушилъ:

— Плутъ, батюшки, господа честные, у насъ по деревнѣ народъ!

— Плутъ?.. — отозвался купецъ.

— Плутъ!.. и какой же, то-есть, плутъ на плутъ, воръ на ворѣ. Я-то, вишь, смиренный, не озорникъ, и нѣтъ мнѣ отъ нихъ счастья. На-ка, возжей пожалѣль!.. Да что я съ вашей, что ля, ихъ съѣмъ? Какія были, такія и ворочу, песъ!

Пока старикъ бормогалъ это, они въѣхали въ двадцати-верстный волокъ. Дорога пошла сильно песчаная. Едва вытаскивая ноги, тащили лошаденки, шагъ за шагомъ, тяжелый тарантасъ. Солнце уже было совсѣмъ низко и бросало длинныя тѣни отъ идущаго по сторонамъ, высокаго, темнаго лѣса, который впереди открывался какой-то безконечной декорацией. Калиновичъ, всю дорогу отъ тоски и отъ душевной муки не спавшій, началъ чувствовать наконецъ дремоту; но голосъ ямщика все еще продолжалъ ему слышаться.

— Нечѣмъ, батюшки, господа проѣзжіе, — говорилъ онъ:—не за что нашу деревню похвалить. Ты вотъ, господинъ купецъ, словно ужъ не молодой, такъ може слыхалъ, какая про наше селенье славушка идетъ — что грѣха таить!

— То-есть, примѣрно, насчетъ чего же? — спросилъ купецъ.

— А насчетъ того, батюшка, что по дорогамъ

пошаливали, — отвѣчалъ таинственнымъ полупшепотомъ старикъ.

Купецъ откашлянулся.

— Что-жь, и понониче этимъ занимаются? — спросилъ онъ съ разстановкою.

— Ну, понониче, — продолжалъ старикъ: — гдѣ ужъ! противъ прежняго-ли?.. Начальство тоже всего годъ отъ году строже пошло. Этта окружной всю деревню у насъ перехлесталъ, и сами не вѣдаемъ за что.

— Перехлесталъ? — спросилъ купецъ съ какимъ-то удовольствіемъ.

— Перехлесталъ, — отвѣчалъ извощикъ: — а баловство тоже все происходитъ. Богу вѣдомо, на кого и приходитъ? — помѣкаютъ на бѣглыхъ солдатиковъ, а неизвѣстно!

Купецъ опять откашлянулся.

— И частыя баловства? — спросилъ онъ.

— Бываютъ, батюшка!.. Этта, въ сѣнокосъ, нашли женщину убитую, и брюхо-то вострымъ коломъ все разворочено, а по веснѣ тоже мужичка — утопленника въ рѣкѣ обрѣли. Пыталъ становой разыскивать: самъ-ли какъ пьяный въ воду залѣзъ, али подвезли кто — шутъ знаетъ. Бываетъ всего!

Что-то въ родъ вздоха слышалось изъ груди купца.

— Можетъ, чай, и тройки останавливаютъ? — произнесъ онъ.

— Коли злой человѣкъ, батюшка, найдетъ, такъ и тройку остановитъ. Хоть бы наше теперь дѣло: идемъ путемъ-дорогой, а какую защиту можемъ сдѣлать? Ни оружія при себѣ не имѣешь... оробѣешь... а онъ, коли на то пошелъ, ему себя не жаль, по

той причинѣ, что въ немъ — не къ ночь будь связано — самъ нечистой сидитъ.

Купцу, кажется, не хотѣлось продолжать разговора въ этомъ родѣ.

— Что про-то и говорить! — подтвердилъ онъ.

— Что говорить, батюшка, — повторилъ и извошникъ: — и въ молитвѣ Господней, судырь, сказано, — продолжалъ онъ: избави-мя отъ лукаваго, и священники насъ, дураковъ, учатъ: «ты, говоритъ, только еще о грѣхѣ подумалъ, а ужъ ангелъ твой хранитель на сто тысячъ верстъ отъ тебя отлетѣлъ — и вселилась въ ты нечистая сила: будетъ она твоими ногами ходить и твоими руками дѣлать; въ сердцѣ твоёмъ, аки птица злобная, советъ гнѣздо свое...» Учатъ насъ, батюшка! «Дьявола, говоритъ, надъ бояться паче огня и меча, паче глада и труса; только молитва Божья отгоняетъ его, аки воскъ, таетъ онъ предъ лицомъ Господнимъ.»

— Такъ, такъ, вѣрно, — подтвердилъ купецъ: — потрогивай, однако. Что вонъ около дѣсу за народъ идетъ, словно съ кольями? — прибавилъ онъ.

— И то словно съ кольями. Ишь, какіе богатыри шагаютъ! Ну, — ну, сердечные, не выдавай-те, матушки!.. Много тоже, батюшка, народу идетъ всякаго... Кто ихъ вѣдаетъ, аще имутъ въ помыслахъ своихъ? Обереги Богъ кажиннаго человекъ на всякъ часъ. Ну... ну! — говорилъ ямщикъ.

Калиновичу неволью припомнилось его дѣтство, когда и онъ боялся домовыхъ и разбойниковъ. «Мила еще, видно, и исполнена таинственныхъ страховъ жизнь для этихъ людей, а я ужь въ суетьри не гождусь, чертей и ада не боюсь» и съ удовольствіемъ те-

перь попалъ-бы подъ ножъ какому-нибудь дорожному удалцу, чтобъ избавиться наконецъ отъ этихъ адскихъ мукъ», подумалъ онъ и, на послѣдней мысли, окончательно заснулъ. Между тѣмъ старикашка-извозикъ перемѣнился на маленькаго мальчишку, котораго въ темнотѣ совсѣмъ ужь было не видать и только слышалось, что онъ всю станцію, какъ птичка, посвистывалъ. Мальчишку потомъ замѣнилъ большой извозикъ, съ широчайшей спиной; но и того почти было тоже и не видать и совсѣмъ не слышать; зато всю станцію пахло отъ него овчиннымъ тулупомъ и бѣлѣлась его сѣрая въ корню лошадь. Къ разсвѣту, наконецъ, ихъ перенялъ, на здоровеннѣйшей тройкѣ, московскій извозикъ, молодцоватый малый, съ перетянутой тальей и въ поярковой шляпѣ, переватой лентами. На половинѣ станціи Калининъ проснулся. Вдали видѣлась Москва съ своими золотыми главами церквей. Изъ тысячи трубъ вился дымъ прямыми столбами. Дорога шла по гладкому, бойкому шоссе. Прозябшія на утреннемъ холодѣ лошади и съ валившимъ отъ нихъ паромъ, несли такъ, что удержу не было. Скоро пришлось имъ обогнать шедшій батальонъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ на вороной лошади, съ замерзшими усами, батальонный командиръ, а сзади его шли кларнетисты и музыканты, наигрывая маршъ, подъ который припрыгивали и прискакивали съ посинѣвшими щеками солдаты и съ раскраснѣвшимися лицами молодые юнкера. Немного подальше шелъ, скрипя колесами, неуклюжій обозъ съ хлопчатой бумагой, и на такомъ копытствѣ лошадей, что какъ-будто бы и конца ему не было. На весь этотъ оживленный видъ герой

мой смотрѣль холоднымъ и безчувственнымъ взоромъ, и только скакавшій имъ на встрѣчу, совсѣмъ ужь на бурьерской тройкѣ, господинъ среднихъ лѣтъ, развалившійся въ бричкѣ и съ владиміревскимъ крестомъ на шеѣ, обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе его. «Можетъ быть, и я поѣду когда-нибудь съ такимъ же крестомъ», — подумалъ Калиновичъ и потомъ, когда вѣхали въ Москву, то показалось ему, что попадающіеся народъ и извозчики съ сѣдоками, всѣ они смотрятъ на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ, какъ на русскаго литератора. Это чувство, впрочемъ, значительно въ немъ понизилось, когда онъ, по денежнымъ своимъ средствамъ, остановился на подворьѣ въ Зарядьѣ, въ маленькомъ, грязномъ номерѣ. Чисто съ цѣлью показаться въ какомъ-нибудь обществѣ, Калиновичъ переодѣлся на скорую руку и пошелъ въ трактиръ Печкина, куда онъ, бывши еще студентомъ, иногда хаживалъ и зналъ, что тамъ собираются актеры и нѣкоторые литераторы, которые, можетъ быть, опривѣтствуютъ его, какъ своего новаго собрата; но увы! онъ тамъ нашелъ все измѣнившимся: другая была мебель, другая прислуга, даже комнаты были иначе расположены и не только что актеровъ и литераторовъ не было, но вообще публика отсутствовала: въ первой комнатѣ онъ не нашелъ никого, а изъ другой виднѣлись какіе-то двое мрачныхъ господъ, игравшихъ на бильярдѣ. Калиновичъ сѣлъ на диванъ и рѣшился по крайней мѣрѣ съ половымъ поговорить о самомъ себѣ.

— А что у васъ есть журналы? — спросилъ онъ.

— Какъ же-съ.

— Есть июльская книжка?—и Калиновичъ назвалъ тотъ журналъ, въ которомъ была помѣщена его повѣсть.

— Сейчасъ... за буфетомъ спросить надо,—сказалъ половой и, очень скоро возвратившись, подалъ совершенно почти новую книжку.

Калиновичъ не безъ волненія развернулъ свою повѣсть и началъ какъ бы читать ее, ожидая, что не скажетъ-ли ему половой что-нибудь про его произведение. Но тотъ, хотъ и стоялъ передъ нимъ на вытяжку, но, кажется, болѣе ожидалъ, что прикажутъ ему подать изъ съѣтнаго или хмѣльнаго.

— Книжка-то нова, не растрепана, — проговорилъ Калиновичъ съ едва скрываемою горькою улыбкою.

— Да вѣдь-съ это тоже какъ...— отвѣчалъ половой:—иную, Боже упаси, какъ истреплютъ, а другая такъ почестъ новая и останется... Вотъ за нынѣшній годъ три этакия книжки сподрядъ почестъ что и не требовала совсѣмъ публика.

Калиновичъ только вздохнулъ: три эти книжки были именно тѣ, гдѣ была напечатана его повѣсть.

Уязвленный простодушными отвѣтами полового, онъ перешелъ въ слѣдующую комнату и, къ большому своему удовольствію, увидалъ тамъ, хотъ и не очень короткаго, но все-таки знакомаго ему чело-вѣка, нѣкоего г-на Чиркина, который дѣтъ уже пятнадцать постоянно присутствовалъ въ этомъ заведеніи. Въ настоящую минуту онъ ѣлъ свинья котлеты и закивалъ ихъ кислыми щами.

Калиновичъ рѣшился подойти къ нему и напо-мнить о себѣ.

— А, ну вот! здравствуйте, — произнесъ тотъ тономъ вовсе небольшого уваженія.

Не смотря на это, Калиновичъ подсѣлъ къ нему.

— Что васъ давно не видать? — спросилъ Чиркинъ, какъ-будто бы не видалъ его всего только какихъ-нибудь мѣсяца три.

— Я жилъ въ провинціи года съ полтора.

— А, вотъ что, — произнесъ и на это Чиркинъ совершенно равнодушно.

— Сдѣлался литераторомъ и вѣду теперь въ Питеръ, — добавилъ съ улыбкою Калиновичъ.

— Вотъ какъ! — сказала Чиркинъ, и опять самымъ равнодушнѣйшимъ тономъ.

Калиновичъ только изъ приличія просидѣлъ еще нѣсколько минутъ съ подобнымъ невѣжей и отошелъ отъ него, а потомъ и совсѣмъ вышелъ изъ трактира. Онъ рѣшился походить по Москвѣ, чтобы предаться личнымъ и историческимъ воспоминаніямъ. Прежде всего онъ подошелъ къ университету и остановился передъ старымъ зданіемъ. Вотъ и крыльцо, на которомъ онъ нѣкогда стоялъ, ожидая съ замирающимъ сердцемъ вступительнаго экзамена; перешелъ потомъ къ новому университету, взглянулъ на боковыя окна, гдѣ когда-то слушалъ энциклопедію законовѣдѣнія, узналъ наконецъ тротуарный столбикъ, за который, выбѣжавъ, какъ полоумный, съ послѣдняго выпускнаго экзамена, запнулся и упалъ. Все это припомнилось и узналось, но и только! Отъ университета прошелъ онъ въ Кремль, миновалъ, снявъ шапку, Спасскія ворота, взглянулъ на живописно-расположенное Замоскворѣчье, посмотрѣлъ на Ивана Великаго, который какъ-будто бы поблѣлъ. Попрежнему

шла отъ него высокая рѣшетка, большой колоколь и царь пушка тоже стояли на прежнихъ мѣстахъ, и все это увы! очень мало заняло моего героя. Съ какими-то беспорядочными мыслями возвратился онъ въ своей номеръ, который показался ему еще грязнѣй, еще гаже. Изъ сосѣдней комнаты слышались охриплые, пьяные голоса мужчинъ, и взвизги тоже, должно быть, пьяныхъ женщинъ. Свободная, кочующая жизнь холостява, къ которой Калиновичъ стремился, съ такой болью отрывая себя отъ связывающей его женщины, показалась ему отвратительна. Не зная, какъ провести вечеръ, онъ рѣшился съѣздить еще къ одному своему знакомому, который, Богъ его знаетъ, гдѣ служилъ, въ думъ ли, въ сенатъ ли секретаремъ, но только имѣлъ свой домъ, жену, очень добрую женщину, которая сама всегда разливала чай, и разливала его очень вкусно, всегда сама дѣлала ботвинью и салатъ, тоже очень вкусно. Бывши студентомъ, Калиновичъ каждое воскресенье ходилъ къ нимъ обѣдать; но зачѣмъ онъ это дѣлалъ— и самъ, кажется, хорошенько того не зналъ, да врядъ ли и хозяйка то вѣдала. Все время-препровожденіе его въ этомъ домѣ состояло въ томъ, что онъ, съ полуулыбкою, выслушивалъ хозяйку, когда она рассказывала и показывала ему, какой кушакъ вышла отцу Николаю и какіе воздухи хочетъ вышить для церкви Благовѣщенья. Съ мужемъ онъ больше спорилъ и все почти объ одномъ и томъ же предметѣ: тому очень нравилась, какъ и капитану, Исторія 12-го года Данилевскаго, а Калиновичъ говорилъ, что это даже и не исторія; и къ этимъ-то простымъ людямъ герой мой рѣшился теперь съѣздить, чтобы хоть

тамъ пощекотать свое литературное самолюбіе. Онъ нашель тотъ же совершенно домикъ, только краска на немъ немного полиняла, — ту же дверь въ лакейскую, то же зальце, и только горничная другая вышла къ нему на встрѣчу.

— Что, дома? — спросилъ онъ.

— Пожалуйте, баринъ на верху-сь, — отвѣчала та, почему-то шепотомъ и тихонько повела его по знакомой ему лѣстницѣ. Въ комнатѣ направо, онъ увидѣлъ самого хозяина, сидѣвшаго за столомъ, въ халатѣ, съ обрюзглымъ лицомъ и съ заплаканными глазами.

— Ахъ, Боже мой! давно ли? — проговорилъ онъ и постарался даже улыбнуться.

— Вы нездоровы? — спросилъ его Калиновичъ.

— Жены лишился, — отвѣчалъ старикъ, и по его толстымъ, отвислымъ щекамъ потекли слезы.

— Скажите! — произнесъ Калиновичъ тономъ глубокаго сожалѣнія, а самъ съ собой подумалъ: «зачѣмъ меня нелегкая дернула ѣхать къ этому старью».

— Давно постигло васъ это несчастье? — спросилъ онъ вслухъ.

— Девятый день сегодня. Собачка заперта или нѣтъ? — обратился хозяинъ слабымъ голосомъ къ вошедшей горничной.

— Заперта-сь, — отвѣчала и та тоже слабымъ голосомъ. — Священники пришли-сь, — доложила она въ заключеніе.

— Хорошо... приготовляйте тамъ, — отвѣчалъ вдовецъ: — панихиду сейчасъ будутъ служить! — прибавилъ онъ.

«Ну ужъ на это-то ты меня не поддѣнешь», подумалъ про себя Калиновичъ и всталъ.

— Не смѣю болѣе беспокоить, — проговорилъ онъ.

— Благодарю васъ, благодарю, — отвѣчалъ хозяинъ, крѣпко, крѣпко пожимая его руку и съ полными слезъ глазами.

— Въ этой проклятой Москвѣ, все или умерло, или замираетъ! — проговорилъ Калиновичъ, выйдя на улицу. И на другой день часу въ десятомъ, онъ былъ уже въ вокзалѣ желѣзной дороги и, въ ожиданіи звонка, сидѣлъ на диванѣ; но и посреди великолѣпной залы, въ которой ходила, хлопотала, смѣялась и говорила оживленная толпа, въ воображеніи его неотвязчиво рисовался маленькій домикъ, съ оклеенною гостиной, и въ ней скучающій старикъ, въ очкахъ, въ демикатовомъ сюртукѣ, а у окна угрюмый, но добродушный капитанъ, съ своей трубочкой, и наконецъ она, съ выраженіемъ отчаянія и тоски въ опухшихъ отъ слезъ глазахъ...

— М-г, будьте такой добрый, поберегите мой сакъ! — раздался около него женскій голосъ съ иностраннымъ акцентомъ.

Калиновичъ взмахнулъ глазами: передъ нимъ стояла молоденькая, стройная дама, въ бѣлой атласной шляпкѣ, въ перетянутомъ, черномъ шелковомъ платьѣ и накинутаго на плечи турецкой шали. Маленькими ручками въ свѣжихъ французскихъ перчаткахъ, держала она огромный мѣшокъ. Калиновичъ поспѣшилъ его принять у ней.

— Où est ce Gabriel? Несносный! — проговорила дама и скрылась.

Черезъ нѣсколько минутъ Калиновичъ увидѣлъ,

что она ходила по залѣ подъ руку съ одутловатымъ, толстымъ гусарскимъ офицеромъ, что-то много ему говорила, повременамъ улыбалась и кидала лукавые взгляды. На все это тотъ отвѣчалъ ей самодовольной улыбкой.

Звонокъ пробилъ.

— Adieu, mon Gabriell!— воскликнула дама какимъ-то комически-печальнымъ тономъ, протягивая гусару руку.

— Adieu,— отвѣчалъ тотъ сиповатымъ голосомъ.

Дама подошла къ Калиновичу. Тотъ всталъ и взялъ ее мѣшокъ.

— Bien merci!— поблагодарила она и мило улыбнулась.

— Vous avez déjà un cavalier!— проговорилъ имъ вельдъ гусаръ.

— Oui,— отвѣчала дама, проворно уходя.

Калиновичъ молча слѣдовалъ за ней. Въ вагонѣ она начала распорядиться какъ дома. Положивъ рядомъ съ собой мѣшокъ и проговоря сѣвшему на противъ Калиновичу: «*regarde, m-g, permettez*», протянула свои очень красивыя ножки на диванъ, причемъ обнаружила щегольски сшитыя ботинки и даже часть бѣлыхъ, какъ снѣгъ, чулокъ. Когда поѣздъ тронулся, Калиновичъ внимательно взглядѣлся на свою спутницу. Оказалось, что она была съ какимъ-то идеальнымъ выраженіемъ въ лицѣ; голубые глаза ея были томны и влажны, рѣсницы длинны. Сквозь бѣлую, нѣжную кожу просвѣчивались синеватія жилочки; губки были полныя, розовыя и съ постоянной улыбкой. Замѣтивъ пристальные взоры на себя своего сосѣда, дама, въ свою очередь, сначала улыбнулась,

а потомъ начала то потуплять глаза, то смотрѣть въ окно. Станція черезъ двѣ ей наскучилъ этотъ нѣмой разговоръ.

— Вы Петербургъ живете?— спросила она.

— Да,— отвѣчалъ Калиновичъ, не желая сказаться провинціаломъ.— А вы?— прибавилъ онъ.

— Петербургъ... Тамъ весело...

— Весело?

— Да, балы... маскарадъ... итальянская опера я бываю.

При этихъ словахъ Калиновичу невольно вспомнилась Настенька, обреченная жить въ глуши и во всю жизнь, можетъ быть, не увидящая ни баловъ, ни театровъ. Ему стало невыносимо жаль бѣдной дѣвушки, такъ что онъ задумался и замолчалъ.

— О, какой вы скучный! для чего?— проговорила спутница.

Калиновичу захотѣлось пококетничать.

— Я потерялъ мою невѣсту,— отвѣчалъ онъ, взглянувъ на подаренное ему Настенькой въ послѣдній день кольцо.

— А! вы любили?— произнесла сосѣдка протяжно:— и я любила,— прибавила она и позѣвнула.

Калиновичъ посмотрѣлъ на нее.

— А теперь вы любите?— спросилъ онъ.

— Теперь? Не знаю... Нѣтъ!

— Кто же васъ провожалъ?

— А! вотъ вы что думаете! Нѣтъ, это мой братъ,— отвѣчала дама и лукаво засмѣялась.— Князя Хилова вы знаете Петербургъ?— прибавила она.

— Нѣтъ, не знаю... это тоже братъ?

Дама засмѣялась.

— О нѣтъ, это мой знакомый... Онъ милый.

— Милый?

— Да, а то вотъ у него есть другъ его, тотъ — фи! гадкій, толстый, носъ красный! Фи! не люблю!

— Гусаръ тоже толстый.

— Нѣтъ, тотъ добрый, братъ добрый.

— Вы конечно иностранка, но откуда вы родомъ? — спросилъ Калиновичъ.

— Зачѣмъ?... Я русская...

— Нѣтъ, вы не русская, потому что говорите неправильно: вы или нѣмка, или полька.

— О нѣтъ... я турка, — отвѣчала дама и опять засмѣялась.

— Послѣ этого всѣ турчанки красавицы, если на васъ похожи, — замѣтилъ Калиновичъ.

— О, какой вы льстецъ! — воскликнула она.

— Почему-жь я льстецъ?

— Такъ... льстецъ... Мамзель Сару вы знаете?

— Нѣтъ, что-жь она хороша?

— Да, только злая такая, ужасъ — фи!

Разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ, и Калиновичъ начиналъ все болѣе и болѣе куртизанить. Здѣсь мнѣ опять приходится объяснять истину, совершенно не принимаемую въ романахъ, истину, что никогда мы, грубая половина рода человѣческаго, не способны такъ измѣнить любимой нами женщиной, какъ въ первое время разлуки съ ней, хотя и любимъ еще съ прежнею страстью. Дѣло тутъ въ томъ, что воспоминанія любви еще слишкомъ живы, чувства жаждутъ привычныхъ наслажденій, а между тѣмъ около насъ пусто и нѣтъ милаго существа,

замѣнить которое мы готовы, обманывая себя, первымъ хорошенькимъ личикомъ.

— Вы будете обѣдать?— спросилъ Калиновичъ, подъѣзжая къ Твери.

— Да, я люблю кушать,— отвѣчала сосѣдка.

— Ъсть,— поправилъ Калиновичъ.

— Ахъ, да, ъсть... хорошо,— отвѣчала она, и когда повздъ остановился, Калиновичъ велъ ее ужъ подъ руку въ вокзалъ.

— Il fait froid!— проговорила она, кокетливо за-вертываясь въ шаль.

«Премиленькая!» — подумалъ Калиновичъ и чувствительно пожалъ ей руку своимъ локтемъ.

— Два обѣда! — сказалъ онъ лакею.— Voulez-vous du vin? — обратился онъ къ своей дамѣ.

— Да, я люблю, comment cela dire boire?

— Пить!

— Да, пить.

— Бутылку шампанскаго! — сказалъ Калиновичъ человѣку.

Тотъ подалъ; пробка шелкнула.

— Ахъ! — вскрикнула дама.

— Испугались?

— Да, это громко, и пугаюсь, — отвѣчала она и потомъ, положивъ палецъ на край стакана, изъ котораго пѣнилось вино, сказала:— Ну, ну, будетъ!.. Не смѣй больше ходить.

«Прехорошенькая!» — думалъ Калиновичъ.

Дама начала съ апетитомъ кушать котлеты.

Передъ жаркимъ онъ поднялъ бокалъ и проговорилъ.

— Votre santé, madame!

— Et la votre, monsieur, — отвѣчала она, тоже выпивая, но тотчасъ поморщилась, проговоря: «ай, горько!»

— А вы знаете, что значить, по русскому обычаю, когда, пивши вино, говорятъ: *горько?*

— Нѣтъ.

— Значить, надобно поцѣловаться.

— Ахъ, это?.. Да, хорошо.

— Хорошо?

— Хорошо! — подтвердила дама и, по возвращеніи въ вагонъ, сняла шляпку и стала еще милѣе.

Между тѣмъ начинало становиться темно. «*Погибшее, но милое созданье!*» думалъ Калиновичъ, глядя на сосѣдку, и въ душу его запало не совсѣмъ, конечно, безкорыстное, но все-таки доброе желаніе: тронуть въ ней, можетъ-быть, давно уже замолчавшія, но все еще чуткія струны, которыя, онъ въриль, живутъ въ сердцѣ женщины, гдѣ бы она ни была и чѣмъ бы ни была.

— Вы, рѣшительно, полька. Чѣмъ больше я на васъ гляжу, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, — началъ онъ.

— Ахъ, да, только вы ошибаетесь... Я-жь говорила вамъ: я турка... — отвѣчала она.

— А я вамъ говорю, что вы полька и нѣмецкая полька, — продолжалъ Калиновичъ:—потому что у васъ именно это прекрасное сочетаніе германскаго типа съ славянскимъ: вы очень хороши собой.

— О, да, да, — подтвердила сосѣдка.

— Конечно, да, — подхватилъ Калиновичъ:—и, можетъ быть, въ Варшавѣ, или даже подальше тамъ, у васъ живутъ отецъ и мать, братъ и сестра, кото-

рые оплакиваютъ вашу участь, если только знаютъ о вашемъ существованіи.

Замѣтно-грустное чувство отразилось на хорошенькомъ личикѣ сосѣдки.

— Зачѣмъ вы можете такъ говорить? Вы меня не знаете, — сказала она ужь не прежнимъ насмѣшливымъ тономъ.

— Я знаю еще больше, — продолжалъ Калиновичъ:—знаю, что вамъ тяжело и очень тяжело жить на свѣтѣ, хоть, можетъ быть, вы цѣлые дни смѣетесь и улыбаетесь. На-дняхъ еще видѣлъ я дѣвушку, которую бросилъ любимый человѣкъ, и которую укоряютъ за это родные, презрѣли въ обществѣ; но все-таки она счастливѣе васъ, потому что ей не за что себя нравственно презирать.

Сосѣдка слушала. Собственно словъ она, кажется, не понимала, но смыслъ ихъ угадала, и въ лицѣ ея уже тѣни не оставалось веселости.

— Вы меня не знаете: зачѣмъ можете такъ говорить? — повторила она.

— Нѣтъ, знаю, — возразилъ Калиновичъ:—и скажу вамъ, что одно ваше спасенье, если полюбитъ васъ человѣкъ и спасетъ васъ, не только что отъ обстановки, которая теперь васъ окружаетъ, но заставить васъ возненавидѣть то, чѣмъ увлекаетесь теперь, и растолкуетъ вамъ, что для женщины существуетъ другая, лучшая жизнь, чѣмъ ѣздить по маскарадамъ и театрамъ. — Сосѣдка этихъ словъ совершенно ужь не поняла и, когда Калиновичъ кончилъ и взялъ ее за упершійся въ диванъ его башмачокъ, она отдернула ножку и проговорила:

— Зачѣмъ это? <http://reinc.org.pl>

— Отчего-жь нельзя?.. Можетъ быть, я именно такой человекъ, — прошепталъ Калиновичъ.

— А, да, нѣтъ! Я не вѣрю мужчинамъ.

— За что?

— Такъ, они все такіе недобрые... лукавые... Фи!.. нѣтъ!..

— Я не такой, — проговорилъ Калиновичъ и опять было взялся за башмачекъ, но соседка опять его отдернула.

— Нѣтъ, это нельзя, — сказала она.

— Отчего-жь?

— Такъ; какъ можно! Вы нескромный: — все смотреть.

— А въ Петербургъ можно?

— Ахъ, какой вы!.. Зачѣмъ? Я васъ не знаю..

— Узнаете, и можно? — проговорилъ Калиновичъ, и, какъ бы наклонясь зачѣмъ-то, поцѣловалъ руку соседки.

— Вы шалунъ, я васъ боюсь, — сказала она, кокетливо складывая руки на груди и снимая ножки съ дивана.

Объясненіе это было прервано появленіемъ новыхъ пассажировъ: толстаго помѣщика съ толстой женой, которые, какъ нарочно, стали занимать пустя около нихъ мѣста.

— Позвольте! — проговорилъ басомъ баринъ и нецеремонно опустился на диванчикъ рядомъ съ молоденькой дамой, между тѣмъ какъ жена его, тяжело дыша и пыхтя, перелѣзла почти черезъ колѣни Калиновича и съѣла къ окну. Спровождавшій ихъ солдатъ сталъ натискивать имъ въ ноги подушки, мѣшечки и связки съ вренделами, калачами, такъ

что молодые люди мои были совершенно отгорожены другъ отъ друга. Хорошенькая сосѣдка, сдѣлавъ сначала насмѣшливую гримасу и потомъ проговоривъ: «adieu!» прижала голову къ дивану, закрыла глаза и старалась, какъ видно, заснуть. Въ свою очередь, взбѣшенный Калиновичъ, чувствуя около себя вмѣсто хорошенькаго башмачка жирные бока помѣщицы, началъ ее жать всюю всею силой къ стѣнѣ; но та сама раздвинула локти и произнесла: «чтой-то, помилуйте, какъ здѣсь толкаютъ!» пахнула какой-то теплотой: герой мой не въ состояніи былъ болѣе этого сносить: только что не плюнувши и прижавъ еще разъ барыню къ стѣнѣ, онъ пересѣлъ на другую скамейку, а потомъ, подъ дальнѣйшую качку вагона, невольно задремалъ.

На разсвѣтъ, какъ извѣстно, подъезжаютъ къ Петербургу. Большая часть пассажировъ, по обыкновенію, засуетилась. У Калиновича тоже немного сердце замерло; подражая другимъ, онъ протеръ запотѣвшее стекло и началъ было смотрѣть въ него; но увидѣлъ только куда-то безконечно-идущее поле, покрытое криворослымъ мелкимъ ельникомъ; а когда пошли мелькать вагоны, такъ и того стало не видать. Калиновичъ счелъ за лучшее наблюдать хорошенькую сосѣдку, которая, точно между двумя скалами: баринѣю и барыней, спала крѣпкимъ сномъ и проснулась только у самаго вокзала.

— Пріѣхали!— проговорилъ онъ, подходя къ ней, ласковымъ голосомъ, какъ говорятъ иногда дѣтямъ матері: «проснулся, душечка?»

— О, да! пріѣхали!— произнесла она, мило зывая, и, взявъ привѣтъ, сама пошла.

— Послушайте, гдѣ же ваша квартира?— говорилъ Калиновичъ, догоняя ее и почти умоляющимъ голосомъ.

— На Гороховой!... домъ Багова, — спросить меня... Амальхенъ!... — отвѣчала она скороговоркой и скрылась.

Оставшись одинъ, Калиновичъ поспѣшилъ достать свой чемоданъ и, бросивъ его на перваго попавшагося извозчика, велѣлъ себя везти въ какую-нибудь, только не дорогую, гостиницу. Извозчикъ, чтобы не очень затруднять себя, подвезъ его прямо въ гостиницѣ «Москва», гдѣ герой мой и помѣстился за рубль серебромъ въ четвертомъ этажѣ, въ трехъ-аршинной комнаткѣ, но съ вощенымъ столикомъ и таковымъ же диваномъ. Разобравъ свои вещи, онъ сейчасъ же сѣлъ у окна и сталъ глядѣть, съ жаднымъ любопытствомъ, на улицу: тамъ сновали уже туда и сюда экипажи, шли пѣшеходы, проѣхалъ взводъ казаковъ, провезли, по-крайней-мѣрѣ на десяти лошадяхъ, какую-то машину. Калиновичъ понялъ, что онъ теперь на пульсовой жилѣ Россіи, а между тѣмъ, перенеся взглядъ отъ земли на небо, онъ даже удивился: нигдѣ еще не видалъ онъ, чтобы такъ низко ходили облака и такъ низко стояло солнце. На голову его въ то же время какъ бы налегалъ какой-то туманъ; хотѣлось зѣвать, глаза слипались. Онъ прилегъ на диванъ, заснулъ и проспалъ такимъ образомъ часовъ до четырехъ и когда проснулся, то чувствовалъ уже положительную боль въ головѣ и по всему тѣлу легонькій ознобъ — это было первое привѣтствіе, которое оказывала ему петербургская тундра. Переспивъ // несколько себя, Калиновичъ

спросилъ себѣ обѣдать, выпилъ рюмку вина, стаканъ брѣвчатого кофе, и отправился осматривать достопримѣчательности города. Для этого онъ нанялъ извозчика и велѣлъ себя везти мимо всѣхъ дворцовъ и соборовъ.

— Постой, что это за мостъ?— крикнулъ онъ, когда извозчикъ затрусилъ по каменной мостовой около дома Бѣлосельской-Бѣлозерской.

— Аничковъ! А это Аничковскій дворецъ тоже!— отвѣчалъ извозчикъ.

— Кто же живетъ въ немъ?

— Не знаю, не слыхалъ.

— А что это за церковь?

— Церковь Казанская это.

— Соборъ?

— Да.

— Зачѣмъ это такія огромныя крылья къ ней придланы?— подумалъ про себя Калиновичъ.

— Эти два чугунные-то воина, надо полагать, изъ пистолетовъ палить!— объяснялъ было ему извозчикъ насчетъ Барклай-де-Толли и Кутузова, но Калиновичъ уже не слыхалъ этого. Отъ скопившихся пѣшеходовъ и экипажей около Морской, у него начинала вкружиться голова, а когда выѣхали на площадь и онъ увидѣлъ Зимній дворецъ, то рѣшительно замеръ: его поразило это огромное и великолѣпное зданіе.

— Вези меня скорѣй на Неву! — проговорилъ онъ, увидя издали катящіяся нескія волны; но увы! непривѣтливо они приняли его, когда онъ въѣхалъ на Дворцовый мостъ. Съ нихъ подулъ на него такой свѣрягъ, что не только любоваться, но даже взглянуть на нихъ хорошенько было невозможно.

— Фу, чортъ возьми, какъ холодно!—проговорилъ онъ, кутаясь по самыя уши въ воротникъ шинели, и добѣжавъ до Благовѣщенскаго моста, бросилъ пзвощивка и пошелъ пѣшкомъ, направляя свой путь къ памятнику Петра. Постоялъ около него нѣсколько времени, обошелъ его раза два кругомъ, взглянулъ потомъ на Исакия. Все это какъ-то раздражающимъ образомъ дѣйствовало на него. Не зная самъ, куда идти, онъ попалъ на Вознесенскій проспектъ. Мелкая торговля, бющаяся изо всѣхъ силъ выльзти въ магазины, такъ и стала ему видаться въ глаза со всѣхъ сторонъ; черезъ каждые почти десять шаговъ ему попадался жидъ и изъ большей части домовъ несло жаренымъ лукомъ и щукой; но еще болѣе безобразное зрѣлище ожидало его на Садовой: тамъ пзъ кабака выпалило по-крайней-мѣрѣ человекъ двадцать мастеровыхъ: никогда и нигдѣ Калиновичъ не видалъ народу болѣе истощеннаго и безобразнаго: даже самое опьяннѣе ихъ было какое-то мрачное, свирѣпое: тутъ же у кабака, одинъ изъ нихъ, свалившись на тротуаръ, колотился съ ожесточеніемъ головой о тумбу, а другой, желая, втроемъ, остановить его отъ такихъ сампроизвольныхъ побоевъ, оттащивалъ его за волосы отъ тумбы, приговаривая: «чортъ, полно, перестань!» Прочіе на все это смотрѣли хоть и мрачно, но совершенно равнодушно.

Спѣша поскорѣе уйти отъ подобной сцены, Калиновичъ попалъ на Стѣну, и здѣсь подмошная стившая въ возахъ живность такъ его ошибла по носу, что онъ почти опрометью перебѣжалъ на другую сторону, гдѣ хоть и не совсемъ пріятно благоухало перележавшею зеленью, но не такъ ужъ не было запахъ

разлагающагося мяса. Изъ всѣхъ этихъ подробностей Калиновичъ понялъ, что онъ находится въ самой демократической части города.

Время между тѣмъ подходило къ сумеркамъ, такъ что когда онъ подошелъ къ Невскому, то былъ уже полнѣйшій мракъ: тутъ и тамъ зажигались фонари, вѣхали, почти непрерывной вереницей, смутно виднѣвшіеся экипажи и мелькали передъ освѣщенными окнами магазиновъ люди, и вдругъ посреди всего, Богъ вѣсть откуда, раздались звуки шарманки. Калиновичъ невольно приостановился: ему показалось, что это плачетъ и стонетъ душа человѣческая, заключенная среди мрака и снѣговъ этого могильнаго города.

Придя домой, онъ въ утомленіи опустился голоной на диванъ. Если въ Москвѣ было ему скучно, то здѣсь вдругъ овладѣла имъ непонятная и невыносимая тоска.

«Что-жъ это такое? думалъ онъ: неужели я такъ обаялся, что только около этой дѣвчонки могу быть спокоенъ и веселъ? Нѣтъ! это что-то больше, чѣмъ любовь и раскаяніе: это скорбій какой-то страхъ за самого себя, страхъ отъ этихъ сплошной почти массой идущихъ домовъ, широкихъ улицъ, чугунныхъ рѣшетовъ и холодомъ ввѣющей Невы!»

II.

Прошло три дня. Тоска и какой-то безотчетный страхъ не оставляли Калиновича, тѣмъ больше, что онъ никуда почти не выходилъ. Туалетъ его, около

трехъ лѣтъ не освѣжавшійся, оказался до такой степени негоднымъ, что не только могъ заявить о вопіющей бѣдности, но даже внушить подозрѣніе на счетъ нравственности. Зная щепетильность Петербурга въ этомъ отношеніи, онъ рѣшился лучше просидѣть дома, пока не будетъ готово заказанное платье у Шармера, которое, наконецъ, на четвертый день было принесено благороднѣйшей наружности подмастерьемъ. Когда Калиновичъ, облекшись предварительно тоже въ новое и очень хорошее бѣлье, надѣлъ фракную пару съ высокоприличнымъ при ней жилетомъ, то, посмотрѣвшись въ зеркало, почувствовалъ себя, безъ преувеличенія, какъ бы обновленнымъ человѣкомъ; самый опытный глазъ, при этой наружности, не замѣтилъ бы въ немъ ничего провинціальнаго: довольно уже рѣдкіе волосы, блѣднаго цвѣта съ желтоватымъ отливомъ лицо; худощавый, стройный станъ; приличные манеры—словомъ, какъ будто съ дѣтскихъ еще лѣтъ водили его въ живописныхъ кафтанчикахъ гулять по Невскому, учили потомъ танцовать чрезъ посредство какого-нибудь мсье Пьеро, а потомъ отдали въ университетъ не столько для умственнаго образованія, сколько для усовершенствованія въ хорошихъ манерахъ, чего, какъ мы знаемъ, совершенно не было, но что вложено въ него было самой ужь, видно, природой. Расплатившись съ портнымъ, Калиновичъ сейчасъ же поѣхалъ сдѣлать визитъ редактору. По всемъ практическимъ соображеніямъ, онъ почти навѣрное рассчитывалъ, что тотъ приметъ его съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ, а потому, прищурившись, прочиталъ надпись на дверяхъ редакторской квар-

тиры и смѣло дернулъ за звонокъ. Человѣкъ открылъ дверь.

— Доложи, что Калиновичъ пріѣхалъ,—назвалъ онъ твердо и довольно громко свою фамилію.

Человѣкъ ушелъ.

— Калиновичъ пріѣхалъ!—докладывалъ онъ.

— Кто такой? Какой Калиновичъ?—спрашивалъ его другой голосъ.

— Калиновичъ,—повторилъ лакей.

— Проси,—отвѣчалъ ему голосъ съ досадой.

Лакей возвратился.

— Пожалуйте,—произнесъ онъ.

Калиновича подернуло. Видимо, что его принимаютъ, не помня хорошенько, кто онъ такой. Пройдя первую же дверь, онъ прямо очутился въ огромномъ кабинетѣ, гдѣ посрединѣ стоялъ огромный столъ съ своими чернильницами, карандашами, кучею тетрадей и небрежно-кинутыми «Художественнымъ Листкомъ» и французской иллюстраціей. Кабинетный столъ князя показался Калиновичу предъ этимъ жертвенникомъ бѣдной конторкой школьника. По стѣнамъ шли полки, тоже заваленныя книгами и газетами. Три пейзажа, должно быть, Калама, гравированное «Преображеніе» Іордана и, наконецъ, масляная женская головка, весьма двусмысленной работы, но зато совсѣмъ ужъ съ томными и закатившимися глазами, стояли просто безъ рамокъ, примкнутыми на креслахъ; словомъ, все показывало учено-художественный беспорядокъ, какъ бы свидѣтельствовавшій о громадности матеріаловъ, изъ которыхъ потомъ вырабатывались разныя рубрики журнала. Самъ хозяинъ помѣщался въ довольно темномъ углу. Это

былъ растолстѣвшій сангвиникъ, съ закинутаю назадъ головою, совершенно безъ шеи, и только маленькіе, безпрестанно бѣгавшіе изъ-подъ золотыхъ очковъ глаза говорили о его коммерческихъ способностяхъ. Кутаясь въ свой толстый, плюшевый сюртукъ, сидѣлъ онъ въ углу дивана. На другомъ концѣ отъ него топился каминъ, живописно освѣщая гораздо болѣе симпатичную фигуру господина, съ нѣсколько помѣщичьей посадкой, который сидѣлъ опершись на трость съ дорогимъ набалдашникомъ и съ какой-то сибаритской задумчивостью закинувъ на потолокъ свои голубые глаза. Вообще, во всей его фигурѣ было что-то джентльменское, какъ бы говорившее вамъ, что онъ всю жизнь честно думалъ и хорошо вѣлъ. Тотъ же каминъ освѣщалъ еще молодаго человека, весьма скромнаго роста и съ физиономіей, вовсе ужъ ничего не общающей. Онъ стоялъ около одной изъ полокъ и, какъ бы желая скрыть, что имъ никто не занимается, дѣлалъ видъ, что будто бы самъ былъ погруженъ въ чтеніе развернутой передъ нимъ газеты. Окнувъ все это однимъ взглядомъ, Калиновичъ подошелъ прямо къ хозяину:

— Здравствуйте-съ, очень радъ съ вами познакомиться! — проговорилъ тотъ, слегка привставая, и тутъ же прибавилъ: — monsieur Бѣлавинъ, monsieur Калиновичъ.

Оба гостя молча поклонились другъ другу.

Молодой человекъ какъ-то украдкой и болѣзненно взглянулъ, какъ бы ожидая, что и его познакомятъ; но ему не выпало этой чести.

— Вы, вѣдь, кажется, москвичъ? — продолжалъ редакторъ, когда Калиновичъ сѣлъ.

— Да... Но, впрочемъ, послѣднее время я жилъ въ провинціи, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Въ провинціи? — повторилъ редакторъ, уставдая на него свои маленькіе глаза.

— Въ провинціи, — повторилъ Калиновичъ, — и, пріѣхавъ сюда, — прибавилъ онъ нѣсколько официальнымъ тономъ, — я поставилъ себѣ долгомъ явиться къ вамъ и поблагодарить, что вы въ вашемъ журналѣ дали мѣсто моему маленькому труду.

— О, помилуйте! Это наша обязанность, — подхватилъ редакторъ, быстро опуская на коверъ глаза, и потомъ, какъ бы желая перемѣнить предметъ разговора, спросилъ:

— Вы вѣдь, однако, черезъ Москву ѣхали?

— Черезъ Москву.

— По желѣзной?

— По желѣзной.

— И скажите, хорошо? — продолжалъ редакторъ.

— Хорошо-съ, — отвѣчалъ Калиновичъ, начинавшій уже нѣсколько удивляться тому, что неужели съ нимъ не находятъ разговора поумнѣй?

Редакторъ, между тѣмъ, выпустилъ длинную струю дыма отъ куримой имъ сигары и, съ гораздо-болѣе почтительнымъ выраженіемъ, обратился къ господину, названному Бѣлавинымъ.

— Это очень важный теперь вопросъ, — началъ онъ нѣсколько глубокомысленнымъ тономъ: — свяжетъ ли желѣзная дорога эти два города, какимъ это образомъ и въ чемъ именно это произойдетъ?

Въ отвѣтъ на это, Бѣлавинъ закрылъ первоначально глаза, и что-то въ родъ насмѣшливой улыбки промелькнуло у него на губахъ.

— Не думаю, чтобъ много, — произнесъ онъ: — первое чтó, вѣроятно, будутъ въ Москвѣ дрова еще дороже, а въ Петербургѣ, можетъ быть, ягоды дешевле.

— Ну, нѣтъ; это что-жь! — Одна эта быстрота при торговыхъ сношеніяхъ... наконецъ обмѣнъ идей.

— Какихъ? — спросилъ Бѣлавинъ, опять зажимая глаза и самымъ равнодушнѣйшимъ тономъ.

Редакторъ на это потушился и ничего не отвѣчалъ.

«Съ какой только важностью и о какомъ вздорѣ разсуждаютъ эти два господина!» — подумалъ Калиновичъ, съ досадою въ душѣ.

— Холодно, говорятъ, въ вагонѣ ногамъ? — обратился къ нему редакторъ.

— Я не чувствовалъ этого, — отрывисто отвѣчалъ Калиновичъ.

— Нѣтъ? — спросилъ редакторъ.

— Нѣтъ, — повторилъ Калиновичъ такимъ ужъ насмѣшливымъ тономъ, что молодой человѣкъ, занимавшійся газетой, посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

Редакторъ опять пустилъ длинную струю дыма и обратился къ Бѣлавиному.

— Мы давеча говорили объ этомъ господинѣ... Что вамъ угодно, а онъ непроченъ.

Бѣлавинъ придалъ лицу своему серьезное выраженіе, которымъ какъ бы говорилъ, что онъ совершенно съ этимъ не согласенъ.

— Возьмите вы, — продолжалъ редакторъ, одушевляясь и видимо желая убѣдить: — больше полустолѣтія этотъ народъ проводитъ передъ вами не исторію, а разыгрываетъ какія-то историческія представленія.

Бѣлавинъ слушалъ.

— Господствуетъ ученіе энциклопедистовъ... под-
копаны все основанія общественныя, государствен-
ныя, религіозныя... затѣмъ кровь.. безурядица. Что
можно было изъ этого предвидѣть?.. Одно, что на-
родъ дожилъ до нравственнаго и матеріальнаго раз-
ложенія; значить, баста!.. дѣлу конецъ!... Ничуть
не бывало, возрождается, какъ фениксъ, и выскаки-
ваетъ въ Наполеонъ Первомъ. Это, чортъ знаетъ
что такое!

Бѣлавинъ продолжалъ молчать и слушать.

— Этотъ господинъ идетъ завоевывать Европу,
перетасовываетъ весь Германскій Союзъ, мѣняетъ
королей, потомъ, глупѣйшимъ образомъ, попадаетъ
въ Москвѣ и обожающій его народъ выдаетъ его
живьемъ. Потомъ Бурбоны... іюльская революція... мѣ-
щанскій король... новый протестъ... престолъ ло-
мается, пишется девизомъ: *liberté, égalité, fraternité*—
и все это опять разрѣшается Наполеономъ III-мъ!

Заклучивъ эти слова, редакторъ даже склонилъ
голову отъ удивленія.

Калиновичъ былъ почти согласенъ съ нимъ, но,
какъ человекъ осторожный, не показывалъ виду и
повременамъ взглядывалъ на Бѣлавина, который,
наконецъ, когда редакторъ кончилъ, приподнялъ опять
немного глаза и произнесъ явно-насмѣшливымъ тономъ:

— Такъ судить народъ издали невозможно; слиш-
комъ поверхностно; ошибешься!

— Я не знаю, ошибешься или нѣтъ, но это
факты, — возразилъ редакторъ.

Бѣлавинъ, прищурившись, посмотрѣлъ на противо-
положную стѣну. <http://rcin.org.pl>

— Подъ этими фактами, — началъ онъ, — кроется весьма серьезное основаніе, а видимая неустойчивость — общая участь всякаго народа, который социальныя идеи не оставляетъ, какъ нѣмцы, въ кабинетъ, не перегоняетъ ихъ сквозь реторту парламентскихъ преній, какъ дѣлаютъ это англичане, а сразу беретъ и прикладываетъ ихъ къ дѣлу. Это общая участь! И за то ужъ имъ спасибо, что они съ такимъ самоотверженіемъ представляютъ изъ себя какой-то оселокъ, на которомъ пробуется мысль человѣческая. Какъ это можно? Помилуйте!

— Да-съ, вы говорите серьезное основаніе; но гдѣ-жъ оно и какое? Оно должно же, по-крайней-мѣрѣ, имѣть какую-нибудь систему, логическую послѣдовательность, развиваться органически, а не метаться изъ стороны въ сторону, — возразилъ редакторъ; но Калиновичъ очень хорошо видѣлъ, что онъ ужъ только отыгрывался словамъ.

Въ лицѣ Бллавина тоже промелькнуло что-то въ родѣ слегка замѣтной улыбки.

— Энциклопедисты, какъ вы говорите, — началъ онъ, взмахнувъ глазами на потолокъ, — не доводили народа до разложенія: они сбивали феодальныя авторитеты и тому подобныя заповѣдныя цѣпи, которыя слѣдовало разбить.

— Однако, эти цѣпи замѣнились другими, можетъ быть, тягчайшими, въ особѣ корсиканца.

— Почему-же? — возразилъ Бллавинъ. — Революція девяностыхъ годовъ дала собственно народу и личное право, и право собственности.

— Все это прекрасно; но послѣднія событія? — произнесъ редакторъ, улыбаясь больше спрашивая.

— Что-жь? — отвѣчалъ, какъ-то нехотя, Бѣлавинъ: — дѣло заключалось въ злоупотребленіи буржуазіи, которая хотѣла захватить себѣ все политическія права, со всевозможными матеріальными благосостояніями, и работники 48 года показали имъ, что этого нельзя; но такъ какъ собственно для земледѣльческаго класса народа все-таки нужна была не анархія, а порядокъ, который обезпечивалъ бы трудъ его, онъ взялся за Наполеона III-го, и если тотъ пойметъ, чего отъ него требуютъ, онъ прочтѣй, чѣмъ кто-либо!

— Но гдѣ же тутъ прогрессъ, скажите вы мнѣ? — воскликнулъ редакторъ.

Бѣлавинъ улыбнулся.

— Прогрессъ?.. — повторилъ онъ: — прогрессъ теперь дѣло спорное. Мы знаемъ только то, что каждая эпоха служитъ развитіемъ до крайнихъ предѣловъ извѣстныхъ идей, которыя вначалѣ пробиваются болѣзненно, а потомъ заражаютъ весь воздухъ.

— Это такъ, — подтвердилъ редакторъ.

На этихъ словахъ, Калиновичъ всталъ съ своего мѣста и, подойдя къ одной изъ картинъ, сталъ ее разсматривать. Страннаго рода чувства его волновали: въ продолженіе всего предъидущаго разговора ему ужасно хотѣлось поспорить съ Бѣлавинымъ и, если возможно, взять нотой выше его; но — увы! при всемъ умственномъ напряженіи, онъ чувствовалъ, что не можетъ даже стать на равную съ нимъ высоту воззрѣнія. «Неужели я такъ поглупѣлъ и опешлѣлъ въ провинціи, что говорить даже не умѣю съ порядочными людьми?» думалъ онъ, болѣзненно

сознавая къ Бѣлавину невольное уваженіе, смѣшанное съ завистью, а къ самому себѣ — презрѣніе.

Молодой человѣкъ, стоявшій около поля и давно ужъ ласкавшій его взоромъ, подошелъ къ нему.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть г. Калиновича? — проговорилъ онъ.

— Точно такъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Я читалъ вашу повѣсть съ величайшимъ наслажденіемъ, — прибавилъ молодой человѣкъ.

Калиновичъ поблагодарилъ молчаливымъ кивкомъ головы.

— Я самъ тоже писатель... Дубовскій... Вы, можетъ быть, и не читали моихъ сочиненій, — продолжалъ молодой человѣкъ съ какимъ-то страннымъ смпреніемъ, и въ то же время модничая и прижимая шляпу къ колѣну.

— Нѣтъ-съ, я читалъ, — отвѣчалъ сухо Калиновичъ, въ самомъ дѣлѣ никогда ихъ нечитавшій.

Молодой человѣкъ нѣсколько минутъ переминался.

— Какъ это у насъ странно угодить теперь публикѣ! — началъ онъ нетвердымъ голосомъ: — я вотъ тогда... въ прошломъ году... такъ какъ теперь пишутъ больше все очерки, описалъ *Бытъ и повѣрья Козинскаго уѣзда*; но вдругъ рецензенты отозвались такъ строго, и даже вотъ въ журналѣ Павла Николаича, — прибавилъ онъ, робко указывая глазами на редактора, — и у нихъ былъ написанъ очень неблагопріятный для меня отзывъ... и что-жь?.. конечно, я никакъ не могу себя отнести къ первокласснымъ дарованіямъ, но, по-крайней-мѣрѣ, люблю литературу и занимаюсь ею съ любовью, и это, кажется, нельзя еще ставить въ упоръ человѣку...

— Разумѣется, — подтвердилъ Калиновичъ, думая самъ съ собою: «этакая дрянь!» и, не желая себя компрометировать разговоромъ съ подобнымъ господиномъ, возвратился на свое мѣсто и взялся за шляпу.

Редакторъ замѣтилъ это и обратился къ нему.

— Гдѣ-же вы собственно жили? — спросилъ онъ.

— Я жилъ въ Эн — скъ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Въ Эн—скъ? Славныя это мѣста! Я провѣзжалъ раза два. Эти огромные лѣса... рѣка... Эн — скъ, кажется, вѣдь на рѣкѣ?

— На рѣкѣ-съ.

— На сплавной?

— На сплавной, — отвѣчалъ Калиновичъ и началъ раскланиваться.

Бѣлавинъ, между тѣмъ, все внимательнѣй и внимательнѣй смотрѣлъ на него.

— Мнѣ еще надобно съ вами два слова, — проговорилъ редакторъ, и проворно отошелъ въ сторону. Калиновичъ послѣдовалъ за нимъ.

— Ваша повѣсть, кажется, называется *Кавалеристъ*? — прибавилъ онъ вполголоса.

— Нѣтъ-съ, *Странныя отношенія*, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Сколько листовъ?

— Девять.

— Девять. Значить, девятью-сорокъ — триста-шестьдесятъ, такъ?

— Я слышалъ, что платять по пятидесяти... — замѣтилъ Калиновичъ.

— Нѣтъ-съ, — отвѣчалъ редакторъ утвердительно.

нымъ тономъ и тотчасъ же, отсчитавъ 360 рублей, отдалъ ихъ Калиновичу.

— Я еще привезъ разсказъ, — проговорилъ было тотъ.

— Да, да, пожалуйста, доставьте; мы тамъ увидимъ... посмотримъ... — перебилъ торопливо хозяинъ, замѣтно спѣша къ Бѣлавину.

Калиновичъ раскланялся и ушелъ.

«Каковъ скотина! даже не знаетъ, что я написалъ!» думалъ онъ, сходя съ лѣстницы и кусая губы. Двери между тѣмъ опять за нимъ открылись, и его догонялъ Дубовскій.

— Я тоже ухожу, — проговорилъ онъ.

Калиновичъ сначала не хотѣлъ было отвѣчать ему, но потомъ подумалъ: «этотъ господинъ шатается по литераторамъ: разспрошу его, какъ и что тамъ у нихъ происходитъ».

— Не хотите-ли со мной отобѣдать гдѣ-нибудь тутъ? — проговорилъ онъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Дубовскій.

— Гдѣ-жь тутъ? Отведите меня; я не знаю.

— Къ Доминику, — произнесъ тотъ.

— Ну, хоть къ Доминику, — согласился Калиновичъ. Придя туда, они сѣли къ окну, въ сторонкѣ, чтобъ не быть очень на виду. Калиновичъ велѣлъ подать два обѣда и бутылку вина. Онъ нѣсколько затруднялся, какимъ бы образомъ и съ чего начать разговоръ; но Дубовскій самъ предупредилъ его.

— Вы, кажется, получили съ Павла Николаича деньги? — сказалъ онъ, таинственно наклоняясь къ Калиновичу.

— Да, получилъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Много?

— Восемьсотъ рублей, — нарочно солгалъ Калиновичъ.

Дубовскаго подало назадъ. Сладкаго и заискивающего выраженія въ лицѣ его какъ-будто и не бывало.

— Это приятно! — проговорилъ онъ, покачивая головой и какъ-то скверно улыбаясь.

— Да, ничего, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Это съ нимъ не всегда случается, — продолжалъ Дубовскій, доѣдая супъ и попрежнему покачивая головой.

— Будто? — спросилъ Калиновичъ самымъ простодушнѣйшимъ тономъ.

Дубовскій опять скверно улыбнулся.

— Не знаю, по-крайней-мѣрѣ, я на самомъ себѣ имѣю этотъ опытъ, — отвѣчалъ онъ.

Калиновичъ выразилъ на лицѣ своемъ какъ-бы участіе и вниманіе.

— Я написалъ въ родѣ историческаго изслѣдованія или монографіи: *Ермакъ*... — началъ Дубовскій.

— Да, — подтвердилъ Калиновичъ.

— Трудъ, на который я, — продолжалъ молодой авторъ, пожимая плечами, — посвятилъ три года. Всѣ документы, акты, договоры, — всѣ были мною собраны и всѣ прочтены. Я ничего себѣ не позволилъ пропустить, и, конечно, всего этого вышло, быть можетъ, листовъ на восемь печатныхъ.

— Да, — повторилъ Калиновичъ. Но — выпейте, однако, вина, — прибавилъ онъ, наливая стаканы.

— Мерси! — отвѣчалъ Дубовскій, торопливо выпивая вино и, видимо тронутый за чувствительную струну, снова продолжалъ:

— Я былъ, однако, такъ еще остороженъ, что не позволилъ себѣ прямо отнестись въ редакцію, а вотъ именно, самого Павла Николаича встрѣтивъ въ одномъ домѣ, спрашиваю, что могу-ли надѣяться быть напечатанъ у нихъ. Онъ говорилъ: — «очень хорошо, очень радъ». Имѣлъ-ли я послѣ того право быть почти увѣренъ?

— Конечно, — подтвердилъ Калиновичъ. Дубовскій начиналъ ужь его не на шутку забавлять.

— Я доставляю, — продолжалъ тотъ: — проходить мѣсяць... другой, третій... Я, конечно, беспокоюсь о судьбѣ моего произведенія... ѣзжу... спрашиваю... Мнѣ сначала ничего не отвѣчали, потомъ стали сухо принимать, такъ что я вынужденъ былъ написать письмо, въ которомъ просилъ рѣшительнаго отвѣта. Мнѣ на это отвѣчаютъ, что «Ермакъ» мой можетъ быть напечатанъ, но только съ значительными сокращеніями и пропусками.

— Съ пропусками? скажите! — воскликнулъ Калиновичъ серьезнѣйшимъ тономъ.

— Да, — отвѣчалъ его собесѣдникъ многозначительно. — Я ѣду, по-крайней-мѣрѣ, узнать, какого рода эти пропуски... Показываютъ: — наполовину перечеркано! Какимъ умомъ, какимъ ученымъ — неизвѣстно!

Проговоря это, Дубовскій остановился на нѣсколько минутъ.

— Я ужь не говорю, — продолжалъ онъ, — сколько обиженъ я былъ тутъ, какъ авторъ; но, главное,

какъ человѣкъ небогатый, и все-таки былъ такъ глупъ, или простъ, или деликатенъ, — не знаю, какъ хотите назовите, но только и на это согласился.

— Скажите, пожалуйста! — повторилъ Калиновичъ, сохраняя въ лицѣ, попрежнему, серьезное вниманіе: — что-жъ потомъ было?

— Потомъ-съ, — продолжалъ Дубовскій, у котораго озлобленное выраженіе лица перемѣнилось на грустное: — потомъ напечатали... Буду я получать деньги, и вдругъ меня рассчитываютъ по тридцати пяти рублей, тогда какъ я знаю, что всѣмъ платятъ по пятидесяти. Я, конечно, позволилъ себѣ спросить: на какомъ правѣ дѣлается это различіе? Мнѣ на это спокойно отвѣчаютъ, что не могутъ болѣе назначить, и сейчасъ же уѣзжаютъ изъ дома. Благороденъ этотъ поступокъ или нѣтъ? — заключилъ онъ, взглянувъ вопросительно на Калиновича.

Тотъ только покачалъ головой.

— Вамъ бы что-нибудь предпринять надобно было, пожаловаться кому-нибудь... хоть генераль-губернатору, что-ли?

— Я и предпринималъ, — возразилъ Дубовскій, — и ѣзжу вотъ теперь третій мѣсяць, чтобъ, по крайней-мѣрѣ, объясниться рѣшительно; но, къ несчастью, меня или не принимаютъ, или ставятъ въ такое положеніе, что я ни о чемъ заговорить не могу.

— Чтожъ ѣздить? Пожаловаться надобно генераль-губернатору, непременно... — повторилъ Калиновичъ, которому ужасно захотѣлось, чтобъ вышелъ подобный скандалъ.

— Я на это неспособенъ; а что, конечно, считаю себя въ правѣ говорить объ этомъ всему Петербургу, — отвѣчалъ Дубовскій и, такъ какъ обѣдъ въ это время кончился, онъ всталъ и, поматывая головой, началъ ходить по комнатѣ.

Калиновичъ, въ свою очередь, перешелъ и прилежъ на диванѣ. Ему ужъ начиналъ надобдаться его собесѣдникъ.

— Куда-жь онъ деньги дѣваетъ, когда въ такихъ пустякахъ считается?—спросилъ онъ больше къ слову.

Дубовскій грустно улыбнулся.

— Мѣсть много для денегъ, особенно имѣвши такую страсть къ женщинамъ.

— Къ женщинамъ? — спросилъ Калиновичъ съ любопытствомъ.

— Да, — отвѣчалъ съ прежнею грустною улыбкою Дубовскій.—Теперь главная его султанша французенка, за которую онъ однихъ долговъ заплатилъ въ Парижѣ двадцать пять тысячъ франковъ, и еслибъ вотъ мы пришли немного пораньше сюда, такъ, навѣрное, увидали бы, какъ она проватила по Невскому на вороной парѣ въ фаэтонѣ съ медвѣжьей полостью...

Стоить это чего-нибудь или нѣтъ?

— О, счастливецъ! — воскликнулъ Калиновичъ.

— Да-съ, онъ счастливецъ; но каково другимъ? Отъ этого гибнетъ, можетъ быть, русская литература, или потомъ... Танцовщицу Карышеву знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Тоже на его иждивеніи, и представьте себѣ: женщина маленькаго роста, съ толстыми икрами.

— Это хорошо, когда съ толстыми икрами, — перебилъ Калиновичъ.

Дубовскій сдѣлалъ презрительную мину.

— Не знаю, что тутъ хорошо, тѣмъ больше, что съ утра до ночи ѣсть, говорятъ, конфеты... Или теперь... Это чортъ знаетъ, что такое! — воскликнулъ онъ:—извѣстная наша сочинительница, Касиновская, цѣлую зиму прошлаго года жила у него въ домѣ, и онъ за превосходныя ея произведенія платилъ ей по триста рублей серебромъ: — стоитъ она этого, хотя бы сравнительно съ моимъ трудомъ, за который заплачено по тридцати пяти?

— Если она только хорошенькая, такъ отчего-жь не стоитъ? — замѣтилъ Калиновичъ.

— Да, если такъ смотрѣть, то конечно! — возразилъ Дубовскій нѣсколько обиженнымъ голосомъ и снова, покачивая головой, сталъ ходить по комнатѣ.

— Кто-жь у него журналомъ заправляетъ, если онъ все съ женщинами возится? — спросилъ Калиновичъ.

— Тамъ у него какой-то Зыковъ, господинъ высокоумный, — отвѣчалъ съ усмѣшкою Дубовскій.

— Какой Зыковъ? Не изъ московскаго-ли онъ университета?—почти воскликнулъ Калиновичъ.

— Московскаго университета.

— Боже мой! — продолжалъ Калиновичъ: — это старый мой другъ и товарищъ и отличнѣйшій человекъ.

Дубовскій сейчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Очень хорошій, говорятъ, — подтвердилъ онъ: —я, конечно, тогда его не зналъ; но еслибъ обратился прямо къ нему съ моимъ произведеніемъ, такъ, можетъ быть, другая постигла бы его участь.

— Зн аяпть, отъ него все зависитъ?

— Рѣшительно все отъ него.

— Гдѣ-жь его адресъ? скажите, пожалуйста.

Дубовскій сказалъ.

Калиновичъ сейчасъ же записалъ, и такъ какъ выпросилъ все, что было ему нужно, и не желая продолжать долѣе бесѣду съ новымъ своимъ знакомымъ, принялся сначала зѣвать, а потомъ дремать. Замѣтивъ это, Дубовскій взялся за шляпу и снова, съ ласковой, заискивающей улыбкой, проговорилъ:

— Надѣюсь, что позволите быть знакому?

— Очень радъ, — отвѣчалъ Калиновичъ, не при-
едавая и только протягивая руку.

Черезъ нѣсколько минутъ Дубовскій, съ важностью приподнявши воротникъ у бекеша и съ глубокомысленно-ученымъ выраженіемъ въ лицѣ, шелъ ужъ по Невскому.

«Этакой дуракъ!..» думалъ Калиновичъ, наблюдая его въ окно, и отъ нечего дѣлать допилъ бутылку вина. Кровь немного взволновалась: счастливый редакторъ съ его французенкой, тацовщицей и съ писательницей началъ рисоваться въ его воображеніи въ различнаго рода соблазнительныхъ картинахъ.

«Э, чортъ возми! — поѣду и я къ Амальхенъ. Надобно-же какъ-нибудь убивать время, а то съ ума сойдешь», подумалъ онъ и, взявъ пзвошика, велѣлъ себя везти въ Гороховую.

Дворникъ въ домѣ Багова на вопросъ: «здѣсь-ли живетъ Амальхенъ?» — отвѣчалъ съ полуулыбкой: «здѣсь, сударь! пожалуйста! — въ первомъ этажѣ, дверь

направо, безъ надписи». Калиновичъ позвонилъ. Дверь ему отворила лѣтъ 35-ти женщина, съ строгими чертами лица.

— Доложи, что пріѣхалъ господинъ, который ѣхалъ съ мамзель Амальхенъ по желѣзной дорогѣ, — поспѣшно проговорилъ Калиновичъ.

Женщина, какъ видно, привыкшая къ посѣщенію незнакомыхъ лицъ, молча повернулась и ушла.

Возвратившись чрезъ минуту, она произнесла сердитымъ голосомъ:

— Давайте пальто! снимайте!

Калиновичъ подалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ за нужное сунуть ей въ руку рубль серебромъ. Лицо привратницы въ минуту умилилось.

— Подите туда, барышня сейчасъ выйдетъ, — произнесла она, вѣшая пальто и совсѣмъ ужъ ласковымъ тономъ.

Калиновичъ вошелъ. Единственная стеариновая свѣчка, горѣвшая передъ зеркаломъ, слабо освѣщала комнату. Гардины на окнахъ были спущены, и, кромѣ того, на нихъ стояли небольшія ширмочки, которыя рѣшительно не давали никакой возможности видѣть съ улицы то, что происходило внутри. Надъ маленькимъ роялино висѣла гравюра совершенно гологрудой женщины. Мебель была мягкая. Бархатомъ обитый диванъ, казалось Калиновичу, такъ и манилъ присѣсть на него съ хорошенькой женщиной.

Вошла Амальхенъ. Она была въ небрежно-надѣтомъ капотѣ. Руки ея были совсѣмъ обнажены и, точно изъ слоновой кости выточенные, блистали бѣлизною и представляли прелестнѣйшія формы. Липо было какъ-то еще идеальнѣе.

— Здравствуйте, — проговорилъ Калиновичъ, подходя къ ней и беря ее за руку.

— Да!.. Здравствуйте! — отвѣчала Амальхенъ и опустилась именно на соблазнительный диванъ.

Калиновичъ сѣлъ около нея.

— Вотъ и я пріѣхалъ къ вамъ, — началъ онъ.

— Да, вижу, пріѣхалъ... — произнесла она, кидая лукавый взглядъ; потомъ, помолчавъ немного, начала напѣвать довольно пріятнымъ голосомъ:

Galopaden tanz ich gern
Mit den jungen hübschen Herr'n.

— Что такое? — спросилъ Калиновичъ.

— Mit den jungen hübschen Herr'n! — повторила Амальхенъ и затѣмъ вдругъ крикнула:—Маша!

Въ дверяхъ показалась сердитая женщина.

— Звощикъ здѣсь?.. тутъ? — спросила Амальхенъ.

— Здѣсь, барышня, дожидается, — отвѣчала та.

— Зачѣмъ вамъ извощикъ? — спросилъ Калиновичъ.

— Такъ, я хочу кататься, — отвѣчала жеманно Амальхенъ, и опять запѣла:

Mit den braven Officier'n,
Ganz besond'rs mit Kirassier'n.

— А мнѣ можно съ вами? — спросилъ Калиновичъ.

— Да.

— Ну такъ ступайте, одѣвайтесь!

— Да, — подхватила Амальхенъ, и запѣвъ:

Galopaden tan zich gern
Mit den jungen hübschen Herr'n

ушла въ свою спаленку. Черезъ минуту она возвратилась въ дорогомъ салопѣ и въ шляпѣ съ черной блондовой вуалью.

У подъѣзда ихъ ожидалъ фаэтонъ парой.

— Куда-жь мы поѣдемъ? — спросилъ Калиновичъ.

— А, да, далеко поѣдемъ; я хочу... — отвѣчала Амальхенъ.

— Поѣзжай куда-нибудь подальше, — приказалъ Калиновичъ извозчику.

Тотъ сначала вывезъ ихъ на Адмиралтейскую площадь, проѣхалъ потомъ мимо Лѣтняго сада, черезъ Цѣпной мостъ и выѣхалъ, наконецъ, въ Кирочную.

— Куда-жь еще? — спросилъ онъ.

— Домой, я думаю, — сказалъ Калиновичъ.

— А, *da! il fait froid*, — отвѣчала Амальхенъ.

— Домой! — крикнулъ Калиновичъ.

У подъѣзда квартиры, Амальхенъ первая выскочила изъ фаэтона.

— Что-жь, барышня, когда же деньги-то? — спросилъ извозчикъ обертываясь.

— Деньги завтра, — отвѣчала Амальхенъ, стоя уже въ дверяхъ и опять напѣвая:

Galopaden tanz ich gern...

— Какъ же завтра? Помилуйте, хозяинъ съ насъ спрашиваетъ, — вопіялъ извозчикъ.

— А завтра! — повторила Амальхенъ.

— Сколько тебѣ? — спросилъ Калиновичъ.

— Двадцать пять рубликовъ, ваше благородіе, сдѣлайте божескую милость. Что-жь такое? Насъ вѣдь самихъ считаютъ.

— Какіе же двадцать пять рубликовъ? Проѣхалъ три переулка...—возразилъ Калиновичъ.

— Какіе три переулка! Пятая сутки здѣсь дежуришь. Хозяинъ вѣдь не терпитъ. Помилуйте, какъ же это возможно!

— Что-жь, отдать ему? — спросилъ Калиновичъ.

— А, да, — разрѣшила Амальхенъ и убѣжала. Калиновичъ отдалъ извозчику.

— «Чортъ знаетъ, что я такое дѣлаю!» — подумалъ онъ и вошелъ за хозяйкой.

Черезъ нѣсколько минутъ, они снова усѣлись на диванъ. Калиновичъ не могъ оторвать глазъ отъ Амальхенъ — такъ казалась она мила ему въ своей нѣсколько задумчивой позѣ.

— Маша, чай! — крикнула Амальхенъ.

Та подала красивый чайный приборъ съ серебрянымъ чайникомъ и графинчикомъ коньяку.

Чашку Калиновича Амальхенъ долила, по-крайней-мѣрѣ, наполовину коньякомъ.

— Я не пью, — проговорилъ было тотъ.

— О, нѣтъ, пей,—сказала она.

— Въ такомъ случаѣ, пей и ты, — подхватилъ Калиновичъ и, наливъ ей тоже полчашки, выпилъ свою порцію залпомъ.

— Послушай, — началъ онъ, беря Амальхенъ за руку: — полюби меня!

— О, нѣтъ!

— Отчего-жь нѣтъ?

— Такъ... — отвѣчала она и зашла:

Galopaden tanz ich gern.

— Замолчи ты съ своимъ Galopaden!... Отчего-жь

нѣтъ? — воскликнулъ Калиновичъ, ероша свои волосы.

— Такъ: у меня есть старикъ... онъ не хочетъ этого.

— Ну, къ чорту старика! — проговорилъ Калиновичъ и обнялъ ее.

— О, нѣтъ; онъ мнѣ денегъ даетъ, — отвѣчала Амальхень.

— У меня денегъ больше! Я тебѣ больше дамъ! Сколько хочешь? Возьми еще двадцать-пять?

— Да... нѣтъ... этого нельзя.

— Отчего-же нельзя? Сколько-же тебѣ?

— Мнѣ много надо.

— Сколько-же? — повторилъ Калиновичъ. — Хочешь пятьдесятъ?

— Фи, нѣтъ! — возразила Амальхень.

— Пятьдесятъ, — повторилъ Калиновичъ и, какъ бы шутя, загасилъ свѣчку.

— Шалунъ! — сказала Амальхень.

III.

Проводить время съ Амальхинами было вовсе для моего героя необычнымъ дѣломъ въ жизни: на другой день, онъ пробрался съ Гороховой улицы въ свой номеръ какимъ-то опозореннымъ и разстроеннымъ... Возвратившись домой, онъ тотчасъ же раздѣлся и бросился на постель.

«Боже! до какого разврата я дожилъ! Настенька, другъ мой! простишь ли ты меня?» — восклицалъ онъ мысленно, хотя мы знаемъ, какъ постоянно ста-

рался онъ увѣрить себя, что эта женщина для него не имѣетъ никакого значенія. Часамъ къ пяти, наконецъ, нервы его поуспокоились. Калиновичъ невольно заглянулъ въ свой бумажникъ и усмѣхнулся: тамъ недоставало ровно двухсотъ цѣлковыхъ. «И это въ одинъ день!» подумалъ онъ и съ ужасомъ вспомнилъ, что въ восемь часовъ къ нему обѣщала прѣхать Амальхенъ. Чтобъ спасти себя отъ этого свиданія, онъ рѣшился уйти на цѣлый вечеръ къ Зыкову, который былъ, дѣйствительно, его товарищъ по гимназiи и по университету и единственный другъ его юности. Во время студенчества они жили на одной квартирѣ, и если этотъ человекъ, въ самомъ дѣлѣ, полный распорядитель при журналѣ, то все для него сдѣлается.

Зыковъ жилъ на дворѣ въ четвертомъ этажѣ; на дверяхъ его квартиры, вмѣсто мѣдной дощечки, былъ просто приклеенъ лоскутокъ бумаги съ написанной на немъ фамиліей; но еще болѣе удивился Калиновичъ, когда, на звонокъ его, дверь отворила молодая дама, въ холстинковомъ платьѣ, шерстяномъ платкѣ и съ какой-то необыкновенно-милой и доброй наружностью. Догадываясь, что это, должно быть, жена хозяина, онъ вѣжливо спросилъ:

— У себя господинъ Зыковъ?

— У себя; но онъ боленъ, — отвѣчала дама.

— Меня онъ, можетъ быть, приметъ; я Калиновичъ, — назвалъ онъ себя.

— Ахъ, да, вѣроятно! — подхватила дама.

Калиновичъ вошелъ вслѣдъ за ней; и въ маленькой заляцѣ увидѣлъ красивенькаго годоваго мальчугана, который, на своихъ бривыхъ ножонкахъ и

съ заткнутымъ хвостомъ, стоялъ одинъ-одинешенекъ. Увидя, что мать прошла мимо, онъ заревѣлъ.

— Перестань, Сережа, перестань; сейчасъ возьму, — говорила та, грозя ему пальцемъ и уходя въ дверь направо.

«Неужели у нихъ даже няньки нѣтъ?» подумалъ Калиновичъ.

Дама назвала его фамилію.

— Будто?... Не можетъ быть! — послышался задыхавшійся отъ радости голосъ Зыкова.

Калиновичъ не утерпѣлъ и вошелъ, но несвѣдно повягился назадъ. Небольшая комната была завалена книгами, тетрадями и корректурами; воздухъ былъ удушливъ и пропитанъ лекарствами. Зыковъ, въ поношенномъ халатѣ, лежалъ на истертомъ и полниномъ диванѣ. вмѣсто полного силъ и здоровья юноши, какимъ когда-то зналъ его Калиновичъ въ университетѣ, онъ увидѣлъ передъ собою скорѣе скелетъ, чѣмъ живаго человѣка.

— Яша, здравствуй! — говорилъ онъ, привставая и обнимая гостя.

Калиновичъ почувствовалъ, что глаза Зыкова наполнились слезами. Онъ самъ его крѣпко обнялъ.

— Ну, садись, Яша, садись, — говорилъ тотъ, опускаясь на диванъ и усаживая его.

— Что, ты боленъ? — спросилъ Калиновичъ.

— Да, немножко, — отвѣчалъ Зыковъ: — впрочемъ, я радъ, что хоть передъ смертью еще съ тобой увидѣлся.

— Почему-жь передъ смертью? — проговорила дама, возвратившись съ дитятей на рукахъ и са-

дьясь въ нѣкоторомъ отдаленіи. Всѣ мускулы лица ея при этихъ словахъ какъ-то повернуло.

— Ну, когда хочешь, такъ и не передъ смертью, — сказалъ съ грустной улыбкой Зыковъ. — Это жена моя, а ей говорить о тебѣ нечего: знаетъ ужь, — прибавилъ онъ.

— Да, я знаю, — сказала та, ласково посмотрѣвъ на Калиновича.

— Гдѣ же, однако, ты былъ, жилъ, что дѣлалъ? Рассказывай все! Видишь, мнѣ говорить трудно! — продолжалъ больной.

— Ты и не говори, я тебѣ все расскажу, — подхватилъ Калиновичъ и началъ: — Когда мы кончили курсъ — ты помнишь — я имѣлъ урокъ, ну, и рѣшился выждать. Тутъ стали открываться мѣста учителей въ Москвѣ и, наконецъ, каѳедры въ Демядовскомъ. Я ожидалъ, что должны же меня вспомнить, и ни къ кому, конечно, не шелъ и не просилъ...

Зыковъ одобрительно кивнулъ ему головой.

— Однако не вспомнили, — продолжалъ Калиновичъ: — и даже, когда одинъ господинъ намекнулъ обо мнѣ, такъ ему прямо сказали, что меня совершенно не знаютъ.

Зыковъ горько улыбнулся и покачалъ головой. Мальчуганъ, между тѣмъ, ухвативъ ручонками линейку, что есть силы началъ стучать ею по столу.

«Пострѣленокъ!» — подумалъ Калиновичъ съ досадою.

— Ну, рассказывай, — повторилъ ему больной.

— Что рассказывать? — продолжалъ онъ: — исторія обыкновенная: урокъ кончился: надобно было поду-

мать что ѣсть, и я пошелъ наконецъ, объявилъ, что желалъ бы служить. Меня, конечно, съ полгода проводили, а потомъ сказали, что если я желаю, такъ мнѣ съ удовольствіемъ дадутъ мѣсто училищнаго смотрителя въ Эн-скѣ; я и взялъ.

Зыковъ съ досадою ударилъ по дивану своей костлявой рукой.

— А! Даша, какъ это тебѣ нравится? — обратился онъ къ женѣ.

— Перестань, Сережа! — сказала та своему шалуну, подставляя ему свою руку, чтобъ онъ колотилъ по ней линейкой вмѣсто стола, а потомъ отвѣчала мужу:

— Что-жь! если самъ Яковъ Васильичъ нигуда не ходилъ и никого не просилъ!

Больной еще болѣе разсердился.

— Не ходилъ!.. не просилъ!.. — воскликнулъ онъ закашливаясь: — вмѣсто того, чтобы похвалить за это челобѣтка, она его же за это обвиняетъ. Что-жь это такое?

— Да я не обвиняю, за что-жь ты сердишься? — подхватила съ кроткой улыбкой молодая женщина.

— Нѣтъ, ты обвиняешь!.. Сами выходятъ замужъ Богъ знаетъ съ какимъ сумасшествіемъ... на нужду... на голодъ... перессориваются съ родными, а мужчину укоряютъ, отчего онъ не подлець, не изгибается, не кланяется...

Проговоря это, больной чуть не задохся, закашлявшись.

— Ну, перестань, не волнуйся; на, выпей травы, — сказала молодая женщина, подавая ему стаканъ съ какимъ-то настоемъ.

Зыковъ началъ жадно глотать, между тѣмъ какъ сынишка тянулся къ нему и старался своими ручонками достать до его все еще курчавыхъ волосъ.

— Ну, что-жь ты тамъ дѣлалъ? — спросилъ онъ, опять опускаясь на диванъ.

— Дѣлалъ то, что чуть не задохся отъ хандры и отъ бездѣйствія, — отвѣчалъ Калиновичъ: — и вотъ спасибо вамъ, что напечатали мой романъ и дали мнѣ возможность хоть немножко взглянуть на Божій свѣтъ.

При этихъ словахъ, на лицѣ Зыкова отразилось какое-то грустное чувство.

— Ты тутъ черезъ генерала прислалъ къ намъ, — провзнесъ онъ съ усмѣшкою.

— Да, — это знакомый моего знакомаго, — отвѣчалъ Калиновичъ, нѣсколько озадаченный этимъ замѣчаніемъ.

— Дринь же, братъ, у твоего знакомаго знакомые! — началъ Зыковъ: — это семинарская выжига, дѣйствительный статскій совѣтникъ... съ звѣздой... въ парикъ и выдаетъ себя за любителя и покровителя русской литературы. Твою повѣсть прислалъ онъ при бланкѣ, этимъ, знаешь, отвратительно красивѣйшимъ кантонистскимъ почеркомъ написанной: «что-де, его превосходительство, Федоръ Федорычъ, свидѣтельствуеть свое почтеніе Павлу Николаичу и предлагаетъ напечатать сію повѣсть, имъ прочтенную и одобренную...» скотина бакая!

Калиновичъ нѣсколько сконфузился.

— Я, конечно, не зналъ, что ты тутъ участникъ и распорядитель, — началъ онъ съ принужденною улыбкою: — и, разумеется, ни къ кому бы не

отнесся, кромѣ тебя; теперь вотъ тоже привезь одну вещь и буду тебя просить прочесть ее, посоветовать тамъ, гдѣ что нужнымъ найдешь перемѣнить, а потомъ и напечатать.

Последнія слова были сказаны какъ-бы вскользь, но тонъ просьбы, однако, чувствительно слышался въ нихъ. Лицо больного приняло еще болѣе грустное и нѣсколько раздосадованное выраженіе.

— Что тебѣ за охота пришла повѣсти писать, скажи на-милость? — вдругъ проговорилъ онъ.

Калиновичъ окончательно-было растерялся.

— Призваніе на то было! — отвѣчалъ онъ, краснѣя и съ принужденною улыбкою, но потомъ, тотчасъ же поправившись, прибавилъ: — мнѣ, впрочемъ, нѣсколько странно слышать отъ тебя подобный вопросъ?

— Отчего же? — спросилъ Зыковъ.

Калиновичъ пожалъ плечами.

— Тебѣ собственно моя повѣсть могла не понравиться, но чтобъ вообще спрашивать такимъ тономъ... — проговорилъ онъ.

— Твоя повѣсть — очень умная вещь. И, Боже мой! развѣ ты можешь написать что-нибудь глупое? — воскликнулъ Зыковъ. — Но, послушай, — продолжалъ онъ, бери Калиновича за руку: — всѣ эти главные лица твои — что-жь это такое?.. У насъ и въ жизни простолюдиновъ, и въ жизни средняго сословія драма ключечетъ... ключемъ бьетъ подъ всѣмъ этимъ... страсти нормальны... протестъ правильный, законный; кто задыхается въ бѣдности, кого невинно и постоянно оскорбляютъ... кто между подлецами и мерзавцами чиновниками самъ дѣлается мерзавцемъ, —

а вы все это обходите и берете какихъ-то велико-свѣтскихъ господъ и рассказываете, какъ они страдаютъ отъ странныхъ отношеній. Тѣфу мнѣ на нихъ! Знать я ихъ не хочу! Если они и страдаютъ — такъ съ жиру собаки бѣсятся. И наконецъ: ждете вы въ нихъ! Нѣтъ въ нихъ этого, потому что они неспособны на то ни по уму, ни по развитію, ни по натурѣ, которая давно выродилась: а страдаютъ, можетъ быть, отъ дурнаго пищеваренія, или оттого, что нельзя-ли гдѣ захватить и цапнуть денегъ, или перепихнуть, какимъ бы то ни было путемъ, мужа въ генералы, а вы имъ навязываете тонкія страданія!

На послѣднихъ словахъ, съ Зыковымъ сдѣлался опять сильнѣйшій припадокъ кашля, такъ что все лицо его побагровѣло.

Жена, поблѣднѣвъ, подошла и крѣпко сжала ему голову, чтобъ хоть сколько-нибудь облегчить припадокъ.

— Перестань ты сердиться! Ей-богу, скажу доктору, — произнесла она съ укоризною: — не вѣрьте ему, Яковъ Васильичъ, повѣсть ваша понравилась и ему, и мнѣ, и всѣмъ, — прибавила она Калиновичу, который то блѣднѣлъ, то краснѣлъ и сидѣлъ, кусая губы.

— Очень вамъ благодаренъ! — отвѣчалъ онъ и обратился къ Зыкову.

— Что-жь, ты меня укоряешь только за среду, которую я выбралъ и которую ты почему-то не любишь — за это только?

— Нѣтъ, не за одно это, — отвѣчалъ больной съ упорствомъ: — вопервыхъ, мысль чужая, взята изъ «Жака».

Калиновичъ покраснѣлъ.

— Выразилась она далеко не въ живыхъ лицахъ, далеко!.. — продолжалъ Зыковъ: — а я вотъ, теперь, умирая, сохраняю твердое убѣжденіе, что художникъ даже думаетъ образами. Смотри, у Пушкина въ чисто-лирическихъ его движеніяхъ: *Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный я долю плакалъ предъ тобой — образъ! Мои хладнющія руки тебя старались удержать — еще образъ! Но ты отъ горькаго лобзанья свои уста оторвала* — опять образъ! Или, наконецъ, Богъ съ ней, съ объективностью! давай мнѣ лиризмъ — только настоящій, не дѣланный, а какъ у моего безцѣннаго Тургенева, который, зайдетъ-ли въ лѣсъ, спустится-ли въ оврагъ къ мальчишкамъ, опишетъ-ли тебѣ бретера-офицера, — подъ всѣмъ лежитъ поэтическое чувство. А съ одной, братъ, разсудочной способностью, пожалуй, можно сдѣлаться юристомъ, администраторомъ, ученымъ, но никакъ не поэтомъ и не романистомъ — никакъ!

Калиновичъ ничего ужъ не возражалъ, но хозяйка опять заступилась за него.

— Какъ же ты говоришь такъ рѣшительно? Яковъ Васильичъ написалъ одну вещь — и ты ужъ произносишь свой судъ, а онъ напишетъ еще — и ты станешь думать другое, и это навѣрное будетъ! — сказала она мужу.

Зыковъ всплеснулъ руками.

— Господи Боже мой! — воскликнулъ онъ: — неужели ты думаешь, что еслибъ я не ставилъ его Богъ знаетъ какъ высоко, моего умницу, такъ я бы сталъ говорить? Неужели ты хочешь, чтобъ онъ былъ какимъ-нибудь Дубовскимъ, которому вымараютъ цѣ-

лую часть, а онъ скажетъ очень спокойно, что это ничего, и напишетъ другую... Наконецъ, чортъ стней, съ этой литературой! Она только губить людей. Вотъ оно, чего я достигъ съ ней: пусто тутъ, каверны, и ему чтобъ того же съ ней добиться... — заключилъ Зыковъ, кодотя себя въ грудь и закрывая въ какомъ-то отчаяніи глаза.

Бѣдная жена отвернулась и потихоньку отерла слезы. Калиновичъ сидѣлъ потупившись.

— Вотъ у меня теперь сынншко, и предсмертное мое заклѣтье его матери: пусть онъ будетъ солдатомъ, барабанщикомъ, цѣловальникомъ, квартальнымъ, но не писателемъ, не писателемъ... — заключилъ больной сиповатымъ голосомъ.

Калиновичъ и хозяйка молча переглянулись между собой.

— Вы все въ провинціи жили? — спросила та.

— Да, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— И не женились тамъ?

— Нѣтъ.

— Тамъ, я думаю, много хорошенькихъ, — прибавила съ улыбкою молодая дама.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Калиновичъ, слегка вздохнувъ, и бесѣда ихъ продолжалась еще нѣкоторое время въ томъ же нѣсколько натянутомъ тонѣ. Зыковъ, наконецъ, открылъ глаза. Калиновичъ воспользовался этимъ и, будто взглянувъ нечаянно на часы, проворно всталъ.

— Прощай, однако, — проговорилъ онъ.

Большой обратилъ на него тоскливый взглядъ.

— Куда же ты? посиди, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нужно: въ театръ хочу зайти, не бывалъ еще, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Зыковъ привсталъ.

— Ну, прощай, воли такъ; Богъ съ тобой!.. Поцѣлуй, однако, меня, — сказалъ онъ, сѣясь своей слабой и холодной рукой сжать покрѣпче руку Калиновича. Тотъ поцѣловалъ его.

— Во всякомъ случаѣ, любезный другъ, — началъ онъ: — хоть ты и не признаешь во мнѣ дарованія, но такъ какъ у меня написана ужь повѣсть, то я не желалъ бы совершенно потерять мой трудъ и просилъ бы тебя напечатать ее, и вообще пристроить меня на какую-нибудь постоянную при журналь работу, въ чемъ я крайне нуждаюсь по моимъ обстоятельствамъ.

— Хорошо, хорошо... устроимъ; только повѣстей ужь больше не пиши, — отвѣчалъ съ улыбкою Зыковъ.

— Не буду, не буду, — отвѣчалъ, въ свою очередь, Калиновичъ тоже съ улыбкою.

Хозяйка пошла его проводить и, поставивъ опять сынишку къ стулу, вышла за нимъ въ переднюю.

— Пожалуйста, не сердитесь на него: видите, въ какомъ онъ раздраженномъ состояннн и какъ ужасно боленъ! — сказала она.

— Что это, полноте! — подхватилъ Калиновичъ: — но что такое съ нимъ и давно-ли это?

— Рѣшительно отъ этихъ проклятыхъ занятій и корректуръ: день и ночь работалъ, — отвѣчала Зыкова, и по щекамъ ея текли слезы уже обильнымъ ручьемъ.

— Видно, и въ самомъ дѣлѣ лучше отказаться отъ литературы, — проговорилъ, покачавъ головой, Калиновичъ.

— Гораздо лучше! — подхватила Зыкова и сама заперла за нимъ дверь.

Герой мой долженъ былъ употребить надъ собою страшное усиліе, чтобы выдержать предыдущую сцену. Силу его душевной горечи можетъ понять только тотъ, кто знаетъ, что такое авторское самолюбіе и, какъ-бы камень съ неба, улавшее на васъ разочарованіе: шесть лѣтъ питаемой надежды, единственно-путеводной звѣзды для устройства карьеры какъ не бывало! Получивъ когда-то въ уѣздномъ городкѣ обратно свою повѣсть, онъ имѣлъ тысячу правъ отнести это къ несправедливости, къ невѣжеству редакціи; но теперь было не то: Калиновичъ слишкомъ хорошо зналъ Зыкова и никакъ ужъ не могъ утѣшить себя предположеніемъ, что тотъ говоритъ это по зависти или по непониманію. Кромѣ того, какъ человѣкъ умный, онъ хоть смутно, но понималъ свои творческія средства. Устами пріятеля какъ-бы говорило ему его собственное сознаніе. Онъ очень хорошо зналъ, что въ немъ нѣтъ художника, нѣтъ того Божьяго огня, который заставляетъ работать незвѣстно зачѣмъ и для чего, а потому только, что въ этомъ трудѣ все счастье и блаженство. Онъ взялся за литературу, какъ за видное и выгодное занятіе. Онъ думалъ обмануть публику, но вотъ одинъ изъ передовыхъ ея людей понялъ это, а, можетъ быть, понимаютъ также и сотни еще другихъ, а за ними пойметъ, наконецъ, толпа! и, Боже, сколько проклятій произнесъ герой мой самому себѣ за свои глуп-

пья, студентскія надежды, проклятій этой литературѣ съ ея редакторами, Дубовскими и Зыковыми. «Служить надобно!» рѣшилъ онъ мысленно и прошелъ въ театръ, чтобъ не быть только дома, гдѣ угрожала ему Амальхень. У кассы, сверхъ всякаго ожиданія, ему встрѣтился Бѣлавинъ. Калиновичъ нѣкоторое время недоумѣвалъ, поклониться съ нимъ или нѣтъ, однако тотъ, самъ замѣтивъ его, очень привѣтливо протянулъ ему руку и проговорилъ:

— Здравствуйте, Калиновичъ. Вы тоже въ театръ?

— Да,— отвѣчалъ онъ.

Взявъ два билета рядомъ, они вошли въ залу. Ближайшимъ ихъ сосѣдомъ оказался молоденькій студентъ съ славными, густыми волосами, закинутыми назадъ и, вообще, очень красивый собой, но съ такимъ глубокомысленнымъ и мрачнымъ выраженіемъ на все смотрѣвшей, что невольно заставлялъ себя замѣтить.

Калиновичъ тоже былъ въ такой степени блѣденъ и разстроенъ, что Бѣлавинъ спросилъ его:

— Что съ вами? Здоровы-ли вы?

— Не очень... пришелъ сюда ужь разсѣяться... Сегодня, кажется, драма?— отвѣчалъ онъ, чтобъ сказать что-нибудь.

— «Отелло»,— подхватилъ Бѣлавинъ.— Не знаю, какъ въ этотъ разъ, а иногда прелесть, что бываетъ! Главное, меня публика восхищаетъ — до наивности мила: чѣмъ восхищается и что ее трогаетъ...

— Да, — произнесъ односложно Калиновичъ, рѣшительно бывший подъ влияніемъ какого-то столбняка.

— Удивительно!— подтвердилъ Бѣлавинъ.

Студентъ, слушавшій ихъ внимательно, при этихъ словахъ какъ-то еще мрачійъ взглянулъ на нихъ. Занавѣсъ, между тѣмъ, поднялся, и кто не помнитъ, какъ выходилъ обыкновенно Каратыгинъ на сцену? Въ «Отелло», въ совѣтъ сенаторовъ онъ влетѣлъ ужь дѣйствительно чернымъ ворономъ, способнымъ завлечь не только одну голубку, но, я думаю, цѣлое стадо гусей. Въ райкѣ и креслахъ захлопали.

— Что-жь это такое?— произнесъ тихо Бѣлавинъ, потупляя глаза.

Калиновичъ, ничего почти не видѣвшій, что происходило на сценѣ, — отвѣчалъ ему, изъ приличія, улыбкой. Студентъ опять на нихъ посмотрѣлъ.

— Не хорошо-съ, не хорошо!— повторилъ Бѣлавинъ.

— Отчего-жь не хорошо?— отнесся вдругъ къ нему студентъ, съ разгорѣвшимися глазами.

— Оттого не хорошо, что не почеловѣчески говоритъ, не почеловѣчески ходитъ: очень ужь величественно! — отвѣчалъ съ улыбкою, но довольно вѣжливо Бѣлавинъ.

— Это онъ дѣлаетъ какъ полководецъ, который привыкъ водить войска на поле битвы; это, я полагаю, исторически вѣрно, — сказалъ студентъ, пожимая плечами.

— Даже великолѣпное званіе полководца не даетъ ему на то права, — возразилъ Бѣлавинъ. — Величіе въ Отелло могло являться въ извѣстныя минуты, вслѣдствіе извѣстныхъ нравственныхъ настроеній, и онъ ужь никакъ не принадлежалъ къ тѣмъ госпо-

дашь, которые, одинъ разъ навсегда создавъ себѣ великолѣпную позу, ходять въ ней: съ ней объдаютъ, съ ней гуляють, съ ней, я думаю, и спять.

Проговоря это, Бѣлавинъ взглянулъ значительно на Калиновича. Въ продолженіе всего дѣйствія, когда, послѣ сильныхъ криковъ трагика, раздавались аплодисменты, оба они или дѣлали гримасы, или потупляли глаза. Съ концомъ акта занавѣсъ упалъ. Бѣлавинъ, видимо утомленный скукою, всталъ и взялъ себя за голову.

— Двадцать-пять лѣтъ, — началъ онъ, съ досадою и обращаясь къ Калиновичу: — этотъ господинъ держитъ репертуаръ и хоть бы одно задушевное слово сказалъ! Крики, и крики — и больше ничего! Хорошъ, мнѣ рассказывали, способъ созданія у него ролей: беретъ, на примѣръ, какая-нибудь изъ нихъ, и положимъ, что въ ней пятьсотъ двадцать-два различныхъ ощущенія. Всѣ они, отъ іоты до іоты, запоминаются и потомъ, старательно подчеркнутыя извѣстными тѣлодвиженіями, являются на сцену. Сердцѣ я на васъ — я сейчасъ отворачиваюсь, машу на васъ руками. Люблю я васъ — я обращаю къ вамъ глупо-нѣжное лицо, беру ваши руки, прижимаю ихъ къ сердцу. Устрашить хочу васъ, и для этого выворачиваю глаза, хватаю васъ за руки, жму такъ, что кости трещать, — и все это, конечно, безъ всякой послѣдовательности въ развитіи страсти, а такъ, гдѣ вздумается, гдѣ больше восклицательныхъ знаевъ наставлено, и потому можете судить, какой изъ всего этого выходитъ наипрелестнѣйшій сумбуръ.

— Это, впрочемъ, собственно французская школа

— замѣтилъ Калиновичъ, думая съ насмѣшкою надъ самимъ собою: — мнѣ-ли разсуждать объ искусствѣ, когда я самъ бездарнѣйшій человѣкъ.

— Да, — возразилъ ему Бѣлавинъ: — но дѣло въ томъ, что тамъ, какъ и во всякомъ старомъ искусствѣ, есть хорошія преданія: тамъ даже писатели, зная, напримѣръ, что такія-то положенія между лицами хорошо разыгрывались, непременно постараются ихъ втиснуть въ свои драмы. Точно также и актеръ: онъ очень хорошо помнитъ, что такой-то господинъ поражалъ публику тѣмъ-то, такой-то тѣмъ-то, и все это старается, сколько возможно, усвоить себѣ, и такимъ образомъ выходитъ что-то такое сносное, въ чемъ виденъ, по крайней мѣрѣ, умъ, сдержанность, приличіе сценическое. А, вѣдь, ужъ тутъ ничего нѣтъ, ровно ничего, кромѣ рьяности здороваго быка!..

Весь этотъ монологъ Бѣлавина студентъ прослушалъ, глазомъ не мигнувши.

— Мочаловъ въ этомъ отношеніи гораздо выше, — замѣтилъ Калиновичъ, опять чтобъ что-нибудь сказать.

— Помилуйте, какъ же это возможно! — воскликнулъ Бѣлавинъ: — это лицедѣй, балетчикъ, а тотъ человѣкъ... Помилуйте: одно ужъ это осмысленное, прекрасное подвижное лицо, этотъ симпатичный голосъ... помилуйте!

— Говорятъ, напротивъ, Мочаловъ не имѣетъ ни голоса, ни роста, — вмѣшался студентъ.

— Не знаю-съ, какой это нуженъ голосъ и ростъ; можетъ быть, какой-нибудь фельдфебельскій или тамбурмажорскій; но если я вижу передъ собой

человѣка, который въ равносильномъ душевномъ настроеніи съ Гамлетомъ, я смѣло заключаю, что это великій человѣкъ и актеръ! — возразилъ, ужь съ нѣкоторою досадою, Бѣлавинъ и опустился въ кресло.

Занавѣсъ поднялся; къ концу акта онъ снова обратился къ Калиновичу:

— Забудьте, что этотъ господинъ одну только черту выражаетъ въ Отелло, которой, впрочемъ, въ томъ нѣтъ: это кровожадность — а? какъ вамъ покажется? Эта страстная, нервная и нѣжная натура у него выходитъ только мясникомъ; онъ только и помнить, что *крови! крови жажду я!* Это, чортъ знаетъ, что такое!

Проговоря это, Бѣлавинъ всталъ.

— Выйдемте! — сказалъ онъ Калиновичу, потнувъ головою.

Тотъ молча послѣдовалъ за нимъ. Они вошли въ фойе, куда, какъ извѣстно, собирается, по большей части, публика бель-этажа и первыхъ рядовъ креселъ. Здѣсь одно обстоятельство еще болѣе подняло въ глазахъ Калиновича его новаго знакомаго. На первыхъ же шагахъ имъ встрѣтился генералъ.

— Славно играетъ! — отнесся онъ къ Бѣлавину, замѣтно желая знать его мнѣніе.

— Да, воинственнаго много! — отвѣчалъ тотъ съ двусмысленною улыбкою.

— Да, — подтвердилъ генералъ и прошелъ.

Далѣе потомъ ихъ нагналъ строгой наружности сѣдой господинъ, со звѣздой на фракѣ.

— Здравствуйте, Петръ Сергѣичъ, — проговорилъ онъ почти искательнымъ тономъ.

— Здравствуйте, — отвѣчалъ, проходя и весьма фамильярно, Бѣлавинъ.

Одна изъ попавшихся ему на встрѣчу дамъ обратилась къ нему почти съ умоляющимъ голосомъ:

— Когда-жъ вы, cher ami, ко мнѣ прїѣдете?

— Сегодня же, графиня, сегодня же, — отвѣчалъ онъ ей съ улыбкой.

— Пожалуйста, — повторила графиня и ушла.

Не было никакого сомнѣнія, что Бѣлавинъ жилъ въ самомъ высшемъ кругу и имѣлъ тамъ вѣсь.

«Нельзя-ли его какъ-нибудь поинтриговать для службы!» — подумалъ Калиновичъ и, съ какимъ-то чувствомъ отчаянія, прямо приступилъ.

— Я прїѣхалъ сюда заниматься литературой, а приходится, кажется, служить, — проговорилъ онъ.

— Что-жъ такъ? — спросилъ Бѣлавинъ.

Калиновичъ пожалъ плечами.

— Потому что все это, — началъ онъ: — сосредоточилось теперь въ журналахъ и въ рукахъ у редакторовъ, на которыхъ человекъ безъ состоянія врядъ-ли можно положиться, потому что они не только что не очень щедро, но даже, говорятъ, не всегда вѣрно и честно платятъ.

— Говорятъ, что такъ... говорятъ! — подхватилъ Бѣлавинъ и грустно покачалъ головой.

— Если же статья прямо лицомъ къ лицу съ публикой, такъ мы сейчасъ видѣли, какъ много въ ней смысла и пониманія.

— Немного-съ, немного!... — подтвердилъ Бѣлавинъ.

— И наконецъ, — продолжалъ Калиновичъ: — во

миѣ самомъ, какъ писателѣ, вовсе нѣтъ этой обезьянской, актерской способности, чтобъ передразнивать различныхъ господъ и выдавать ихъ за типы. У меня одинъ смыслъ во всемъ, что я могъ бы писать: это — мысль; но ее-то именно проводить, и нельзя!

— Какая тутъ мысль! Безсмысліе намъ надобно!.. — воскликнулъ Бѣлавинъ.

— И выходить, что надобно служить, — заключилъ Калиновичъ съ улыбкою.

Бѣлавинъ сначала взмахнулъ глазами на потолокъ, потомъ опустилъ ихъ.

— Въ государствѣ, гдѣ все служить, конечно, ужъ удобнѣе и пріятнѣе служить... конечно! — произнесъ онъ, и нѣкоторое время продолжалось молчаніе.

— Но для меня и въ этомъ случаѣ затрудненіе, — началъ опять Калиновичъ: — потому что рѣшительно не знаю, какъ приняться за это.

— Что-жь? — возразилъ Бѣлавинъ съ удареніемъ: — это дорога торная: толцуйте, и отверзется всякому!

— Но, все-таки, для начала нужна хоть маленькая протекція, — перебилъ Калиновичъ и остановился, ожидая, что не вызовется-ли въ этомъ случаѣ Бѣлавинъ помочь ему. Но тотъ молчалъ.

— У меня только и есть письмо къ директору, — продолжалъ Калиновичъ, называя фамилію директора: — но что это за человѣкъ?.. — прибавилъ онъ, пожимая плечами.

— Человѣкъ, говорятъ, хорошій, — проговорилъ, наконецъ, Бѣлавинъ съ полуулыбкою, и Богъ знаетъ, что разумѣя подъ этими словами

— Но когда его можно застать, я даже и того не знаю,— спросилъ Калиновичъ.

— Я думаю, поутру, часовъ до двѣнадцати, когда онъ бываетъ еще начальникомъ, а послѣ этого часа онъ обыкновенно дѣлается самъ ничтожнѣйшимъ рабомъ, котораго бранять, и потому поутру лучше,— отвѣчалъ Бѣлавинъ явно ужъ насмѣшливымъ и даже непріязненнымъ тономъ.

Калиновичъ счелъ за лучшее перемѣнить предметъ разговора.

— Вѣроятно, скоро начнутъ,— сказалъ онъ.

— Да, — но я ухожу... Пожалуйста, посѣтите меня. Я живу на Невскомъ, въ домѣ Энгельгарда,— проговорилъ Бѣлавинъ и уѣхалъ.

Калиновичъ сошелъ въ кресла. Тамъ къ нему сейчасъ же обратился съ вопросами студентъ:

— Какъ фамилія вашего знакомаго?

— Бѣлавинъ.

— А ваша?

— Калиновичъ, — отвѣчалъ онъ, ожидая, что тотъ спроситъ его, не авторъ-ли онъ известной повѣсти: *Странныя отношенія*; но студентъ не спросилъ.

«Даже этотъ мальчишка не знаетъ, что я сочинитель», подумалъ Калиновичъ и уѣхалъ изъ театра. Возвратившись домой и улегшись въ постель, онъ, до самаго почти разсвѣта, твердилъ себѣ мысленно: «служить, рѣшительно служить», между тѣмъ какъ приговоръ Зыкова, что въ немъ нѣтъ художника, продолжалъ обливаться страшнымъ, мучительнымъ ядомъ его сердце.

IV.

Несмотря на твердое намѣреніе начать службу, Калиновичъ однако около недѣли медлилъ идти представиться директору. Петербургъ ужь начиналъ ему давать себя окончательно чувствовать, и хотъ онъ не зналъ его еще съ бюрократической стороны, но ужь заранѣе предчувствовалъ недоброе. Робко и нерѣшительно пошелъ онъ, наконецъ, однимъ утромъ и далеко не той смѣлою рукою, какъ у редактора, дернулъ за звонокъ передъ директорской квартирой. Дверь ему отворилъ курьеръ.

— Я имѣю письмо... — скромно проговорилъ Калиновичъ.

— Къ генералу? — спросилъ курьеръ.

— Да, къ генералу, — отвѣчалъ не вдругъ Калиновичъ, еще не знавшій, что въ Петербургѣ и статскихъ особъ четвертаго класса зовутъ генералами.

Курьеръ, указавъ ему на залу, пошелъ самъ на цыпочкахъ въ кабинетъ.

Калиновичъ вошелъ и сталъ осматривать.

Зала была оклеена какими-то удивительно пріятнаго цвѣта обоями; въ углу стоялъ мраморный каминъ съ бронзовыми украшеніями и съ своими обычными принадлежностями, у которыхъ ручки были позолочены. Черезъ тяжелую драпировку виднѣлось, что въ гостиной была поставлена цѣлая роща кактусовъ, банановъ, олеандровъ, и всѣ они затѣйливо обняли стоявшую промежъ нихъ, разнообразнѣйшихъ формъ мебель. У директора была

квартира казенная и на казенный счет мебелируемая.

Кромѣ Калиновича, въ залѣ находились и другія лица; это были: незначительной, но довольно приятной наружности молодой чиновникъ въ вицмундирѣ, застегнутомъ на все пуговицы, и съ портфелемъ въ рукахъ. Ближе къ кабинету ходилъ другой молодой человекъ, тоже въ вицмундирѣ, съ тонкими, но сонными чертами лица и съ двойнымъ лорнетомъ на носу. Какъ бы въ доказательство небольшого уваженія къ тому мѣсту, гдѣ былъ, онъ насвистывалъ, впрочемъ, негромко, арію изъ «Лючия». Собственно просителей составляли: молодая дама, съ прекрасными карими глазами, но лицомъ страдальчески худымъ и съ пересохшими губами. На ней было перекрашенное платье, дешевая шляпка и поношенные перчатки. Не смотря на бѣдность этого костюма, въ немъ замѣтно было присутствіе нѣкотораго вкуса. видно было, что эта женщина умѣла одѣваться и когда-то иначе одѣвалась. Недалекъ отъ нея помѣщался плѣшивый старичекъ, одинъ изъ тѣхъ петербургско-чухонскихъ типовъ, которые своей наружностью ясно говорятъ, что они никогда не были умны, ни красивы и никакихъ никогда возвышенныхъ чувствъ не имѣли, а такъ—чортъ знаетъ, съ чѣмъ прожили на свѣтѣ — развѣ только съ тѣмъ, что поведенія были трезваго. Не смотря на свою мизерность, старичишка былъ одѣтъ щепетильно чисто. Вдали отъ прочихъ, въ строго-официальной формѣ, стоялъ другой господинъ, въ потертомъ девятаго класса мундирѣ, при шпагѣ и со шляпою подъ мышкой; по непріятнымъ, жезлаго цвѣта гла-

замъ, по вздернутымъ ноздрямъ маленькаго носа и по какой-то кислой улыбкѣ легко можно было заключить о раздражительности его темперамента.

Прошло около полчаса въ ожиданіи. Молодой человѣкъ, съ лорнеткой въ глазу, началъ ужь зѣвать.

— Скоро Левъ Николаичъ выйдетъ? — спросилъ онъ другаго чиновника.

— Я думаю, что скоро, ваше сіятельство, — отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторымъ почтеніемъ.

Молодой человѣкъ опять началъ ходить и насвистывать.

Наконецъ, пзъ гостиной появилась лѣтъ десяти дѣвочка, переганутая, въ накрахмаленныхъ, коротенькихъ юпочкахъ и съ голыми, по шотландско й модѣ, икрами.

— Здравствуйте, душенька! — проговорилъ ей скромный молодой чиновникъ.

Она сдѣлала ему книксенъ и, замѣтно кокетничая, прошла въ кабинетъ папаша, вѣроятно, затѣмъ, чтобъ поздравить его съ добрымъ утромъ, и, выйдя оттуда, уже радостно пробѣжала назадъ, держа въ рукахъ красивую корзинку съ конфетами.

Вслѣдъ за ней вышелъ и самъ папаша. Это былъ худой и высокій мужчина съ выдавшеюся впередъ, какъ у обезьянъ, нижнею челюстью, въ щеголеватомъ вицмундирѣ и со звѣздой на правой сторонѣ. При появленіи его, все подтянулось.

— Pardon, comte, — заговорилъ онъ, быстро подходя и дружески здороваясь съ молодымъ человѣкомъ, — Вотъ какъ занятъ дѣломъ — по горло! — прибавилъ онъ и показалъ рукой даже выше горла; но

заявленные при этомъ случаѣ, тщательно вычищенные, длинные ногти сильно заставляли подозрѣвать, что не дѣлами, а украшеніемъ своего брэннаго и высохшаго тѣла былъ занятъ передъ тѣмъ директоръ.

— Pardon; dans un moment je serai à vous. Ayez la bonté d'entrer dans ma chambre. Pardon! — повторилъ онъ.

Молодой человекъ фамильярно кивнулъ головой и ушелъ въ кабинетъ. Директоръ обратилъ глаза на старика.

— Сдѣлано ваше дѣло, сдѣлано, — говорилъ онъ, подходя къ нему и пожимая мозглявую его руку.

— Значить, ваше превосходительство, сегодня из получить можно? — спросилъ тотъ.

— Можете-съ, и прокутить даже можете сегодня, — прибавилъ директоръ съ веселостью, несовсѣмъ свойственною его наружности и сану.

Старикъ оскалился своимъ огромнымъ ртомъ.

— Чего добраго, ваше превосходительство! дѣло мое молодое; по пословицѣ: «сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро». До свиданья, ваше превосходительство, — говорилъ онъ, униженно раскланиваясь.

— До свиданья, — повторилъ директоръ и еще разъ пожалъ ему руку...

Старикъ ушелъ.

Что-то въ родѣ насмѣшливой гримасы промелькнуло на лицѣ чиновника въ мундирѣ. Директоръ, между тѣмъ, вѣжливо, но серьезно пригласилъ движеніемъ руки даму отойти съ нимъ подальше къ окну. Та подошла и начала говорить тихо: — видно было, что слова у ней прерывались въ горлѣ и ды-

ханіе захватывало. «Mon mari... mes enfants»... слышалось Калиновичу. Директоръ, слушая ее, пожималъ только плечами.

— Que puis-je, madame? — воскликнулъ онъ и продолжалъ, прижимая даже руку къ сердцу: — еслибъ вашъ мужъ былъ мой сынъ, еслибъ, наконецъ, я я самъ лично былъ въ его положеніи — и въ такомъ случаѣ ничего бы не могъ и не захотѣлъ сдѣлать.

Смертная блѣдность покрыла лицо молодой дамы.

— У насъ есть своя правда, своя юридическая совѣть, — продолжалъ директоръ. — Между политическими преступниками есть благороднѣйшіе люди; ихъ участь оплакиваютъ; но все-таки казнятъ, потому-что юридически они виноваты.

Тупо и бессмысленно взглянула на него при этихъ словахъ блѣдная женщина.

— Мужъ мой, генералъ, не преступникъ: онъ служилъ честно, — произнесла она уже съ негодованіемъ.

— Que faire! Онъ боленъ цѣлый годъ, а служба не больница и не богадельня. Je vous répète encore une fois, que je n'en puis rien faire, — заключилъ директоръ и, спокойно отвернувшись, не взглянулъ даже, съ какимъ страдальческимъ выраженіемъ и почти шатаясь пошла просительница.

«Господинъ не изъ чувствительныхъ!» — подумалъ про себя Калиновичъ, между тѣмъ какъ директоръ прямо подошелъ къ нему и взглянулъ во просительно.

— Титулярный совѣтникъ Калиновичъ! — произнесъ онъ.

— А, да! Attendez / <http://www.cipr.org.ru> проговорилъ до-

вольню благосклонно директоръ и потомъ, обратившись къ господину въ мундиръ и принявъ совершенно уже строгій, начальническій тонъ, спросилъ:

— Вамъ что?

— За что я погибать долженъ, то желаю знать, ваше превосходительство? — произнесъ тотъ, тщетно стараясь придать своему голосу просительское выраженіе.

Директоръ сдѣлалъ презрительную гримасу:

— Дѣло ваше еще не рассмотрѣно, слѣдовательно, я ничего не знаю и ничего не могу вамъ сказать, — проговорилъ онъ скороговоркой и, быстро повернувшись спиной, ушелъ въ кабинетъ.

Аспидомъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ чиновникъ; но потомъ потупился ненадолго и, какъ бы нѣчто придумавъ, подошелъ хитрой и лукавой походкой къ молодому чиновнику съ портфелемъ.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе говорить съ г. Макреевымъ? — проговорилъ онъ.

— Точно такъ, — отвѣчалъ тотъ вѣжливо.

— Стало-быть, дѣло о Забоковъ въ вашемъ столѣ по производству?

— Да, у меня.

— Я самый этотъ несчастный Забоковъ и есть, — продолжалъ чиновникъ: — и потому позвольте хоть съ вами имѣть объясненіе — сдѣлайте божескую милость!.. — прибавилъ онъ, сколько могъ, просительскимъ тономъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ съ прежнею вѣжливостью молодой чиновникъ.

— Г. начальникъ губерніи теперь пишетъ, — началъ Забоковъ, выставлявая по пальцамъ: — что я

человѣкъ пьяный и характера буйнаго; но, дѣлая извѣтъ этотъ, его превосходительство, вѣроятно, изволили забыть, что каждый разъ, при проѣздѣ ихъ по губерніи, я пользовался счастьемъ принимать ихъ въ своемъ домѣ, и удостоенъ даже былъ чести имѣть ихъ воспріемникомъ своего младшаго сына: значитъ, если я доподлинно человѣкъ такой дурной нравственности, то какимъ же манеромъ г. начальникъ губерніи могъ приближать меня къ своей персонѣ на такую дистанцію?

— Да-съ; но это очень мало идетъ къ дѣлу, — возразилъ было очень скромно столоначальникъ.

— Какъ мало идетъ къ дѣлу? Позвольте! — возразилъ, уже съ своей стороны, запальчиво чиновникъ. — Еще теперь г. начальникъ губерніи пишетъ, яко бы я къ службѣ нерадивъ и къ корыстолюбію склоненъ... Позвольте!... Но по какому же теперь случаю онъ нерадиваго и корыстолюбиваго чиновника держалъ шесть лѣтъ на службѣ? Мало того: послѣ каждой ревизіи нерадивому чиновнику дѣлана была благодарность, что и было опубликовано въ указахъ губернскаго правленія 1839, 40 и 41 годовъ, а въ 1842 году я награжденъ былъ, по ихъ представленію, орденомъ св. Анны 3-й степени... значитъ, и это нейдетъ къ дѣлу? — заключилъ онъ, злобно осклабясь.

— Но что-жь, еслибъ это и шло къ дѣлу, что изъ этого слѣдуетъ? — спросилъ, замѣтно начинавшій сбиваться, молодой столоначальникъ.

— Въ законѣ указано, что слѣдуетъ за лживыя по службѣ донесенія, — отвѣчалъ ему опредѣлительно Забоковъ. — Дѣла моего, — продолжалъ онъ, — я не

оставлю; высочайшаго правосудія буду ходатайствовать, потому что само министерство надѣлало тутъ ошибокъ въ своихъ распоряженіяхъ.

— Какія же это могли быть ошибки? — спросилъ молодой человекъ, старавшійся насмѣшливо улыбнуться.

— Ошибки такого рода, — отвѣчалъ, не измѣняя тона, Забоковъ: — я теперь удаленъ отъ должности, преданъ суду. Дѣло мое, по обвиненію въ уголовной палатѣ, поступило на рѣшеніе правительствующаго сената и, вдругъ теперь, министерство дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ новаго обо мнѣ изслѣдованія и подвергаетъ меня казематному заключенію... на какомъ это основаніи сдѣлано? — позвольте васъ спросить.

— Это сдѣлано, сколько я помню, на основаніи новаго представленія начальника губерніи, — возразилъ столоначальникъ.

Уздный юристъ ядовито усмѣхнулся.

— Нѣтъ-съ, позвольте! Этого нельзя было сдѣлать, — началъ онъ: — новое представленіе начальника губерніи долженствовало быть передано въ правительствующій сенатъ для общаго обсужденія — только-съ, да! И еслибъ уже онъ, по высочайше дарованной ему власти, нашелъ нужнымъ обслѣдовать его, тогда министерство приводи въ исполненіе и, по требованію его, сажай меня хоть въ кандалы; но само оно не могло это сдѣлать, ибо покрывалось высшею властью сената... по-крайней-мѣрѣ, такъ сказано въ законахъ и такъ бывало встарину, а нынче не знаю-съ!

— Прекрасно! — воскликнулъ молодой столона-

чальникъ, продолжая притворно улыбаться: — вы бы теперь убили человѣка и стали бы требовать, чтобъ обстоятельство это передано было къ соображенію съ какимъ-нибудь производящимся о васъ дѣломъ?

— Ой, нѣтъ-съ, нѣтъ! Не такъ изводите толковать: — когда бы я убилъ человѣка, я бы, значитъ, сдѣлалъ преступленіе, влекущее за собой лишеніе всѣхъ правъ состоянія, а въ дѣлахъ такого рода полиція, дѣйствительно, дѣйствуетъ по горячимъ слѣдамъ, не взирая ни на какое лицо: фельдмаршалъ я, или подсудный чиновникъ—ей все равно; а мой, милостивый государь, обвиненія чисто-чиновничьи; значитъ, они прямо слѣдовали къ общему обсужденію съ таковыми же, о которыхъ уже и производится дѣло. Законы, я полагаю, пишутся для всѣхъ одинакіе, и мы тоже ихъ мало-мальски знаемъ: я вотъ тоже посѣдѣлъ и оплѣшивѣлъ на царской службѣ, такъ пора кое-что мараковать; но, какъ собственно объяснялъ я и въ докладной запискѣ г. министру, что все мое несчастье единственно происходитъ по близкому знакомству господина начальника губерніи съ госпожею Марковой, каковое привести въ законную ясность я и ходатайствовалъ передъ правительствомъ неоднократно, и почему мое домогательство оставлено втунѣ — я неизвѣстенъ.

— Какую-то госпожу Маркову приплели! — проговорилъ молодой столоначальникъ, улыбаясь и потупляя глаза.

— Да-съ, Маркову, именно! — подтвердилъ Забоковъ: — вы вотъ смѣяться изволите, а можетъ быть, черезъ ее не я одинъ, ничтожный червь, а вся губернія страдаетъ. Правительству давно бы

слѣдовало обратить вниманіе на это обстоятельство. Любовь сильна: она и не такіе умы, какъ у нашего начальника, ослѣпляетъ и уклоняетъ ихъ отъ справедливости, въ законахъ предписанной.

Молодой столоначальникъ еще болѣе потупился. Подобное прямое и откровенное объясненіе, по его мнѣнію, совершенно уже выходило изъ предѣловъ службы.

— Не по винѣ моей какой-нибудь, — продолжалъ онъ: — погибая, а что мѣсто мое надобно было замѣнить г. Синицкимъ, ея роднымъ братомъ, равно какъ и до сихъ поро еще вакантная должность бахтинскаго городничаго исправляется другимъ ея родственникомъ, о которомъ уже и производится дѣло, по случаю учиненнаго смертоубійства его крѣпостною дѣвкой надъ собственнымъ своимъ ребенкомъ, котораго она бросила въ колодезь; но имъ это было скрыто, потому что дѣвка эта была его любовница.

Молодой столоначальникъ двусмысленно улыбнулся.

— Все это, сами согласитесь... — началъ было онъ, но въ это время въ кабинетѣ послышался звонокъ, и проворно пробѣжалъ туда изъ лакейской курьеръ.

— Готовъ докладъ о графѣ? — спросилъ онъ выходя.

— Готовъ, — отвѣчалъ торопливо столоначальникъ.

— Пожалуйте, — сказалъ курьеръ.

Столоначальникъ, схвативъ портфель, бросился въ кабинетъ, и ему вслѣдъ посмотрѣлъ злобно уѣздный чиновникъ.

— Коли маленькій человекъ,— началъ онъ съ ядовитой улыбкой и обращаясь, нѣкоторымъ образомъ, къ Калиновичу:— такъ и погибать надобно, а что старшіе дѣлаютъ, того и слушать не хотятъ— да! Начальника теперь присылаютъ: миллионъ людей у него во власти и хотя бы мало-мальски дѣло понимать могъ, такъ и за то бы Бога благодарили, а то прїѣдетъ, на первыхъ-то порахъ тоже, словно степной конь, начнетъ лягаться да брыкаться: «я-ста, говоритъ, справедливости ищу»; а смотришь, много черезъ полгода, эту справедливость такой же нашъ братъ, суконное рыло, правитель канцеляріи, осѣдлаетъ, да и ѣздитъ... и у всѣхъ одно правило: «намъ дай, а самъ не смѣй»! Да гдѣ я возьму? изъ колышка, что-ли, выломлю? А коли этого нѣтъ, такъ нынче вонъ молодыхъ да здоровыхъ начали присылать: такъ, гдѣ-нибудь въ Троицкой улицѣ, барыню заведетъ, да еще и не одну, а, какъ турецкій паша, двухъ либо трехъ, и колѣнопреклонствуй передъ ними вся губернія,— да! А все только мы, маленькіе чиновники, виноваты. Эко ты, Господи Боже мой!— заключилъ Забоковъ, пожимая отъ удивленія плечами, а потомъ, обратившись къ Калиновичу, при-совокупилъ:

— А вы, сударь, здѣсь изволите продолжать службу, или....

— Да, я, вѣроятно, буду здѣсь служить,— отвѣчалъ тотъ.

— И доброе дѣло-съ; дай Богъ вамъ счастья! А что въ нашихъ глухихъ мѣстахъ служить, такъ мартъ себя надо молодому человекъ. Я имѣю на то собственный примѣръ. Старшій сынъ мой, мальчикъ,

не хвастаясь сказать, прекрасный, умный; кончилъ курсъ въ Демидовскомъ лицѣѣ первымъ студентомъ, ну и поступилъ было въ чиновники особыхъ порученій — шагъ хорошій бы, кажется, для молодого человека, ка-бы дѣло въ порядкѣ шло, а то, при его-то неопытности, въ начальники попался человекъ заносчивый, строптивый. Какъ пріѣхалъ въ губернію, не оглядась, не осмотрясь, бацъ въ Петербургъ донесеніе, что все скверно и мерзко нашелъ; выслужиться, знаете, хотѣлось поскорѣй: «вотъ-де я какой молодецъ; давай мнѣ за это чиновъ и крестовъ»!.. Однако-жь тамъ фактовъ потребовали. Вотъ онъ навербовалъ этой молодежи да и разослалъ по губерніи: и, батюшки мои! слышимъ мы, вѣдятъ они, куралесять. Я своему и пишу: «Слушай, говорю, Александръ, на словахъ начальнику — что хочешь, въ угоду ему, ври, а на бумагѣ держись крѣпче закона». Такъ, вѣдь, гдѣ тутъ-съ! Отвѣчаетъ: «Нашъ, говорятъ, папенька, начальникъ съ такимъ вѣсомъ и направленіемъ, что можетъ не стѣсняться законами!» Изволите видѣть, умный законъ ужь они стали! А на повѣрку вышло, что умника ихняго, за рѣзкость въ распоряженіяхъ, перевели въ другое мѣсто; а они и остались какъ ракъ на мели. Другой пріѣхалъ ужь съ другой фанаберіей: человекъ въ лѣтахъ, семейный, нуждающійся: молодежь, значитъ, была ему не подъ руку; стали надобны люди поопытнѣй, чтобъ знали тоже, гдѣ и какъ оброчную статейку обдѣлать. Призвалъ онъ къ себѣ нашихъ голубчиковъ и самымъ деликатнымъ манеромъ: «Разсмотришь, говоритъ, по дѣламъ ихъ дѣйствія!» а тамъ, смотришь, и оказывается: гдѣ

превышеніе власти, гдѣ голословное обвиненіе, гдѣ односторонность въ направленіи дѣла. «Нѣтъ, говорить, господа, такъ служить нельзя!» да и упряталъ двоихъ въ уголовную; а моему въ отставку велѣлъ подать. «Что, я говорю, Александръ, много напрыгали? Себя-то погубили, добра-то не надѣлали, а противозаконнаго тоже много совершили, — да!»

— Во всякомъ случаѣ, гораздо благороднѣе по добнымъ образомъ пострадать на службѣ, чѣмъ быть выгнану за взятки! — произнесъ съ гримасою Калиновичъ.

— Что, сударь, взятки! — возразилъ Забоковъ: — кто ихъ нынче не беретъ? Хоть бы взять тоже тѣхъ же молодыхъ людей: стали ихъ нынче по судебнымъ мѣстамъ посылать, и, признаться сказать, непріятно даже видѣть. Прежде, бывало, предсѣдатель сидитъ за зеркаломъ: старецъ маститый, орденами и сѣдинами украшенный; а нынче, что это, Боже ты мой! торчитъ какой-нибудь, словно сосулька: молодо, худо, вертовато!.. Взятковъ, говорятъ, не берутъ; а копни-ва поглубже, такъ сейчасъ и увидишь, что судится, напримѣръ, одинъ помѣщикъ съ другимъ; дѣло одного правое, а гнуть его, смотришь, въ пользу другаго. Отчего это? Оттого, что у этого другаго бываютъ балы да обѣды съ шампанскимъ, съ портеркомъ да съ коньячкомъ, али не то, такъ жена — женщина молодая да умная, по-французски молодыхъ людей заговаривать ловкая — да! Значить, тоже на то и вышло: тѣхъ же щей, лишь пожиже влей; забывая то, что по присяжному листу мы клянемся не кривить душой: ни по корысти, ни по свойству, ни по родству, ни по дружбѣ.

Щереть Богомъ все равна несправедливость, а то ужь будто только однѣ деньги и взятки! Взятковъ на многіе фасыны много, и безъ нихъ быть не можетъ въ міръ.

— Однако за границей нѣтъ же взятокъ!

— Какъ нѣтъ взятокъ? Не можетъ быть! — возразилъ Забоковъ. — Не можетъ, сударь, быть! — повторилъ онъ утвердительно. — Гдѣ есть люди, тамъ есть и взятки. Теперь вотъ вашъ Петербургъ хвастаетъ: «у насъ, говорятъ, чиновники облагороженные»; ну, и, повидимому, кажись бы такъ слѣдовало; кабы, кажется, и я въ этихъ палатахъ жилъ, — продолжалъ Забоковъ, оглядывая комнату: такъ и я бы дворянскую честь больше наблюдалъ, и у меня, можетъ быть, руки не были бы въ салъ замараны, хоть и за масло держался: но что-жь на повѣрку выходитъ? Его превосходительство теперь намъ съ вамп головкой не мотнулъ, а стариченкъ этому — поставщикъ онъ, выходитъ, на отопленіе, освѣщеніе и канцелярскія принадлежности — ему руку подалъ... И какъ прикажете понимать это — оракулъ и молчать. Хоть и далеко, сударь, живемъ, а про здѣшніе порядки тоже слыхали. Не отсюда бы къ намъ посылать ревизовать, а насъ бы сюда, такъ кое-что раскопали бы... Другую особу возведутъ тоже високо, а тутъ-то, на грѣхъ, въ верхнемъ апартаментѣ мало. Значить, надобно людей себѣ способныхъ набирать; ну, а люди стали нынче тоже, охъ, какіе не дураки: коли онъ видитъ, что тебѣ нуженъ, такъ ужь всю коку съ сокомъ выжметъ изъ тебя, какая только ему слѣдуетъ... смотришь, и доложить: служу де я честно. въ столицахъ жизнь

дорога... нуждаюсь... ну, значить, экономическія суммы, благо ихъ много, и за бока... тысячъ пять на серебро и отсчитаютъ займообразно, да! А по нашимъ, вотъ, мѣстамъ, губернаторъ тоже на одного становаго понадегалъ да на ревизіи двадцати цѣлковыхъ по книгамъ не досчиталъ, такъ въ солдаты отдали: *казнограбитель* онъ, выходитъ! Алл, теперь, прїѣдетъ земскій чиновникъ въ казенную деревню да поѣсть попросить, такъ и тѣмъ корятъ: «вы, говорить, *мировды*», того не разсудя, что собака голодная на хорошій чужой дворъ забѣжитъ, такъ и ту накормятъ — да!

Калпновичу, наконецъ, стало скучно слушать Забокова.

— Кто этотъ молодой человекъ, графъ? Не знаете ли вы? — спросилъ онъ, чтобъ перемѣнить разговоръ.

Забоковъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Это-съ вице-директоръ новый, — отвѣчалъ онъ лукавымъ тономъ. — Рода, сударь, онъ хорошаго: нельзя, чтобъ втунъ пропадалъ для отечества. У него еще ни уса, ни бороды нѣтъ да и разуму, можетъ, столько же, а ему дали мѣсто пятого класса да тысячи три, можетъ быть, жалованья: онъ имъ за это бумажки три въ недѣлю и подпишетъ, — да! А мы, маленькіе чиновники, воротимъ годъ-то-годенскій, копны бумаги одной испишемъ, и все беремъ даромъ жалованье — что ты прикажешь дѣлать? — воскликнулъ Забоковъ; но въ это время дверь кабинета отворилась, и быстро прошелъ по залу новый вице-директоръ. Въ одинъ моментъ уязный либераль замолчалъ и вытянулся въ струнку.

— Генераль васъ проситъ, — сказалъ вошедшій потомъ столоначальникъ Калиновичу.

Тотъ вошелъ въ кабинетъ, который оказался не менѣе редакторскаго кабинета и отличался только болѣе с. рогимъ, чиновничьимъ порядкомъ. Самъ директоръ сидѣлъ за письменнымъ столомъ.

— Присядьте, — проговорилъ онъ, поправляя крестъ на шеѣ.

Калиновичъ сѣлъ на край деревяннаго кресла.

— Voulez-vous fumer? — продолжалъ довольно свободно директоръ, предлагая ему сигару и зажигая даже огня.

При всемъ умѣньѣ владѣть собой, Калиновичъ чувствовалъ, что начинаетъ теряться: дрожащими руками взялъ онъ сигару и неловко закурилъ ее; директоръ тоже закурилъ и, кажется, приготовлялся говорить много и долго.

— Князь пишетъ, — началъ онъ: — что вы желали бы служить въ Петербургъ.

— Я необходимо въ томъ нуждаюсь, ваше превосходительство, — отвѣчалъ Калиновичъ, вставая.

— Да, — произнесъ протяжно директоръ: — но дѣло въ томъ, что я буду вамъ говорить то, что говорилъ уже десятку молодыхъ людей, которые съ такой же точно просьбой и не далѣе, какъ на этой недѣль, являлись ко мнѣ. Что за желаніе у всѣхъ васъ, господа, служить именно въ Петербургъ? Сметрите вы, что изъ этого выходить: здѣсь мы не знаемъ, куда дѣваться съ прекрасными, образованными молодыми людьми, между тѣмъ какъ въ провинціи служатъ люди, подобные вонъ этому выгнанному гос-

подину, котораго вы видѣли и который, конечно, въ службѣ, кромѣ взятокъ и вляузъ, ничего не проводилъ. Какъ вамъ, молодому поколѣнію, не совѣстно допускать это?

— Но какая-же служба можетъ быть въ провинціи? — скромно замѣтилъ Калиновичъ.

— Всякая, какая вы хотите! — воскликнулъ директоръ. — Чего вы здѣсь достигнете? Помощника столоначальника, столоначальника, начальника отдѣленія наконецъ... Но, вѣдь, это, сами согласитесь, мелкій канцелярскій трудъ, мертвое переложеніе мертвыхъ бумагъ, тогда какъ въ провинціи за что вы ни возьметесь: слѣдственная, напримѣръ, часть — не самая ли это живая, служебная струйка? Вы становитесь тутъ лицомъ къ лицу съ народомъ, узнаете его страсти, пороки, потребности... Или, въ судебномъ мѣстѣ, заняли вы должность какого-нибудь секретаря уголовной палаты, и уже сразу разрѣшаете участь людей *вы*, исключительно, потому что члены, я знаю, они только подписываютъ. Помилуйте, какъ это?.. Провинція — это какая только можетъ быть лучшая швола для службы...

— Перспективы нѣтъ, ваше превосходительство, въ провинціальной службѣ, — проговорилъ Калиновичъ.

— Напротивъ, гораздо больше, чѣмъ въ столецѣ! — возразилъ директоръ. — Здѣсь у васъ тысяча шансовъ быть, какъ говорится, затерту въ службѣ; но тамъ, по вашему образованію, вы непременно служите на виду. Начальникъ губерніи, или тамъ председатель какой-нибудь другаго вѣдомства узнаетъ васъ, и такъ какъ не всѣ же они кончаютъ

въ провинціи свою службу, но, большею частью, переходятъ сюда, онъ васъ переводитъ съ собой, какъ чиновника, ему извѣстнаго и полезнаго; а вы, въ свою очередь, являетесь ужь человѣкомъ опытнымъ и въ жизни, и въ службѣ. Россію вы узнаете не по статистикѣ, механизмъ управленія изучите въ самомъ его приложеніи, а это очень важно. Практическіе люди, умѣющіе не только думать, но и дѣлать, очень въ настоящее время намъ нужны.

Калиновичъ не находилъ ничего, съ своей стороны, возразить на это и молчалъ.

— Всѣхъ васъ, молодыхъ людей — я очень хорошо знаю, — продолжалъ директоръ, — манитъ Петербургъ, съ его пысканными удовольствіями; но, повѣрьте, что, служа, вамъ будетъ некогда и не на что пользоваться этимъ; и, наконецъ, еслибъ даже въ этомъ случаѣ требовалось нѣкоторое самоотверженіе, то посмотрите вы, господа, на англичанъ: они иногда цѣлую жизнь работаютъ въ какой-нибудь отдаленной колоніи съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и въ Лондонѣ; а мы не хотимъ, какихъ-нибудь трехъ-четырехъ лѣтъ поскучать въ провинціи для видимой общей пользы! Подобный эгоизмъ, по моему, непростителенъ. Но что я говорю?.. даже и въ смыслѣ эгоизма надобно каждому бѣжать этого Петербурга: а одинъ его отвратительный климатъ, который отравляетъ и моритъ человѣка съ каждымъ глоткомъ воздуха.

«Ну, съ такими мраморными вапнами я перенесъ бы петербургскій климатъ», подумалъ Калиновичъ.

— Меня, ваше превосходительство, болѣе при-

влекають сюда мои обстоятельства, потому что я занимаюсь нѣсколько литературой, — сказалъ онъ, думая тѣмъ поднять себя въ глазахъ директора; но тотъ остался равнодушень и даже, какъ-будто бы, что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки промелькнуло на губахъ его.

— А! вы занимаетесь литературой?.. Князь мнѣ не писалъ объ этомъ, — произнесъ онъ.

— Да, очень только немного, — отвѣчалъ Калиновичъ, догадываясь, что выстрѣлилъ невпопадъ.

— Что-жь вы пишете, прозой или стихами? — спросилъ директоръ.

— Прозой.

— Въ какомъ-же родѣ?

— Я пишу повѣсти, — отвѣчалъ Калиновичъ, чувствуя, что все лицо его вспыхнуло.

— Повѣсти?—повторилъ директоръ: —въ такомъ случаѣ, я полагаю, вамъ лучше бы исключительно заняться литературой. Къ чему-жь вамъ служба? Она только будетъ мѣшать вашимъ поэтическимъ трудамъ, — произнесъ онъ.

Насмѣшка ужъ явно слышалась въ его тонѣ.

— Мое литературное значеніе, ваше превосходительство, такъ ничтожно, что я готовъ пожертвовать имъ для службы,—поспѣшилъ объяснить Калиновичъ.

— Да-а, — произнесъ протяжно директоръ и нѣсколько времени думалъ, глядя на свои длинные ногти.

— Очень бы желалъ, — началъ онъ, поднявъ голову:—сдѣлать для князя пріятное... Теперь у меня времени нѣтъ, но, пожалуйста, когда вы будете пи-

сать къ нему, то скажите, что я попрежнему его люблю и уважаю, и не доволенъ только тѣмъ, что онъ нынче рѣшео сталъ ѣздить въ Петербургъ.

— Непремѣнно-съ, — подхватилъ Калиновичъ привставая.

— Да-а, пожалуйста! — повторилъ директоръ. — Въ отношеніи собственно васъ, могу только, если ужъ вамъ это непременно угодно, могу зачислить васъ писцомъ безъ жалованья, и въ то же время, долженъ предупредить, что болѣе десяти молодыхъ людей терпятъ у меня подобную участь, и, конечно, по старшинству времени, должны раньше васъ получить назначеніе, если только выйдетъ какое-нибудь, но когда именно дойдетъ до васъ очередь — не могу ничего сказать, ни обѣщать опредѣлительно.

Говоря послѣднія слова, директоръ уже вставалъ.

Калиновичъ тоже всталъ.

— Безъ жалованья, ваше превосходительство, я не могу служить, — произнесъ онъ.

Директоръ пожалъ плечами.

Калиновичъ началъ раскланиваться.

— Очень радъ съ вами познакомиться, — говорилъ директоръ, протягивая руку и устремляя ужъ глаза на развернутую передъ нимъ бумагу, — и тѣмъ свиданіе это кончилось.

Медленно и съ какой-то улыбкой ожесточенія прошелъ герой мой мозаическими плитами выстланную лѣстницу. День былъ сумрачный, дождливый. Тяжелая облака висѣли почти надъ самими трубами, съ какими-то глупыми намокшими рожами сновали туда и сюда извошники. Серdito и проворно шли пѣшеходы подъ зонтиками. Посреди улицы проѣз-

жали, завернувшись въ рогожи, ломовые ребята, ни на кого и ни на что не обращая вниманія. Точно неприступные и непривѣтливые замки, казалось Калиновичу, глядяли своими огромными окнами пяти и шести-этажные дома.

«А! вамъ хорошо тамъ внутри! голодь и нужда къ вамъ не достучатся!» шепталъ онъ, сжимая кулаки и, самъ не зная зачѣмъ, очутился на Анничиномъ мосту, гдѣ, опершись на чугунныя перила, сталъ глядѣть на Фонтанку. Тамъ кипѣла дѣятельность: полоскали на плотяхъ прачка бѣлье; въ нѣсколькихъ мѣстахъ поили лошадей; водовозы наливались водой; лодочникъ везъ въ яликѣ чиновника; въ огромному дому таскали на тачкахъ дикій камень сухопарые солдаты; двое чухонцевъ отпихивали шестомъ отъ моста огромную лайбу съ дровами. Всему этому люду Калиновичъ позавидовалъ.

«Каждый, кажется, мужикъ, — думалъ онъ, — способный, какъ животное, перетаскивать на своихъ плечахъ тяжесть, нужнѣй для Петербурга, чѣмъ чловѣкъ думаящій, какъ-будто-бы ума ужъ здѣсь больше всего накопилось, тогда какъ въ сущности одна только хитрость, коварство и терпѣніе сюда пролѣзли. Справедливо сказано, что посреди этой, всюду кидającejся въ глаза, неизящной роскоши, и, наконецъ, при этой сотнѣ объявленныхъ увеселеній, въ которыхъ вы напередъ знаете, что намека на удовольствіе не получаете, посреди всего этого единственное впечатлѣніе, которое можетъ вынести чловѣкъ мыслящій, — это отчаяніе, безвыходное, безотрадное отчаяніе. «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!» написалъ бы я на въздныхъ сюда воротахъ для

честныхъ бѣдняковъ!»—заклучилъ онъ и пошелъ въ свой номеръ, почти не чувствуя, какъ брызгалъ ему въ лицо дождикъ, заползалъ даже за галстухъ, и что новые подусапожки его промокли насквозь.

V.

Разбитая надежда на литературу и неудавшаяся попытка начать службу,—этихъ двухъ ударовъ, которыми опривѣствоваль Калиновича Петербургъ, было слишкомъ достаточно, чтобы, соединившись съ климатомъ, свалить его съ ногъ: онъ заболѣлъ нервной горячкой и первое время болѣзни, когда былъ почти въ безпамятствѣ, ему было еще какъ-то легче, но съ возвращеніемъ сознанія, душевное его состояніе стало доходить повременамъ, до предѣловъ невыносимой тоски. вмѣсто комфортабельной жизни, вмѣсто виднаго положенія въ обществѣ, знакомства съ разными государственными людьми, которымъ нуженъ литераторъ, нуженъ умъ, онъ лежалъ больной въ мрачномъ, сыромъ номерѣ, одинъ-одинехонекъ. Чтобы имѣть хоть кого-нибудь около себя, онъ принужденъ былъ нанять за дешереую плату неопрятнаго и оборваннаго лакея, который, тоже, видно, испытывъ неудачи въ Петербургѣ, былъ мраченъ и суровъ, и находилъ какое-то особенное наслажденіе не исполнять или не понимать того, что ему приказывали.

Въ своемъ мучительномъ уединеніи бѣдный герой мой, какъ нарочно, припоминалъ блаженное время своей болѣзни въ уѣздномъ городѣ; еще съ ранняго утра,

обыкновенно, являлся къ нему Петръ Михайлычъ и придумывалъ всевозможные рассказы, чтобъ только развлечь его; потомъ, уходя домой, говорилъ, какъ бы сквозь зубы: «послѣ обѣда, я думаю, Настя зайдетъ», и она дѣйствительно приходила; а теперь сотни прелестнѣйшихъ женщинъ, можетъ быть, проносятся въ красивыхъ экипажахъ мимо его квартиры, и хотъ бы одна даже взглянула на его темныя и грязныя окна! Черезъ нѣсколько дней, впрочемъ, изъ пятисотъ тысячъ жителей нашлась одна добрая душа: это былъ сосѣдъ Калиновича, жившій еще этажемъ выше его, — молодой нѣмецъ, съ толстыми ногами, простоватой фізіономіей и съ какими-то необыкновенно добродушными вахрами по всей головѣ. Калиновичъ еще прежде съ нимъ познакомился, ходя иногда обѣдать за общій столъ, и съ первыхъ же словъ нѣмецъ показался ему такъ глупъ, что онъ не сталъ съ нимъ и говорить. Не смотря на это, добрый юноша, услышавъ о болѣзни Калиновича, пріотворилъ въ одно утро осторожно дверь и, выставивъ одни только свои вихры, протговорилъ:

— Вы больны?

— Да, боленъ. Войдите, — отвѣчалъ Калиновичъ слабымъ голосомъ.

Нѣмецъ вошелъ.

— Можетъ быть, я васъ беспокою? — проговорилъ онъ, жеманно кланяясь.

— Нѣтъ; чтожь? я очень радъ... Присядьте, — сказалъ Калиновичъ, дѣйствительно довольный, что хогь какое-нибудь живое существо къ нему зашло.

Нѣмецъ церемонно сѣлъ и, съ неприятнымъ участіемъ, началъ на него смотрѣть.

— Вы служите гдѣ-нибудь? — спросилъ Калиновичъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да, служу въ конторѣ Эйхмана, купеческой, — отвѣчалъ нѣмецъ.

— Много получаете жалованья?

— Да, тысячу цѣлковыхъ получаю.

«Этакой болванъ получаетъ тысячу цѣлковыхъ, а я ничего!» подумалъ Калиновичъ и, не безъ зависти, оглядѣлъ свѣженькій, чистенькій костюмъ нѣмца и его бѣлѣйшую, тонкаго голландскаго полотна рубашку.

— Вы играете въ карты? — спросилъ онъ.

— Да, играю, — отвѣчалъ нѣмецъ.

— Поиграемте, и ходите, пожалуйста, ко мнѣ: — я со скуки не знаю что дѣлать.

— Съ удовольствіемъ, если это вамъ пріятно, — отвѣчалъ нѣмецъ.

— А теперь вы свободны?

— Да; но сегодня праздникъ, свободный мой день: я желалъ бы прогуляться по Невскому.

— Ну, къ чорту Невскій! Неужели онъ вамъ не надоѣлъ? Сядемте теперь.

— Хорошо, — отвѣчалъ нѣмецъ, хоть теперь, кажется, вовсе ему не хотѣлось играть.

— Подай столъ и карты! — сказалъ Калиновичъ лакею.

Тотъ столъ подаль и ушелъ въ свою конуру.

— Карты, болванъ! — крикнулъ Калиновичъ.

Лакей показался.

— Я не знаю, гдѣ карты-сь, — произнесъ онъ.

— Въ столѣ, скотина, животное! — говорилъ, почти плача отъ досады, больной.

Лакей, сердито посмотрѣвъ на него и отыскавъ, наконецъ, карты, грубо ихъ подалъ.

— Всѣ эти дни, не зная куда отъ тоски дѣваться, я ужь гран-пасьянсъ раскладывалъ, — продолжалъ Калиновичъ съ горькой усмѣшкой.

— Какъ это жалко! — произнесъ нѣмецъ, и когда начали играть, оказался очень плохимъ мастеромъ этого дѣла. Съ первой игры Калиновичъ началъ безъ церемоніи браниться: ставя ремизъ, онъ говорилъ: «такъ нельзя играть; это значитъ подсиживать!.. у васъ всѣ пріемные листы, а вы пасуете.»

— Ахъ, да... виноватъ... да! — сознавался нѣмецъ простодушно, и ужь вслѣдъ затѣмъ объявлялъ такую игру, что оставался безъ трехъ и безъ четырехъ.

Калиновичъ пожималъ плечами.

— Вы играете рѣшительно какъ полоумный! — говорилъ онъ съ улыбкою презрѣнія.

— Ахъ, да! Это я дурно сыгралъ... — соглашался и съ этимъ партнеръ.

Такимъ образомъ они сыграли пульки три. Часу въ восьмомъ нѣмецъ хотѣлъ уйти.

— Куда-жь вы? — спросилъ Калиновичъ.

— Миѣ нужно; я желаю быть въ одномъ домѣ въ гостяхъ, — отвѣчалъ тотъ съ улыбкою.

— Полноте, не ходите: а то что-жь я буду дѣлать?.. Это ужасно!.. Не ходите.

— Извольте, — отвѣчалъ покорно нѣмецъ, и, такимъ образомъ, они играли часовъ до двухъ ночи.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни Калиновичъ, пользуясь своей способностью властвовать, завладѣлъ окончательно сосѣдомъ. Едва только явился тотъ со

службы и успѣвалъ отобѣдать, онъ зазывалъ его къ себѣ и сажалъ играть. Нѣмецъ немилосердно потѣлъ въ жарко натопленной комнатѣ, употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ не звать: но уйти не смѣлъ, и только ужъ въ послѣдствіи участь его нѣсколько улучшилась; узнавъ, что онъ любитъ выпить, Калиновичъ иногда посылалъ для него бутылки по двѣ пива; но нѣмецъ и тѣмъ конфузился. Начиная наливать третій или четвертый стаканъ, онъ обыкновенно говорилъ: «Я васъ не беспокою этимъ?» Такого дурнаго тона шепетильность возмущала Калиновича.

— Пейте, пожалуйста... Что-жь это такое?... — говорилъ онъ съ досадою.

Наглотавшись пива, нѣмецъ, обыкновенно, начиналъ играть еще глупѣе и, почти, каждый разъ оставался въ проигрышѣ рубля по три, по четыре серебромъ. Калиновича сначала это занимало, хотя, конечно, онъ привязался къ игрѣ больше потому, что она не давала ему времени предаваться печальнымъ и тяжелымъ мыслямъ; но, съ другой стороны, оставаясь постоянно въ выигрышѣ, онъ все таки кое-что пріобрѣталъ и тѣмъ нѣсколько успокаивалъ свои практическія стремленія. Черезъ мѣсяцъ, однако, ему и карты надоѣли, а нѣмецъ своей простотой и неразвитостью сталъ, наконецъ, невыносимъ. Напрасно Калиновичъ, чтобъ что-нибудь изъ него выжать, — принимался говорить съ нимъ о Германіи, о ея образованіи, о значеніи въ политическомъ мірѣ: нѣмецъ рѣшительно ничего не понималъ. Въ какомъ-то дѣтскомъ, созерцательномъ состояніи жилъ онъ въ Божьемъ мірѣ, а между тѣмъ,

что всего болѣе бѣсило Калиновича, былъ счастливъ. У него было нѣсколько такихъ же, вѣроятно, тупоголовыхъ нѣмцевъ-пріятелей; въ продолженіе цѣлаго лѣта они каждый праздникъ или ѣздили за рыбой, брали тони и напивались тамъ пьяны, или катались верхомъ по дачамъ. Кромѣ того, у нѣмца было нѣсколько почтенныхъ и семейныхъ домовъ, куда онъ ходилъ на вечера, и на другой день всегда оставался очень этимъ доволенъ.

— Что-жь вы тамъ дѣлаете? — спросилъ его однажды Калиновичъ.

— А? мы въ лото играемъ, танцуемъ: очень пріятно — отвѣчалъ нѣмецъ.

— Любили-ли вы когда-нибудь? Существуетъ-ли для васъ какая-нибудь женщина? — продолжалъ Калиновичъ, желая допытаться окончательно нѣмца. Тотъ покраснѣлъ и потупился.

— Нѣтъ, — произнесъ онъ.

— Какъ же нѣтъ? Вамъ, я думаю, ужь лѣтъ двадцать пять.

— Да, мнѣ двадцать шесть лѣтъ, и когда же-нось, тогда... а теперь нѣтъ.

«Этакій безстрастный болванъ!» подумалъ Калиновичъ и хотѣлъ уже выпроводить гостя, сказавъ, что спать хочетъ, но въ это время вошелъ лакей.

— Иволгинъ пріѣхалъ, — проговорилъ онъ своимъ гробовымъ голосомъ.

— Какой еще тутъ Иволгинъ? — спросилъ съ досадою и довольно громко Калиновичъ.

Лакей молчалъ.

— Ну, проси, — прибавилъ онъ.

Гость вошелъ. Это былъ тотъ самый студентъ, который такъ наивно навязался ему на знакомство въ театрѣ. Калиновичъ еще больше нахмурился.

— Вы, можетъ быть, не узнали меня? — говорилъ молодой человекъ.

Роскошные волосы его были на этотъ разъ еще болѣе растрепаны; галстухъ свернутъ на бокъ; на сюртукъ недоставало трехъ пуговицъ.

— Нѣтъ-съ, напротивъ... — отвѣчалъ Калиновичъ, показывая рукой на ближайшій стулъ.

Студентъ сѣлъ и принялъ нѣсколько небрежную позу.

— Я, конечно, — началъ онъ довольно развязно: — давно бы воспользовался вашимъ позволеніемъ быть у васъ, но, вѣроятно, тогда ослышался въ адресѣ и, даже сегодня, перебивалъ, по крайней мѣрѣ, въ десяти домахъ, отыскивая васъ.

«Нужно очень было хлопотать!» — подумалъ про себя Калиновичъ.

— Вы, однако, ужасно съ этихъ поръ перемѣнились, — продолжалъ студентъ.

— Я боленъ, — отвѣчалъ сухо Калиновичъ.

— Какъ это досадно! — произнесъ молодой человекъ, дѣйствительно съ досадой на лицѣ: — а я именно сегодня шелъ къ вамъ съ одной моей просьбой... — прибавилъ онъ, потупляя глаза.

Калиновичъ молчалъ.

— Вы тогда говорили о Каратыгинѣ и, вообще, объ игрѣ актеровъ съ этимъ господиномъ... какъ его фамилія?

— Бѣлавинъ.

— Да, Бѣлавинъ; очень, кажется, умный человекъ, и я очень тоже бы желалъ съ нимъ познакомиться.

«Ну, тотъ врядъ-ли раздѣляетъ это желаніе,» опять подумалъ про себя Калиновичъ.

— Мнѣ совѣстно тогда было сказать о себѣ, — продолжалъ студентъ: — но я самъ страстный любитель театра, и страсть эта живетъ во мнѣ съ дѣтства и составляетъ мое величайшее блаженство и вмѣстѣ мое несчастіе.

— Почему же несчастіе? — спросилъ Калиновичъ. Студентъ горько усмѣхнулся.

— Потому, — началъ онъ насмѣшливымъ тономъ: — что я имѣлъ несчастіе родиться на свѣтъ сыномъ очень богатаго человѣка и къ тому еще генераль-лейтенанта, который говоритъ, что быть актеромъ позорно для русскаго дворянина.

«Есть же на свѣтѣ такіе дураки, которые страдаютъ отъ того, что богаты и дѣти генераловъ,» подумалъ про себя Калиновичъ.

— А вы думаете быть актеромъ? — спросилъ онъ.

— Да, это мое почти рѣшительное намѣреніе, — отвѣчалъ молодой человѣкъ: — и я нахожу, что идея отца совершенно ложная. Помоему — если вы теперь дворянинъ и писатель, почему жь я не могу быть дворяниномъ и актеромъ, согласитесь вы въ этомъ?...

— Быть актеромъ, конечно, непозорно ни для кого, но въ самой дѣятельности есть разница.

— Какая же разница? — искусство сравниваетъ людей: писатель — художникъ и актеръ — художникъ.

— Большая и существенная разница: — творчество одного свободно, самобытно; другаго — под-

чиненное. Тѣ же отношенія, какъ исполнителя къ композитору: — одинъ создаетъ, другой только усваиваетъ, понимаетъ... — проговорилъ Калиновичъ.

— Но развѣ актеры не такъ же свободно создаютъ?.. Одинъ играетъ роль такъ, другой иначе — не правда ли? — отнесся студентъ къ нѣмцу.

— Да, это такъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Я не про то говорилъ, — возразилъ нехотя Калиновичъ, и, не надѣясь, видно, на понимательную способность своихъ слушателей, не хотѣлъ болѣе объяснять своей мысли и замолчалъ.

— Но скажите вы мнѣ, пожалуйста, — продолжалъ студентъ: — вы согласны съ этой мыслью господина Бѣлавина насчетъ Каратыгина?

— Кто-жъ съ этимъ не согласенъ? — отвѣчалъ съ усмѣшкой Калиновичъ.

Студентъ пожалъ плечами.

— Не знаю-съ; я до сихъ поръ считалъ и считаю его величайшимъ трагикомъ и, разумѣется, невольно подражалъ ему, хотя, конечно, всегда старался сдѣлать что-нибудь свое, самобытное, — проговорилъ онъ.

— Стало быть, вы избираете собственно драматическій родъ? — проговорилъ Калиновичъ.

— Драматическій. И потому вотъ теперь, чтобъ собственно испытать себя, я взялся именно за Шекспира; другой мѣсяцъ работаю надъ нимъ и, кажется, кое-что сдѣлалъ.

— Какъ же вы работаете? — спросилъ Калиновичъ съ скрытною насмѣшкою.

— Обыкновенно такъ: <http://ruin.org.ru> запираюсь въ своей

комнатъ, становлюсь передъ трюмо и начинаю изучать.

«А, вѣдь, лекцій, болванъ, вѣроятно, не слушаетъ,» — подумалъ Калиновичъ.

— На которомъ вы курсѣ? — произнесъ онъ вслухъ.

— На второмъ, — отвѣчалъ студентъ съ пренебреженіемъ:—и, вѣроятно, кончу тѣмъ, — продолжалъ онъ. Пускай отецъ, какъ говорить, лишаетъ меня благословенія и сто-тысячнаго наслѣдства: меня это не остановитъ, если только мнѣ удастся сдѣлать именно изъ Гамлета то, что я думаю.

«Вотъ дуракъ-то!» — продолжалъ думать самъ съ собой Калиновичъ.

— Роль Гамлета, кажется, очень трудна по тонкости въ отдѣлкѣ, — сказалъ онъ.

— Ужасно трудна! — подтвердилъ юноша: — но я откровенно могу вамъ сказать, что вполнѣ сочувствую ей, потому что самъ почти въ положеніи Гамлета. Отецъ мой, къ несчастью, имѣетъ привязанность къ нашей бывшей гувернанткѣ, отъ которой страдала наша мать и, можетъ быть, умерла даже отъ нея, а теперь страдаемъ мы всѣ, и я, какъ старшій, чувствую, что долженъ былъ бы отомстить этой женщинѣ и не могу на это рѣшиться, потому что все-таки люблю и уважаю моего отца.

«Ну, и семейныхъ тайнъ не пощадилъ, этакая скотина!» думалъ Калиновичъ.

— За мое призваніе, — продолжалъ студентъ, — что я не хочу по ихъ дудкѣ плясать и сдѣлаться какимъ-нибудь офицеромъ, они считаютъ меня, какъ и Гамлета, почти суицидистомъ. Кажется, послѣ всего

этого, можно сыграть эту роль съ душой; и теперь меня собственно останавливаетъ то, что знакомыхъ, которые бы любили и понимали это дѣло, у меня нѣтъ. Самому себѣ довѣрить невозможно, и потому, еслибъ вы позволили мнѣ прочесть вамъ эту роль... я даже принесъ книжку... если вы только позволите...

— Если вамъ угодно; но я судья плохой, — отвѣчалъ Калиновичъ, проклиная въ душѣ гостя и его страсть.

— Вы судья превосходный, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, уже вставая и вынимая изъ кармана переводъ Полевого.

— Не будете ли вы такъ добры прочесть за короля и королеву? — прибавилъ онъ, относясь къ нѣмцу.

— Извольте; но я говорю очень дурно по-русски, — отвѣчалъ тотъ.

— Это ничего; пожалуйста!.. — подхватилъ юноша и сталъ въ грустную позу Гамлета въ первомъ явленіи. — Начинайте! — сказалъ онъ нѣмцу, который, насилу нашедши, гдѣ говорить король, прочелъ:

— *«Теперь къ тебѣ я обращаю рѣчь, мой братъ и мой любезный сынъ, Гамлетъ!»*

— *«Немного больше брата; меньше сына, — произнесъ молодой человѣкъ съ грустной улыбкой.*

— *«Зачѣмъ такія облака печали?» — прочелъ нѣмецъ.*

— *«Такъ близко къ солнцу радости, могу ли одѣть себя печали облаками, государь?» — отозвался съ грустною ироніей Гамлетъ.*

— *«Зачѣмъ ты взоры потупляешь въ землю, будто ищешь во прахъ твоего покойнаго отца? Таковъ нашъ*

жребій: всѣмъ живущимъ умирать! — возразилъ нѣмецъ.

— *„Да, королева, всѣмъ живущимъ умирать: таковъ нашъ жребій!* — подтвердилъ многозначительно студентъ.

— *«Если такъ, зачѣмъ же смерть отца тебя печалитъ, какъ-будто тѣмъ законъ природы измѣненъ! Такъ кажется, смотря на грусть твою, — продолжала королева.*

— *«Не кажется, но точно такъ я мыслю. Ни черныя одежды и не вздохи, ни слезы и не грусть, ни скорбь, ничто не выразитъ души смятенныхъ чувствъ, какими горестно терзаюсь я. Простите!* — проговорилъ молодой человѣкъ, пожавъ плечами и обращаясь къ нѣмцу. — Хорошо? — прибавилъ онъ своимъ уже голосомъ.

— Да, хорошо, — отвѣчалъ нѣмецъ.

Калиновичъ сердито смотрѣлъ въ уголъ. Юноша ничего этого не замѣчалъ.

— Это еще не такъ хорошо, неловко съ переговорами. А лучше я прочту его извѣстную to be or not to be, — проговорилъ онъ скороговоркой и тотчасъ же ушелъ за дверь, откуда появившись совершенно грустный и печальный, началъ:

— *«Быть или не быть — вотъ въ чемъ вопросъ. Что доблестнѣе для души: сносить удара оскорбительной судьбы, или вооружиться противъ моря золь и побѣдить его, исчерпавъ разомъ? Умереть... уснуть!... Нѣтъ, это не выходитъ, холодно; это незадушевно неправда ли? — отнесся онъ къ нѣмцу.*

— Это холодно; да! — подтвердилъ тотъ.

— Холодно, — согласился и самъ актеръ. — Позвольте, я лучше прочту другое, гдѣ больше одушев-

ленія, — присовокупилъ онъ, опять свороговоркой, и снова началъ: — *Для чего ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ, о, для чего ты крѣпко, тѣло человека! И еслибы Всесильный намъ не запретилъ самоубійство, Боже мой, великій Боже! Какъ гнусны, бесполезны, какъ ничтожны дѣянья человека на землѣ! Жизнь! что ты? садъ заглохшій подъ дикими бесплодными травами. Едва лишь шесть недѣль прошло, какъ нѣтъ его, его, властителя, героя, полубога предъ этимъ мужемъ матери моей. Его, любившаго ее любовью столь пламенной. Небо и земля! Могучь забыть? Она, столь страстная супруга, одинъ лишь мѣсяцъ, я не смѣю мыслить... О женщины! ничтожество вамъ имя... Башмаковъ еще не износила, въ которыхъ шла за гробомъ мужа, какъ бѣдная вдова, въ слезахъ, и вотъ она — она! О, Боже! зверь безъ разума, безъ чувствъ груститъ бы долѣ. Она супруга дяди, который такъ походитъ на отца, великаго Гамлета, какъ я на Геркулеса! — произнесъ трагикъ съ одушевленіемъ. — Хорошо это? скажите мнѣ, пожалуйста! Вполнѣ ли я выполнилъ, или еще мнѣ надо поработать? — присталъ уже онъ къ Калиновичу,*

— Хорошо, — отвѣчалъ тотъ и думая про себя: «что-жь это такое, наконецъ?»

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо? — спрашивалъ юноша съ блистающими отъ удовольствія глазами: — впрочемъ, у меня другое мѣсто выходило еще лучше. Позвольте ужь! — прибавилъ онъ и, принявъ опять драматическую позу, зачиталъ: «Комедіантъ! наемщикъ жалкій и въ дурныхъ стихахъ мнѣ выражая страсти, плачетъ, блѣднѣетъ, дрожитъ, трепещетъ! Отчего и что причиной? Выдумки пустая! Какая-то Гекуба.

Что-жь ему Гекуба? Зачьмъ онъ дѣлитъ слезы, чувства съ нею? Что, еслибъ страсти онъ имѣлъ причину, какую я имѣю, онъ залилъ бы слезами весь театръ и воплемъ растерзалъ бы слухъ, и преступленье ужаснулъ, и въ жилахъ зрителей онъ заморозилъ кровь.

Послѣднія слова были такъ громко произнесены, что проходившая мимо квартирная хозяйка испугалась и, пріотворивъ двери, спросила:

— Батюшки! — что такое у васъ?

— Ничего, — отвѣчалъ Калиновичъ и, немогшій уже болѣе удержаться, покатился со смѣху.

Юноша сконфузился.

— У меня какъ-то не выходитъ... самъ чувствую... Не правда ли? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, что-жь? ничего! отвѣчалъ Калиновичъ.

— А который часъ? — отнесся онъ зѣвая къ нѣмцу.

— Девять часовъ, и мнѣ позвольте ужъ уйти: я желаю еще быть въ одномъ мѣстѣ, — отвѣчалъ тотъ вставая.

— Сдѣлайте одолженіе, — проговорилъ Калиновичъ и зѣвнулъ въ другой разъ нарочно.

Студентъ понялъ, что ему тоже пора убираться.

— И я не смѣю васъ больше беспокоить, — проговорилъ онъ, берясь за фуражку: — но прошу позволить мнѣ, когда буду въ лучшемъ ударѣ, придти еще къ вамъ и почитать.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ сухо Калиновичъ, и когда гости ушли, остался въ рѣшительномъ ожесточеніи.

— Это ужасно! — воскликнулъ онъ: — изъ цѣлаго Петербурга мнѣ выпали на долю только эти два

дуралея, съ которыми, если еще пробыть мѣсяцъ, такъ и самъ поглупѣешь, какъ бревно. Нѣтъ! — повторишь онъ и, тотчасъ позвавъ къ себѣ лакея, строжайшимъ образомъ приказалъ ему студента совсѣмъ не пускать, а нѣмца рѣшился больше не требовать. Тотъ, съ своей стороны, очень остался этимъ доволенъ и вовсе ужъ не являлся.

VI.

Около недѣли герой мой оставался совершенно одинъ и большую часть времени думалъ о Настенькѣ. Уединенныя воспоминанія воскресили предъ нимъ картину любви со всѣми мелкими, блаженными подробностями. Замкнутый и сосредоточенный, по натурѣ своей, онъ началъ нестерпимо желать хоть бы съ кѣмъ-нибудь задушевно побесѣдовать, рассказать про свою любовь не изъ пустаго, конечно, хвастовства, а съ цѣлью проанализировать себя, свои чувства и передать тѣ нравственные вопросы, которые, по преимуществу, беспокоили его. Перебирая въ головѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ, Калиновичъ невольно остановился на Бѣлавинѣ. «Вотъ съ этимъ человѣкомъ, кажется, можно было бы потолковать и отвести хоть немного душу», подумалъ онъ, и, не будучи еще увѣренъ, чтобъ тотъ пришелъ, рѣшился послать къ нему записку, въ которой, ссылаясь на болѣзнь, извинялся, что не былъ у него лично, вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просилъ его сдѣлать истинно христіанское дѣло — посѣтить его, больного, одинокаго и скучающаго. Въ отвѣтъ на это письмо, въ тотъ же вечеръ,

въ маленькой прихожей раздался знакомый голосъ: «дома баринъ?» — Калиновичъ даже вскочилъ отъ радости. Входилъ, дѣйствительно, Бѣлавинъ своей нѣсколько развалистой походкой.

— Здравствуйте! — проговорилъ онъ, радушно протягивая руку.

— Какъ я вамъ благодаренъ! — произнесъ Калиновичъ голосомъ, полнымъ искренней благодарности.

— Что это вы, Петербургу, видно, дань платите? — продолжалъ Бѣлавинъ, садясь и опираясь на свою, съ золотымъ набалдашикомъ, трость.

— Да, Петербургъ меня не побаловалъ ни физически, ни нравственно, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Кого же онъ балуетъ, — помиуйте! городъ безъ свѣжаго глотка воздуха, безъ религіи, безъ исторіи и безъ народности! — произнесъ Бѣлавинъ вздохнувъ. — Ну что вы, однако, скажите мнѣ, — продолжалъ онъ: — вы тогда говорили, что хотите побывать у одного господина... какъ вы его нашли?

Калиновичъ усмѣхнулся.

— Этотъ господинъ, кажется, эссенція, выжимка чиновнической бюрократіи, въ которомъ все ужъ убито.

— И убивать, я думаю, было нечего. Впрочемъ онъ еще лучше другихъ; есть почище.

— Хорошъ и этотъ! Въ другомъ мѣстѣ, пожалуй, и не найдешь.

— Именно. Нядобно воспитаться не только умственно, но органически на здѣшной почвѣ, и даже пройти нѣсколькимъ поколѣніямъ и слоямъ, чтобъ образовался такой цвѣтокъ и букетъ... удивительно!.. Все, что, кажется, самаго простаго, а тѣмъ болѣе

человѣка развитаго, при другомъ порядкѣ вещей, стало бы непремѣнно шокировать, поселять смѣхъ, злобу, досаду — они всѣмъ этимъ безконечно улаживаются. Зная, напримѣръ, очень хорошо, что въ дѣятельности ихъ нѣтъ ничего плодотворнаго, живаго, потому что она или скользитъ поверхъ жизни, или гнетъ, ломаетъ ее, они, въ то же время, великолѣпнѣйшимъ образомъ драпируются въ свою внутреннюю пустоту, думая, что никто этого даже и не подозреваетъ. Невообразимо, что такое... невообразимо!

— Меня, впрочемъ, этотъ господинъ отсылалъ къ болѣе активному труду, въ провинцію, говоря, что здѣсь нечего дѣлать! — замѣтилъ Калиновичъ.

— Это мило, это всего милѣй — такое наивное сознаніе! — воскликнулъ Бѣлавинъ и захохоталъ. — И правъ вѣдь, злодѣй! Единственный, можетъ быть, случай, гдѣ, не чувствуя самъ того, говорилъ великую истину, потому что тамъ, дѣйствительно, хоть криво, косо, болѣзненно, но что-нибудь да дѣлается, а тутъ ужь ровно ничего, какъ только писанье и писанье... удивительно! Но, все-таки, значить, вы не служите? — прибавилъ онъ помолчавъ.

— Нѣтъ, не служу, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— И лучше, ей-богу, лучше! — подхватилъ Бѣлавинъ: — какъ вы хотите, а я все-таки смотрю на всю эту ихнюю корпорацію, какъ на какую-то невѣдомую богиню, которой ежегодно приносятся въ жертву сотни молодыхъ умовъ, и рѣшительно портятся и губятся люди. И если васъ не завербовали — значить, довольно ужь возлежитъ на алтарь закланныхъ жертвъ... Количество достаточное! Но пишете ли вы, однако, что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Это вотъ дурно-съ... очень дурно! — проговорилъ Бѣлавинъ.

— Что дѣлать? — возразилъ Калиновичъ: — всего хуже, конечно, это для меня самого, потому что на литературѣ я основывалъ всю мою будущность и, во имя этихъ эфемерныхъ надеждъ, душилъ въ себѣ всякое чувство, всякое сердечное движеніе. Говори откровенно, вѣхавши сюда, я долженъ былъ покинуть женщину, для которой былъ все; а такія привязанности нарушаются нелегко даже и для совѣсти!

— Да, бываетъ... — подтвердилъ Бѣлавинъ: — и вообще, — продолжалъ онъ: — когда нельзя думать, такъ ужь лучше предаваться чувству, хоть бы самому узенькому, обыденному. Я вообще теперь, самъ ходосгякъ и бобыль, съ позднимъ сожалѣніемъ смотрю на этихъ простодушныхъ отцовъ семействъ, которые живутъ себѣ точно въ заколдованномъ кружкѣ, и все, что внѣ ихъ происходитъ, для нихъ тогда только чувствительно, когда ужь колетъ ихъ самихъ или какой-нибудь членъ, органически къ нимъ привязанный, и такъ какъ требованіе ихъ поэтому мельче, значить. удовлетвореніе возможно — право, завидно!..

— Но всякій ли способенъ себя ограничивать этимъ? — возразилъ Калиновичъ. — Не говоря уже о матеріальныхъ, денежныхъ условіяхъ, бываетъ иногда нравственная запутанность.

— Что нравственная запутанность... помилуйте! — воскликнулъ Бѣлавинъ: — все это такъ сглаживается, стирается, приноравливается временемъ..

— Ну. Богъ знаетъ, врядъ ли на время можно такъ рассчитывать! — перебилъ Калиновичъ. — Вотъ,

теперь, моеположеніе, — продолжалъ онъ съ улыбкой: — благодаря нашему развитію, мы не можемъ, по крайней мѣрѣ, долгое время, обманываться собственными чувствами. Я очень хорошо понялъ, что хоть люблю дѣвушку, на сколько способенъ только любить, но, въ то же время, интересы литературные, общественные и наконецъ собственное честолюбіе и даже болѣе грубыя, эгоистическія потребности — все это живетъ во мнѣ, волнуетъ меня, и какимъ же образомъ я могъ бы рѣшиться всѣмъ этимъ пожертвовать и взять, для нравственнаго продовольствія, на всю жизнь одно только чувство любви, которое далеко не наполняетъ всей моей души... какимъ образомъ? — но, въ то же время, это меня мучить.

Прислушиваясь къ словамъ Калиновича, Бѣлавинъ глядѣлъ на него своимъ умнымъ, пристальнымъ взглядомъ. Онъ видѣлъ, что тотъ хочетъ что-то такое спросить и не договариваетъ.

— Что жъ васъ именно тутъ мучить? — спросилъ онъ.

— Мучить, конечно, вопросъ, что, отрицаясь отъ этой дѣвушки, дурно я поступилъ или нѣтъ? — объяснилъ Калиновичъ опредѣлительнѣе.

Бѣлавинъ усмѣхнулся и, наклонившись на свою трость, нѣсколько времени думалъ.

— Объ этомъ, въ послѣднее время, очень много пишется и говорится, — началъ онъ. — И, конечно, если женщина начала васъ любить такъ, зря, безъ всякаго отъ васъ повода, тутъ и спрашивать нечего: вы свободны въ вашихъ поступкахъ, хоть, въ то же время, я зналъ такія деликатныя натуры, которыя и въ подобныхъ случаяхъ насилуютъ себя и дѣла-

лись истинными мучениками тонкаго нравственнаго дилга.

— И долга совершенно воображаемаго и придуманнаго, — замѣтилъ Калиновичъ.

— Да, почти, — отвѣчалъ Бѣлавинъ: — но дѣло въ томъ, — продолжалъ онъ: — что эмансипація правъ женскихъ потому выдвинула этотъ вопросъ на такой видный планъ, что, по-большей-части, мы, обыкновенно, какъ Пилаты, умываемъ руки, ужъ бывши много виноватыми. Почти всегда серьезные привязанности являются въ женщинахъ результатомъ того, что ихъ завлекали, обманывали надеждами, обѣщаніями—ну, и въ такомъ случаѣ, мы, благодаря Бога, не древніе: не можемъ безнаказанно допускать амуру писать клятвы на водѣ. Шутить чужой страстью такъ же не позволительно, какъ и тратить бесплатно чужія деньги.

— Вы говорите: «завлекали!» Кто же въ наше время рѣшится быть Ловеласомъ, что-ли? — возразилъ Калиновичъ. — Но хоть бы теперь, я самъ былъ тоже увлеченъ и не скрывалъ этого, но потомъ уяснилъ самому себѣ степень собственнаго чувства и вижу, что нѣтъ...

— Чего-же собственно нѣтъ? — спросилъ Бѣлавинъ, еще пристальнѣе взглянувъ на Калиновича. Тотъ нѣсколько замаялся.

— Нѣтъ того, что не могу на ней жиниться, — отвѣчалъ онъ.

Бѣлавинъ опять на нѣкоторое время задумался.

— Жениться! — повторилъ онъ: — что-жь! Если вы не рѣшаетесь на бракъ по вашимъ обстоятельствамъ, или не рискуете на него изъ нравственнаго опасенія — любите просто!

— Какъ-же просто? — воскликнулъ Калиновичъ: — это ужъ какая-то черезчуръ рыцарская и донкихотская любовь, неимѣющая ни плоти, ни формы.

— Донкихотская! — повторилъ, грустно-покачавъ головой, Бѣлавинъ: — не говорите этого. Вамъ особенно, какъ литератору, грѣхъ поддерживать это мертвящее направленіе, которое все, что не носитъ на себѣ какого-нибудь официальнаго авторитета, что не представляетъ на ощупь осязательной пользы, все это окрестили дон-кихотствомъ. — И, повѣрьте мнѣ, бесплодно проживетъ ваше поколѣніе, потому что оно окончательно утратило романтизмъ, — тотъ общій романтизмъ, который, съ одной стороны, выразился въ сентиментальности, а съ другой, слышался въ лирѣ Байрона и сказался открытіемъ паровъ. Да-съ, не коммерція ваша, этотъ плутъ общечеловѣческій, который пожинаетъ теперь плоды, создала и изобрѣла желѣзную дорогу и винтъ: ихъ создалъ романтизмъ въ наукѣ. Что вы улыбаетесь? Конечно, ужъ начало этому кроется даже не въ головѣ ловкаго механика, приложившаго силу къ дѣлу, а прямо въ полусумасшедшихъ теоріяхъ алхимиковъ. Помилуйте, какъ это возможно! Я съ ужасомъ смотрю на современную молодежь, — продолжалъ онъ еще съ большимъ одушевленіемъ: — что-жь, наконецъ, составляетъ для нихъ смакъ въ жизни? Деньги и развратъ! По ихъ мнѣнію, женщина не имѣетъ другаго значенія, какъ въ формѣ богатой невѣсты либо публичной особы — это ужасно! Тогда-какъ я еще очень хорошо помню нашихъ дядей и отцовъ, которые, если-бъ сравнить ихъ съ нами, показались бы атлетами, были и вышиты не дураки, а

между тѣмъ, эти люди потому только, что нюхнули романтизма, *умли и не стыдились* любить женщинъ, по десятку лѣтъ не выдавшись съ ними и поддерживая чувство одной только перепиской.

На послѣднихъ словахъ Калиновичъ опять улыбнулся.

— На романтизмъ, собственно стерновской, — возразилъ онъ: — я смотрю совершенно иначе. По моему, онъ предполагаетъ величайшее безстрастіе. Одна ужъ эта способность довольствоваться какой-нибудь перепиской показываетъ нравственное уродство, потому что, какъ вы хотите, но одни вѣчныя письма на человѣка нормальнаго, неизломаннаго, всегда будутъ имѣть скорѣе раздражающее, чѣмъ удовлетворяющее вліяніе.

— Отчего-жь раздражающее? Вы смѣшиваете чувство съ чувственностью, — замѣтилъ Бѣлавинъ.

— О, Боже мой! Но какимъ же образомъ можно отдѣлать, особенно въ дѣлѣ любви, душу отъ тѣла? Это какъ корни съ землей: они ее переплетаютъ, а она ихъ облѣпляетъ, и я, именно, потому не позволяю себѣ переписки, чтобъ не дѣлать дѣвушкѣ еще большаго зла.

— Снявши голову, по волосамъ не тужать! И, вы, кажется, этимъ оправдываете одно свое простое нежеланіе, — произнесъ съ улыбкою Бѣлавинъ.

— Напротивъ, мнѣ это очень тяжело, — подхватилъ Калинокичъ. — Я теперь живу въ какой-то душевной пустынѣ! Алчущій сердцемъ, я знаю, гдѣ бѣжитъ свѣжій источникъ, способный утолить меня, но неиду къ нему по милости этого проклятаго анализа, который, какъ червь, подѣдаетъ всякое чувство, вся-

кую радость въ самомъ еще зародышѣ и, ей-богу, составляетъ одно изъ величайшихъ несчастій человѣка.

Бѣлавинъ опять усмѣхнулся.

— Да,—произнесъ онъ,—много сдѣлалъ онъ добра, да и много и зла; онъ погубилъ было философію, такъ что она едва вынырнула на плечахъ Гегеля изъ того омута, и то еще не совсѣмъ; а прочія знанія, Богъ знаетъ, куда и пошли. Все это бросилось въ детали, подробности; общее пропало совершенно изъ глазъ, и сольется ли когда-нибудь все это во что-нибудь цѣлое, и къ чему все это поведетъ... Удивительно!

— Поведетъ, конечно, къ открытіямъ.

— Да, вѣроятно; но все это будетъ мелко, бесплодно и, повѣрьте мнѣ, что все истинно-великое и доброе, нужное для человѣка, подсказывалось синтетическимъ путемъ.

— Романтизмомъ науки!—замѣтилъ съ усмѣшкой Калиновичъ.

— Да, именно, романтизмомъ,—говорилъ Бѣлавинъ вставая.—Прощайте, однако, мнѣ пора.

— Куда же вы?

— Въ оперу итальянскую таскаюсь. До свиданья.

— Изъ нашихъ, однако, положеній, — говорилъ Калиновичъ, провожая гостя,—можно вывести довольно странное заключеніе, что господинъ, о которомъ мы съ вами давеча говорили, долженъ быть величайшій романтикъ.

— Это какъ?—спросилъ тотъ.

— По рѣшительному отсутствію анализа, котораго, я думаю, въ немъ ни на грошъ нѣтъ.

Бѣлавинъ покатился со смѣху.

— Напротивъ!—возразилъ онъ:—у нихъ, если хо-

тите, есть анализъ, и даже эта бесплодная логическая способность дѣлать послышки и заключенія развита болѣе, чѣмъ у кого-либо; но дѣло въ томъ, что единица ужь очень крупна: всякое нечистое дѣло, прикинутое къ ней, покажется совершеннѣйшими пустяками, меньше нуля. Прощайте, однако, au revoir! — заключилъ Бѣлавинъ.

Послѣ бесѣды этой, Калиновичъ остался, окончательно, въ какомъ-то лирическомъ настроеніи духа. Первымъ его дѣломъ было сейчасъ же приняться за письмо къ Настенькѣ.

«Мой единственный и безцѣнный другъ! (писалъ онъ) первое мое слово будетъ: прости меня, что такъ долго не увѣдомлялъ о себѣ; причина тому была уважительная: я не хотѣлъ вовсе къ тебѣ писать, потому что, увѣжая, рѣшился покинуть тебя, оставить, бросить, презрѣть — все, что хочешь, и, въ оправданіе свое, хочу сказать только одно: дѣлаясь лжецомъ и обманщикомъ, я поступалъ въ этомъ случаѣ не какъ вѣтренный и пустой мальчишка, а какъ человѣкъ, глубоко сознающій всю черноту своего поступка, который омывалъ его кровавыми слезами, но поступить иначе не могъ. Изъ двухъ золъ, мнѣ казалось, я выбиралъ для тебя лучшее: ни тоска обманутой любви, ни горестъ родныхъ твоихъ, ни худая огласка, которая, вѣроятно, теперь идетъ про тебя, ничто не въ состояніи сравниться съ тѣми мученіями, на которыя бы ты была обречена, еслибъ я остался и сдѣлался твоимъ мужемъ. Я истерзалъ бы тебя обиднымъ раскаяніемъ, своими бесполезными жалобами и, можетъ быть, даже ненавистью своей. Что дѣлать! Я не рожденъ для счастья семейной жизни

въ бѣдной долѣ. Честолюбіе живетъ во мнѣ, кажется, на счетъ всѣхъ другихъ страстей и чувствъ, какъ будто-бы древній римлянинъ возродился во мнѣ. Только *in forum*, на площади, мечталь я постоянно жить, и только слава можетъ наполнить мою безпокойную душу. Еще бывши ребенкомъ, когда меня отправляли въ школу и когда все, начиная съ умирающей матери до послѣдней поломойки, плакало около меня, одинъ я не проронилъ слезинки—и все это казалось мнѣ только глупо и досадно. Неудачи не задушили во мнѣ страсти, но только сдавили ее и сдѣлали упруге и стремительнѣе. Подъ ея вліяніемъ я покинулъ тебя, мое единственное сокровище, хотъ, видѣть Богъ, что сотни людей, изъ которыхъ ты могла найти добраго и нѣжнаго мужа — сотни ихъ не въ состояніи тебя любить такъ, какъ я люблю; но, обрекая себя на этотъ подвигъ, я не вынесъ его: разбитый теперь въ Петербургѣ во всѣхъ моихъ надеждахъ, полуумирающій отъ болѣзни, въ нравственномъ состояніи, близкомъ къ отчаянію, и, наконецъ, безъ денегъ, я пишу къ тебѣ эти строчки, чтобъ ты подарила и возвратила мнѣ снова любовь твою. Не надѣйся быть ни женой моею, ни видѣть даже меня, потому что я рѣшился доканывать себя въ этомъ отвратительномъ Петербургѣ; но, все-таки, люби меня и пиши ко мнѣ. Это единственная, нравственная роскошь, которую мы можемъ позволить себѣ. Ты поймешь, конечно, все, что я хотѣлъ тебѣ сказать, и снова дружески протянешь руку невольному мученику самого себя.

Калиновичъ написалъ это письмо со всей искренностью, безъ всякой задней мысли порисоваться, написалъ потому, что желала того душа его, потому что въ эти минуты, дѣйствительно, онъ любилъ Настеньку.

VII.

Отправивъ письмо къ Настенькѣ, Калиновичъ превратился въ какое-то олицетворенное ожиданіе: худой, какъ привидѣніе, съ выраженіемъ тоски въ лицѣ, бродилъ онъ по петербургскимъ улицамъ, забывъ и свое честолюбіе, и свою бѣдность, и страшную будущность. Одна только мысль его каждый день была, что вотъ зайдетъ почтальонъ и принесетъ ему благодатную вѣсточку. Однимъ утромъ, не зная что съ собой дѣлать, онъ лежалъ въ своемъ номерѣ, опершись грудью на окно и съ какимъ-то тупымъ и бессмысленнымъ любопытствомъ глядѣлъ на улицу, на которой происходили обыкновенныя сцены: дворникъ противоположнаго дома, въ ситцевой рубахѣ и въ вязаной фуфайкѣ, лѣниво мелъ мостовую; изъ квартиры, съ красными занавѣсками, въ нижнемъ этажѣ выскочила, съ кофейникомъ въ рукахъ, расстрепанная дѣвка и пробѣжала въ ближайшій трактиръ за водой; прошли, потомъ, похороны съ факельщиками, съ попами впереди и съ каретами назади, въ которыхъ мелькали черные чепцы и бѣлые плерезы. Разнощикъ, идя по улицѣ съ лоханью на головѣ и поворачиваясь во все стороны, кричалъ: *лососина, рыба живая*, а другой, шедшій по тротуару, залился, какъ бы впереводъ ему, звончай-

шляпъ теноромъ: *огурчики зеленые*. Все это было такъ знакомо и такъ противно, что Калиновичъ отъ досады плюнулъ и чуть не попалъ на шляпу проходившему мимо чиновнику. Но вотъ вдутъ еще дрожки: на нихъ сидитъ, къ нему спиной, должно быть, молоденькая дама и въ очень неприглядной шляпкѣ. Она о чемъ-то спросила, тащившаго изъ всѣхъ силъ свою бочку, водовоза. Тотъ ткнулъ въ отвѣтъ пальцемъ на ворота; дрожки подъѣхали. Калиновичу вдругъ стало легче жить и дышать, какъ-будто онъ попалъ въ другую атмосферу. Не понимая, что такое съ нимъ дѣлается, онъ перелегъ на диванъ и — странно! самъ не зная къ чему, сталъ прислушиваться: вся кровь какъ-будто припла къ сердцу. По корридору раздались шаги; дверь растворилась; слышался знакомый голосъ... Калиновичъ вскочилъ. Непонятное предчувствіе не обмануло его: въ комнату входила Настенька.

— Здравствуй!—говорила она.

Обезумѣвшій Калиновичъ бросился къ ней и, схвативъ ее за руки, началъ ощупывать, какъ бы желая убѣдиться, не привидѣніе ли это, а потомъ между ними произошла та нѣмая сцена неожиданныхъ и радостныхъ свиданій, гдѣ избытокъ чувствъ не находитъ даже словъ. Настенька, сама не зная, что дѣлаетъ, снимала съ себя бурнусъ, шляпку и раскладывала все это по разнымъ угламъ, а Калиновичъ только глядѣлъ на нее.

— Какъ же это ты пріѣхала?—заговорилъ онъ, наконецъ, беря ее за руку.

— А ты, другъ мой, радъ мнѣ—да? Но какой же

ты худой! Что это? Зачѣмъ было такъ грустить? — отвѣчала она, всматриваясь ему въ лицо.

— Радъ, — отвѣчалъ Калиновичъ, опускаясь на диванъ и привлекая къ себѣ Настеньку. — Господи! — произнесъ онъ и, схвативъ себя за голову, зарыдалъ.

— Что это, другъ мой, какъ это тебѣ не стыдно? Перестань! — говорила она, утирая ему глаза платкомъ.

— Какъ-же это ты пріѣхала? Господи! — повторилъ Калиновичъ.

— Такъ и пріѣхала. Ты написалъ, что боленъ; я сказала отцу и пріѣхала.

— А что отецъ? — скажи мнѣ...

— Онъ, бѣдный — пожалѣй его — боленъ, въ параличѣ, — отвѣчала Настенька, и голосъ ея задрожалъ.

— Какъ же это? — повторилъ Калиновичъ, все еще не могшій придти въ себя.

Сколько ни былъ онъ радъ пріѣзду Настеньки, но, въ глубинѣ души его, уже шевельнулся отвратительный вопросъ: «какъ же и на что мы будемъ жить?»

— Вели, однако, взять мои вещи у извозчика! Есть у тебя кто-нибудь? — продолжала Настенька.

— Есть. Эй, Федоръ! — крикнулъ Калиновичъ.

Федоръ, конечно, не откликнулся на первый зовъ.

— Что-жь ты, болванъ! — повторилъ Калиновичъ: — поди сейчасъ и принеси сюда вещи отъ извозчика.

Федоръ, сердито промычавши себѣ подъ носъ, ушелъ.

— Ну что, не брани его! — сказала Настенька.

Калиновичъ горько улыбнулся.

— Еслибъ ты, душа моя, только знала, что я, бывши больнымъ, перенесъ отъ этого животнаго...— проговорилъ онъ.

— Очень знаю и знала, но теперь тебѣ будетъ хорошо: я сама тебѣ стану служить,—отвѣчала Настенька, прижимаясь къ нему.

Федоръ принесъ три узла, составлявшіе весь ея багажъ.

— Сколько я тебѣ, другъ мой, денегъ привезла!— продолжала она, проворно вскакивая съ дивана, и, доставъ изъ одного мѣшечка шкатулку, отперла ее и показала Калиновичу. Тамъ было тысячи двѣ серебромъ.

— Ахъ, ты сумасшедшая! Какія же это деньги?— спросилъ онъ.

— Не твое дѣло,—отвѣчала Настенька. —Однако я ужасно устала и ѣсть хочу. Что-жь ты мнѣ чаю не велишь дать? — прибавила она.

— Федоръ! самоваръ! живѣй! — крикнулъ Калиновичъ и опять привлекъ къ себѣ Настеньку, посадилъ ее около себя, обнялъ и началъ цѣловать.

На глазахъ его снова навернулись слезы.

— Ахъ, какой ты истеричный сталъ! Вѣдь я теперь около тебя: о чемъ же плакать?—говорила Настенька.

Федоръ принесъ нечищенный самоваръ и двѣ старыя чашки.

— Перестань же, я чаю хочу. А ты хочешь? — прибавила она.

— Да, налей и мнѣ! Ты давно ужъ меня не поила чаемъ,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Давно, другъ мой,—сказала Настенька и,

подѣловавъ еще разъ Калиновича, сѣла разливать чай.—Ахъ, какія гадкія чашки!—говорила она, тщательно обмывая съ чашекъ грязь:—и вообще, cher ami, посмотри, какъ у тебя въ комнатѣ грязно и нехорошо! При мнѣ этого не будетъ: я все приведу въ порядокъ.

— Не до чего было: умирать собирался...—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Этого не смѣйте теперь и говорить. Теперь вы должны быть счастливы и должны быть такимъ же франтомъ, какъ я въ первый разъ васъ увидѣла — я этого требую! — возразила Настенька и, напившись чаю, опять сѣла около Калиновича. — Ну-съ, извольте мнѣ рассказывать, какъ вы жили безъ меня въ Петербургѣ: измѣняли мнѣ или нѣтъ?

— Не до измѣнъ было! — отвѣчалъ Калиновичъ, скрывъ притворнымъ вздохомъ нетвердость въ голосѣ.

— Я знаю, другъ мой, что ты мнѣ не измѣнишь, а все-таки хотѣла тебѣ ухо надрать больно-больно: вотъ какъ!.. — говорила Настенька, теребя потихоньку за ухо: — придумалъ тамъ что-то такое въ своей головѣ, не пишетъ ни строчки, самъ боленъ...

— Ну, прости меня! — сказалъ Калиновичъ, цѣлуя ея руку.

— Прости? А ты не знаешь, что чуть довелъ было меня до самоубійства.

Калиновичъ посмотрѣлъ на нее.

— О, вздоръ какой! — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не вздоръ; послѣ этого ты не знаешь ни характера моего, ни любви моей къ тебѣ, — возразила Настенька. — Тогда, какъ ты уѣхалъ, я думала,

что вотъ буду жить и существовать письмами; но вдругъ человекъ не пишетъ мѣсяцъ, два, три... полгода наконецъ! Что другое могла я предположить, кромѣ смерти твоей! Спрашиваю всѣхъ, читаю газеты, журналы, чтобъ только имя твое встрѣтить— и нигдѣ ничего! Князь тогда пріѣхалъ въ городъ; я, забывши всякій стыдъ, пошла къ нему... на колѣняхъ почти умоляла сказать, не знаетъ ли чего о тебѣ. «Ничего, говорить, не знаю!»

Калиновичъ слушалъ, потупивъ голову.

— И я рѣшительно бы тогда что-нибудь надъ собою сдѣлала,—продолжала Настенька:—потому что, думаю, если этотъ человекъ умеръ, что-жь мнѣ? для чего осталось жить на свѣтѣ? Лучше ужь руки на себя наложить,—и только Богъ еще, видно, не хотѣлъ совершенной моей гибели и внушилъ мнѣ мысль и желаніе причаститься... Отговѣла я тогда и пошла на исповѣдь къ этому отцу Серафиму — помнишь? настоятель въ монастырѣ: все ему разсказала, какъ ты меня полюбилъ, оставилъ, а теперь умеръ, и что я рѣшилась лишиться себя жизни!

Калиновичъ слегка улыбнулся и покачалъ головой.

— Что-жь онъ на это сказалъ тебѣ? — спросилъ онъ.

— А то сказалъ, что «привязанности, говорить, земныя у тебя сильны, а любила ли ты когда-нибудь Бога, размышляла ли о немъ, безумная?»—Я стою, какъ осужденная, и, конечно, въ такую ужасную минуту, какъ вообразила, припомнила всю свою жизнь, такъ мнѣ сдѣлалось страшно за себя... «Неужели, говорить, твое развращенное сердце окаме-

нѣло и для страха передъ Господомъ, Судьей грознымъ, во громахъ и славѣ царствующимъ? Молись, говоритъ, до кроваваго пота!.. Какой то трепетъ духовный, ужасъ, другъ мой, овладѣлъ мной... знаешь, какъ иногда передъ причастіемъ ждешь, что вотъ огонь небесный спалитъ тебя недостойную. Всплеснула я руками, бросилась на колѣни и точно ужъ молилась: всю, кажется, душу мою, все сердце выплакала. «Я, говоритъ, теперь положу на тебя эпитимью, и когда увижу, что душа твоя просвѣтлѣла, тогда причащу», и началъ потомъ говорить мнѣ о Богѣ, о назначеніи человѣка... именно раскрылъ во мнѣ это религіозное чувство... Я поняла тогда, какъ онъ выразился, что только вооруженные мечемъ любви къ Богу можемъ мы сражаться и побѣждать полчище нашихъ страстей.

Калиновичъ снова улыбнулся, и вообще онъ слушалъ Настеньку, какъ слушаетъ иногда мать милую болтовню своего ребенка. Та замѣтила, наконецъ, это.

— Ты смѣешься?... Я умираю — а онъ смѣется! Что-жь это, другъ мой?—сказала она, со слезами на глазахъ.

— Я не тому... — произнесъ Калиновичъ, цѣлуя ея руку.

— Я знаю чему!—подхватила Настенька:—и тебя за это, Жакъ, накажетъ Богъ. Ты вотъ теперь постоянно недоволенъ жизнью и несчастливъ, а послѣ будетъ съ тобою еще хуже — повѣрь ты мнѣ!... За меня тоже Богъ тебя накажетъ, потому что, пока я не встрѣчалась съ тобой, я все-таки была на что-нибудь похожа; а тутъ эти сомнѣнія, насмѣшки... и

что пользы? Какъ отецъ же Серафимъ говоритъ: «сердце черствѣетъ, умъ не просвѣщается. Только на красугольномъ камнѣ вѣры, страха и любви къ Богу можемъ мы строить наше душевное зданіе.»

Калиновичъ нарочно старался смотрѣть въ уголь.

— Не убивай во мнѣ этой силы, которую этотъ святой человѣкъ далъ мнѣ...

— Ну хорошо, перебилъ—Калиновичъ:—скажи лучше, давно ли старикъ заболѣлъ?

Настенька вздохнула и отвѣчала:

— Все въ это же время! Онъ ужасно о тебѣ груститъ... ну, и потомъ видитъ меня въ моемъ отчаянномъ положеніи. Еслибъ тогда кто посмотрѣлъ на насъ—ужась что такое! Всѣ мы, напимѣръ, постоянно думали о тебѣ, а другъ съ другомъ ни слова объ этомъ; ко всему этому, наконецъ, будятъ меня разъ ночью и говорятъ, что съ отцомъ параличъ. Не имѣй я въ душѣ твердой религіи, я, конечно бы, опять рѣшилась на самоубійство, потому что явно выхожу отцеубійцей; но тутъ именно взглянула на это, какъ на новое для себя испытаніе, и рѣшилась отречься отъ міра, ходить за отцомъ — и онъ, сокровище мое, ваетъ, понималъ это: никому не позволялъ, кромѣ меня, лекарства ему подавать, бѣлье перемѣнять...

— Какъ же онъ отпустилъ тебя? — возразилъ Калиновичъ, глядя ей въ лицо.

Настенька махнула только рукой.

— И не спрашивай лучше!—проговорила она.— Тогда, какъ получила твое письмо, всѣмъ твоимъ глупостямъ, которыя ты тутъ пишешь, что хотѣлъ меня клинуть, я, конечно, не повѣрила, зная на-

передъ, что этого никогда не можетъ быть. Поняла только одно, что ты боленъ... и точно все перевернулось въ душѣ: и отца, и обѣтъ свой — все забыла, и тутъ же рѣшилась, чего бы мнѣ ни стоило, ѣхать къ тебѣ.

Калиновичъ слегка улыбнулся.

— А что же отецъ Серафимъ? Какъ на это взглянулъ? — спросилъ онъ.

Настенька тоже усмѣхнулась.

— Какой ужъ тутъ отецъ Серафимъ! Смѣла я къ нему показаться съ такимъ намѣреніемъ! Все ужъ потихоньку сдѣлала и уѣхала, такъ что иногда я думаю и рѣшительно не понимаю себя. Что-жь это, наконецъ, за любовь моя къ тебѣ? Точно ты имѣешь надо мной какую-то сверхъ-естественную власть. Грѣха? И того, какъ-будто-бы, не существуетъ для меня въ отношеніи тебя. Кажется, еслибъ меня совершенно убѣдили, что за любовь къ тебѣ я обречена буду на вѣчныя муки, я и тогда бы не побоялась и рѣшилась. Противъ отца теперь... какъ хочешь, — продолжала она, больше и больше одушевляясь:—я ужасно его люблю; но когда что коснется тебя — я жалости къ нему не чувствую. Когда задумала ѣхать къ тебѣ, сколько я тутъ нагала... Господи! Самъ онъ читать не можетъ; я написала, во-первыхъ, подъ твою руку письмо, что ты все это время былъ боленъ и потому не писалъ, а что теперь тебѣ лучше и ты вызываешь меня, чтобъ жениться на мнѣ, но самъ пріѣхать не можешь, потому что долженъ при журналь работать — словомъ, сочинила цѣлую исторію... Пелагею Евграфовну тоже поймала на одну удочку:

отвела ее потихоньку къ себѣ въ комнату, стала передъ ней на колѣни. «Душечка, говорю, Пелагея Евграфовна, не смущайте и не отговаривайте нашу. Вы сами, можетъ быть, любите человѣка, и каково бы вамъ было, еслибъ онъ больной былъ далеко отъ васъ: вы бы, конечно, пѣшкомъ убѣжали къ нему»... Ну и разжалобила.

Калиновичъ качалъ головой.

— Ну, а капитанъ что? — спросилъ онъ.

— Ахъ, душка, съ капитаномъ у меня цѣлая исторія была! — отвѣчала Настенька. — Первые дни онъ только дудся; я и думала, что тѣмъ кончится: промолчить по обыкновенію. Однако, вдругъ приходитъ ко мнѣ и своимъ, знаешь, запинаящимся языкомъ говорить, что вотъ я ѣду, отецъ почти при смерти, и на кого я его оставлю... Мучилъ, я тебѣ говорю, терзалъ меня, какъ я не знаю что... И, наконецъ, прямо говорить, что ты меня опять обманешь, что ты, бывши еще здѣсь, сватался къ этой Полинѣ и княжеской дочкѣ, и что оттого уѣхалъ въ Петербургъ, что тебѣ вездѣ отказали... Тутъ ужъ я больше не вытерпѣла, вспылела. «Не смѣйте, говорю, дяденька, говорить мнѣ про этого человѣка, котораго вы не можете понимать; а въ отношеніи меня, говорю, любовь ваша не даетъ вамъ права мучить меня. Если, говорю, я оставлю умирающаго отца, такъ это нелегко мнѣ сдѣлать и вы, вмѣсто того, чтобъ меня хоть сколько-нибудь поддержать и утѣшить въ моемъ ужасномъ положеніи, вы вливаете еще мнѣ яду въ сердце и хотите поселить недоверіе къ человѣку, для котораго я всѣмъ жертвуюю». И сама, знаешь, горько-горько

заплакала; но онъ и тутъ меня не пожалѣлъ, а пошелъ къ отцу и такую штучку подвелъ, что если я хочу ѣхать, такъ чтобъ его съ собой взяла, заступникомъ моимъ противъ тебя. Можешь себѣ представить, какъ это взорвало меня съ моимъ самолюбиемъ! Я велѣла ему сказать черезъ людей, что я хоть и дѣвушка, но мнѣ двадцать три года, и въ гувернерахъ я не нуждаюсь, да и возить мнѣ ихъ съ собой не на что... Такъ и кончилось, такъ я и уѣхала, почти не простясь съ нимъ.

Калиновичъ опять повачалъ головой.

— Ну зачѣмъ это? Онъ любитъ тебя... — проговорилъ онъ.

— Можетъ быть, — возразила Настенька вздохнувъ: — но только ужасно какой упрямый человекъ! Вообрази себѣ: при отъѣздѣ моемъ онъ ни въ чемъ не хотѣлъ мнѣ помочь, такъ что я, рѣшительно, обо всемъ сама должна была хлопотать. Во-первыхъ, денегъ надо было достать. Я очень хорошо знала, что у тебя ихъ мало, и вдругъ я приѣду безъ ничего... Имѣнье рѣшилась заложить, отцу сказала — онъ позволилъ; однако, говорятъ, скоро этого нѣльзя сдѣлать. «Господи! думаю: что-жь мнѣ дѣлать?» а на сердцѣ, между-тѣмъ, такъ накипѣло, что не жить — не быть, а ѣхать къ тебѣ. Придумала занять у почтмейстера, и вотъ, душа моя, видѣла скупаго человека — ужась! цѣлую недѣлю я каждый день къ нему ѣдила. Рѣшился, наконецъ, за какіе-то страшные проценты... послѣ мнѣ ужъ растолковали. Выхлопотала я, наконецъ, всѣ эти бумаги. Румянцевъ, спасибо, все помогалъ, его ужъ все посылала. Привожу ихъ къ нему, сталъ онъ деньги отсчитывать

и, — представь себя, дрожить, слезы на глазах: «не обманите, говорятъ, меня!» — просто плачетъ.

Проговоря это, Настенька утомилась и задумалась.

— Потомъ прощанья эти, разставанья начались, — снова продолжала она. — Отца ужъ только тѣмъ и утѣшала, что общала къ нему осенью непременно прѣхать вмѣстѣ съ тобой. И, пожалуйста, другъ мой, поѣдемъ... Это будетъ единственнымъ для меня утѣшеніемъ въ моемъ эгоистическомъ поступкѣ.

Калиновичъ думалъ.

— Какъ же ты ѣхала? Неужели даже безъ дѣвушки? — спросилъ онъ, какъ бы желая перемѣнить разговоръ, и не отвѣчая на послѣднія слова Настеньки.

— Да... Изъ города, впрочемъ, я выѣхала съ одной помѣщицей, — отвѣчала она: — дура ужасная, и — можешь вообразить мое нетерпѣніе скорѣй доѣхать, а она боится: — какъ темно, такъ останавливаемся ночевать, не ѣдемъ... Мнѣ кусокъ въ горло нейдетъ, а она ѣстъ, какъ корова... храпитъ. Потомъ у насъ колесо сломалось; извозчикъ намъ нагрубилъ, и въ Москвѣ, наконецъ, я рѣшительно осталась одна-одинехонька. Никого не знаю — ужасъ! Поѣхала, однако, на желѣзную дорогу; тамъ хотѣла съэкономничать, взяла въ третьемъ классѣ — и, представь себя, очутилась, рѣшительно, между мужиками: — отъ тулуповъ воняетъ; а тутъ еще пьяный какой-то навязался, — началъ со мной куртизанить. Ночь наступила... ужасъ! я тебѣ говорю. Когда здѣсь вышла изъ вагона, такъ просто перекрестилась. «Господи! думаю, неужели теперь я не одна и

увиджу его, моего друга, моего ангела!» Охъ, какъ я тебя люблю!

Говоря послѣднія слова, Настенька обвила Калиновича руками и прижалась къ его груди. Онъ поцѣловалъ ее въ раздумьѣ.

— Нѣтъ, такъ любить невозможно! — проговорилъ онъ.

— Отчего невозможно? — спросила Настенька.

— Такъ невозможно, — проговорилъ Калиновичъ, и на глазахъ его снова навернулись слезы.

VIII.

На первое время Настенька точно благодать принесла въ житьѣ-бытьѣ Калиновича. Здоровье его поправилось совершенно; ему возвратилась его прежняя опрятность и джентльменство въ одеждѣ. Въмѣсто грязнаго номера была нанята небольшая, но чистенькая и свѣтлая квартира, которую они очень мило убрали. Настеньку, первое время, беспокоила еще мысль о свадьбѣ, но заговорить и потребовать самой этого — было очень щекотливо, а Калиновичъ тоже не начиналъ. Впрочемъ, она, чтобъ успокоить отца, написала ему, что замужемъ, и съ умысломъ показала это письмо Калиновичу.

— Посмотри, другъ мой, что я пишу, — сказала она съ улыбкой.

— Да, хорошо, — отвѣчалъ онъ, тоже съ улыбкой, и разговоръ тѣмъ кончился.

Благодаря свободѣ столичныхъ нравовъ, положеніе ихъ не возбуждало ни съ какой стороны ни

толковъ, ни порицаній, тѣмъ болѣе, что жили они почти уединенно. У нихъ только бывали Бѣлавинъ и молодой студентъ Иволгинъ. Перваго пригласилъ самъ Калиновичъ, сказавъ еще напередъ Нестенькѣ: «я тебя, другъ мой, познакомлю съ однимъ очень умнымъ человѣкомъ, Бѣлавинымъ. Сегодня зайду къ нему, и онъ, вѣроятно, какъ-нибудь вечеромъ завернетъ къ намъ». Настенькѣ на первый разъ было это несовсѣмъ пріятно.

— Нѣтъ... я не выйду, — сказала она: — мнѣ будетъ неловко... все, какъ хочешь, при нашихъ отношеніяхъ... Я лучше за ширмами послушаю, какъ вы, два умные человѣка, будете говорить.

— Вотъ вздоръ какой! Съ такимъ развитымъ и деликатнымъ человѣкомъ развѣ можетъ быть неловко? — возразилъ Калиновичъ и ушелъ.

Въ это самое утро, нѣжась и развѣлясь въ водтеровскомъ креслѣ, сидѣлъ Бѣлавинъ въ своемъ кабинетѣ, уставленномъ по всѣмъ тремъ стѣнамъ шкапами съ книгами, на верху которыхъ стояли мраморные бюсты великихъ людей. Передъ нимъ на столѣ валялись цѣлыя кѣпы всевозможныхъ журналовъ и газетъ. Отъ нечего-ли дѣлать, или по любви къ подобному занятію, но только онъ съ полчаса уже игралъ хлыстомъ съ красивѣйшимъ водолазомъ, у котораго глаза были, ей-богу, умнѣй другаго человѣка и который, какъ бы потѣшая господина, то ласково огрызался, тщетно стараясь поймать своей страшной пастью кончикъ хлыста, то падалъ на мягкій коверъ и граціозно начиналъ кататься.

Вошелъ Калиновичъ.

— Здравствуйте, /+сирогорд/ своимъ привѣт-

ливымъ тономъ Бѣлавинъ и, послѣ обычныхъ съ обѣихъ сторонъ жалобъ на петербургскую погоду, Калиновичъ сказалъ:

— Я теперь переѣхалъ на другую квартиру.

— А! — произнесъ Бѣлавинъ.

— Особа, о которой мы съ вами говорили, тоже прѣехала сюда, — присовокупилъ онъ съ улыбкою и потупившись.

— А! — произнесъ опять Бѣлавинъ, тоже нѣсколько потупившись. — Очень радъ, — прибавилъ онъ.

Калиновичъ съ нѣкоторымъ усилиемъ объявилъ, что онъ желалъ-бы познакомить Бѣлавина съ ней, и потому просить его какъ-нибудь удѣлать имъ вечерокъ.

— Непремѣнно-съ; сегодня же, если позволите, — отвѣчалъ Бѣлавинъ.

Затѣмъ они потолковали еще съ полчаса о разныхъ новостяхъ, причемъ хозяинъ разговорился, между прочимъ, объ одной капитальной журнальной статьѣ, разобралъ ее съ свойственною ему тонкостью и, не найдя въ ней ничего новаго и серьезнаго, воскликнулъ: — что это за бѣдность умственная, — удивительно!

— Удивительно! — повторилъ и Калиновичъ за нимъ.

Распростившись, онъ пошелъ къ своей Настенькѣ. Бѣлавинъ, между-тѣмъ, позвавъ человека, велѣлъ, чтобъ подавали экипажъ, намѣреваясь часа два походить по Невскому, а потомъ ѣхать въ англійскій клубъ обѣдать. Странное и довольно-любопытное явленіе могутъ представить читателю эти два человека, которыхъ мы видѣли теперь вмѣстѣ. Бѣ-

лавинъ, сколько можно было его понять, по всѣмъ его убѣжденіямъ, былъ истый романтикъ, идеалистъ, — какъ хотите, назовите. Богатый человекъ, онъ почти не служилъ, говоря, что не можетъ укладываться ни въ какой служебной рамкѣ. Всю почти первую молодость онъ путешествовалъ: Римъ зналъ до послѣдней его картины, до самаго глухаго переулка; прошелъ пѣшкомъ всю Швейцарію; жилъ и учился въ Парижѣ, въ Лондонѣ... но и только! Во всемъ остальномъ жизнь его была въ высшей степени однообразна и безцвѣтна. Вся она какъ будто бы состояла изъ этого стремленія къ образованію, изъ толковъ объ изящномъ, о наукѣ, о политикѣ, изъ хорошихъ потомъ обѣдовъ, изъ житья лѣтомъ въ своей усадьбѣ или на дачѣ, но всегда при удивительно хорошемъ мѣстоположеніи. Даже имѣніемъ своимъ онъ управлялъ особенно какъ-то расчетливо и спокойно. Самые искренніе его пріятель, въ отношеніи собственнаго его сердца, знали только то, что когда-то онъ былъ влюбленъ въ дѣвушку, которой за него не выдалъ, потомъ былъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ очень милой и умной дамой, которая умерла; но все это, однако, для самого Бѣлавина прошло повидимому легко; какъ-будто ни одного дня въ жизни его не существовало, когда бы онъ былъ грустенъ, да и повода какъ-будто къ тому не было, — тогда-какъ героя моего, при всѣхъ собственныхъ ему практическихъ стремленіяхъ, мы уже около трехъ лѣтъ находимъ въ истинно-романическомъ положеніи. Чѣмъ это условливалось? Въ-самомъ-ли дѣлѣ, въ романтизмѣ лежитъ большая доля безстрастности, или, вообще, романтики, какъ люди

болѣе требовательные, съ болѣе строгимъ идеаломъ, не такъ склонны подпадать увлеченіямъ, а потому какъ-будто-бы меньше живутъ и меньше оступаются?

Въ ожиданіи Бѣлавина, мои молодые хозяева нѣсколько поприспособились. Въ маленькой залядѣ в кабинетѣ полъ былъ наощенъ; зажжена была вновь купленная лампа; предположено было, чтобъ чай, приготовленный съ нѣсколькими изысканными принадлежностями, разливала сама Настенька, словомъ—проектировался одинъ изъ тѣхъ чайныхъ вечеровъ, которыми такъ изобилуетъ чиновничій Петербургъ.

— Вы извольте одѣться подомашнему, не нарядно, но только посвѣжѣй, — сказалъ Калиновичъ Настенькѣ. Онъ желалъ ею похвастаться передъ Бѣлавинымъ.

— Да, мой другъ, хорошо, — отвѣчала та, угадывая его намѣреніе.

Часовъ въ девять раздался звонокъ: Бѣлавинъ пріѣхалъ. Калиновичъ представилъ его Настенькѣ, какъ-бы хозяйкѣ дома: она немного сконфузилась.

— Мы еще безъ васъ ужъ много о васъ говорили, — сказалъ гость бездеремоннымъ, но вѣжливымъ тономъ, пожимая ея маленькую ручку.

— А онъ говорилъ обо мнѣ? — спросила Настенька, взглянувъ на Калиновича.

— Да, — отвѣчалъ значительно Бѣлавинъ, садясь и опираясь на свою дорогую трость.

— Ну, однако, скажите, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Настенькѣ, какъ-бы старый знакомый:—вы, вѣроятно, въ первый разъ еще въ Петербургѣ? Скажите, какое произвѣсѣ на васъ впечатлѣніе?

Я всегда интересуюсь знать, какъ все это отражается на свѣжемъ человѣкѣ.

— Я еще почти не видала Петербурга и могу сказать только, что зодчество или, собственно, скульптура — одно, что поразило меня, потому-что въ другихъ мѣстахъ Россіи... я не знаю, если это и есть, то такъ мало, что вы этого не увидите; но здѣсь чувствуется, что существуетъ это искусство, это бросается въ глаза. Эти лошади на мосту, сфинксы, на домахъ статуи...

Такъ старалась объяснить намеками свою мысль Настенька, видимо желавшая заговорить о чемъ-нибудь поумнѣе.

— А что, пожалуй, что это и вѣрно! — произнесъ въ отвѣтъ ей Бѣлавинъ. — Я самъ вотъ теперь себя повѣряю! Дѣйствительно, это такъ; а между тѣмъ мы занимаемъ не мили, а сотни градусовъ, и чтобъ имѣть только понятіе о зодествѣ, надобно ѣхать въ Петербургъ — это невозможно!.. Страна черезчуръ ужъ малообильная пизщными искусствами... Слишкомъ ужъ!..

— Въ театръ теперь все сбираемся и не можемъ никакъ попасть — такъ это досадно! — продолжала Настенька.

— Въ театръ-съ, непременно въ театръ! — подхватилъ Бѣлавинъ: — но только не въ Александринку — Боже васъ сохрани! — а то испортите первое впечатлѣніе. Въ итальянскую оперу ступайте. Это и Эрмитажъ, я вамъ скажу — два мѣста въ Петербургѣ, гдѣ, дѣйствительно, можно провести время эстетически.

— Да, и въ Эрмитажъ, — подхватила Настенька.

— Непремѣнно. И, вотъ вамъ совѣтъ: не начинайте съ испанской школы, а то увидите Мурильо, и онъ убьетъ у васъ все остальное, такъ-что вы смотрѣть не захотите, потому-что Рафаэль тутъ очень слабъ... Нѣмецкая эта школа и плоха, и мала... Во французской Пуссенъ еще васъ немного затронетъ, но Мурильо... этакой страстности въ колоритѣ, въ положеніи... Боже мы мой! И все это сдержанное, соразмѣренное величайшимъ художественнымъ тактомъ—неподражаемо! Онъ и богатство фламандской школы... это восхитительно...

— Ахъ, какъ я рада! — произнесла Настенька, пришедшая въ волненіе отъ одной ужь мысли, что все это увидитъ.—Я не знаю, — продолжала она,— для музыки я, кажется, просто не рождена, потому-что у меня очень-дурной слухъ; но театръ... Я, конечно, сноснаго даже не видала, но, кажется, могу ужасно къ нему привязаться. И такъ мнѣ вотъ досадно на Якова Васильича: третьяго дня, вообразите, приходилъ къ нему какой-то молодой человекъ. Иволгинъ, который, какъ самъ онъ говоритъ, страстно любитъ театръ и непремѣнно хочетъ быть актеромъ; но Яковъ Васильичъ именно за это не хочетъ быть съ нимъ знакомъ! Это неумно и несо-временно!

Последнія слова Настенька произнесла съ большимъ одушевленіемъ. Бѣлавинъ все пристальнѣе и внимательнѣе въ нее вглядывался.

— Да, — подтвердилъ онъ ей.

Калиновичъ, между-тѣмъ, улыбался.

— Это вотъ тотъ самый студентъ, который въ театрѣ къ намъ прислушивался, — сказалъ онъ Бѣлавину.

Тотъ кивнулъ головой.

— Сынъ очень богатаго отца, — продолжалъ Калиновичъ, — который отдалъ его въ университетъ, но онъ тамъ ничего не дѣлаетъ. Сначала увлеченъ былъ Каратыгинымъ, а теперь, сдуру, изучаетъ Шекспира. Явился, наконецъ, ко мнѣ, больному, началъ тутъ бѣсноваться...

— Ну, да; ты тогда былъ боленъ; а теперь что-жь? Ты самъ согласенъ, что, все-таки, стремление эго въ немъ благородно: какъ же презирать его за это? — возразила Настенька.

— И особенно между петербургской молодежью, — вмѣшался Бѣлавинъ, — которая такъ вся подтянута, прилична, черства, и никакихъ ужъ не имѣетъ стремлений ни къ чему, что хоть немного выходитъ изъ обыденнаго порядка.

— Да, — подтвердила Настенька. — Но согласитесь, если съ нимъ будутъ такъ поступать и въ немъ убьютъ это стремление: явится недоверіе къ себѣ, охлажденіе, а потомъ и совѣмъ замретъ. Я, не зная ничего, приняла его, а Яковъ Васильичъ не вышелъ... Онъ, представьте, заклиналъ меня, чтобъ позволили ему бывать, говорить, что имѣетъ крайнюю надобность — такъ жалко! Можетъ-быть, у него въ самомъ дѣлѣ есть талантъ.

— Какой тутъ талантъ! что это такое! — воскликнулъ уже съ досадою Калиновичъ. — Ничего не можетъ быть несноснѣе для меня этой сладенькой миротверности, которая хочетъ все приголубить, а въ сущности, это только правдивая распущенность.

— Ужъ во все у меня это не распущенность, а

очень сознателное чувство!—возразила Настенька.— Онъ вотъ очень хорошо знаетъ, — продолжала она, указавъ на Калиновича и обращаясь болѣе къ Бѣлавину: — знаетъ, какой у меня ужасный отрицательный взглядъ былъ на Божій міръ; но когда именно пришло для меня время такого несчастія, такого паденія въ общественномъ мнѣніи, что каждый, кажется, могъ бросить въ меня безнаказанно камень, однако никто, даже изъ людей, которыхъ я, можетъ быть, сама оскорбляла, — никто не далъ мнѣ даже и почувствовать этого какимъ-нибудь двусмысленнымъ взглядомъ, — тогда я поняла, что въ каждомъ человѣкѣ есть искра Божья, искра любви, и перестала не любить и презирать людей.

— Нравственная перемѣна къ лучшему, — замѣтила Бѣлавинъ.

— Что-жь тутъ къ лучшему? — перебилъ Калиновичъ. — Вы сами заклятой гонитель зла... Послѣ этого, нашего знакомаго, чиновнаго господина надобно только похваливать да по головкѣ гладить.

— Зло надобно преслѣдовать, а добро все-таки любить, — отвѣчалъ спокойно Бѣлавинъ.

— И тогда только вы будете въ человѣкѣ глубоко ненавидѣть зло, когда вы способны полюбить въ немъ искру, малѣйшую каплю добра! — подхватила Настенька съ полнымъ одушевленіемъ и ударила даже ручкой по столу.

— Bravo! — воскликнулъ Бѣлавинъ, аплодируя ей. — Якову Васильичу, сколько я могъ замѣтить, капли мало: онъ любитъ, чтобъ во всемъ было осязательное достоинство, чтобъ все носило нѣкоторый

мундиръ, имѣло рангъ; тогда онъ, можетъ быть, и повѣрить.

— Именно, — подхватила Настенька: — и въ немъ всегда была эта склонность. Форма ему иногда закрывала глаза на такое безобразіе, которое должно было, съ перваго же разу, возмутить душу. Вспомни, напримѣръ, хоть свои отношенія съ княземъ, — прибавила она Калиновичу, который очень хорошо понималъ, что его начинаютъ унижать въ спорѣ, а потому разсердился не на шутку.

— Погодите! я сейчасъ же вамъ доставлю удовольствіе наслаждаться этой искрой Божьей. Я сейчасъ же выпишу этого господина. Пойдите; пускай онъ васъ учитаетъ! — проговорилъ онъ полусутливымъ и полудосадливымъ тономъ, и тутъ же принялся писать записку.

— Зачѣмъ же выписывать, чтобъ смѣяться по томъ? — замѣтила Настенька.

Бѣлавинъ одобрительно кивнулъ головой.

— Я не буду смѣяться, а посмотрю на васъ, что вы, миротворцы, будете дѣлать, потому что эта ваша задача — наслаждаться какимъ-нибудь зернышкомъ добра въ кучѣ хлама — у васъ чисто придуманная, и на дѣлѣ вы никогда ее не исполните, — отвѣчалъ Калиновичъ и отправилъ записку.

Студентъ не заставилъ себя долго дожидаться: еще не встали изъ-за чая, какъ онъ явился, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ.

— Какъ я вамъ благодаренъ! — проговорилъ онъ Калиновичу.

Тотъ представилъ его Бѣлаину.

— М-г Бѣлавинъ! — проговорилъ онъ съ усмѣшкою.

Студентъ пришелъ въ окончательный восторгъ.

— Какъ я радъ, что имѣю счастье... — началъ онъ съ запинкою и сядясь около своего новаго знакомаго. — Яковъ Васильичъ, можетъ быть, говорилъ вамъ...

Бѣлавинъ отвѣчалъ ему вѣжливой улыбкой.

— А что, какъ вашъ Гамлетъ идетъ? — спросилъ Калиновичъ.

— Гамлета ужъ я, Яковъ Васильичъ, оставилъ, — отвѣчалъ студентъ наивно. — Онъ, какъ вы справедливо замѣтили, очень глубоко и тонокъ для меня въ отдѣлкѣ; а теперь — такъ это пріятно для меня, и я именно хотѣлъ, если позволите, посоветоваться съ вами — въ одномъ тамъ знакомомъ домѣ устраивается благородный спектакль: ну и, конечно, всей пьесы нельзя, но я предложилъ и хочу непременно поставить сцены изъ «Ромео и Юліи».

— И сами, конечно, будете играть Ромео? — спросилъ Калиновичъ.

— Да, не знаю, какъ удастся. Конечно, на себя я еще больше надѣюсь, потому что все-таки много работалъ, но, главное, дѣвицы, которыя теперь участвуютъ, никакъ не хотятъ играть Юліи.

— Отчего-жь? — спросила Настенька.

Студентъ пожалъ плечами.

— Говорятъ, — отвѣчалъ онъ, — что роль трудна и что Юлія любитъ Ромео, а выражать это чувство на подмосткахъ неприлично.

Настенька усмѣхнулась.

— Здѣсь то же, какъ и въ провинціи: тамъ,

и знаю, въ одномъ домѣ хотѣли играть *Gore otъ ума*, и ни одна дама не согласилась взять роль Софьи, потому что она находится въ такихъ отношеніяхъ съ Молчалинымъ! — отнеслась она къ Бѣлавину.

— Общая участь всѣхъ благородныхъ спектаклей! — отвѣчалъ тотъ.

— Прочитайте намъ что-нибудь, — сказалъ Калиновичъ студенту, съ явною цѣлью потѣшиться надъ нимъ.

— Если позволите, я и книгу съ собой принесъ, — отвѣчалъ тотъ, ничего этого не замѣчая. — Только одному не ловко; я почти не могу... Позвольте васъ просить прочесть за Юлію. *Soyez si bonne!* — отнесся онъ къ Настенькѣ.

— Я никогда не читала такимъ образомъ и, вѣроятно, дурно прочту, — отвѣчала она, взглянувъ мелькомъ на Калиновича.

— Вы, вѣроятно, превосходно прочтете! — подхватилъ студентъ.

— Конечно, кому же, кромѣ васъ, читать за Юлію? — проговорилъ ей Калиновичъ.

Настенька незамѣтно покачала ему, съ укоризной, головой.

— Извольте, — сказала она, и желая загладить насмѣшливый тонъ Калиновича, взяла книгу, сначала просмотрѣла всю предназначенную для чтенія сцену, а потомъ начала читать, вовсе не шутя.

Студентъ пришелъ въ восторгъ.

— Превосходно! — воскликнулъ онъ, и самъ зачиталъ съ жаромъ.

Калиновичъ, взглянувъ было насмѣшливо на Настеньку и на Бѣлавина; но они ему не отвѣтили

тѣмъ же, а напротивъ, Настенька, начавшая слѣдующій монологъ, чѣмъ далѣе читала, тѣмъ болѣе одушевлялась и входила въ роль: привыкшая почти съ дѣтства читать вслухъ, она прочитала почти безукоризненно.

— Знаете что? Вы прекрасно читаете; у васъ рѣшительно сценическое дарованіе! — проговорилъ, наконецъ, Бѣлавинъ, сохранявшій все это время такое выраженіе въ лицѣ, по которому рѣшительно нельзя было угадать, что у него на умѣ.

— Ахъ, я очень рада! — подхватила Настенька. — Вдругъ я сдѣлаюсь актрисой, — прибавила она, обращаясь къ Калиновичу.

— Чего добраго! — отвѣчалъ тотъ.

Студентъ, между тѣмъ, пришелъ въ какое-то изступленіе.

— Превосходно, превосходно! — восклицалъ онъ и, обратившись къ Бѣлавиному, сталъ того допрашивать. — Ну, а я что? скажите, пожалуйста, какъ я?

— Ничего; къ стиху только прислушивайтесь; надобно больше вникать въ смыслъ и вообще играть нервами, а не полнокроемъ!.... — отвѣчалъ тотъ.

— Да, дѣйствительно, я именно этого и хочу достигнуть, — согласился студентъ. — Но вы превосходны! — обратился онъ къ Настенькѣ: — и конечно... я не смѣю — но это было бы благодѣяніе — еслибъ позволили просить васъ сыграть у насъ Юлію. Театръ у нашей хорошей знакомой, *madame Volmar*... я завтра же съѣзжу къ ней и скажу: она будетъ въ восторгѣ.

— Благодарю васъ, но я никогда не играла, полуотговаривалась Настенька.

— De grace, soyez si bonne! Будьте великодушны, я готовъ васъ на колѣняхъ просить! — приставаль студентъ.

— Нѣтъ-съ, она не будетъ играть! — рѣшилъ Калиновичъ и, чтобъ прекратить эту сцену, обратился къ Бѣлавину и началъ съ нимъ совершенно другой разговоръ.

Студента, однако-жь, это не остановило: онъ, все таки, сталъ потихоньку упрашивать Настеньку. Она его почти не слушала и, развернувъ Ромео, который попался ей въ первый еще разъ, сама не замѣчая того, зачиталась.

— Ахъ, какъ это хорошо, Боже мой! — говорила она.

Студентъ глядѣлъ на нее съ какимъ-то умиленіемъ. Бѣлавинъ тоже останавливалъ на ней, по временамъ, свои задумчивые голубые глаза.

Часовъ въ двѣнадцать гости стали прощаться.

— Ну, батюшка, вы такимъ владѣете сокровищемъ!.. — сказалъ Бѣлавинъ въ передней потихоньку Калиновичу.

Тотъ самодовольно улыбулся и къ Настенькѣ, однако, возвратился въ раздумьѣ.

— Какой долженъ быть превосходный человѣкъ этотъ Бѣлавинъ! — сказала она.

— Да, — отвѣчалъ ей машинально Калиновичъ. Мысли его были далеко въ эту минуту.

IX.

Сцена, которую я описалъ въ предыдущей главѣ, стала повторяться довольно часто, и нравственная

стачка между Настенькой и Бѣлавнымъ началъ какъ-то ярче и ярче высказываться. Калиновичъ, между тѣмъ, все больше удалялся отъ нихъ и сосредоточивался въ самомъ себѣ. Душа его была не такого закала, чтобъ наслаждаться тихой любовью и скромной дружбой. Маленькій комфортъ, который его окружалъ, сталъ казаться ему смѣшонъ до гадости. Съ чувствомъ какого-то ожесточенія отвертывался Калиновичъ отъ магазинныхъ оконъ, изъ которыхъ такъ красиво метались въ глаза разные вещи, совершенно, кажется бы, необходимыя для каждаго порядочнаго чловѣка. Проходя мимо огромныхъ домовъ, въ бельэтажахъ которыхъ, при вечернемъ освѣщеніи, черезъ зеркальныя стекла, видѣлись цвѣты, люстры, канделябры, огромныя картины въ золотыхъ рамахъ, онъ невольно приостанавливался и съ озлобленной завистью думалъ: «Какъ здѣсь хорошо, живутъ же какіе-нибудь болваны-счастливы!» То же дѣйствіе производили на него экипажи, трехтысячныя шубы и, наконецъ, служащій, мундирный Петербургъ. Онъ не могъ видѣть безъ глубокаго, сердечнаго содроганія, когда выходилъ изъ какого-нибудь присутственнаго зданія господинъ еще не старыхъ лѣтъ, въ крестахъ, звѣздахъ и золотомъ камергерскомъ мундирѣ. Кромѣ ужъ этихъ прихотливыхъ и честолюбивыхъ желаній, впереди возставалъ еще болѣе существенный вопросъ: деньги, привезенныя Настенькой, конечно, должны были прожиться въ какой-нибудь годъ, но чтó потомъ будетъ? Калиновичъ ни откуда и ничего не получалъ. Презрѣніе и омерзѣніе начиналъ онъ чувствовать къ себѣ за свое гуннаество: чловѣкъ двя-

тельный по натурѣ, способный къ труду, онъ не могъ заработать какого-нибудь куска хлѣба и питался послѣдними крохами своей бѣдной любовницы — это ужъ было выше всякихъ силъ! Чтобъ что-нибудь, наконецъ, предпринять, онъ рѣшился, переломивъ самолюбіе, послать къ Зыкову повѣсть, заклиная напечатать ее и, вообще, дать ему работу при журналѣ. Лично самъ Калиновичъ не въ состояніи былъ доставить свое твореніе и выслушать, можетъ быть, отъ пріятели еще нѣсколько горькихъ уроковъ; но, чтобъ извинить себя, онъ объяснилъ, что три мѣсяца былъ боленъ и теперь еще викауда не выходитъ.

Въ отвѣтъ на это, онъ получилъ письмо съ черной печатью. Адресъ былъ написанъ женской рукой и весь смоченъ слезами. Ему отвѣчала жена Зыкова: «Друга вашего, къ которому вы пишете, болѣе не существуетъ на свѣтѣ: двѣ недѣли, какъ онъ умеръ, все ожидая хоть еще разъ увидѣться съ вами. Съ просьбой вашей я не знаю, что дѣлать. Не хотите ли, чтобъ я послала ваше сочиненіе къ Павлу Николаичу который, послѣ смерти моего покойнаго мужа, хочетъ, кажется, ужасно съ нами поступить...» Далѣе Калиновичъ не въ состояніи былъ читать: это былъ единственный человѣкъ въ Петербургѣ, который принялъ бы въ немъ человѣческое участіе и, по своему вліянію, приспособилъ бы его къ литературѣ, если ужъ въ ней остался послѣдній ресурсъ для жизни; но теперь никого и ничего не стало...

Вы, юноши и неюноши, ищущіе въ Петербургѣ мѣсть, занятій, хлѣба, вы поймете положеніе моего

героя, зная, можетъ быть, по опыту, что значить въ этомъ случаѣ потерять послѣднюю опору, между тѣмъ какъ раздражающаго свойства мысль не перестаетъ васъ преслѣдовать, что вотъ тутъ же, въ этомъ Петербургѣ, сотни дѣятельностей, тысячи службъ съ прекраснымъ жалованьемъ, съ баснословными квартирами, съ любовью начальниковъ, могущихъ для васъ сдѣлать вся и все — и только вамъ ничего не даютъ и васъ никуда не пускаютъ! Чтобъ скрыть отъ Настеньки свое отчаяніе, Калиновичъ проворно ушелъ изъ дома. Голова его рѣшительно помутилась; то думалось ему, что не найдетъ ли онъ потеряннаго бумажника со ста тысячами, то нельзя ли продать чорту душу за деньги и, наконецъ, пойти въ разбойники, награбить и возвратиться жить въ общество.

Вдругъ раздался сзади его голосъ: «Яковъ Васильичъ!» Калиновичъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Это былъ голосъ князя Ивана, и черезъ минуту и самъ онъ стоялъ передъ нимъ, соскочивъ на тротуаръ съ щегольского фаэтона.

— Что вы и какъ вы? Тысячу вамъ вопросовъ и тысячу претензій. Помилуйте! хоть-бы строчку!.. — говорилъ князь, пожимая, по обыкновенію, обѣ руки Калиновича.

— Я ничего: живу въ Петербургѣ, — отвѣчалъ тотъ.

— Да; но что вы, скажите, служите здѣсь, занимаетесь литературой?

— Нѣтъ, не служу, а литературой немного занимаюсь.

— Да, — повторилъ князь: — но что-жь вообще: хорошо... недурно идетъ?..

— Ни то, ни се, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Ни то, ни се! — повторилъ опять князь: — вы вѣдь, однако, теперь нашего поля ягода: человекъ женатый.

Калиновичъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ, я не женатъ, — отвѣчалъ онъ.

— Какъ?.. не шутя?.. — спросилъ князь, взглянувъ ему въ лицо. — Какимъ же образомъ у насъ положительный прошелъ объ этомъ слухъ? М-ле Годнева въ Петербургъ?

— Она въ Петербургъ.

— И вы въ самомъ дѣлѣ не женаты?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ еще разъ Калиновичъ.

— Гмъ! — произнесъ князь. — Какъ же я радъ, что васъ встрѣтилъ! — продолжалъ онъ, беря Калиновича за руку и идя съ нимъ. — Посмотрите, однако, какъ Петербургъ хорошеетъ: чрезъ пять лѣтъ какія-нибудь прїѣдешь и не узнаешь. Посмотрите: это зданіе воздвигается... что это за прелесть будетъ! — говорилъ князь, видимо что-то обдумывая.

— Вы здѣсь одни, ваше сіятельство, или съ семействомъ? — спросилъ Калиновичъ, которому вдругъ захотѣлось увидѣть княжну.

— Нѣтъ, я одинъ. М-ле Полина сюда переѣхала. Мать ея умерла. Она думаетъ здѣсь постоянно поселиться, и я ужь кстати прїѣхалъ проводить ее, — отвѣчалъ разсѣянно князь и прїостановился немного въ раздумьѣ. — Не свободны ли вы сегодня? — вдругъ началъ онъ, обращаясь къ Калиновичу: — не хотите ли со мною отобѣдать въ кабачкѣ, а послѣ съѣздимъ

къ m-ле Полинъ. Она живетъ на дачѣ за Петергофомъ—прекраснѣйшее мѣстоположеніе, какое когда-либо создавалось въ Божьемъ мірѣ.

Калиновичъ молчалъ.

— Пожалуйста, — повторилъ князь.

Герой мой нигдѣ, кромѣ дома, не обѣдалъ и очень хорошо зналъ, что Настенька прождетъ его цѣлый день и будетъ беспокоиться; однако, и самъ не зная для чего, согласился.

— Прекрасно, прекрасно! — произнесъ князь и, крикнувъ экипажъ, посадилъ съ собой Калиновича.

Быстро понесла ихъ пара сѣрыхъ рысаковъ по торцовой мостовой. Калиновичъ снова почувствовалъ приятную качку хорошаго экипажа и ощутилъ въ сердцѣ суетную гордость—сидѣть, развалившись, на эластической подушкѣ и поглядывать на густую толпу пѣшеходовъ.

— Въ Морскую! — крикнулъ князь, и они остановились у Дюссо.

Въ первой же комнатѣ ихъ встрѣтилъ лакей во фракѣ, бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, съ салфеткой въ рукахъ.

— Здравствуй, Михайло, — сказалъ ему князь ласково.

Лакей съ почтеніемъ и удовольствіемъ оскалилъ зубы.

— Давно-ли, ваше сіятельство, изволили пожаловать?—проговорилъ онъ.

— Недавно-съ, недавно... Это все татары: извольте узнать! и, что замѣчательно, честнѣйшій народъ!—говорилъ князь Калиновичу, входя въ одну изъ дальнихъ комнатъ.

Михайло слѣдовалъ за ними.

— Ну-съ, давайте намъ побѣсть чего-нибудь, — продолжалъ князь, садясь съ приемами бывалаго человека на диванъ: — только, пожалуйста, не вашъ казенный обѣдъ, — прибавилъ онъ.

— Слушаю, ваше сіятельство, — отвѣчалъ лакей.

— Вопервыхъ, сдѣлайте вы намъ, если только есть очень хорошая телятина, котлеты au naturel, и чтобъ масла не вляли — Боже сохрани! Потомъ-съ: дыплята есть, конечно?

— Самые лучшіе, ваше сіятельство: полтора рубли серебромъ.

— Ну, да... Супъ тоже отнюдь не вашъ пюре, который у васъ прескверно дѣлаютъ; вели пригото-вить à la tortue, чтобъ совсѣмъ пиканъ былъ — *comprenez vous?*

— Oui, je comprends, — отвѣчалъ татаринъ, осклабляясь.

— Ну, а тамъ что-нибудь изъ рыбы.

— Форели, ваше сіятельство!

— Хорошо... Вина дай, шампанскаго; охолодить, конечно, вели — и дай ты намъ еще бутылку рейн-вейна. Вы, впрочемъ, можетъ быть, за столомъ любите больше красное? — обратился князь къ Калиновичу.

— Все равно, — отвѣчалъ тотъ.

— Все равно? — Вино, впрочемъ, это очень хорошее.

— Въ пять или въ восемь рублей прикажете? — спросилъ лакей.

— Въ восемь, въ восемь, мой милый, — отвѣчалъ князь.

Лакей ушелъ.

— Удивительно честный народъ! — повторилъ еще разъ князь ему вслѣдъ.

Обѣдъ былъ готовъ черезъ полчаса.

— Нѣтъ, нѣтъ этого букета!.. — говорилъ князь, добѣдая супъ: — а котлеты ужь, мой милый, никуда негодны! — прибавилъ онъ, обращаясь къ лакею: — и сухи, и дымомъ воняютъ. Нѣтъ, это варварство: такъ распорядиться нашими желудками! Не правда ли? — отнесся онъ въ Калиновичу.

— Да, — отвѣчалъ тотъ, не безъ досады думая, что все это ему очень нравилось, особенно сравнительно съ тѣмъ мутнымъ супомъ и засушенной говядиной, которые имъ готовила трехрублевая кухарка. Тоже почувствовалъ онъ, выпивая стаканъ мягкаго и душистаго рейнвейна, съ злобой воображая, что дома, по предписанію врача, для здоровья, ему слѣдовало бы пить такое именно хорошее вино, а, между тѣмъ, онъ долженъ былъ довольствоваться шестигривенной мадерой.

— Вмѣсто пирожнаго, дай намъ фруктовъ. Я думаю, это будетъ хорошо, — сказалъ князь, и когда, такимъ образомъ, обѣдъ кончился, онъ, прихлебывая изъ крошечной рюмочки мараскинъ, закурилъ сигару и развалился на диванѣ.

— Скажите мнѣ, Яковъ Васильичъ, что-нибудь хорошенькое! — заговорилъ онъ, какъ-бы желая поболтать.

— Здѣсь ничего особеннаго нѣтъ. Нѣтъ ли чего-нибудь въ вашихъ мѣстахъ? — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Э, помилуйте! что можетъ быть хорошаго въ нашемъ захолустьѣ! — произнесъ князь. — Я, впрочемъ,

последнее время былъ все въ хлопотахъ. По случаю смерти нашей почтенной старушки, которая кромѣ ужъ горести, которую намъ причинила... надобно было все привести хоть въ какую-нибудь ясность. Состояніе осталось громаднѣйшее, какого никто и никогда не ожидалъ. Однѣхъ денегъ билетами на пятьсотъ тысячъ серебромъ... страшно, что такое!

Морозъ пробѣжалъ по тѣлу Калиновича.

— И самое имѣнье, кажется, тоже очень хорошее? — спросилъ онъ, употребляя усиліе, чтобъ придать себѣ видъ равнодушнаго слушателя.

— А имѣнье вотъ какое-съ. Не говоря уже тамъ объ оброкахъ, пять крупчатокъ-мельницъ, и если теперь положить minimum дохода по три тысячи серебромъ съ каждой, значитъ: одна эта статья—пятнадцать тысячъ серебромъ годоваго дохода; да подмосковная еще есть... ну, и прежде вздоромъ, пустяками считалась, а тутъ вдругъ — богатымъ людямъ вездѣ, видно, счастье, — вдругъ прорѣзывается линія желѣзной дороги: какой-то господинъ выдумываетъ разбить тутъ огородныя плантаціи и теперь за одну землю платить — это, чортъ знаетъ, что такое!—десять тысячъ чистоганомъ ежегодно. Вѣдь это, батюшка, одинъ этотъ клочекъ для другаго — состояніе, въ которомъ не будетъ ужъ ни голоду, ни мору, который не требуетъ ни ремонта, ни страховки. Вѣчный доходъ съ вѣчнаго капитала — прелесть, что такое!

Какъ демона соблазнителя слушалъ Калиновичъ князя. «И все бы это могло быть моимъ!» шевельнулось въ глубинѣ души его.

По счету пришлось князю заплатить тридцать-два рубля. Онъ отдалъ тридцать-пять, проговоря: «сдачу возьми себѣ», и пошелъ.

Калиновичъ послѣдовалъ за нимъ.

«Этотъ человекъ три рубля серебромъ отдаетъ на водку, какъ гривенникъ, а я беспокоюсь, что долженъ буду заплатить взадъ и впередъ на пароходъ рубль серебромъ, и очень былъ бы не прочь, еслибъ онъ свозилъ меня на свой счетъ. О, бѣдность! какими ты инусными и подлыми мыслями наполняешь сердце человека!» думалъ герой мой и, чтобъ не осуществилось его желаніе, послѣшилъ первый подойти къ кассѣ и взялъ себѣ билетъ.

Быстро полетѣлъ пароходъ, выбравшись на взморье. Многолюдная толпа пассажировъ весело толпилась на палубѣ, и одинъ только Калиновичъ былъ задумчивъ; но князь опять незамѣтно навелъ разговоръ на прежній предметъ.

— Славное это предпріятіе — пароходство, — говорилъ онъ: — пятнадцать, восемнадцать процентовъ; и вотъ, еслибъ пристроить тутъ деньги кузины — какъ бы это хорошо было!

— А онъ не въ оборотахъ? — спросилъ Калиновичъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ съ досадою князь: — пошлѣйшимъ образомъ лежатъ себѣ въ банкѣ, гдѣ, въ нашъ предпріимчивый вѣкъ, какъ хотите, и глупе, и недобросовѣстно оставлять ихъ. Но что-жъ прикажете дѣлать? она, какъ женщина, теперь вотъ купила это мызу, съ рыбными тамъ ловлями, съ покосомъ, съ коровами — и въ восторгъ; но въ сущности, это только игруппка и, конечно, капля въ моръ съ тѣми средствами, которыя слѣдовало бы

дать ходъ, такъ что, еслибъ хоть немножко умнѣй распорядиться и организовать хозяйство поправильнѣй, такъ сто тысячъ вѣрнѣйшаго годоваго дохода... вѣдь это герцогство германское! помилуйте!

«И все бы это могло быть мое!» неотступно шевелилось въ душѣ Калиновича.

Пароходъ, между тѣмъ, подошелъ къ пристани; тамъ ожидалъ и принялъ ихъ катеръ. Казалось, все соединилось, чтобъ очаровать Калиновича. Вечеръ былъ ясный, тихій, теплый; какъ огненное пятно, горѣло невысоко уже стоявшее солнце надъ разливающимся вдали моремъ и, золотя его окраину, пробѣгало искрами по маленькой ряби. Точно крыльями взмахивая, начали гребти двѣнадцать чловѣкъ гребцовъ въ красныхъ рубашкахъ, обшитыхъ позументами. На берегу стали показываться, прячась въ садахъ, разнообразнѣйшихъ архитектуръ дачи. Въ нѣкоторыхъ раздавались звуки фортепьяно и мелькали въ зелени бѣлыя, стройно-затянутыя платьєца, съ очень хорошенькими головками. Передъ одной изъ дачъ катеръ, наконецъ, остановился: мраморными ступенями сходила отъ нея маленькая пристань въ море.

— Allons! — проговорилъ князь, соскакивая, и тотчасъ ввелъ Калиновича въ садовую аллею, гдѣ съ перваго шага встрѣтили ихъ всѣ декорационныя украшенія петербургскихъ дачъ: вдали виднѣлся одинъ изъ тѣхъ готической архитектуры домиковъ, которые такъ красивы и которые можно еще видѣть въ маленькихъ нѣмецкихъ городахъ. Чѣмъ дальше они шли, тѣмъ больше открывалось: то пестрѣла китайская бесѣдка, къ которой, черезъ канаву, пере-

кинуть былъ, какъ игрушка, деревянный мостикъ; то что-то въ родъ грота, а вотъ, куда-то далеко отводилъ темный корридоръ изъ акацій и, при входѣ въ него, сидѣлъ на пьедесталѣ грозящій пальчикомъ Амуръ, какъ-бы предостерегающій: «не ходи туда, смертный—погибнешь!» Но что представила площадка передъ домомъ — и вообразить трудно: какъ-бы простирая къ нему свои длинные листья, стояли тутъ какія-то тополевидныя растенія въ огромныхъ кадкахъ; по кулаку человѣческому цвѣли въ средней куртнѣ розы, какъ-бы вѣнцомъ окруженные всевозможныхъ цвѣтовъ георгинами. Балконъ былъ весь наглухо задрапированъ плющомъ. Хозяйку они нашли въ первой гостиной комнатѣ, уютно сидѣвшую на маленькомъ диванѣ, и передъ ней стоялъ, золотомъ разрисованный, рабочій столикъ. По случаю траура, Полина была въ бѣломъ платьѣ и, вслѣдствіе, должно быть, нарочно для нея изобрѣтенной прически, показала Калиновичу какъ-бы помолодѣвшею и похорошѣвшею. Противъ нея сидѣлъ старикъ съ серьезною физиономіею и съ двумя звѣздами.

— Тысяча пари, что не угадаете, кого я къ вамъ привезъ! — говорилъ князь, входя.

— Ахъ, м-г Калиновичъ! Боже мой! Какими судьбами? — воскликнула Полина, дружески протягивая ему руку.

— М-г Калиновичъ! — представила она его старику и назвала потомъ того фамилію, по которой Калиновичъ узналъ одно изъ тѣхъ внушительныхъ именъ, которыя невольно заставляютъ трепетать сердца маленькихъ смертныхъ. Не безъ страха, смѣшаннаго

съ уваженіемъ, поклонился онъ старику и сѣлъ въ почтительной позѣ.

— Я было, ваше сіятельство, имѣлъ честь заѣзжать сегодня къ вамъ, но мнѣ отказали, — проговорилъ князь. Въ голосъ его тоже слышалось почтеніе.

— Да, я сегодня рано выѣхалъ, — отвѣчалъ старикъ протяжнымъ тономъ, какъ бы говоря величайшую истину.

— А что баронесса? — спросилъ князь, обращаясь къ Полинь.

— Ахъ, баронесса — ужась, какъ меня сегодня разсердила! Вообрази себѣ, я ждала вотъ графа обѣдать, — отвѣчала та, показывая на старика: — она тоже хотѣла пріѣхать; только четыре часа — нѣтъ, пятого половина — нѣтъ. Ъсть ужасно хочется; графъ, наконецъ, пріѣзжаетъ; ему, конечно, сейчасъ же выговоръ — не правда ли?

— Да, выговоръ и строгій, — отвѣчалъ старикъ съ улыбкою.

— А ее все-таки нѣтъ! — продолжала Полина, — и, вообрази, въ шестомъ, наконецъ, часу явился посланный ея: пишетъ, что не можетъ пріѣхать обѣдать, потому что сломалось что-то такое у тильбюри, а она дала себѣ клятву на дачѣ не ѣздить иначе, какъ самой править.

Графъ покачалъ головой.

— Премилая женщина! Я ее ужасно люблю. Ахъ, какая милая! *N'est-ce pas?* — обратилась къ нему Полина.

— Да, *c'est une femme de beaucoup d'esprit.* Я ее зналъ еще ребенкомъ, и тогда ужъ въ ней видно

было что-то такое необыкновенное. Une femme de beaucoup d'esprit! — прибавилъ онъ.

— Ахъ, да, да! — подтвердила Полина.—Ну, что вы? скажите мнѣ, какъ вы? — обратилась она къ Калиновичу, видимо желая вызвать его изъ молчанія.

— Слухъ, который мы имѣли о м-г Калиновичѣ, совершенно несправедливъ! — подхватилъ князь.

— Не-уже-ли? — спросила Полина, какъ бы немного сконфузясь.

— Совершенно несправедливъ! — отвѣчалъ Калиновичъ, сдѣлавъ при этомъ гримасу пренебреженія.

— Скажите! — произнесла Полина, и тотчасъ же постаралась перемѣнить разговоръ, обратясь съ какимъ-то вопросомъ къ старику.

— Баронесса, кажется, пріѣхала! — произнесъ князь.

— Ахъ, какъ я рада! — воскликнула Полина, и въ ту же минуту въ комнату проворно вошла прелестнѣйшая женщина, одѣтая съ такимъ изяществомъ, что Калиновичъ даже не воображалъ, что можно быть такъ одѣтою.

— Bonjour, prince! — воскликнула она князю.—Боже! кого я вижу? Дѣдушка! — прибавила она потомъ, обращаясь къ старику.

— Опять дѣдушка! — отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не дѣдушка! вы молоденькій, — отвѣчала рѣзво баронесса.—Bonjour, chère Полина! Ахъ, какъ я устала! — прибавила она, садясь на диванъ.

— Въ тильбюри? — спросила ее Полина.

— Конечно. И представь себѣ, какая досада: я сейчасъ потеряла браслетъ и, главное — подарокъ брата, сама не знаю какъ. Эта несносная моя Бьютти ужасно горячится; я ее крѣпко держала и, должно быть, задѣла какъ-нибудь рукавомъ или перчаткой — такая досада.

— И баронъ вамъ позволяетъ самой править?

— О, я не слушаюсь въ этомъ случаѣ: пускай его ворчитъ.

— Рукой ужь, видно, махнулъ! — произнесъ съ улыбкою старикъ.

— Еще бы! — подхватила баронесса. — Ахъ! à propos о моемъ браслетѣ, чтобъ не забыть, — продолжала она, обращаясь къ Полинь. — Вчера или третьягодня была я въ городъ и заѣзжала къ т-гу Лобри. Онъ говоритъ, что берется всѣ твои брилліанты разсортировать и передѣлать; и, пожалуйста, никому не отдавай: этотъ человекъ гений въ своемъ дѣлѣ.

— Всѣхъ много; куда же? — проговорила Полина.

— Непремѣнно, *chez amie*, всѣ! — подхватила баронесса. — Знаешь, какъ теперь носятъ брилліанты. *Rappelez vous*, — обратилась она къ старику: — на балѣ Вронской *madame* Пейнаръ. Она была вся залита брилліантами, но все это такъ мило разбросано, что ничего рѣзко не бросается въ глаза и *ensemble* былъ восхитителенъ.

— *Vous avez beaucoup de perles?* — спросилъ старикъ Полину.

— Такъ много, что ужь даже скучно! — отвѣчала та.

— Дайте намъ посмотреть... пожалуйста, *chère amie, soyez si bonne*; я ужасно люблю брилліанты и, кажется, какъ баядерка, способна играть ими цѣлый день, — говорила баронесса.

— Ну, что? нѣтъ... — произнесла было Полина.

— Я сейчасъ достану, — подхватилъ князь.

— *Ayez la complaisance*, — сказала ему баронесса.

Князь ушелъ.

— Недурная вещь! — говорилъ онъ, проходя мимо Калиновича и давая ему на руки попробовать тяжесть ящика, который Полина нехотя отперла и осторожно вынула изъ него разныя вещи.

— *C'est magnifique! c'est magnifique!* — говорилъ старикъ, разсматривая то солитеръ, то брилліанты, то жемчужное ожерелье.

— Однако, какъ все это смѣшно сдѣлано. Посмотрите на эту гребенку: ахъ, какія, должно быть, наши бабушки были неумныя! носить такую работу! — воскликнула съ разгорѣвшимися взорами баронесса.

— На дняхъ мы какъ-то съ кузиной завѣзжали, — отнесся къ старику князь, — и оцѣнивали: на двѣсти тысячъ однихъ камней безъ работы.

— Вѣроятно, — подхватилъ тотъ.

Послѣ разговора о брилліантахъ, всѣ перешли въ столовую пить чай: тамъ, стоявшій на кругломъ столѣ, старинной работы, огромный серебряный самоваръ склонилъ разговоръ опять на тотъ же предметъ.

— Вотъ съ серебромъ тоже не знаю что дѣлать: такое все старое... — произнесла Полина.

— На счетъ серебра, *chère cousine*, какъ хотите, я совершенно съ вами несогласенъ. Можете себѣ представить, этой старинной работы разные кубки, вазы. Что за абрисъ, что за прелестныя формы! Эти, теперь, на стѣнкахъ рѣзной работы различныя вакхическія и гладіаторскія сцены... нагія наяды... такъ что всѣ эти нынѣшніе скульпторы гроша не стоятъ противъ старыхъ по тонинѣ работы; и такую прелесть передѣлывать — безбожно.

— Право, не знаю! — проговорила Полина.

— Что жь тутъ недоумѣвать? — продолжалъ князь: — тѣмъ больше, что въ вашей будущей квартирѣ, вѣроятно, будетъ каминъ, и его убрать этимъ совровищемъ — превосходно.

— Да, это можетъ быть мило; но только, пожалуйста, немного; а то на серебряную лавку будетъ походить, — замѣтила баронесса.

— Много, конечно, ненужно. Достаточно выбрать лучшіе экземпляры. Гдѣ же все! — отвѣчалъ князь. — Покойникъ генераль, — продолжалъ онъ почти на ухо Калиновичу и заслоняя рукой, — управлялъ послѣ польской кампаніи конфискованными имѣніями, и потому можете судить, какой источникъ и что можно было зачерпнуть.

Бесѣда продолжалась и далѣе въ томъ же тонѣ. Князь, наконецъ, напомнилъ Калиновичу объ отъѣздѣ, и они стали прощаться. Полина была такъ любезна, что оставила своихъ прочихъ гостей и пошла проводить ихъ черезъ весь садъ.

— Пожалуйста, м-г Калиновичъ, не забывайте меня. Когда-нибудь на цѣлый день; мы съ вами, на свободѣ, поговоримъ, почитаемъ. Не написали ли

вы еще чего-нибудь? Привезите съ собою, пожалуйста, — сказала она.

Калиновичъ поклонился.

Тотъ же катеръ доставилъ ихъ на пароходъ. Ночью море, освѣщенное луной, было еще лучше; но герой мой теперь не замѣтилъ этого.

— Славный этотъ человекъ, графъ! — говорилъ ему князь: — и въ большой силѣ. Онъ очень любить вотъ эту козочку, баронессу... По этому случаю, разная, конечно, идетъ тутъ болтовня, хотя, разумѣется, съ ея стороны ничего нельзя предположить серьезнаго: она слишкомъ для этого молода и слишкомъ большаго свѣта; но какъ бы то ни было, сильное имѣетъ на него вліяніе, такъ что черезъ нея всего удобнѣе на него дѣйствовать — а она довольно доступна для этого: помотать тоже любить, долгишки дѣлаетъ; и если за эту струнку взяться, такъ многое можно разыграть.

Калиновичъ, прислушиваясь къ этимъ словамъ, мрачнымъ взоромъ глядѣлъ на блиставшій вдали куполъ Исаіи. Въ провинціи онъ могъ еще слѣдовать инымъ принципамъ, инымъ началамъ, которые были выше, честнѣй, благороднѣй; но въ Петербургъ это сдѣлалось почти невозможно. Въ его помыслахъ, желаніяхъ окончательно стусеивался всякій проблескъ поэзіи, которая прежде, все-таки, выражалась у него въ стремленіи къ наукѣ, въ мечтахъ о литераторствѣ, въ симпатіи къ добродушному Петру Михайлычу и, наконецъ, въ любви къ милой, энергичной Настенькѣ; но теперь все это прошло, и впереди стоялъ одинъ только каменный, безсердечный городъ съ единственной своей

житейской аксіомой, что деньги для человѣка — все!

Сердито и грубо позвонилъ Калиновичъ въ дверяхъ своей квартиры. Настенька еще не спала и сама отворила ему дверь.

— О, другъ мой! помилуй, что это? Гдѣ ты былъ? Я, Богъ знаетъ, что передумала.

— Что-жь было думать? Съѣздилъ въ Павловскъ съ знакомыми. Нельзя сидѣть все въ четырехъ стѣнахъ! — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Да какъ же не сказавшись! Я все ждала, даже не обѣдала до сихъ поръ, — проговорила Настенька.

— Вольно же было! — произнесъ Калиновичъ и тотчасъ же легъ; но сонъ его былъ тревожный: то серебряный самоваръ, то графъ, то пять мельницъ, стоявшія рядомъ, грезились ему!

Х.

Князь занималъ одинъ изъ большихъ номеровъ въ гостиницѣ Демуть. Въ одно утро онъ, сверхъ обыкновенія, не одѣтый, а въ спальномъ шелковомъ халатѣ, сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ и что-то высчитывалъ. Грѣясь у камина, стоялъ другой господинъ, въ пальто, рыжій, съ птичьей, одутловатой фізіономіей, довольно неуклюжій, и съ разу дававшій узнать въ себѣ иностранца.

— Пятью-восемь — сорокъ, превосходно! — говорилъ князь, наморщивая свой красный лобъ.

Рыжій господинъ самодовольно улыбнулся.

— Это хорошее! — произнесъ онъ.

— Помилуйте! Хорошее?... сорокъ процентов... помилуйте! — продолжалъ восклидять князь и, потомъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, снова началъ, какъ бы самъ съ собой: «значить, теперь единственный вопросъ въ капиталѣ, и, собственно говоря, у меня есть денежный источникъ; но что-жь вы прикажете дѣлать — родственникъ! За проценты не дадутъ, — скажутъ: возьми такъ! а это «такъ» для меня ножъ острый. Я по натурѣ купецъ: самъ не дамъ безъ процентовъ и мнѣ не надо. Гоноръ этотъ, понимаете, торговый.

— Понимаю, — выговорилъ собесѣдникъ: — но что-жь? — прибавилъ онъ.

— Конечно, ужь дѣлать нечего, надобно будетъ рѣшиться; но, все-таки, мнѣ хочется сдѣлать это какъ-нибудь половчѣе, чтобъ не быть ужь очень обязаннымъ, — отвѣчалъ князь и задумался.

Вошелъ лакей.

— Калиновичъ пріѣхалъ, ваше сіятельство, — доложилъ онъ.

— О, чертъ возьми!... Таскаться тутъ вдругъ вздумалъ! — проговорилъ съ досадою князь. — Присы! — прибавилъ онъ.

Гость вошелъ. Князь принялъ его съ обычною своею любезностью.

— Здравствуйте, Яковъ Васильичъ; prenez place, — говорилъ онъ. — Но что это, какъ вы похудѣли — совершенно желтый.

— Нездоровилось все это время, — отвѣчалъ Калиновичъ, дѣйствительно, какъ-то совсѣмъ непо-

хожій самъ на себя, и съ выраженіемъ какой-то странной рѣшительности въ глазахъ.

— Нехорошо, нехорошо... — говорилъ князь, замѣтно занятый собственными мыслями, и снова обратился къ прежнему своему собесѣднику.

— Если первоначальныя операціи начать послѣ сентября? — проговорилъ онъ.

— Поздно! Машинъ моремъ пойдетъ; теперь на самой мѣстѣ тоже вода... она мерзнетъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Мерзнетъ... да... навигация прекратится — это, чортъ знаетъ, какъ досадно! — воскликнулъ князь.

— О чемъ вы хлопочете, ваше сіятельство? — спросилъ Калиновичъ.

— Заводъ сахарный затѣваю. Это м-г Пемброкъ, англичанинъ... Онъ такъ добръ, что дѣлится со мной своимъ проектомъ, и, если теперь Богъ приведетъ выхлопотать намъ привиллегію, такъ на сорокъ вѣрнѣйшихъ процентовъ можно рассчитывать.

Говоря это, князь глядѣлъ на окно.

— Бездѣлицы только недостаетъ — денегъ! — продолжалъ онъ съ горькой улыбкой: — тогда какъ сколько людей, у которыхъ миллионы лежатъ мертвымъ капиталомъ! Какъ собаки на снѣгъ: ни себѣ, ни людямъ. Вы, какъ человекъ коммерческій, понимаете, — отнесся князь къ англичанину, — что такое въ торговомъ дѣлѣ деньги. Вздоръ, средство, готь та же почтовая бумага, которую всегда и бездѣ можно найти. Важна мысль предпріятія, идея — а у насъ выходитъ наоборотъ. Чтобъ вы

ни изобрѣли, хоть бы съ неба звѣзды хватать, но если не имѣете собственныхъ денегъ, ничего не подѣлаете!

— Кредитъ нѣтъ! — сказалъ глубокомысленно Пемброкъ.

— Никакого! Не говоря уже объ акціяхъ; товарищества вы не составите: разжевываете, въ ротъ, кажется, кладете пользу — ничему не внемлютъ. Ну и занимаешься, по необходимости, пустяками. Я, вотъ, тридцать пять лѣтъ теперь прыгаю на торговомъ конькѣ, и чего ужъ не предпринималъ? Апельсиновъ только на осиновыхъ пняхъ не растилъ — и все ничего! Если набьешь какихъ-нибудь тридцать тыщенокъ въ годъ, такъ ужъ не знаешь, какой и рукой перекреститься.

Разговоръ этотъ Калиновичъ врядъ ли и слышалъ. Онъ сидѣлъ точно на иголкахъ и, воспользовавшись первой минутой, когда князь замолчалъ, вдругъ обратился къ нему:

— Я было, ваше сіятельство, сегодня къ вамъ съ моимъ дѣломъ.

— Что такое? — спросилъ тотъ.

— Нѣтъ ужъ, это наединѣ я могу сказать, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Да... — произнесъ князь и, потомъ, закусивъ губы и зажавъ глаза, обратился къ англичанину:

— До пятницы, значить, сэръ Пемброкъ, наше дѣло должно остаться.

— До пятницы? — повторилъ тотъ.

— До пятницы. Я вотъ тоже посообразжусь и съ дѣлами своими, — отвѣчалъ князь.

— Ну, farewell,— произнесъ англичанинъ и пошелъ.

— До свиданья, шоп ами, до свиданья! — проводилъ его князь и, возвратясь, сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Славная голова! — продолжалъ онъ: — и что за удивительный народъ эти англичане, Боже ты мой! Простой вотъ-съ, на примѣръ, машинистъ и, вдобавокъ еще, каждый вечеръ мертвецки пьянъ бываетъ; но такой сметки, я вамъ говорю, хоть бы у первѣйшаго негоціанта. Однако, какое же собственно ваше, мой милый Яковъ Васильчъ, дѣло, скажите вы мнѣ.

— Дѣло мое, ваше сіятельство, — началъ Калиновичъ, стараясь насильно улыбнуться, — какъ вы и тогда говорили, что Петербургъ хорошая для молодыхъ людей школа.

— Хорошая, очень хорошая, — повторилъ князь.

— Слишкомъ даже, — продолжалъ Калиновичъ: — тогда, при первыхъ свиданіяхъ, мнѣ совѣстно было сказать, но я теперь въ очень незавидныхъ обстоятельствахъ.

— Что-жь ваша литература, значить, плохо? — спросилъ князь нѣсколько насмѣшливымъ тономъ.

Калиновичъ съ презрѣніемъ улыбнулся.

— Что литература! — возразилъ онъ. — Наслаждаться однимъ вдохновеніемъ я не способенъ. Для меня это дѣло все-таки трудъ и трудъ тяжелый, который могъ бы только вознаграждаться порядочными деньгами; но и этого нѣтъ!

— Какія же деньги! Гроши, я думаю, какіе-нибудь, помилуйте! Заниматься еще всѣмъ этимъ такъ, ну, для забавы, какъ занимались въ мое время литера-

торы, чтобъ убить время; но чтобъ сдѣлать изъ этого ремесло, фанъ — это неблаговидно даже!

— Что дѣлать! — возразилъ Калиновичъ и снова продолжалъ: — ученымъ сдѣлаться время ужъ теперь для меня прошло, да и чтобы могло повлечь это? Самая высшая точка, которой можно достигнуть, это профессорство.

Князь усмѣхнулся.

— Профессорство, по-моему, — началъ онъ, пожимая плечами, — то же школьное учительство, съ тою развѣ разницею, что предметы берутся нѣсколько пошире, и, наконецъ, что это за народъ сами профессора! Они, я думаю, всѣ изъ семинаристовъ. Ихъ въ домъ порядочный, я думаю, пустить нельзя. По крайней мѣрѣ, я ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, въ кругу нашего знакомства никогда ихъ не встрѣчалъ.

Калиновичъ ничего на это не отвѣтилъ.

— Въ гражданскую службу, — заговорилъ онъ, не поднимая потушенной головы, — тоже не пускаютъ. Господинъ, къ которому вотъ вы изволили давать мнѣ письмо... я ходилъ къ нему...

— Да, что же онъ?

— Отказалъ: мѣсть нѣтъ.

— Это жаль! У него бы пріятно было служить. Это превосходнѣйшій человекъ.

— Отказалъ, — повторилъ Калиновичъ: — и, что ужаснѣе всего, сознаешь еще въ себѣ силы, способности кой-какія, наконецъ это желаніе труда — и ничего не дѣлаешь!... Еслибъ, кажется, имѣлъ я средства, и протекція открыла мнѣ хоть какую-нибудь дорогу, я бы не остался сзади другихъ.

— Кто-жь въ этомъ сомнѣвается! сомнѣнія въ этомъ нѣтъ... Однако, нужно же что-нибудь попридумать; нельзя же вамъ такъ оставаться... Очень бы мнѣ хотѣлось что-нибудь сдѣлать для васъ, — произнесъ князь.

Калиновичъ опять позамялся. Всѣ черты лица его какъ бы углубились и придали ему знакомое намъ страдальческое выраженіе.

— Я больше всего, ваше сіятельство, рассказываюсь теперь въ той ошибкѣ, которую сдѣлалъ, когда вы, по вашему расположенію, намекали мнѣ насчетъ m-lle Полины... — проговорилъ онъ.

Князь взмахнулъ на него глазами. Подобный оборотъ разговора даже его удивилъ.

— Гмъ! — произнесъ онъ и потупился, какъ бы чего-то устыдясь. — Поошиблись, поошиблись... — повторилъ онъ.

— Можетъ быть, эту ошибку можно будетъ теперь поправить, — продолжалъ Калиновичъ, барабани пальцами по столу, чтобъ не дать замѣнить, какъ они дрожали.

— Гмъ! теперь! — повторилъ князь и, приставивъ палецъ ко лбу, закрылъ глаза. Сотни мыслей, кажется, промелькнули въ это время въ его головѣ.

— Всѣ ошибки поправлять трудно, а эту тѣмъ больше, — произнесъ онъ.

— При вашемъ содѣйствіи, можетъ быть, это будетъ возможно, — проговорилъ Калиновичъ.

— Возможно! — повторилъ князь: — все въ руцѣ судьбы, а шансовъ много потеряно... охъ, какъ много! Тогда у Полины была еще жива мать, между нами сказать, старуха вапризная, скупая: значить,

дѣвушкѣ, весьма естественно, хотѣлось освободиться изъ-подъ этой ферулы и вырваться изъ скучной провинціальной жизни. Теперь этого обстоятельства ужъ больше нѣтъ. Потомъ, я положительно знаю, что вы тогда ей нравились... но что и какъ теперь — Богу вѣдомо. Помните стихи Пушкина: «Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ, примолвя: тамъ остановись? Кто сердцу хоть и не юной, а все-таки дѣвы, скажетъ: люби одно, не измѣнись?» И наконецъ, Петербургъ, Боже мой! какъ скоро узнаетъ онъ, гдѣ и какіе раки зимуютъ. Смотрите, какіе генералы и флигель-адъютанты начинаютъ увиваться...

— Я бы, конечно, ваше сіятельство, никогда не рѣшился начинать этого разговора; но, сколько разъ ни бывалъ въ послѣднее время у m-lle Полины, она попрежнему ко мнѣ внимательна.

— Все это прекрасно, что вы бывали, и, значитъ, я не дурно сдѣлалъ, что возобновилъ ваше знакомство; но дѣло теперь въ томъ, мой любезнѣйшій... если ужъ начинать говорить объ этомъ серьезно, то прежде всего мы должны быть совершенно откровенны другъ съ другомъ, и я прямо начну съ того, что и я, и m-lle Полина очень хорошо знаемъ, что у васъ теперь на рукахъ женщина... какимъ же это образомъ?... сами согласитесь.

Калиновичъ нахмурился.

— Если это препятствіе, ваше сіятельство, и существуетъ, то я, конечно, предусмотрѣлъ и могу устранить его...—проговорилъ онъ неполнымъ голосомъ.

— Устранить, мой милѣйшій Яковъ Васильичъ, можно различнымъ образомъ,—возразилъ князь.—Я,

какъ человекъ опытный въ жизни, знаю, что бываетъ и такъ: я вотъ теперь женюсь на одной по расчету, а другую, все-таки, буду продолжать любить... бываетъ и это... Такъ?

— Меня еще Петербургъ, ваше сіятельство, не на столько испортилъ; тѣмъ больше, что въ послѣднія мои свиданія я могъ лучше узнать и оцѣнить Полину.

— Дѣвушка безподобная — про это что говорить! Но, во всякомъ случаѣ, какъ женщина умная, самолюбивая и, можетъ быть, даже нѣсколько по характеру ревнивая, она, конечно, потребуетъ полнаго отреченія отъ старой привязанности. Я считаю себя обязаннымъ поставить вамъ это первымъ условіемъ: счастье Полины такъ же для меня близко и дорого, какъ бы счастье моей собственной дочери.

— Я очень это понимаю, ваше сіятельство! — возразилъ Калиновичъ.

— Да; теперь собственно насчетъ меня, — продолжалъ князь, вставая и притворяя дверь въ комнату: — насчетъ моего участія — продолжалъ онъ, садясь на прежнее мѣсто: — я хочу васъ спросить: совершенно ли вы изволили выкинуть изъ вашей головы все эти студенческія замашки, которыя, въ сущности, однѣ только бредни — или нѣтъ? Вопросъ этотъ для меня очень важенъ.

Калиновичъ потупился. Онъ очень хорошо понималъ, что для успѣха дѣла долженъ былъ совершенно отказаться отъ того, что, наперекоръ его собственной волѣ, все еще ему помнилось.

— Я ужъ не тотъ, ваше сіятельство... — проговорилъ онъ.

Князь усмѣхнулся.

— Платонъ Михайлычъ тоже говоритъ Чадскому, что онъ не тотъ! — возразилъ онъ. — Откровенно вамъ говорю, что я боюсь войти съ вами въ интимныя отношенія, чтобъ, ей-богу, не стать въ щекотливое положеніе, въ которое ужъ былъ разъ поставленъ, когда вы, съ вашей школьной нравственной высоты, изволили меня протретировать. Навупаться другой разъ на это, какъ хотите, не совсѣмъ пріятно.

— Я ужъ не тотъ... — повторилъ Калиновичъ.

Князь призадумался немного.

— Хорошо; смотрите — я вамъ вѣрю, — началъ онъ: — и первое мое слово будетъ: я *купецъ*, то есть человѣкъ, который ни за какое дѣло не возьмется безъ явныхъ барышей; кромѣ того, отнимать у меня время, употребляя меня на чтобы то ни было, все равно, что брать у меня чистыя деньги... у меня слишкомъ много своихъ дѣлъ, такъ что чѣмъ бы я ни занялся, я непременно въ то же время долженъ буду чѣмъ-нибудь проманкировать и понести прямо убытокъ — это разъ! Второе: вліяніе мое на m-lle Полину, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ вы предполагаете... Условливается это, конечно, отчасти старымъ знакомствомъ, родственными отношеніями, участіемъ моимъ во всѣхъ ихнихъ дѣлахъ, наконецъ, установившеюся дружбой въ такой мѣрѣ, что ни одинъ человѣкъ не приглянулся Полинь безъ того, чтобъ я не зналъ этого, и ужъ, конечно, она никогда не сдѣлаетъ такой партіи, которую бы я не апробовалъ; скажу даже больше: еслибъ она, въ отношеніи какого-нибудь человѣка, была ни то, ни се, то и тутъ въ моей власти подлить масла на огонь — такъ? Теперь третье-съ: кто бы

на ней ни женился, всякій получить около шестидесяти тысячъ годоваго дохода. Въдь это, батюшка, все равно, что сдѣлаться какимъ-нибудь владѣтельнымъ князькомъ... И потому, человѣку этому дать мнѣ за это дѣло какихъ-нибудь пятьдесятъ тысячъ серебромъ, право, немного; а, съ другой стороны, мнѣ предложить къ этомъ случаѣ свои услуги безвозмездно, ей-богу, глупо! — У меня своихъ четверо ребятъ, и еслибъ не зарабатывалъ копѣйки, гдѣ только можно, я бы давнымъ-давно былъ банкротъ; а передъ подобной логикой спасуетъ всякая мораль, и какъ вы хотите, такъ меня и понимайте, но это дѣло иначе ни для васъ, ни для кого въ мірѣ не сдѣлается! — заключилъ князь и, утомленный, опустился на задокъ кресла.

Какъ ни мало предполагалъ Калиновичъ въ немъ честности, но подобное предложеніе было выше всякихъ ожиданій. Сверхъ того, ему представилась опасность еще и съ другой стороны.

— Я не имѣю, князь, такихъ денегъ, — проговорилъ онъ.

— О, Боже мой, я не сумасшедшій, чтобъ рассчитывать на ваши деньги, которыхъ, я знаю, у васъ нѣтъ! — воскликнулъ князь. — Дѣло должно идти иначе; теперь вопросъ только о томъ: согласны ли вы на мое условіе — такъ хорошо, а не согласны — такъ тоже хорошо.

— Я согласенъ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Значитъ, по рукамъ... хотя, собственно, я ничего еще покуда не обѣщаю и, напередъ, долженъ узнать мнѣніе Подпны: если оно будетъ въ нашу

пользу, тогда я предложу вамъ еще нѣкоторыя подробности, на которыя тоже попрошу согласиться.

— Когда жь я, ваше сіятельство, могу узнать рѣшеніе моей участи? — сказалъ Калиновичъ, уже вегавая и берясь за шляпу.

— Завтра же, потому что я сегодня буду въ Петергофъ, и завтра буду имѣть честь донести вамъ, господинъ будущій владѣтель милліоннаго состоянія... Превосходнѣйшая это вещь! — говорилъ князь, пожимая ему руку и провожая его.

Авторъ заранѣе предчувствуетъ ту грозу обвиненій, которая справедливо должна разразиться надъ Калиновичемъ, и, въ оправданіе своего героя, считаетъ себя въ правѣ привести только нѣкоторые случаи, попадавшіеся ему въ жизни. Вы, напримѣръ, m-me Маянова! Изъ прекрасныхъ устъ вашихъ, какъ извѣстно, взлетаютъ одни только слова, исполненные высокаго благородства и чести; однако, въ вашей великосвѣтской гостини, куда допускалась иногда и моя неуклюжая авторская фигура, вы при мнѣ изволпи, совершенно одобрительно, рассказывать, что прекрасный вашъ beau-frère сдѣлалъ очень выгодную партію, хотя очень хорошо знали, что тутъ былъ именно подобный случай. А вы, нашъ другъ и Аристидъ, превосходные обѣды котораго мы поглощаемъ, утоая въ наслажденіи, вы, какъ всѣмъ извѣстно, по случаю одного наслѣдства, десять лѣтъ (а это немножко труднѣе, чѣмъ одинъ разъ шагнуть противъ совѣсти), десять лѣтъ великаго рода тактику, что мы теперь совершенно обезпечены касательно вашихъ обѣдовъ на все будущее время. Вы, молодое поколѣніе, еще не вполне

искусившееся въ жизни, но ужь очень хорошо понимающее всю чарующую прелесть денегъ, неужели у васъ повернется языкъ произнести надъ моимъ героемъ свое «виновенъ»? А васъ, старцы, любящіе только героевъ добродѣтельныхъ, я просто не беру въ присяжные. Вонъ изъ судилища! Всѣ ваши мечты были направлены на пріобрѣтеніе, какимъ бы то ни было путемъ, благоустроенныхъ имѣній, каменныхъ домовъ и очаровательныхъ дачъ. Вы теперь о томъ только молитесь Богу, чтобъ для дѣтей вашихъ вышла такая же линія. И если ужь винить кого-нибудь, такъ лучше вѣкъ, благопонятіе отвлеченное! Все вертится на одномъ фокусѣ. Смотрите: и въ просвѣщенной, гуманной Европѣ рыцари переродились въ торгашей, арены замѣнились биржами!

Про героя моего я, по крайней мѣрѣ, могу сказать, что онъ искренно и глубоко страдалъ: какъ-бы совершивъ преступленіе, шелъ онъ отъ князя по Невскому проспекту, гдѣ тутъ же встрѣчалось ему столько спокойныхъ и веселыхъ господъ, изъ которыхъ ужь, конечно, многіе имѣли на своей совѣсти въ тысячу разъ грязнѣйшія пятна. Дома Калиновичъ засталъ Бѣлавина, который сидѣлъ съ Настенькой. Она была въ слезахъ и держала въ рукахъ письмо. Не обративъ на это вниманія, онъ молча пожалъ у пріятели руку и сѣлъ.

— Я сейчасъ получила письмо, — начала Настенька: — отецъ умеръ!

Калиновичъ взглянулъ на нее и еще больше поблѣднѣлъ. Она подала ему письмо. Писала Палагея Евграфовна, оставшаяся теперь безъ куска хлѣба и безъ пристанища, потому что имѣньеце было ужь

продано по иску почтмейстера. Страшными каракулями описывала она, какъ старикъ, въ послѣднія минуты, объ томъ только стоналъ, что дочь и зять не прѣхали и какъ ускорило это его смерть... Калиновича подернуло,

— Этого только не доставало! — пропзнесь онъ голосомъ отчаянія.

Между тѣмъ Настенька глядѣла ему въ глаза, ожидая утѣшенія; но онъ ни слова больше не сказалъ. Бѣлавинъ только посмотрѣлъ на него.

— Это еще вопросъ:—кого больше надобно оплакивать, того-ли кто умеръ, или кто остался живъ?—проговорилъ онъ, какъ-бы въ утѣшеніе Настенькѣ.

— Меня, собственно, Михайло Сергѣичъ, не то убиваетъ,—возразила она: — я знаю, что отецъ ужъ пожилъ... Я буду за него молиться, буду поминать его; но, главное, мнѣ хотѣлось хотъ-бы еще разъ видѣться съ нимъ въ этой жизни... точно предчувствіе какое было: такъ я рвалась послѣднее время ѣхать къ нему; но Якову Васильичу нельзя было... такъ ничего и не случилось, что думала и чего желала.

Жгучимъ ядомъ обливали послѣднія слова сердце Калиновича. Невыносимыя страданія обнаружались въ немъ, по обыкновенію, тѣмъ, что онъ разсердился.

— Какъ же вамъ хотѣлось ѣхать, когда вы послѣднее именно время собирались на театрѣ играть?—проговорилъ онъ.

— И тебѣ не совѣстно это говорить? Ахъ, Жакъ, Жакъ! — возразила Настенька и отнеслась съ грустной улыбкой къ Бѣлавину:—вообразите, за что его гнѣвъ теперь: студентъ вотъ этотъ все ѣздилъ и

просилъ меня, чтобъ я играла; ну и, дѣйствительно, я побывала тогда въ театрѣ... мнѣ ужасно понравилось; дѣйствительно, мнѣ хотѣлось — что-жь тутъ глупаго или смѣшнаго? Еслибъ я, напримѣръ, на фортепьяно захотѣла играть, я увѣрена, что онъ ничего бы не сказалъ, потому что это принято и потому что княжны его играютъ; но за то только, что я смѣла пожелать играть на театрѣ, онъ двѣ недѣли говоритъ мнѣ колкости, и даже въ эту ужасную для меня минуту не забылъ укорить!

— Я не укоряю, а говорю, какъ было, — перебилъ Калиновичъ. — Смерть эту вы могли предвидѣть, и если она такъ для васъ тяжела, лучше было бы не ѣздить, — пробормоталъ онъ сквозь зубы.

— Чтожь, ты и это ставишь мнѣ въ вину! — Ты самъ мнѣ писалъ...

— Ничего я не писалъ, — проговорилъ Калиновичъ еще болѣе глухимъ голосомъ.

Настенька уже болѣе не выдержала.

— Ну, скажите, пожалуйста, что онъ говоритъ? — воскликнула она, всплеснувъ руками: — тебя, наконецъ, Богъ за меня накажетъ, Жакъ! Я вотъ прямо вамъ говорю, Михайло Сергѣичъ; вы ему пріятель; поговорите ему... я не знаю, что послѣднее время съ нимъ сдѣлалось: онъ мучитъ меня... эти насмѣшки... презрѣніе, неуваженіе ко мнѣ... Онъ, кажется, только того и хочетъ, чтобъ я умерла. Я молюсь, наконецъ, Богу: Господи! научи меня, какъ мнѣ себя держать съ нимъ! Вы сами теперь слышали... въ какую минуту, когда я потеряла отца, и что онъ говоритъ!

Далѣ Настенька не могла продолжать и, разрыдавшись, ушла въ свою комнату.

— Жалуйся больше! — проговорилъ ей вслѣдъ Калиновичъ.

— Послушайте, Яковъ Васильичъ, это, въ самомъ дѣлѣ, ужасно! — проговорилъ, наконецъ, все молчавшій Бѣлавинъ: — за что вы мучите эту женщину? Чѣмъ и какими проступками дала она вамъ на это право?

— Сдѣлайте милость, Михайло Сергѣичъ; вы менѣе, чѣмъ кто либо, имѣете право судить объ этомъ: вы никогда не зарабатывали себѣ своей рукой куска хлѣба, и у васъ не было при этомъ на рукахъ капризной женщины.

— Гдѣ-жъ тутъ капризы? — спросилъ Бѣлавинъ.

— Я знаю гдѣ! И если я волнуюсь и бѣшусь, такъ я имѣю на то право; а она — нѣтъ! — воскликнулъ Калиновичъ, вспыхнувъ, и ушелъ въ кабинетъ.

Рыданія Настеньки, между тѣмъ, раздавались громче и громче по комнатамъ. Бѣлавинъ, возмущенный и оскорбленный до глубины души всей этой сценой, сидѣлъ нѣкоторое время задумавшись.

— Послушайте, — сказалъ онъ, вставая и входя къ Калиновичу: — съ Настасьей Петровной дурно; надобно, по-крайней-мѣрѣ, за докторомъ послать.

— Тамъ есть люди. Пускай съѣздятъ! — произнесъ Калиновичъ.

— По приглашенію слуги онъ можетъ не прѣхать, и къ кому-жъ, наконецъ, послать? Я самъ лучше съѣзжу.

— Сдѣлайте милость, если у васъ такъ много лишняго времени, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Бѣлавинъ пожалъ плечами и увхалъ. Черезъ полчаса онъ возвратился съ докторомъ.

Калиновичъ даже не вышелъ. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ сохранить это адское равнодушіе, зная, что для Настеньки это только еще цвѣточки, а ягоды будутъ впереди!

XI.

Часовъ въ семь вечера Полина сидѣла у своей гранитной пристани и, прищурившись, глядѣла на синеватую даль моря. Пользуясь дачной свободой, она была въ широкой, кисейной блузѣ, которая воздушными, небрежными складками падала на дикій, грубый камень. Горностаевая мантилья, накинутая на плечи, предохраняла ее отъ вліянія морскаго воздуха; на ногахъ были надѣты золотомъ выложенныя туфли. Въ костюмѣ этомъ Полина совершенно не походила на дѣвушку; скорѣй это была дама, имѣющая нѣсколько человѣкъ дѣтей. Вдали показался ватеръ.

«Кажется, что онъ!» подумала Полина, еще болѣе прищуриваясь.

Подъѣзжалъ князь и, черезъ нѣсколько минутъ, былъ уже у пристани.

— Bonjour, и первое слово: нѣтъ-ли у васъ кого-нибудь? — говорилъ онъ, выскакивая изъ катера.

— Никого.

— И прекрасно!.. Намъ предстоитъ очень важное дѣло... Пойдемте!

— Пойдемъ. Какъ, однако, ты усталъ! Бѣдненькій!

— Ужасно! — отвѣчалъ князь: — цѣлый день сегодня, какъ за языкъ повѣшенный, — продолжалъ онъ, входя въ гостиную и бросаясь въ кресло.

Полина сѣла невдалекѣ отъ него.

— Что-жь ты дѣлалъ? — спросила она.

— Дѣлалъ: во первыхъ, толковалъ съ однимъ господиномъ о дѣлахъ, потомъ съ другимъ, и съ этимъ ужь исключительно говорилъ объ васъ.

— Это какъ?

— А такъ, что просятъ вашей руки и сердца.

Полина немного вспыхнула.

— О, вздоръ! Кто-жь это такой? — проговорила она.

— Старый... Калиновичъ! — отвѣчалъ князь и потупился.

Полина только усмѣхнулась.

— Онъ ужь давно выпытывалъ у меня, — продолжалъ князь совершенно равнодушнымъ тономъ, — но сегодня, наконецъ, прямо объявилъ и просилъ узнать ваше мнѣніе.

Полина молчала и, въ раздумьѣ, гладила рукой свои горностаи.

— Женихъ неблистательный для Петербурга, — проговорила она.

— Конечно; впрочемъ, что-жь?... — заговорилъ было князь, но пріостановился: — по настоящему, мнѣ тутъ говорить не слѣдуетъ; какъ ваше сердце скажетъ, такъ пусть и будетъ, — присовокупилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Что моему бѣдному сердцу сказать? — начала

она, закрывъ глаза рукой: — ты очень хорошо знаешь, что я любила одного только въ мірѣ человѣка — это тебя! И за кого бы я, конечно, ни вышла, я только посмѣюсь надъ бракомъ.

Князь опять потушилъ глаза.

— Безумна, конечно, я была тогда какъ дѣвочка, — продолжала Полина: — но немного лучше и теперь: всегда думала и мечтала объ одномъ только, что когда-нибудь ты будешь свободенъ.

— Этого нѣтъ, кузина; что-жь дѣлать! — воскликнулъ князь.

Полина вздохнула.

— Знаю, что нѣтъ, — произнесла она тѣмъ же грустнымъ тономъ и продолжала: — тогда въ этой ужасной жизни, при матери, когда была связана по рукамъ и по ногамъ, я, конечно, готова была броситься за кого бы то ни было, но теперь... не знаю... Страшно надѣвать новыя оковы, и для чего?

— Оковы существуютъ и теперь, — возразилъ князь: — поселиться вамъ опять въ нашей деревенской глуши на скуку, на сплетни, — это безбожно... Миѣ же переѣхать въ Петербургъ нельзя по моимъ дѣламъ, — значить, все равно, мы не можемъ жить другъ возлѣ друга.

Полина думала.

— А что вы говорили насчетъ неблистательности, такъ это обстоятельство, — продолжалъ онъ съ удареніемъ, — миѣ представляется тутъ главнымъ удобствомъ, хотя, конечно, въ теперешнемъ вашемъ положеніи вы можете найти человѣка и съ вѣсомъ, и съ состояніемъ... Но, chère cousine, Богъ еще знаетъ, какъ этотъ человѣкъ взглянетъ на прошедшее и по-

вернетъ будущее. Можетъ быть, вы тогда дѣйствительно надѣнете кандалы гораздо-горшіе, чѣмъ были прежде.

Полина покраснѣла и молчала въ раздумьѣ.

— Совершенно другое дѣло этотъ господинъ, — продолжалъ князь: — мы его беремъ, какъ полунагого и голоднаго нищаго на дорогѣ: онъ будетъ всѣмъ намъ обязанъ. Не давъ вамъ ничего, онъ, поневодѣ, долженъ будетъ взглянуть на многое съ закрытыми глазами; и еслибъ даже захотѣлъ ограничить васъ въ чемъ-нибудь, такъ на вашей сторонѣ отнять у него все.

Полина продолжала думать.

— Что это ему теперь такъ вздумалось? Поминишь твой первый разговоръ съ нимъ? — спросила она.

— Э, пустое! — Студенческая привязанность къ дѣвочкѣ — больше ничего!

— Однако-жь, она существуетъ и до сихъ поръ. Госпожа эта здѣсь!

— Госпожа эта, — возразилъ князь съ усмѣшкою, — пустилась теперь во все тяжкія. Онъ, можетъ быть, у ней въ пятомъ или четвертомъ номерѣ, а такими привязанностями не очень дорожатъ. Наконецъ, я поставилъ ему это первымъ условіемъ и, значитъ, все это вздоръ!.. Главное, чтобъ онъ вамъ нравился, потому что вы все-таки будете его жена, а онъ вашъ мужъ — вопросъ теперь въ томъ.

— Онъ, я тебѣ откровенно скажу, нравится мнѣ больше, чѣмъ кто-нибудь, хоть въ то же время мнѣ кажется, что мое сердце такъ ужъ наболѣло въ прежнихъ страданіяхъ, что потеряло всякую спо-

способность чувствовать. Кроме того, — прибавила Полина, подумавъ: — онъ человѣкъ умный; его можно будетъ заставить служить.

— Непремѣнно служить! — подхватилъ князь. — И потому онъ литераторъ, а подобные господа въ черномъ тѣлѣ очень ничтожны; но если ихъ обставить состояніемъ, такъ въ нашъ образованный вѣкъ, ей-богу, такъ же почтено быть женой писателя, какъ и генерала какого-нибудь.

— Конечно! — подтвердила Полина.

Князь очень хорошо видѣлъ, что дѣло съ невѣстой было покончено; но ему хотѣлось еще кое-чего достигнуть.

— Не знаю, какъ вы посудите, — началъ онъ: — но я полагалъ бы, что, живя теперь въ Петербургѣ, въ этомъ вашемъ довольно хорошемъ кругу знакомства, зачѣмъ вамъ выдавать его за бѣдняка? Пускай явится человѣкомъ съ состояніемъ. Можно будетъ распустить подъ рукой слухъ, что это старая ваша любовь, на которую мать была несогласна, потому что онъ нечиновенъ; но для сердца вашего, конечно, не можетъ существовать подобнаго прештствія: вы выходите за него и прекрасно! Сдѣлать же вамъ это очень легко: презентуйте ему частичку вашего капитала, и такъ его этимъ оперите, что, и Боже ты мой! носу никто не подточить... Такъ все и вести.

— Разумѣется, это можно будетъ сдѣлать, — отвѣчала Полина.

— Необходимо такъ! — подхватилъ князь: — тѣмъ больше, что это совершенно прекратитъ всякій поводъ къ разнаго рода вопросамъ и догадкамъ: что

и какъ, и для чего вы составляете подобную партію? Отвѣтъ очень простой: женихъ человекъ молодой, умный, образованный, съ состояніемъ — значить, ровня... а потомъ и въ отношеніи его, на случай, еслибъ онъ объявилъ какія-нибудь претензіи, можно прямо будетъ сказать: «милостивый государь, вы получили деньги и потому можете молчать».

Полина сидѣла въ задумчивости.

— И такъ-съ? — продолжалъ князь, протягивая ей руку.

Она подала ему свою.

— Что-жь сказать этому господину — а? — спросилъ онъ съ какой-то нѣжностью.

— Ахъ, господину... господину... — повторила Полина: — скажи, что хочешь — мнѣ все равно!

— Значить: да — такъ?

— Ну, хоть да!

Князь сейчасъ же всталъ.

— Adieu, — проговорилъ онъ.

— Куда-жь ты? — Останься!

— Нѣтъ, нельзя: пора. Adieu.

— Adieu, — повторила Полина, и когда князь сталъ цѣловать у нея руку, она не выдержала, обняла его и легла къ нему головой на плечо. По щекамъ ея текли въ три ручья слезы.

— Страшно мнѣ, другъ мой, страшно! — прознесла она.

— А старый уговоръ помните: если замужъ, такъ безъ слезъ? — говорилъ князь, грозя пальцемъ и легохонько отодвигая ее отъ себя, а потомъ, заключивъ скороговоркой: adieu! — уѣжалъ.

Часто потомъ и очень часто спрашивала себя

Полина, какимъ образомъ она могла такъ необдуманно и такъ скоро дать свое слово. Конечно, ей, какъ всякой дѣвушкѣ, хотѣлось выдти замужъ, и, конечно, привязанность къ князю, о которой она упоминала, была такъ въ ней слаба, что она, особенно въ послѣднее время, замѣтивъ его корыстные виды, начала даже опасаться его; наконецъ, Калиновичъ, въ самомъ дѣлѣ, ей нравился, какъ человѣкъ умный и даже наружностью нѣсколько похожій на нее: такой же худой, блѣдный и бѣлокурый; но въ этомъ только и заключались, по-крайней-мѣрѣ на первыхъ порахъ, всѣ причины, заставившія ее сдѣлать столь важный шагъ въ жизни. «Судьба и судьба!» отвѣчала она, обыкновенно, себѣ, — та судьба, въ борьбу съ которой вѣрилъ древній человѣкъ и небезсознательно завязывалъ на этомъ мотивѣ свои драмы.

Въ Петербургѣ князь завернулъ сначала къ своему англичанину, котораго засталъ, по обыкновенію, сильно выпившимъ, но съ полнымъ сохраненіемъ всѣхъ умственныхъ способностей.

— Ну, что, сэръ? — началъ онъ: — дѣло обдѣлывается: черезъ мѣсяць мы будемъ имѣть съ вами пятьдесятъ тысячъ чистогану... Понимаете?

— Да, понимаю. Это хорошо, — отвѣчалъ англичанинъ.

— Хорошо-то хорошо, — произнесъ князь въ раздумьѣ: — но дѣловъ томъ, — продолжалъ онъ, чмокнувъ, — что тутъ я рискнулъ такимъ источникомъ, изъ котораго могъ бы черпать всю жизнь: а тутъ мирись на пятидесяти тысяченкахъ! Какъ быть! Не могу; такой ужъ характеръ: что заберется въ голову, клиномъ не вышибишь. <http://rcin.org.pl>

— Когда-бъ вы были Лондонъ, вы-бъ много дѣль имѣли: у васъ много умъ есть.

— Есть немножко. Однако вы, батюшка, извольте-ка ложиться спать да хорошенько проспать: завтра надобно начпнать хлопотать о привиллегіи.

— Да, я буду много спать, — отозвался Пемброкъ.

— Спать, спать! — подтвердилъ князь.

Распорядившись такимъ образомъ съ англичаниномъ, онъ возвратился домой, гдѣ, сверхъ ожиданія, засталъ Калиновича, который былъ мраченъ и блѣденъ.

— Ну, что, Яковъ Васильичъ, — говорилъ князь, входя: — ваше дѣло въ такомъ положеніи, что и ожидать было невозможно. Полина почти согласна!

При этихъ словахъ, Калиновичъ еще болѣе поблѣднѣлъ, такъ что князю это бросилось въ глаза.

— Что, однако, съ вами? Вы ужасно не хороши... Не хуже ли вамъ?

— Нѣтъ, ничего, — отвѣчалъ Калиновичъ: — женщина, о которой мы съ вами говорили... я не знаю... я не могу ее оставить! — проговорилъ онъ рыдающимъ голосомъ и, схвативъ себя за голову, бросился на диванъ.

Тутъ ужъ князь поблѣднѣлъ.

— Полноте, милый! что это? какъ это можно! любите, что ли, вы ее очень? Это что ли?

— Не знаю; я въ одно время и люблю ее и ненавижу, и больше ничего не знаю, — отвѣчалъ Калиновичъ, какъ полоумный.

— Ни то, ни другое, — возразилъ князь: — ненавиждѣтъ вамъ ее не за что, да и безпобойться осо-

бенно тоже нечего. Въ наше время женщины, слава Богу, не умирають отъ любви.

— Нѣтъ, умирають! — воскликнулъ Калиновичъ: — вы не можете этого понимать. Ваши княжны, дѣйствительно, не умрутъ, но въ другихъ сословіяхъ, слава Богу, сохранилось еще это. Она ужь разъ хотѣла лишиться себя жизни, потому только, что я не писалъ къ ней.

Князь слушалъ Калиновича, скрестивъ руки.

— Потому только, скажите пожалуйста! Это ужь очень чувствительно, — проговорилъ онъ.

Калиновичъ вышелъ изъ себя.

— Прошу васъ, князь, не говорить такимъ образомъ. Цинизмъ вашъ вообще дурнаго тона, а тутъ онъ совершенно некстати. Говоря это, вы сами не чувствуете, какъ становитесь низко, очень низко, — сказалъ онъ раздраженнымъ голосомъ.

Князь пожалъ плечами.

— Положимъ, — началъ онъ: — что я становлюсь очень низко, понимая любовь не по вашему; на это, впрочемъ, даютъ мнѣ нѣкоторое право мои лѣта; но теперь я просто буду говорить съ вами, какъ говорить между собой честные люди. Что вы дѣлаете? Поймите вы хорошенько! Не дальше какъ сегодня, вы приходите и говорите, что дѣвушка вамъ нравится, просите сдѣлать ей предложеніе; вамъ даютъ почти согласіе, и вы на это объявляете, что любите другую, что не можете оставить ее... Какъ хотите, вѣдь это поступки сумасшедшаго человѣка; съ вами не только нельзя дѣла какого-нибудь имѣть, съ вами говорить невозможно. Это чортъ знаетъ что такое! — заключилъ князь съ достоинствомъ.

— Да, я почти сумасшедшій! — произнесъ Калиновичъ:—но, Боже мой! Боже мой! еслибъ она только знала моп страданія, она бы мнѣ простила. Понимаете-ли вы, что у меня тутъ на душѣ? Адъ у меня тутъ! Пощадите меня! — говорилъ онъ, колотя себя въ грудь.

— Все очень хорошо понимаю, — возразилъ князь,—и скажу вамъ, что все зло лежитъ въ вашемъ глупомъ университетскомъ воспитаніи, гдѣ набиваютъ голову разнаго рода великолѣпными, чувствительными идейками, которыя никогда и нигдѣ въ жизни неприменимы. Нѣмцы, по-крайней-мѣрѣ, только студентами бѣсятся, но какъ выйдутъ, такъ и дѣлаются чѣмъ надо; а у насъ на всю жизнь портятъ человѣка. Любой гвардейскій юнкеръ, въ вашемъ положеніи, минуты-бы не задумался, потому что оно плевака не стоитъ; а вы, человѣкъ умный, образованный, не хотите, хоть сколько-нибудь, возвыситься надъ собой, чтобъ спокойно оглядѣть, какъ и что... Это мальчишество, наконецъ!... Вы въ связи съ дѣвочкой, которая тамъ любитъ васъ; вы ее тоже любите, въ чемъ я, впрочемъ, сомнѣваюсь... но, прекрасно! Вамъ выходитъ другая партія, блестящая, которая какому-нибудь камергеру здѣшнему составила бы барьеру. Въ партіи этой, кромѣ состоянія, какъ вы сами говорите, дѣвушка прекрасная, которая, по особенному вашему счастью, сохранила къ вамъ привязанность въ такой степени, что съ первыхъ же минутъ, какъ вы сдѣлаетесь ей женихомъ, она хочетъ вамъ подарить сто тысячъ, для того только, чтобъ не дать вамъ почувствовать

этой маленькой неловкости, что, вотъ-де, вы бѣднякъ и женитесь на такомъ богатствѣ. Одна эта деликатность, я не знаю, какъ высоко должна поднять эту женщину въ вашихъ глазахъ! Сто тысячъ — а? — продолжалъ князь, болѣе и болѣе разгораясь: — это, кажется, капиталецъ такого рода, изъ-за котораго отъ какой хотите любви можно отступить. Если ужъ, наконецъ, дѣйствительно привязанность ваша къ этой дѣвочкѣ, въ самомъ дѣлѣ, такъ серьезна — чортъ ее возьми! дать ей какихъ-нибудь тысячъ пятнадцать серебромъ, и ужъ, конечно, вы этимъ гораздо лучше устроите ее будущность, чѣмъ живя съ ней и ведя ее къ одной только вопіющей бѣдности. Сама-то любовь заставляетъ васъ такъ поступить!

— Этой женщинѣ миллионъ меня не замѣнитъ, — проговорилъ Калиновичъ.

— Да, вначалѣ, можетъ быть, поплачетъ, и даже полученные деньги отъ васъ, вѣроятно, швырнетъ съ пренебреженіемъ; но подумавъ, запретъ ихъ въ шкатулку, и если она точно дѣвушка умная, то, конечно, пойметъ, что вы гораздо большую приносите жертву ей, гораздо больше доказываете любви, отторгаясь отъ нея, чѣмъ еслибъ стали всю жизнь разыгрывать передъ ней чувствительнаго и вѣрнаго любовника — повѣрьте, что такъ!... Ну и потомъ, когда пройдетъ этотъ первый пылъ, что ей мѣшаетъ, преспокойнымъ манеромъ, здѣсь же выдти замужъ за какого-нибудь его высокоблагородіе, столоначальника, народить съ нимъ дѣтей, для вящшаго здоровья которыхъ они

будутъ лѣтомъ нанимать на какой-нибудь Безбородкѣ дачу и душевно благословлять васъ, какъ истиннаго своего благодѣтеля.

— А если она не доживетъ до этой блаженной поры и немножко пораньше умретъ? — возразилъ Калиновичъ.

— Опять — умретъ! — повторилъ съ усмѣшкою князь. — Въ романахъ я, дѣйствительно, читалъ объ этакихъ случаяхъ, но въ жизни, признаюсь, не встрѣчалъ. Полноте, мой милый! мы, наконецъ, такую дребедень начинаемъ говорить, что даже совѣстно и скучно становится. Волюшки у васъ, милостивый государь, нѣтъ, характера — вотъ въ чемъ дѣло!

Калиновичъ сидѣлъ погруженный самъ въ себя.

— Если еще разъ я увижу ее, кончено! Я не въ состоянїи буду ничего предпринять... Наконецъ, этотъ Бѣлавинъ... — проговорилъ онъ.

Князь усмѣхнулся и, побачнувшись всѣмъ тѣломъ, откинулся на задокъ кресла.

— Боже ты мой, царь милостивый! Верхъ ребячества невообразимаго! — воскликнулъ онъ: — ну, не выдайтесь, пожалуй! Дѣйствительно, что тутъ накупаться на эти бабьи аханья и стоны; оставайтесь у меня, ночуйте, а завтра напишите записку, такъ и такъ, мой другъ, я живъ и здоровъ, но уѣзжаю по очень экстренному дѣлу, которое устроить наше благополучіе. А потомъ, когда жениетесь, пошлите деньги — и дѣлу конецъ: ларчикъ, кажется, просто отрывался! Я, признаюсь, Яковъ Васильичъ, гораздо больше думалъ о вашемъ умѣ и характерѣ...

— Кто въ вашу передѣлку, князь, попадетъ, всякій сломаётся, — произнесъ Калиновичъ.

— Не ломаютъ васъ, а выпрямляютъ! — возразилъ князь. — Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, я очень глупо дѣлаю, что такъ много говорю, и это послѣднее мое слово: какъ хотите, такъ и дѣлайте! — заключилъ онъ съ досадою и, взявъ со стола бумаги, сталъ ими заниматься.

Около часа продолжалось молчаніе.

— Князь! спасите меня отъ самого себя! — проговорилъ, наконецъ, Калиновичъ умоляющимъ голосомъ. Онъ былъ даже жалокъ въ эти минуты.

— Но, милый мой, что-жь съ вами дѣлать? — произнесъ князь съ участіемъ.

— Дѣлайте, что хотите — я вашъ! — отвѣчалъ Калиновичъ.

— «Ты нашъ, ты нашъ! клянися на мечѣ!» не помню, говорится въ какой-то драмѣ; а такъ какъ въ наше время мечей нѣтъ, — мы поклянемся лучше на гербовой бумагѣ, и потому, угодно выслушать меня или нѣтъ? — проговорилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Одолженіе, вопервыхъ, состоитъ въ томъ, — что поелику вы, милостивый государь, послѣднимъ поступкомъ вашимъ — не помню тоже въ какой пьесѣ говорится — наложили на себя печать недоверія и, очень можетъ быть, что въ одно прекрасное утро вамъ вдругъ вздумается возвратиться къ прежней идиллической вашей любви, то не угодно ли будетъ напередъ сего выдать мнѣ вексель въ условленныхъ пятидесяти тысячахъ, который бы ассурпировалъ меня въ дальнѣйшихъ моихъ дѣйствіяхъ?

Для васъ въ этомъ нѣтъ никакой опасности, по тому что у васъ нѣтъ копѣйки за душой, а мнѣ сажать васъ въ яму, съ платою кормовыхъ, тоже никакого нѣтъ ни разчета, ни удовольствія... Когда же вы будете имѣть черезъ меня деньги, значить — и отдать ихъ должны. Такъ вѣдь это?

Впродолженіе всего этого монолога Калиновичъ смотрѣлъ на князя въ упоръ.

— Мы, однако, князь, ужасные съ вами мошенники!... — проговорилъ онъ.

— Есть немного! — подхватилъ тотъ: — но что-жь тутъ дѣлать! ничего!

Калиновичъ злобно усмѣхнулся.

— Конечно ужъ съ разбойниками надо быть разбойникомъ, — произнесъ онъ и, оставшись у князя ночевать, собралъ все свое присутствіе духа, чтобъ казаться спокойнымъ.

XII.

На другой день все стало, мало-по-малу, обдѣлываться. Калиновичъ, какъ бы совершенно утративъ личную волю, написалъ, подъ диктовку князя, къ Настенькѣ записку, хоть и загадочнаго, но довольно-утѣшительнаго содержанія. Нанята была въ аристократической Итальянской квартира съ двумя отдѣленіями: одно для князя, другое для жениха, котораго онъ, между прочимъ, ссудилъ маленькой суммой, тысячи въ двѣ серебромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — больше, конечно, для памяти — взялъ съ него вексель въ пятьдесятъ двѣ тысячи. Дня черезъ два

наконецъ, Калиновичъ поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ къ невѣстѣ. Свиданіе это было довольно странное.

— Здравствуйте, Калиновичъ! — сказала, встрѣчая ихъ, Полина, голосомъ, исполненнымъ какого-то значенія. Тотъ ей ничего не отвѣтилъ. Все утро потомъ посвящено было осматриванію маленькаго дачнаго хозяйства, въ которомъ главную роль игралъ скотный дворъ съ тремя тучными черкасскими коровами. Въ конюшнѣ тоже стояли два сѣрые жеребца, на которыхъ мы встрѣтили князя на Невскомъ. Полина велѣла подать хлѣба и начала смѣло, изъ своихъ рукъ, кормить сердитыхъ животныхъ. Кромѣ того, по маленькому двору ходили буры, которыхъ молодая хозяйка завела, желая сдѣлать у себя совѣмъ деревню. Во все это Калиновича посвящали очень подробно, какъ полухозяина, и только ужъ послѣ обѣда, когда люди вообще бываютъ болѣе склонны къ душевнымъ бесѣдамъ, князь успѣлъ навести разговоръ на главный предметъ.

— Кузина, Яковъ Васильчъ, вѣроятно, желаетъ, чтобъ вы сами подтвердили то, что я ему передалъ, — сказалъ онъ.

Полина потупилась и сконфузилась.

— Я готова, — проговорила она.

— Слѣдуетъ, слѣдуетъ-съ! — подхватилъ князь и сначала какъ бы подошелъ къ балкому, а тутъ и совѣмъ скрылся.

Оставшись вдвоемъ, женихъ и невѣста довольно долгое время молчали.

— Нравлюсь ли я вамъ, Калиновичъ, скажите

вы мнѣ? Я знаю, что я не молода, не хороша... — начала Полина.

Калиновичъ больше пробормоталъ ей въ отвѣтъ, что какое же другое чувство можетъ заставить его поступать такимъ образомъ.

— А Годневу вы любили? — спросила Полина.

— Да, я ее любила, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Очень?

— Очень.

— Точно ли вы оставляете ее?

Калиновичъ усиленно вдохнулъ въ себя цѣлую струю воздуха.

— Она измѣнила мнѣ, — проговорилъ онъ.

— Не можетъ быть! Нѣтъ!... Какая же это она!... Я не думала этого... Нѣтъ, это вѣрно неправда.

— Измѣнила, — повторилъ Калиновичъ съ какой-то гримасой.

— И вамъ трудно объ этомъ говорить, я вижу.

— Да, нелегко.

— Ну, и не станемъ, — сказала Полина и задумалась.

— Послушайте, однако, — начала она: — я сама хочу быть съ вами откровенна и сказать вамъ, что я тоже любила когда-то и думала вполне принадлежать одному человѣку. Можетъ быть, это была, съ моей стороны, ужасная ошибка, которой, впрочемъ, теперь опасаться нечего! Человѣкъ этотъ, по-крайней-мѣрѣ для меня, умеръ; но я его очень любила.

Калиновичъ молчалъ.

— Вы не будете за это на меня сердиться? — продолжала Полина.

— По какому же праву?— проговорилъ онъ наконецъ.

— По праву мужа,— отвѣчала съ улыбкой Полина.

— Что-жь?— отвѣчалъ Калиновичъ, тоже съ полуулыбкой.

— Не сердитесь... Я васъ, кажется, буду очень любить!— подхватила Полина и протянула ему руку, до которой онъ еще въ первый разъ дотронулся безъ перчатки: она была потная и холодная. Нервный трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Калиновича, а тутъ еще, какъ нарочно, Полина наклонилась къ нему, и онъ почувствовалъ, что даже дыханіе ея было дыханіемъ болѣзненной женщины. Пріѣздъ баронессы, наконецъ, прекратилъ эту пытку. Какъ радужная бабочка, въ цвѣтномъ платьѣ, впорхнула она, сопровождаемая княземъ, и проговорила:

— Bonjour!

— Bonjour!— сказала Полина, и сейчасъ же представила ей Калиновича, какъ жениха своего.

— Ah, je vous félicite, — проговорила баронесса. Et vous aussi, monsieur,— прибавила она, протягивая Калиновичу черезъ столъ руку, которую тотъ пожимая подумалъ:

«Вотъ, кабы такой ручкой приходилось владѣть, такъ, пожалуй бы, и Настеньку можно было забыть!»

Баронесса, конечно, сейчасъ же вызвала разговоръ о модахъ и, по случаю предстоявшей свадьбы, вошла въ мельчайшія подробности: она предназначила, какъ и у кого дѣлать приданое, кто долженъ драпировать, меблировать спальню и прочія комнаты, обнаружива при этомъ столько вкуса и практическаго

знанія, что князь только удивлялся, восхищался и поддакивалъ ей. Калиновичъ тоже дѣлалъ видъ, какъ-будто бы все это занимаетъ его, хоть на сердцахъ были невыносимыя тоска и мука.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій женихъ и невѣста стали, по заведенному порядку, видаться каждый день, и свиданія эти повлекли почти ожидаемыя послѣдствія. Кто не знаетъ, съ какой силой влюбляются пожилыя, некрасивыя и, попреимуществу, умныя дѣвушки въ избранный предметъ своей страсти, который даетъ имъ на то какой бы ни было поводъ или право? Причина тому очень простая: онѣ не избалованы вниманіемъ мужчинъ, но, по своему уму, по своему развитію, жаждутъ любви; имъ потребно это чувство, и когда подобная звѣзда восходитъ на ихъ горизонтъ, онѣ, какъ круглые бѣдняки, страстно и боязливо хватаются за свою послѣднюю лепту. Съ Полной, каковы бы ни были ея прежнія чувства къ князю, но, въ настоящемъ случаѣ, повторилось то же самое: съ каждымъ, кажется, часомъ начала она влюбляться въ Калиновича все больше и больше. Бывши скупа и расчетлива не меньше матери, она, не ожидая напоминаній князя, подарила жениху разомъ билетъ въ полтораста тысячъ серебромъ. Калиновичъ поцѣловалъ у ней при этомъ руку и былъ какъ-будто бы поласковѣй съ нею; но деньги, видно, не прибавили ему ни счастія, ни спокойствія, такъ что онъ опять не выдержалъ этой нравственной ломки, и въ одно милое, съ дождемъ и вѣтромъ, петербургское утро проснулся совсѣмъ шафранный: съ нимъ сдѣлалась желчная горячка!

Полина перепугалась, сейчасъ же переѣхала въ

городъ и непремѣнно хотѣла сама ухаживать за больнымъ, постоянно стараясь развлекать его своими ласками.

Сдѣлавшись отъ болѣзни еще нервнѣй и раздражительнѣй, Калиновичъ, наконецъ, почувствовалъ къ невѣстѣ то страшное физиологическое отвращеніе, которое скрывать не было уже никакихъ человѣческихъ силъ, и чѣмъ бы все это кончилось — неизвѣстно! Къ счастью, лечившій его докторъ, узнавъ отношенія лицъ и понявъ, кажется, отчего боленъ пациентъ, нашелъ нужнымъ, для успѣха леченія, чтобъ невѣста не тревожила больного и оставляла его больше въ покоѣ, больше одного. Онъ передалъ это князю, который, въ свою очередь, тоже хорошо понимая настоящую сущность, началъ употреблять всевозможныя уловки, чтобъ задержать Полину у ней на квартирѣ, безпрестанно возилъ ее по магазинамъ, и когда она непремѣнно хотѣла быть у Калиновича, то ни на одну секунду не оставлялъ ее съ нимъ вдвоемъ, чтобъ не дать возможности выражаться и развиваться ея нѣжности.

Свадебныя хлопоты стали приходять къ концу. Калиновичъ худой, какъ скелетъ, сидѣлъ, по обыкновенію, на своей кровати. Человѣкъ доложилъ ему, что пришелъ генеральшинъ Григорій Васильевъ.

— Пусти! — сказалъ Калиновичъ.

Вошелъ знакомый намъ старикъ поваръ, еще болѣе оплѣшивѣвшій, въ старомодномъ, вишневаго цвѣта съ высокимъ воротникомъ, сюртукъ, въ свѣтло-вычищенныхъ сапожкахъ и серебрянымъ перстнемъ на правой рукѣ.

— Что тебѣ надобно? — спросилъ Калиновичъ.

— Такъ-какъ выходитъ, являюсь господину и барину моему, на всѣ дни живота моего нескончаемому...— отвѣчалъ Григорій Васильевъ, свернувъ нѣсколько голову на бокъ и становясь навытяжку.

Калиновичъ посмотрѣлъ на него.

— Собственно, какъ старому генералу, за котораго теперь всѣ наши помыслы и сердце нашихъ изліянія передъ престоломъ Всевышняго изливаться должны за успокоеніе ихъ высокочувствительной души, и больше ничего... такъ я и понимаю!..

Калиновичъ догадался, что старикъ былъ сильно выпивши и, желая отъ него скорѣе отдѣлаться, подалъ было ему три рубля серебромъ, но Григорій Васильевъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Не за тѣмъ, Яковъ Васильичъ, являюсь,—возразилъ онъ съ усмѣшкою:— но, что, собственно, вчерашняго числа госпожа наша Полина Александровна, черезъ князя, изволила мнѣ отдать приказъ, что, такъ-какъ теперича онѣ изволятъ за васъ замужъ выходить и разные, по этому случаю, будутъ обѣды и балы, и я, по своей старости и негодности, исполнить того не могу, а потому сейчасъ долженъ сбираться и ѣхать въ деревню... Какъ все это я понимать могу? Въ какую сторону?— заключилъ старикъ и принялъ вопросительную позу.

Калиновичъ, однако, ничего не отвѣчалъ ему.

— Не дѣла моего исполнить не могу— это только напрасныя обиды ихъ противъ меня,— продолжалъ Григорій Васильевъ:— а что я человекъ, можетъ быть, опасный — это можетъ быть!..— присовокупилъ онъ съ многозначительной мной.

— Чѣмъ-же ты человекъ опасный?— спросилъ,

накоонецъ, Калиновичъ, котораго начпнала нѣсколько забавлять эта болтовня.

— Коли приказанье будетъ, я докладъ смѣлый могу держать, — отвѣчалъ старикъ съ какой-то гордостью: — Григорій Васильевъ не такой человекъ, чтобъ его можно было залакомить или закупить, что коли по головкѣ погладить, такъ онъ и лапки распуститъ: никогда этого быть не можетъ. У Григорья Васильева, — продолжалъ онъ умиленнымъ тономъ и указывая на потолокъ, — былъ одинъ господинъ — генералъ... онъ теперь на небѣ, а вы, выходятъ, преемникъ его; такъ я и понимаю!

— Конечно, — подтвердилъ Калиновичъ.

— И ежели вы, теперича, — продолжалъ старикъ еще съ большимъ одушевленіемъ: — въ настоящемъ званіи преемникъ его чиновъ, крестовъ и правилъ, вы прямо скажете: «Гришка! — поди ты, братецъ, возьми въ своей кухнѣ самое скверное помело и выгони ты этого самаго князя вонъ изъ моего дома!» А я исполнить то долженъ, и больше ничего!

Послѣднія слова ужъ замѣтно заинтересовали Калиновича.

— Что-жь тебѣ такъ не нравится князь? — спросилъ онъ.

— Князь!.. — воскликнулъ старикъ со слезами на глазахъ: — такъ я его понимаю: зеленѣетъ теперь поле рожью, стеблями она, матушка, высокая, колосомъ тучная, васильки цвѣтутъ, вѣтерокъ ими играетъ, запахъ отъ нихъ разноситъ, сердце мужичка радуется; но пробѣжалъ конь степной, все это стопталъ да смялъ, волокъ волокомъ сдѣлалъ: то и князь въ нашемъ дѣлѣ, — такъ я его понимаю.

— Что-жь, разорилъ, что-ли, онъ? — спросилъ Калиновичъ.

— Тьфу, для насъ его разоренье было бы! — отвѣчалъ Григорій Васильевъ: — слава Богу, послѣ генерала осталось добра много: достало бы на лапти не одному этакому безпардонному князю, а и десятку такихъ; конечно, что удивлялись, зная, сколь госпожа наша на деньгу женщина крѣпкая, твердая, а для него ничего не жалѣла. Потерявъ тогда супруга, мы полагали, что онѣ либо разсудка, либо жизни лишатся; а какъ опара-то начала всходить, такъ и показала тоже свое: въявь ужъ видѣли, что и въ этакомъ высококомъ званіи женщины не теряютъ своихъ слабостей. Когда пріѣхала вдовицей въ деревню, мелкой дробью разсыпался передъ ними этотъ человекъ. Портреты генерала, чтобъ не терзали они очей ея, словно дрова, велѣлъ въ печкѣ пережечь и, какъ змѣй-искуситель, съ тѣхъ же поръ залегъ имъ въ сердце и до конца ихъ жизни тамъ жилъ и командовалъ. Бывало, мину къ кому изъ людей непріятную отнесеть, смотришь, генеральша и дѣлаетъ съ тѣмъ человекомъ свое распоряженіе... Всѣ должны были угождать, трепетать и раболѣпствовать князю!

Калиновичъ начиналъ хмуриться.

— Что-жь у нихъ, интрига, что ли, была? — спросилъ онъ.

Григорій Васильевъ пожалъ плечами.

— Горничныя дѣвцы, коли не врутъ, балтывали... — проговорилъ онъ, горько усмѣхнувшись. — И все бы это, сударь, мы ему простили, по пословицѣ: «вдова — мірской человѣкъ»; но, батюшка, Яковъ Васильичъ!.. намъ барышни нашей тутъ жалко!.. —

воскликнулъ онъ, прижимая руку къ сердцу: — какъ бы теперь старый генералъ нашъ зналъ да вѣдалъ, что они тутъ дочери его единойродной не поберегли и не пощадяли ея молодости и цвѣтучести... Батюшка! генералъ спросить у нихъ отвѣта на страшное судѣ, и больше того ничего не могу говорить!

— Отчего-жь не говорить? — спросилъ мрачно Калиновичъ и потупляя глаза.

— Говорить! — повторилъ старикъ съ горькою усмѣшкою — какъ: намъ говорить, когда руки наши связаны, ноги спутаны, языкъ подрѣзанъ? А что коли собственно, какъ вы теперь за-мѣсто стараго нашего генерала званье получаете, и ежели теперь отъ васъ слово будетъ: «Гришка! отрой мнѣ свою душу!» и Гришка отроетъ. «Гришка! не покрывай моей жены, ни дочери!» и Гришка не покроетъ! Одно слово, больше не надо.

— Конечно говори, тѣмъ больше, когда началъ, — повторилъ Калиновичъ, еще болѣе серьезнымъ тономъ.

— Говори! — повторилъ опять съ горькою усмѣшкою и качая головой Григорій Васильевъ: — говорить, батюшка, Яковъ Васильичъ, надобно по божески: то, что барышня, можетъ, больше маленьки своей имѣла склонность къ этому князю. Я лакей — не больше того... и могу спросить одно: татаринъ этотъ человекъ али христіанинъ? Какъ онѣ очей своихъ не проглядѣли, гляючи въ ту сторону, откуда онъ еще обѣщанье сдѣлаеть пріѣхать.... Батюшка, господинъ нашъ новый! А коли бы теперь вамъ доложить, какія у нихъ изъ этого съ мамень-

кой неудовольствія были, такъ только одна Царица небесная все это видѣла, понимала и судила.... Мы, приближенная прислуга, не знаемъ, кому и какъ служить; и я, бывало, по глупому своему характеру, еще при жизни покойной генеральши, этимъ разбойникамъ, княжескимъ лакеямъ, смѣло говаривалъ: «что это, говорю, разбойники, вы у насъ надѣлали! словно орда татарская съ бариномъ своимъ набѣжали къ намъ, полонили да разорили, псы экіе!»

Калиновичъ слушалъ молча, и только еще ниже склонилъ голову.

— Батюшка, Яковъ Васильичъ! — восклицалъ Григорій Васильевъ, опять прижимая руку къ сердцу: — можетъ, я теперь виноватымъ останусь; но, какъ передъ образомъ Казанской Божіей Матери, всѣми сердцами нашими слезно молимъ васъ: не казните вы нашу госпожу, а помилуйте, батюшка! Она не причастна ни въ чемъ; только злой человѣкъ ее къ тому руководствовалъ, а теперь она пристрастна къ вамъ всей душой — такъ мы это и понимаемъ.

Калиновичъ молчалъ.

— Конечно, мы хоть и рабы, — продолжалъ Григорій Васильевъ, — а тоже чувствовали, какъ ихъ дѣвичій вѣкъ проходилъ: по первоначалу ученье большое было, а тамъ скука пошла; какое ужъ съ маленькой старой да скупой развлеченье можетъ быть?.. Только свѣту и радости было передъ глазами, что князь одинъ со своими лясами да балясами... ну, и втюрилась, по нашему, по деревенски сказать.

— Зачѣмъ же Полина Александровна за меня замужъ выходитъ, когда она влюблена въ князя? — спросилъ вдругъ Калиновичъ.

— Охлажденье, сударь, къ нему имѣютъ... большое охлажденье противъ прежняго, — отвѣчалъ успокоительнымъ тономъ Григорій Васильевъ: — вотъ ужъ года четыре мы это замѣчаемъ; только и говорятъ своимъ горничнымъ дѣвицамъ: «Ахъ, говорятъ, милыя мои, какъ бы я желала выдти замужъ!» Барышня, батюшка, умная, по политикѣ тонкая, все, можетъ быть, по чувствительной душѣ свой почувствовали, какой онѣ предъ Господомъ Творцомъ-Создателемъ грѣхъ имѣютъ. Какъ онѣ теперь рады вамъ — и сказать того нельзя; только и спрашиваютъ: «видѣли ли вы моего жениха? хорошъ ли онъ?»

Выслушавъ все это, Калиновичъ вздохнулъ. Онъ приказалъ старику, чтобъ тотъ не болталъ о томъ, что ему говорилъ и, заставивъ его взять три цѣлковыхъ, велѣлъ теперь идти домой; но Григорій Васильевъ не двигался съ мѣста.

— Я все насчетъ своей негодности, господинъ вы нашъ хорошій и новый!.. — проговорилъ онъ, становясь въ грустную позу.

— Ты останешься, — сказалъ ему Калиновичъ.

Но Григорій Васильевъ съ какой-то недоувѣрчивостью повернулся и вышелъ неторопливо.

Больной, между тѣмъ, схвативъ себя за голову, упалъ въ изнеможеніи на постель. «Боже мой! Боже мой!» произнесъ онъ, и, вслѣдъ за тѣмъ ему сдѣлалось такъ дурно, что ходившій за нимъ лакей испугался и послалъ за Полиной и княземъ. Тѣ прискакали. Калиновичъ сталъ настоятельно просить, чтобъ завтра же была свадьба. Онъ, кажется, боялся за свою рѣшимость. Полина тоже этому обрадовалась, и та-

кимъ образомъ, въ маленькой, домово́й церкви произошло ихъ вѣнчанье.

Какъ мертвецъ худой, стоялъ женихъ передъ наломъ. На вопросъ священника: «не общался ли кому-нибудь?» онъ ничего не проговорилъ.

Единственными лицами при церемоніи были князь и мужъ баронессы. Въ качествѣ свидѣтелей, они скрѣпили своей благородной подписью запись въ брачной книгѣ. Послѣ вѣнца у новобрачныхъ, по петербургскому обычаю, былъ только чай съ мороженымъ и фруктами для близкихъ знакомыхъ, которые, выпивъ по нѣскольку задравныхъ бокаловъ, поспѣшили разѣхаться.

Въ богатомъ халатѣ, въ кованныхъ золотомъ туфляхъ, и съ какимъ-то мертвеннымъ выраженіемъ въ лицѣ, прошелъ молодой по шелковистому ковру въ спальню жены — и затѣмъ все смолкло. На улицахъ было тоже тихо часовъ до трехъ; но на разсвѣтѣ вдругъ вспыхнулъ на Литейной пожаръ. Пламя въ нѣсколько минутъ охватило весь домъ. Наскакала пожарная команда и сбѣжался народъ. Въ третьемъ этажѣ раздался крикъ женщины, молившей о спасеніи. Толпа дрогнула, но никто не пошевелился. Вдругъ появился господинъ въ незастегнутомъ пальто, безъ галстука... Съ несвойственной, видно, ему силой, онъ поставилъ огромную лѣстницу и, какъ векша, проворно взобрался по ней, разбилъ съ разу рукой раму и, не смотря не то, что на него пахло дымомъ и пламенемъ, скрылся въ окно. Все замерло въ ожиданіи. Черезъ нѣсколько минутъ спаситель появился съ безчувственной женщиной на рукахъ. Толпа встрѣтила его громкимъ «ура!» и «браво!»; но онъ скрылся.

Это былъ новобрачный Калиновичъ.

Какъ и зачѣмъ онъ тутъ появился? Еще полчаса передъ тѣмъ, онъ выбѣжалъ, какъ полоумный, изъ дому, бродилъ нѣсколько времени по улицамъ, случайно очутился на пожарѣ и бросился въ огонь не погибающую, кажется, спасти, а искать тамъ своей смерти: такъ, видно, много прелести и наслажденія принесло ему брачное ложе.

ХІІІ.

Кто не согласится, что подъ внѣшней обстановкой большей части свадебъ прячется такъ много нечистаго и грязнаго, что ужъ, конечно, всякое тайное свиданіе какого-нибудь молоденькаго мальчика съ молоденькой дѣвочкой гораздо выше въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ всѣ эти полуторговья сдѣлки, а между тѣмъ, всѣ вообще «молодые» имѣютъ какую-то праздничную и внушительную наружность, какъ-будто они, въ самомъ дѣлѣ, совершили какой-нибудь великій, а для кого-то очень полезный подвигъ. Описанная мною свадьба, конечно, имѣла тотъ же характеръ. Молодая, съ приличною томностью въ лицѣ, плала каждое утро шоколадъ и мѣняла потомъ, раза два и три, свой туалетъ. Часа въ два, молодые, обыкновенно, сѣли въ карету и отправлялись съ визитами, результатомъ которыхъ въ ихъ мраморной вазѣ появились билетики: Comte Koulgacoff, m-me Digavouroff née comtesse Miloff, Иванъ Петровичъ Захарьинъ, генералъ-лейтенантъ, Serge Milkosky, Петръ Николаичъ Трубновъ, флигель-адъютантъ, и

такъ далѣе; былъ даже какой-то испанскій грандъ Auto de Salvigo — словомъ, весь этотъ цвѣтъ и букетъ петербургскаго люда, который такъ обаятельно, такъ роскошно показывается нашимъ вульгарнымъ очамъ на Невскомъ проспектѣ и въ итальянской оперѣ, и сблизить съ которымъ мою молодую чету неусыпно хлопотала пріятельница Полины, баронесса. Въ какой мѣрѣ все это тѣшило самолюбіе героя моего — сказать трудно; во всякомъ случаѣ, онъ, кажется, начиналъ ужъ привыкать къ своему не совсѣмъ, конечно, честному, но за то высокоблестятельному положенію. Когда, задумавшись и заложивъ руки назадъ, онъ ходилъ по своей огромной залѣ, то во всей его солидной посадкѣ тѣла, въ покровѣ даже самаго фрака, такъ и чувствовался будущій дѣйствительный статскій совѣтникъ, хоть, въ тоже время, добросовѣстность автора заставляетъ меня сказать, что все это спокойствіе была чисто одна личина: въ душѣ Калиновичъ страдалъ и безпрестанно думалъ о Настенькѣ! На другой день свадьбы онъ уѣхалъ въ Павловскъ и отправилъ къ ней оттуда двадцать пять тысячъ серебромъ при коротенькомъ письмѣ, въ которомъ увѣдомлялъ ее о своей женитьбѣ и умолялъ только объ одномъ, чтобъ она берегла свое здоровье и не проклинала его. Отвѣта онъ не ждалъ, потому что не написалъ даже своего адреса.

23 октября, назначенъ былъ у баронессы большой балъ, собственно для молодыхъ. Наканунъ этого дня, поутру, Калиновичъ сидѣлъ въ своемъ богатомъ кабинетѣ. Раздался звонокъ и вслѣдъ затѣмъ слышались въ залѣ знакомые шаги князя. Калиновичъ сдѣлалъ гримасу.

— Здравствуйте и вмѣстѣ прощайте! — произнесъ гость, входя.

— Что-жь такъ? — спросилъ Калиновичъ него-ропливо.

— Буду-съ... Дѣло наше о привилегіи кончи-лось — значитъ, теперь надо въ деревню... работать... хлопотать... — отвѣчалъ князь и остановился, какъ бы не договоривъ чего то; но Калиновичъ по-нялъ.

— Можетъ быть, вы деньги желаете получить? — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, Яковъ Васильчъ, я бы просилъ васъ. Я теперь такую кашу завариваю, что припасай только! — произнесъ князь почти униженнымъ тономъ.

Калиновичъ нарочно зѣвнулъ, чтобъ скрыть улыбку презрѣнія, и небрежно выдвинулъ незапертый ящикъ въ столъ.

— Билетами хотите? — проговорилъ онъ.

— Все равно! — отвѣчалъ князь, вынимая и от-давая Калиновичу его заемное письмо.

Калиновичъ подалъ ему билетъ опекунскаго со-вѣта.

— Пятьдесятъ двѣ тысячи ровно! — проговорилъ онъ.

— Вѣрю и благодарю-съ! — подхватилъ князь и, великодушно, не повѣривъ уплаты, сунулъ билетикъ въ карманъ.

Калиновичъ между тѣмъ, разорвавъ съ пренебре-женіемъ свое заемное письмо на клочки и бросивъ его на полъ, продолжалъ молчать, такъ что князю начинало становиться неловко.

— Что ваша, однако, баронесса, скажите? Я ви-

дѣлъ ее какъ-то на дняхъ и говорилъ съ ней о васъ, — началъ было князь.

— Я и самъ съ ней говорилъ, — возразилъ Калиновичъ съ насмѣшкой. — Сегодня въ два часа ѣду къ ней, — присовокупилъ онъ, какъ бы желая покончить объ этомъ разговоръ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, — подхватилъ князь: — какъ можно упускать такой случай! Одолжить ее какимъ-нибудь вздоромъ — и какая перспектива откроется! Помилуйте!... Литературой, конечно, вы теперь не станете заниматься: значить, надо служить; а въ Петербургѣ, безъ этого задняго обхода, ничего не сдѣлаешь: это лучшая пружина, за которую взявшись, можно еще достигнуть чего-нибудь порядочнаго.

Явное презрѣнiе выразилось при этихъ словахъ на лицѣ Калиновича. Тотчасъ же послѣ свадьбы, онъ началъ выслушивать всѣ совѣты князя или невнимательно, или съ насмѣшкой.

— Что, однако, Полина? Могу я ее видѣть? — продолжалъ онъ.

— Нѣтъ, она не одѣта, — отвѣчалъ сухо Калиновичъ.

— Значить, до свиданья! — проговорилъ князь, нѣсколько растерявшись.

Хозяинъ только мотнулъ головой и не привсталъ даже. Князь ушелъ.

— Мерзавецъ! — проговорилъ ему вслѣдъ довольно громко Калиновичъ, и вскорѣ выѣхалъ со двора. Развалился и положила нога на ногу, усѣлся онъ въ своей маленькой кареткѣ и быстро понесся по Невскому. Въ Морской экипажъ остановился передъ главнымъ входомъ одного изъ великолѣпныхъ домовъ.

Калиновичъ называлъ швейцару свою фамилію.

— Пожалуйте,—проговорилъ тотъ и далъ знать звонкомъ въ бель-этажъ.

Калиновичу невольно припомнился его первый визитъ къ генеральшѣ. Онъ снова входилъ теперь въ барскій домъ, съ тою только разницею, что здѣсь аристократизмъ былъ настоящій: какъ-то особенно внушительно висѣла на окнахъ бархатная драпировка; золото, мебель, зеркала, — все это было тяжело-богато; тропическія растенія, почти затемняющія окна, протягивали свою сочную зелень; еще сдѣланный въ екатерининскія времена паркетъ хоть бы въ одномъ мѣстѣ расщелился. Самый воздухъ благоухалъ какой-то старинной знатію. Баронесса въ ужасъ приходила отъ всего этого стараго хлама, но баронъ оставался неумолимъ и ничего не хотѣлъ измѣнить. Онъ дозволилъ женѣ только убрать свое небольшое отдѣленіе, какъ ей хотѣлось, не давъ, впрочемъ, на то ни копѣйки денегъ. Баронесса, однако, не смотря на это, сдѣлала у себя совершенный рай, вполне по современному вкусу. Точно въ жилище феи, вступилъ Калиновичъ въ ея маленькую гостиную, гдѣ она была такъ любезна, что въ утреннемъ еще туалетѣ и пивши кофе, приняла его.

— Bonjour!—проговорила она ему на встрѣчу, ангельски улыбаясь, какъ нѣкогда улыбалась княжна, съ тѣмъ только преимуществомъ, что дѣлала это какъ-то умнѣй и осмысленнѣй.

— Bonjour, madame!—отвѣчалъ онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, но тоже любезно.

— Désirez vous du café?—спросила баронесса.

— Je vous prie!—отвѣчалъ Калиновичъ.

— А курить?—прибавила баронесса, подвигая серебряный стаканъ съ палиросами.

Калиновичъ закурилъ.

— Я привезъ вамъ маленькую сумму...— началъ онъ.

— Ахъ, да, да, merci!—подхватила скороговоркой баронесса, немного сконфузившись и тотчасъ же перемѣнила разговоръ.—Скажите,—продолжала она,—вы давно были влюблены въ Полину? Миѣ это очень интересно знать.

— Да, давно,—отвѣчалъ Калиновичъ съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа.

— Она очень милая, очень умная... нехороша собой, но именно, что называется, *une femme d'esprit*: умный человѣкъ, литераторъ, именно въ нее можетъ влюбиться. *Voulez vous prendre encore une tasse?*

— Non, merci,—отвѣчалъ Калиновичъ.—Деньги... прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана толстую пачку ассигнацій.

— Да; но миѣ, я думаю, нужно вамъ дать какую-нибудь бумагу?

— Нѣтъ, не нужно,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Merci,—отвѣчала баронесса, кладя, въ раздумьѣ, деньги въ столъ.

Нѣсколько времени они оба молчали.

— Я къ вамъ, баронесса, тоже имѣю просьбу...— началъ Калиновичъ.

— Ахъ, да, знаю, знаю!—подхватила та:—только постойте; какъ же это сдѣлать? Графъ этотъ... онъ очень любитъ меня, боится даже... Постойте, если вамъ теперь ѣхать къ нему съ письмомъ отъ меня, очень немудрено, что вы затеряетесь въ толпѣ: онъ

и будетъ хотѣть вамъ что-нибудь сказать, но очень немудрено, что не успѣетъ. Не лучше ли вотъ что: онъ будетъ у меня на балѣ; я просто подведу васъ къ нему, представлю и скажу прямо, чего мы хотимъ.

— Если можно будетъ это сдѣлать, такъ, конечно...—сказала Калиновичъ.

— Конечно, можно. Неужели вы думаете, что въ Петербургѣ на балахъ говорятъ о чемъ-нибудь другомъ: все о дѣлахъ... такой ужъ несносный городъ!— произнесла баронесса.

Въ это время раздался звонъ шпоръ. Калиновичъ всталъ.

— Adieu, до завтра,—произнесла баронесса.

Калиновичъ поклонился.

— Скажите Полинѣ, чтобъ она была непременно въ своемъ бѣломъ платьѣ. Elle est magnifique!

— Слушаю-съ, — проговорилъ Калиновичъ и ушелъ. Пріятная улыбка, которая оживляла лицо его, въ продолженіе всего визита, мгновенно исчезла, когда онъ сѣлъ въ экипажъ; ему хотѣлось хоть бы пьянымъ напиться до безчувствія, чтобъ только не видѣть и не понимать, что вокругъ него происходило. Дома, какъ нарочно, вышла ему на встрѣчу Полина въ новомъ ваточномъ платьѣ для гулянья и спрашивала: «хороша ли она?»

— Хороша, — отвѣчала съ гримасою Калиновичъ, и черезъ полчаса они гуляли подъ руку на Невскомъ.

Баль! баль!.. когда-то упоительное и восхитительное слово! Еще Пушкинъ писалъ: «люблю я бѣшеную младость и тѣсноту, и шумъ, и радость, и дамъ изысканный нарядъ!» Но насъ, дѣтей вѣва, ужъ этимъ не надуешь. Мы знаемъ, что такое баль, особенно

великосвѣтскій. Надобно рѣшительно имѣть дѣтское простодушіе одного моего знакомаго прапорщика, который даже въ пищѣ вкусу не знаетъ; надобно именно владѣть его головой, чтобъ повѣрить баронессѣ, когда она мило увѣряетъ васъ, что даетъ этотъ балъ для удовольствія общества, а не для того, чтобъ позатянуть поступившее на нее маленькое взысканіе, тысячъ въ тридцать серебромъ, о чемъ она и будетъ тутъ-же, подѣ волшебные звуки оркестра Лядова, говорить съ особами, отъ которыхъ зависитъ дѣло. А вонъ, этотъ господинъ, застегнутый, какъ Домби, на всѣ пуговицы, у котораго, по мнѣнію врачей, отъ разливающейся каждый день желчи окончательно сгнила печенка — неужели этотъ аспидъ человечества пріѣхалъ веселиться? Вы, милая, бѣлокурая дама, разсѣяннo-теряющаяся въ телпѣ! Я чувствую, какъ сердце ваше обливается кровью при мысли, что мужъ вашъ на дняхъ еще, въ одномъ преніи, напоролъ такую чепуху, которая окончательно обнаружила всю глубину его умственныхъ неспособностей, и вамъ, врядъ-ли, удастся удержать тотъ великолѣпный постъ, на которомъ вамъ такъ удобно. А вы, ваше превосходительство, зачѣмъ вы такъ насилуете вашу чиновничью натуру и стараетесь удерживать вашу адамовскую голову въ нахрамаленныхъ воротничкахъ, не склоняя ее земно на каждомъ шагу, къ чему вы даже чувствуете органическую потребность—и все это вы дѣлаете, я знаю, изъ суетнаго желанія показаться вольнодумцемъ вонъ этому господину съ бородой, задумчиво-стоящему у колонны. А вамъ, m-me Хмарова, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи, откровенно долженъ сказать,

что я не вѣрю вашему христіанскому смиренію, какъ ни глубоко скромнѣе и простѣе вашъ бальный туалетъ, и какъ ни кротокъ вашъ взглядъ, которымъ вы оглядываете всю эту разряженную, суетную толпу... но нѣтъ! червь злобы точитъ ваше сердце въ настоящую минуту! Вамъ хотѣлось бы разорвать на части и растоптать, какъ гадину, этого блестящаго генерала, небрежно-сидящаго въ креслѣ и закинувшаго на задокъ свою вурчавую голову. Онъ съ полчаса уже говоритъ по-французски, лучше любого француза, и каждую мысль завершаетъ еще каламбурами. Вы очень хорошо знаете, что онъ явно называетъ васъ притворщицей и много вредитъ вашему вѣсу! Ты, гражданскій воинъ, мужественно-перенесшій столько устремленныхъ на тебя ударовъ и стяжавшій такую извѣстность, что когда нѣкто ругнулъ тебя въ обществѣ, то одинъ изъ твоихъ кліентовъ замѣтилъ, что какимъ же образомъ онъ говоритъ это, когда тебя лично не знаетъ? «Чорта тоже никто не знаетъ, а всѣ бранятъ!» возразилъ нѣкто и привелъ публику въ восторгъ своимъ отвѣтомъ. Ты все это перенесъ, но теперь и тебѣ, оставленному при однихъ только павлиньихъ перьяхъ, безъ сознанія той силы, которая нѣкогда заключалась въ твоей подписи,—и тебѣ нелегко! Ты пріѣхалъ почти по необходимости, съ единственной цѣлью наблюдать своимъ орлинымъ взоромъ за четырьмя рожденными тобой краснощеками, чтобъ сердца ихъ не заразились вульгарнымъ чувствомъ къ какому-нибудь пролетарію. Жму, наконецъ, съ полнымъ участіемъ, руку тебѣ, мой благодушный юноша, несчастная жертва своей грозной богини матери, приславшей тебя сюда

искать руки и сердца блестящей фрейлны, тогда какъ сердце твое рвется въ маленькую квартирку на Пески, гдѣ живетъ она, сокровище твоей жизни, хотя ты не смѣешь и подумать украсить когда-нибудь ея скромное имя своимъ благороднымъ гербомъ. Но еще больше жаль мнѣ тебя, честный мужъ, потомокъ благороднаго рода: какъ одиноко стоишь ты съ отуманенной отъ дѣлъ головой, зная, что тутъ же десятки людей точатъ на тебя крамолы за воздвигнутыя тобой гоненія на разныя спокойно-существовавшія пакости... Никому и никому не весело вамъ, мученикамъ честолюбія, денегъ, утонченнаго разврата и пустой фланерской жизни!

Часу въ двѣнадцатомъ, наконецъ, пріѣхали молодые. Они замедлили единственно по случаю туалета молодой, которая принялась убирать голову еще часовъ съ шести, но все, казалось ей, выходило не къ лицу. Заставляя нѣсколько разъ перечесывать себя, она бранилась, потомъ сама начала завиваться, обожглась щипцами, бросила ихъ парикмахеру въ лицо, перемѣнила до пяти платьевъ, разорвала башмаки и, наконецъ, расплакалась. Калиновичъ, еще въ первый разъ видѣвшій такой припадокъ женина характера, вышелъ изъ себя.

— Или вы сейчасъ одѣвайтесь, или я уѣду одинъ! — прикрикнулъ онъ такимъ тономъ, что Полина сочла за лучшее смириться и, съ затаеннымъ волненіемъ, сейчасъ же одѣлась, но только совершенно ужъ безъ всякаго вкуса. Когда появились они въ залѣ, хозяйка сейчасъ же пошла имъ на встрѣчу.

— А, поздно, поздно! — говорила она.

— Мнѣ понездоровилось, — отвѣчала Полина.

Калиновичъ, между тѣмъ, при видѣ цѣлой стаи красивыхъ и прелестныхъ женщинъ, замеръ въ душѣ, взглянувъ на кривой станъ жены, но совладѣлъ, конечно, съ собой и началъ кланяться знакомымъ. Испанскій грандъ пожалъ у него руку, сенаторша Рыдвинова, смотрѣвшая прищурившись въ лорнетъ, еще издали кивала ему головой. Бѣлокурый поручикъ Шамовскій, очень искательный молодой человекъ, подошелъ къ ему и, раскланявшись, очень желалъ съ нимъ заговорить.

— Скажите, вы пишете теперь что-нибудь?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ односложно Калиновичъ.

Поручикъ приостановился ненадолго, выправилъ еще болѣе свою грудь впередъ и спросилъ:

— А скажите, кто теперь первый писатель?

— По мнѣнiю каждаго, я думаю, онъ самъ,—отвѣчалъ Калиновичъ.

Поручикъ засмѣялся.

— Да, это вѣроятно... — началъ было онъ; но Калиновичъ не счелъ за нужное продолжать далѣе съ нимъ разговоръ, и, сколь-возможно вѣжливо отвернувшись отъ него, обратился къ проходившей мимо хозяйкѣ.

— Графъ здѣсь? — спросилъ онъ.

— Да... Не теряйте меня изъ виду: сдѣлаемъ...—отвѣчала та мимоходомъ.

Калиновичъ поблагодарилъ ее улыбкой и пошелъ къ m-me Digavouroff née comtesse Miloff и пригласилъ ее на кадрили.

Время блестящихъ и остроумныхъ разговоровъ между кавалерами и дамами въ танцахъ, а тѣмъ

болѣе разговоровъ о чувствахъ давно миновалось. Нашъ свѣтскій писатель, князь Одоевскій, еще въ тридцатыхъ, кажется, годахъ остроумно предсказывалъ, что, съ развитіемъ общества, франты высокопоясаго полета ни слова ужъ не будутъ говорить. Въ настоящее время, для каждаго порядочнаго человѣка достаточно одного молчаливаго самоуслажденія, что онъ находится не гдѣ-нибудь, а въ средѣ сливокъ челоуѣчества...

Герой мой, проговорившій съ своею дамою не болѣе десяти словъ, былъ именно подѣ вліяніемъ этой мысли: онъ, видя себя собратомъ этого общества, не безъ удовольствія помышлялъ, что, еще мѣсяца три назадъ, только заглядывалъ съ улицы и видѣлъ въ окна мелькающими эти восхитительныя женскія головки и высокоприличныя фигуры мужчинъ. Пріятность этихъ ощущеній въ немъ была, однако, уничтожена мгновенно, когда онъ взглянулъ въ одинъ изъ угловъ залы и увидѣлъ господина съ бородой, стоявшаго попрежнему у колонны, и около него—*Бѣлавина*. Калиновичъ обмеръ. Половину громаднаго состоянія своего готовъ онъ былъ въ это время отдать, чтобъ только не было тутъ этого обличителя, который могъ, во всеуслышаніе всей этой великосвѣтской толпы, прокричать ему: *ты подлецъ!* «тогда какъ я не подлецъ, Боже мой! Еслибъ только онъ зналъ всѣ мои страданія!» болѣзненно думалъ Калиновичъ, и первое его намѣреніе было, во что бы то ни стало, подойти къ *Бѣлавину*, открыть ему свое сердце и просить, требовать отъ него, чтобъ онъ не презиралъ его, потому что онъ

не заслуживаетъ этого. Съ этими мыслями онъ подошелъ и, сколько могъ, проговорилъ развязно:

— Здравствуйте, Михайло Сергѣичъ!

— Здравствуйте, — отвѣчалъ тотъ.

Глубокое презрѣніе слышалось Калиновичу въ мягкомъ голосѣ пріятеля. Не зная какъ далѣе себя держать, онъ сталъ около. Бѣлавинъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы.

— Мнѣ нужно еще возвратить деньги ваши, — проговорилъ онъ и вынулъ изъ кармана посланный билетъ къ Настенькѣ.

Калиновичъ не нашелъ ничего болѣе сдѣлать, какъ взять и торопливо положить его въ карманъ. Бѣлавинъ, въ свою очередь, тоже потупился. Ему самому, видно, совѣстно было исполненіе подобнаго порученія.

Калиновичъ, между тѣмъ, не отходилъ и какъ-то переминался.

— Что-же, какъ же? — говорилъ онъ; но Бѣлавинъ ужъ болѣе не обращалъ на него вниманія и обратился къ господину съ бородой:

— Вы давеча говорили насчетъ Чичикова, что онъ не заслуживаетъ того нравственнаго наказанія, которому подвергъ его авторъ, потому что само общество не развило въ немъ понятія о чести; но что тутъ общество сдѣлаетъ, когда онъ самъ дряннѣе человѣкъ?

— Оно, можетъ быть, удержало бы его, — проговорилъ господинъ съ бородой.

— А у насъ, напротивъ, всюду наплывъ, чтобъ покачнуть человѣка, — вмѣшался сѣромно Калиновичъ.

— Гм! наплывъ! — произнесъ съ усмѣшкою Бѣлавинъ:—не въ наплывѣ тутъ дѣло — натурашка гадкая! И что такое въ подобныхъ людяхъ сознание? Китайская тѣнь, поставленная съ боку воспитаніемъ, порядочнымъ обществомъ! Вотъ онъ, можетъ быть, и посмотритъ иногда на нее, какъ-будто-бы испугается, а природные инстинкты все-таки возьмутъ свое. Въ противномъ случаѣ, можно дойти до ужаснаго заключенія, что въ самомъ дѣлѣ совѣсть дѣло условное. Прирожденное человѣку добро всегда непосредственно, помимо воли его выражается. Начиная съ самыхъ развитыхъ до самыхъ варварскихъ обществъ, мы видимъ мучениковъ чести и добра. Зрячаго слѣпые не собьютъ, а онъ ихъ за собой поведетъ. А когда этого нѣтъ, такъ и нечего на зеркало пенять: значить, личико криво! — заключилъ Бѣлавинъ съ одушевленіемъ, и съ свободой чловѣка, привыкшаго жить въ обществѣ, отошелъ и сѣлъ около одной дамы.

Калиновичъ былъ уничтоженъ. Онъ очень хорошо понималъ, что Бѣлавинъ нарочно усиливалъ рѣчь, чтобъ чувствительнѣй уколоть его.

— Баронесса васъ проситъ,—сказалъ, быстро подходя къ нему, поручикъ Шамовскій.

— А!—произнесъ Калиновичъ, обводя безсмысленно глазами залу.

— Она тамъ, во второй гостиной,—подхватилъ поручикъ.—Не угодно ли, я васъ провожу?

Калиновичъ пошелъ за нимъ.

— Я здѣсь все проулочки знаю,—продолжалъ самодовольно поручикъ, дѣйствительно знавшій распо-

ложение всѣхъ знакомыхъ ему великосвѣтскихъ домовъ до мельчайшихъ подробностей.

Въ небольшой уютной комнатѣ нашли они хозяину съ старымъ графомъ, выраженіе лица котораго было на этотъ разъ еще внушительнѣе. Въ своемъ бѣломъ галстухѣ и съ своими звѣздами на фракѣ, онъ показался Калиновичу статуей Юпитера, поставленной въ таинственную нишу. Какъ серна, легкая и стройная, сидѣла около него баронесса.

— Вотъ онъ!—проговорила она, указывая на входящаго Калиновича.

Герой мой отдалъ вѣжливый поклонъ.

— Я васъ, кажется, видалъ у теперешней вашей супруги?—проговорилъ старикъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство, я имѣлъ честь встрѣтиться тамъ съ вами разъ,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Присядьте тутъ поближе къ намъ,—сказала ему баронесса.

Калиновичъ сѣлъ.

— Баронесса мнѣ говорила,—началъ старикъ,—что вы желали бы служить у меня.

— Еслибъ только, ваше сіятельство, позволили мнѣ надѣяться...—началъ было Калиновичъ, но графъ перебилъ его кивкомъ головы.

— Она объяснила мнѣ,—продолжалъ онъ:—что вы не нуждаетесь въ жалованьи и желаете имѣть болѣе видную службу.

— Я болѣе, чѣмъ обеспеченъ въ жизни...—подхватилъ Калиновичъ но старикъ опять остановилъ его наклоненіемъ головы.

— Вы, однако, литераторъ, пишете тамъ что-то такое...

— Да, я писалъ.

— Все это ничего, прекрасно; но, все-таки, когда поступите на службу, я буду просить васъ прекратить это. И вообще вамъ, какъ чиновнику, какъ лицу правительственному, слѣдуетъ прервать, по возможности, сношенія съ этими господами, которые вообще между нами на дурномъ счету.

Калиновичъ ничего на это не возразилъ и молчалъ.

— Съ Александромъ Петровичемъ вы познакомили ихъ?—обратился старикъ къ баронессѣ.

— Нѣтъ еще, но представлю,—подхватила та.

— Да, представьте; это лучше будетъ, и скажите, что вы уже мнѣ говорили и что я желаю, чтобъ онъ напомнилъ мнѣ завтра.

— Мерси,—прогворила баронесса.

Старикъ отвѣчалъ ей на это только улыбкою и затѣмъ между ними начался разговоръ болѣе намеками.

Калиновичъ понялъ, что онъ ужъ лишній и вышелъ.

Бѣлавинъ не выходилъ у него изъ головы. «Какое право, думалъ онъ: имѣютъ эти господа съ своей утопической нравственной высоты третировать такимъ образомъ людей, которые пробиваются и работаютъ въ жизни? Онъ съ рожденія, я думаю, упалъ въ батистъ и кружева. Хорошо при такихъ условіяхъ развивать въ головѣ великолѣпныя идеи и, въ то же время, ничего не дѣлать! Палецъ объ палецъ онъ вѣрно не ударилъ, чтобъ провести въ жизни

хоть одну свою сентенцію; а только, какъ безкрылая чайка, преспокойно сидитъ на тепломъ песчаномъ берегу и съ грустью покачиваетъ головой, когда у ней передъ носомъ борются и разрушаются на волнахъ корабли. Худъ-ли, хорошъ-ли я, но во мнѣ есть желаніе живой дѣятельности; я не родился сидѣть сложа руки. И неужели они не знаютъ, что въ жизни, для того, чтобъ сдѣлать хоть одно какое-нибудь доброе дѣло, надобно совершить прежде тысячу подлостей. И, наконецъ, на какомъ основаніи взялъ этотъ человѣкъ на себя право взвѣшивать мои отношенія съ этой дѣвочкой и швырять мнѣ съ пренебреженіемъ мои деньги, кровью и потомъ добытыя для счастья этой же самой женщины.

Такъ укрѣплялъ себя герой мой житейской моралью; но таившееся въ глубинѣ души сознаніе ясно говорило ему, что все это мелко и безпрестанно разбивается передъ правдой Бѣлавина. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился заставить его взять деньги назадъ и распорядиться ими, какъ желаетъ, если принялъ въ этомъ дѣлѣ такое участіе. Съ такого рода придуманной фразой, онъ пошелъ отыскивать пріятеля и нашелъ его уже сходящимъ съ лѣстницы.

— М-г Бѣлавинъ!— крикнулъ онъ, подбѣгая къ периламъ:—возьмите деньги. Ни вы мнѣ возвращать, ни я ихъ оставить у себя не имѣемъ права.

— Полноте; оставьте ужь у себя!—отозвался Бѣлавинъ и хлопнулъ выходными дверями.

Надобно было имѣть нечеловѣческое терпѣнье, чтобъ снести подобный щелчокъ. Первое намѣреніе героя моего было пригласить тутъ же кого-нибудь изъ молодыхъ людей въ секунданты и послать своему

врагу вызовъ; но дѣло въ томъ, что не будучи вовсе трусомъ, онъ, въ то же время, дуэли считалъ рѣшительно за сумасшествіе. Кромѣ того, что бы ни говорили, а направленное на васъ дуло пистолета не бездѣлица — и все это изъ-за того, что не питаетъ уваженіе къ вашей особѣ какой-то господинъ...

Покуда всё эти благоразумныя мысли смиряли чувства злобы въ душѣ Калиновича, около него раздался голосъ хозяйки:

— М-г Калиновичъ, гдѣ вы? Досадный! Пойдемте; я васъ представлю вашему директору. Я сейчасъ уже говорила ему, — произнесла баронесса и взяла его за руку.

Калиновичъ послѣдовалъ за ней.

— Я посажу васъ въ партію съ нимъ — проиграйте ему: онъ это любитъ.

— Любитъ? — спросилъ Калиновичъ насмѣшливымъ голосомъ.

— Любитъ; ужасно черная душа! — отвѣчала хозяйка

— М-г Калиновичъ, Александръ Петровичъ! — произнесла она, подходя къ извѣстному намъ директору.

— Мы ужь знакомы, — произнесъ тотъ, протягивая Калиновичу руку.

— Знакомы? — спросила баронесса у Калиновича.

— Я имѣлъ честь быть разъ у его превосходительства, — отвѣчалъ тотъ.

— Столъ вашъ, господа, въ гостиной, — заключила хозяйка и ушла.

Директоръ и Калиновичъ, какъ встрѣтившіеся въ жизни два бойца, вымѣряли другъ друга глазами.

— Вы женились? — произнесъ директоръ первый.

— Да, вотъ жена моя, — отвѣчалъ Калиновичъ, показывая директору на проходившую съ другой дамой Полину, которая, при всей неправильности стана, сумѣла поклониться свысока, а директоръ, въ свою очередь, отдавая поклонъ, замѣтно устремилъ взоръ на огромные брилліанты Полины, чего Калиновичъ при этомъ знакомствѣ и желалъ.

— Пойдемте, однако, на наше ристалище! — проговорилъ директоръ, когда дамы отошли.

— Пойдемте! — подхватилъ Калиновичъ.

Передъ ужиномъ пробѣжалъ легкій разговоръ, что онъ своему партнеру проигралъ двѣ тысячи серебромъ, и, въ оправданіе моего героя, я долженъ сказать, что въ этомъ случаѣ онъ не столько старался о томъ, сколько въ самомъ дѣлѣ былъ разсвѣянъ: несносный образъ насмѣшливо улыбавагося Бллавина, какъ привидѣніе, стоялъ передъ нимъ.

Недѣли черезъ двѣ, въ приказахъ было отдано, что титулярный совѣтникъ Калиновичъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при ***. Начальство въ этомъ случаѣ не ошлблось: изъ героя моего вышелъ блестящій слѣдователь. Черезъ годъ произведенъ онъ былъ въ коллежскіе ассесоры, награжденъ вслѣдъ затѣмъ орденомъ Анны 3-й степени, а года черезъ два чиномъ надворнаго совѣтника. Занявъ потомъ мѣсто чиновника особыхъ порученій

пятого класса, онъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, получилъ коллежскаго совѣтника, Влади міра на шею и, назначенъ былъ, наконецъ, исправляющимъ должность М—го вице-губернатора.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ТЫСЯЧА ДУШЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Калиновичъ былъ назначенъ именно въ ту губернію, въ которой нѣкогда былъ ничтожнымъ училищнымъ смотрителемъ. Читателю, можетъ быть, не безъизвѣстно, что всякая губернія у насъ имѣетъ свою собственную политику, непмѣющую, конечно, никакой связи съ той, которая печатается въ «Debats», въ «Siècle» и «Times». Намъ рѣшительно все равно, кто царствуетъ во Франціи — Филиппъ, или Наполеонъ; англійскую королеву хоть замужъ выдавайте за турецкаго султана, только чтобъ рекрутскаго набору не было. Но зато очень чувствительно и близко нашему сердцу, кто нами завѣдываетъ, кто губернаторъ нашъ. Объ этой политикѣ, выпивъ въ трактирѣ или погребкѣ, толкуютъ секретари, столоначальники и прочая мелкая приказная братія, толкуютъ съ пѣной у рта отъ душев-

наго водненія, имѣя на то полное нравственное право, потому что отъ этой политики у нихъ шиборотки трещать. Образованное дворянство тоже разсуждаетъ объ этой политикѣ съ гораздо-болѣе душевнымъ участіемъ, чѣмъ о той, которую читаетъ въ газетахъ. Политика эта условливаетъ дѣйствія разныхъ вѣдомствъ и, по большей части, направляетъ, извѣстнымъ образомъ, нелицепріятное прокурорское око.

Колебаніе и неустойчивость въ этой политикѣ хуже всего для такъ называемыхъ благонамѣренныхъ людей. Будь хоть звѣрь, да одинъ, по крайней мѣрѣ можно бываетъ ладъ вызвать; и я съ удовольствіемъ могу сазать, что избранная нами губернія въ этомъ случаѣ благоденствовала: пятнадцать ужъ лѣтъ управлялъ ею генераль-лейтенантъ Базаревъ. Губерніи было хорошо, и ему было хорошо, хотя, конечно, нѣтъ въ жизни пути, а тѣмъ болѣе пути губернаторскаго, безъ тернія; а потому и на долю генераль-лейтенанта тоже выпало нѣсколько шиповъ. Были у него довольно-серьезныя непріятности съ губернскимъ предводителемъ, по случаю манкировки визитовъ, которую дозволила себѣ сдѣлать губернаторша, дѣйствительно державшая себя, во вреду мужа, какой-то царицей; но губернаторъ, благодаря своей открытой и вполне губернаторской жизни, такъ съумѣлъ сойтись съ дворянами, что тѣ, собственно въ угоду ему, прокатили на первой же баллотировкѣ губернскаго предводителя на вороныхъ. Вздумалъ было потомъ поершиться противъ него одинъ изъ прокуроровъ и на личныя предложенія начальника губерніи сталъ

давать по губернскому правленію протесты, но кончилъ тѣмъ, что, для пользы службы, былъ переведенъ въ другую, дальнюю губернію. Наконецъ, послѣдняя и самая серьезная битва губернатора была съ бывшимъ вице-губернаторомъ, который вначалѣ былъ очень удобенъ, какъ человѣкъ совершенно безсловесный, бездарный и выведенный въ люди потому только, что женился на побочной внукѣ какого-то вельможи, но тутъ вдругъ, точно бѣлены объѣвшись, началъ, ни много, ни мало, тѣснить откупъ, крича и похваляясь вездѣ, что онъ уничтожитъ губернатора съ его цѣловальниками, такъ что нѣкоторые слабые умы поколебались и почти готовы были вѣрить ему, а нѣсколько человѣкъ неблагонамѣренныхъ протестантовъ какъ-то ужъ очень смѣло и весело подняли голову — но не надолго. Базарьевъ во все это время такъ себя держалъ, что будто бы даже не зналъ ничего, и предоставилъ толстому Четверикову, откупщику цѣлой губерніи, самому себя отстаивать, который повернулъ дѣло такимъ образомъ, что, черезъ три же недѣли, вице-губернаторъ былъ причисленъ къ «состоящимъ при министерствѣ», а губернатору, въ ближайшій новый годъ, дана была слѣдующая награда. Словомъ, какъ золото, очищающееся въ горнилѣ, выходилъ такимъ образомъ старикъ изъ всѣхъ битвъ своихъ въ новомъ блескѣ власти, и послѣдняя побѣда его явно уже доказала крѣпость его въ Петербургѣ и окончательно утвердила къ нему любовь и уваженіе на мѣстѣ. Видимо, что онъ былъ несломимъ; но въ высшемъ моментѣ развитія каждой славы, какъ хотите, всегда есть что-то злое и роковое... Во-

прось о томъ, что какого сорта птица новый вице-губернаторъ, какъ-то особенно болѣзненно и съ какимъ то опасеніемъ отозвался во многихъ умахъ. Отвѣты, впрочемъ, послѣдовали самые благопріятныя.

Всякаго, какъ пзвѣстно, начальника у насъ сопровождаютъ сзади и спереди хвосты, извѣстные подъ именемъ *своихъ чиновниковъ*, въ лицѣ которыхъ не *свои чиновники* уже заранѣе зрятъ смерть. Нашему вице-губернатору предшествовалъ на этотъ разъ приглашенный имъ изъ департамента очень еще молодой человѣкъ, но уже съ гемороидальнымъ цвѣтомъ лица, одѣтый франтомъ, худощавый и, вообще, очень похожій своимъ тономъ и манерами на Калиновича, когда тотъ былъ молодъ, и можетъ быть, такой же будущій вице-губернаторъ, но пока еще только, какъ говорили, будущій секретарь губернскаго правленія. Самъ же молодой человѣкъ, замѣтно неболтливый, какъ всѣ петербуржцы, ни слова не намекалъ на это и занимался исключительно наймомъ квартиры вице-губернатору, для которой выбралъ въ лучшей части города, на набережной, огромный каменный домъ и сталъ его отдѣлывать.

— Богачъ, видно, новый вице-губернаторъ! — разнеслось по городу.

— Станетъ побирать, коли такъ размахиваетъ! — рѣшили другіе въ умѣ; но привести все это въ большую ясность рискнулъ первый губернской архитектуры — человѣкъ бы, кажется, съ лица глупый и часть свою скверно знающій, но имѣвшій удивительную способность поддѣлываться къ началь-

никамъ еще спозаранку, когда еще они были отъ него тысячи на полторы верстъ. Не стѣняясь особенно приличіями, онъ явился на постройку, отрекомендовалъ себя молодому человѣку и тутъ же началъ:

— Для его высокородія изволите изготовлять помѣщенія?

— Для его высокородія, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, не выпуская изо рта папироски.

— Мастеровые здѣсь чрезвычайно затруднительны и дороги, — продолжалъ архитекторъ.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣчалъ молодой человѣкъ нехотя и глядя на концы своихъ глянцовитыхъ сапогъ.

Архитекторъ сдѣлалъ глубокомысленную мину.

— Посредствомъ арестанской роты не угодно ли будетъ его высокородію приказать произвести имъ работу? Начальникъ этой команды, капитанъ Тимковъ, мнѣ нѣсколько подчиненный и прекраснѣйшій человѣкъ. Онъ для многихъ значительныхъ лицъ, изъ ближайшаго начальства, беретъ это на себя, потому что это ничего ему не стоитъ. Теперь, на какую-нибудь работу требуется пятнадцать человѣкъ, онъ въ книгѣ ихъ съ платой и запишетъ, а отпуститъ ихъ сорокъ. Что ихъ, разбойниковъ, жалѣть! По закону даже слѣдуетъ ихъ стараться занимать и утруждать. И если его высокородію угодно будетъ, я сейчасъ же могу сдѣлать это распоряженіе.

— Нѣтъ, его высокородію это будетъ неудобно, — отвѣчалъ молодой человѣкъ съ явной ужъ насмѣшкой и, бросивъ на полъ окурокъ папироски, ушелъ въ другія комнаты.

Точно несолоно поѣвши, вышелъ архитекторъ на улицу.

— Скверно! — проговорилъ онъ и, сѣвъ на пролетку, поѣхалъ въ свою комиссію.

— Сейчасъ съ вице-губернаторской квартиры; прислали тоже, чтобъ посмотрѣть кое-что, — началъ онъ.

— Ну что, батюшка? какіе слухи? — спросилъ штабъ-офицеръ.

— А что слухи? По всему, что я видѣлъ и слышалъ, такъ человекъ долженъ быть неподобный и строгихъ правилъ, — отвѣчалъ архитекторъ.

— Отличнѣйшій, говорятъ, человекъ! — прошепелявилъ депутатъ отъ дворянства своимъ суконнымъ языкомъ, оставившій даже для этого «Сверную Пчелку», которую читалъ съ самаго утра.

Хвалить на первыхъ порахъ начальника составляетъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ чиновниковъ, и только въ этомъ случаѣ они могутъ быть раздѣлены на три разряда: одни — это самые молодые и самые, надобно сказать, благородные, которые хвалятъ такъ, сами не зная за что... потому только, что новый, а не старый, который одной своей начальнической физиономіей надѣлъ имъ хуже горькой рѣпки. Вторые — дипломаты, которые въ душѣ вообще не любятъ начальниковъ, но хвалятъ потому, что все-таки лучше: неизвѣстно, кого еще приблизить къ себѣ, можетъ быть и меня — такъ чтобъ послѣ не пришлось мѣнять шкуры. Наконецъ, третій разрядъ, самый простодушный, подлость которыхъ даже безкорыстна и составляетъ какое-то лирическое движеніе ихъ сер-

дець. Они хвалятъ потому только, что это начальникъ, котораго они и въ самомъ дѣлѣ любятъ искренно! Секретарь комисіи былъ именно такой человекъ. Слышавъ похвалу членовъ новому вице-губернатору, онъ пришелъ даже въ какое-то умиленіе и, не могши утерпѣть отъ полноты чувствъ, тотчасъ разсказалъ о томъ всей канцеляріи, которая, въ свою очередь, разнесла это по деревяннымъ домишкамъ, гдѣ жила и питалась, а вечеромъ по трактирамъ и погребкамъ, гдѣ выпивала. Изъ прочихъ канцелярій чиновники также слышали что-то въ родѣ того, и двое писцовъ губернскаго правленія, гонимые прежнимъ вице-губернаторомъ, пришли въ такой восторгъ, что тутъ же, въ трактирѣ, къ удовольствію публики, принялись бороться — сначала шутя, но, разгорячившись, разорвали другъ у друга манишки, а потомъ разодрались въ кровь и были взяты въ полицію. Даже старушонки-приказничихи переговорили въ церквахъ у заутрени съ такими же старушонками о новомъ вице-губернаторѣ, а которыя помоложе — трезвонили о немъ на рынкѣ. «Хорошій, говорятъ, сударыня, человекъ! очень хорошій! и служащіе у насъ всѣ рады тому!» говорили онѣ своимъ знакомымъ. «Да какъ, сударыня, не радоваться?... Помилуйте! худой ли человекъ или хорошій!» отвѣчали имъ на то, и такъ далѣе: всѣ интересовались и всѣ хвалили.

Въ болѣе высшей средѣ общества распространилась не менѣе лестная молва о Калиновичѣ, тѣмъ болѣе вѣроятная, что вышла отъ самого почти губернатора. По четвергамъ у него издавна были заведены маленькіе вечера, на которые собственно

собирался его маленькій дворъ, то есть самыя близкіе люди. Въ одинъ изъ нихъ была, по обыкновенію, предсѣдательша казенной палаты, чрезвычайно милая и молодыхъ еще лѣтъ дама. Сама губернаторша сравнительно съ ней была гораздо старѣе, но за то имѣла чрезвычайно величественную наружность и какъ бы рождена была дѣлать парадные выходы и сидѣть въ своей губернаторской гостиной, гдѣ, по задней стѣнѣ, сдѣлано было даже возвышеніе, на которое иногда она взбиралась, чтобъ быть еще представительнѣй, напоминая собой, въ этомъ случаѣ, художавыхъ театральныхъ герцогинь въ бархатныхъ платьяхъ, которыхъ выводятъ въ операхъ и балетахъ съ толстыми юкрами герцоги и сажаютъ на золотое вресло, чтобъ посмотреть и полюбоваться на танцующую толпу. Обѣ дамы терпѣть не могли другъ друга, и дружба ихъ была чисто дипломатическая; но, чтобъ заявить простоту своихъ отношеній, онѣ обѣ работали.

Изъ мужчинъ былъ предводитель, котораго мы когда-то встрѣтили у князя и который въ послѣднее время, восплаивши нестерпимымъ желаніемъ получить Анну съ короною на шею, сильно заискивалъ въ губернаторѣ и торчалъ у него обыкновенно съ утра до ночи, когда только его пускали. Подалеже прочихъ сидѣлъ совсѣмъ свой человѣкъ, правитель канцеляріи, господинъ, начинавшій уже развѣдаться, но все еще непривыкшій сидѣть не съжившись въ губернаторскихъ апартаментахъ. Онъ, между прочимъ, имѣлъ обязанность, при каждомъ мановеніи головы хозяйки, вскакивать и выходить на цыпочкахъ въ залу, чтобъ приказать лю-

дямъ подавать чай или мороженое. Жена его, молоденькая и краснощекая дама, сидѣла тоже съ работою, но губернаторша не обращала на нее никакого вниманія; за то очень умильно взглядывалъ на нее самъ губернаторъ — замѣчательно еще бодрый старикъ, въ сюртукѣ нараспашку, съ болтающимися густыми эполетами, и вообще въ такой мѣрѣ благообразный, что когда онъ стоялъ въ соборѣ за обѣдней въ бѣлыхъ штанахъ и ботфортахъ, то многія изъ очень милыхъ дамъ завѣряли, что въ него рѣшительно можно еще влюбиться. Молоденькая правительша канцеляріи, говорятъ, лучше всѣхъ понимала эту возможность. Между всѣми этими лицами нельзя сказать, чтобъ бесѣда была одушевленная. Дамы въ генеральскихъ чинахъ, какъ извѣстно — не пансіонерки, не разболтаются. Предводитель былъ все-таки немного навытяжкѣ; самъ же губернаторъ, только-что утвердившій цѣлую кипу журналовъ губернскаго правленія, былъ какой-то усталый.

— Не хотите ли сигары? — отнесся онъ къ предводителю.

— Дамъ не беспокоить ли это? — спросилъ тотъ, принимая изъ рукъ губернатора сигару.

— Пожалуйста! Онъ меня ужъ пріучилъ, — разрѣшила хозяйка.

— Сигары недурны, — произнесъ губернаторъ.

— Отличнѣйшія! — подхватилъ предводитель, намахивая себѣ рукой струю дыма на носъ и, не безъ зависти, думая самъ собой: «Хорошо курить такія, какъ откушникъ тебѣ тысячами презентуетъ!»

Часовъ въ десять пріѣхалъ инженерный поручикъ Ховскій, очень любимый губернаторшей за то, что

мастерски игралъ на фортепіано; онъ далъ, наконецъ, нѣсколько интересную тему для разговора.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, я съ пристани. Вещи вице-губернаторскія привезли, — обратился онъ прямо къ губернатору.

— А! — произнесъ тотъ.

— Превосходныя! — продолжалъ поручикъ, обращаясь ужъ болѣе въ дамамъ. — Мебель обита пунцовымъ бархатомъ, съ черными цвѣтами — вещь, кажется, очень обыкновенная, но въ работѣ это дивно какъ хорошо! Потомъ эти канделябры, люстры и, наконецъ, огромнѣйшія картины фламандской школы! Я посмотрѣлъ на нѣкоторыя и, конечно, судить трудно, но, должно быть, оригиналы — чудо, что такое!

— Какое-жъ тутъ чудо? У кого же этого нѣтъ? — замѣтила вскользь предсѣдательша, никакъ не хотѣвшая допустить мысли, чтобъ у кого-нибудь могла быть гостинная лучше ея.

Предводитель, между тѣмъ, какъ бы самъ съ собой улыбался.

— Не знаю, ваше превосходительство, — началъ онъ нерѣшительнымъ тономъ, — какія вы имѣете свѣдѣнія, а я, признаться сказать, ѣхавши сюда, заѣзжалъ къ князю Ивану. Новый вице-губернаторъ въ родствѣ съ нимъ по женѣ — ну, и онъ ужасно его хвалитъ: «одно ужъ это, говоритъ, человѣкъ съ такимъ состояніемъ... умный, знающій... человѣкъ съ характеромъ, настойчивый...» не знаю, можетъ быть, по родству и прибавляетъ.

— Ни слова! Нисколько! — подтвердилъ губернаторъ: — это заблѣдка — лучший человѣкъ въ мини-

стерствѣ, какого именно я просилъ, потому что пора же мнѣ имѣть помощника, какого я желаю.

— Ужъ именно, ваше превосходительство, потому что вы только и желаете того, чтобъ какъ было къ лучшему, — произнесъ предводитель.

— Чтобъ какъ къ лучшему — только! — подтвердилъ губернаторъ.

При разговорѣ этомъ, правитель канцеляріи обратился всѣмъ тѣломъ своимъ въ слухъ, и когда предводитель, передъ началомъ карточной партіи, остановился у стола, онъ подошелъ къ нему.

— О вице-губернаторѣ съ его превосходительствомъ изволили говорить? — спросилъ онъ.

— Да, старикъ вашъ доволенъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Какъ не быть довольну, помилуйте! — подхватилъ съ умилною физиономіей правитель: — у его превосходительства теперь по одной канцеляріи тысячи бумагъ, а теперь они, по-крайней мѣрѣ, по губернскому правленію будутъ покойны, зная, какой тамъ человѣкъ сидитъ — помилуйте! А хоть бы и то: значить, уважаются представленія — какого сами выбрали себѣ человѣка, такого и дали. Это очень важно-съ.

— Какъ же не важно! сила, значить, — замѣтилъ предводитель.

— Сила большая-съ; слава Богу, можно намъ служить усердно и покойно! — подхватилъ правитель канцеляріи, зажмуривая глаза.

Сыгравъ маленькую пульку у губернатора, предводитель уѣхалъ къ другому предводителю, у котораго въ номерѣ, четвертыя сутки, происходила страшная рѣзня въ банкѣ. Вокругъ стола, осыпан-

наго рваными и ломанными картами. сидѣло нѣсколько человекъ игроковъ. Лица у всѣхъ почти были перепачканы мѣломъ, искажены сдержанными страданіями и радостями, изнурены бессонницею, покойкою. Кто былъ въ куртукѣ, кто въ халатѣ, кто въ рубашкѣ; однако и тутъ переговорили о новомъ вице-губернаторѣ.

— Откуда вы? — спросилъ хозяинъ, въ пухъ продувшійся и, не смотря на это, самымъ сибаритскимъ образомъ развалившійся на диванѣ.

— Отъ губернатора, — отвѣчалъ предводитель съ вольнодумной улыбкой. — О новомъ вице-губернаторѣ все говорили.

— Ну, что, батюшка? Что такое? — спросилъ совѣтникъ губернскаго правленія.

— Да что! старикъ вашъ хвалить, доволенъ! — отвѣчалъ предводитель.

— Это ужь не Калиновича ли? — спросилъ банкометъ, совершенно черный господинъ и, какъ видно, вполнѣ желчнаго и мизантропическаго характера.

— Да, Калиновича... Чго-же?... — спросилъ, въ свою очередь, предводитель нѣсколько обпженнымъ тономъ.

Банкометъ улыбнулся.

— Онъ вамъ задасть: хвалятъ! — Онъ при мнѣ ревизовалъ нашу губернію, такъ такъ сердечныхъ пробралъ, что до новыхъ вѣнниковъ не забудутъ.

— Ну, ужь вы, скептикъ! — произнесъ сибаритъ хозяинъ, кутаясь въ свой, парижскаго покроя, халатъ.

— Дастъ онъ вамъ скептикъ! И рожа-то, у ка-

нальи, какъ у аспида, по пословицѣ: гнетъ дуги не парить, сломаешь — не тужить.

Словамъ банкомета никто, однако, не повѣрилъ, и добрая молва о Калиновичѣ продолжала распространяться.

II.

Недѣли черезъ три, восьмерикъ почтовыхъ лошадей, запряженныхъ въ дормезъ англійской работы, маршь-маршемъ летѣлъ по тракту къ губернскому городу. Это ѣхалъ новый вице-губернаторъ. На шеѣ у него, о чемъ онъ нѣкогда такъ заносчиво мечталъ, дѣйствительно виднѣлся теперь владимірскій крестъ.

Впереди экипажа его, едва унося ноги, скакалъ, въ разбитомъ тарантасѣ, исправникъ, придерживая свою треугольную шляпу, чтобъ она не слетѣла, и все еще стараясь молодцевато опереться на свою тоненькую шпажонку. Самъ начальникъ губеніи выслалъ его на встрѣчу, чтобъ принять своего помощника съ большимъ уваженіемъ. Но весь этотъ почетъ и эффектъ слишкомъ, кажется, мало занимали и тѣшили моего героя — и далеко ужь это былъ не тотъ фанфаронъ-мальчикъ, какимъ мы встрѣтили его въ первый разъ, при вступленіи его на службу. Понутивъ свою, рановременно-начавшую сѣдѣть, голову, сидѣлъ онъ въ коляскѣ. По впалымъ и желтоватымъ щекамъ его проходили глубокія морщины, и только взглядъ сѣрыхъ глазъ сдѣлался какъ-то еще устойчивѣе и тверже.

Сидѣвшая съ нимъ рядомъ Полина тоже постарѣла и была худа, какъ мумія. Во всю послѣднюю станцію Калиновичъ ни слова не проговорилъ съ женой и, вообще, не обращалъ на нее никакого вниманія. У подъезда квартиры, когда онъ сталъ выходить изъ экипажа, соскочившій съ своего тарантаса исправникъ хотѣлъ было поддержать его подъ руку.

— Перестаньте! — проговорилъ Калиновичъ, немного покраснѣвъ, и потомъ, какъ-бы желая смягчить это, прибавилъ: — очень вамъ благодаренъ; только напрасно вы беспокоились: вѣроятно, у васъ и безъ того много занятій. Проговоря это, онъ отвернулся и увидѣлъ полиціймейстера, красноносаго подполковника и величайшаго мастера своего дѣла. Приложивъ руку подъ козырекъ и ступивъ шага два впередъ, онъ представилъ рапортъ о благосостояніи города, что по закону, впрочемъ, не требовалось; но полиціймейстеръ счелъ за лучшее переслужить.

— Сегодня или завтрашній день изволите представляться его превосходительству? — спросилъ онъ, роболѣпно слѣдуя за Калиновичемъ.

— Нѣтъ-съ, ни сегодня, ни завтра: я еще усталъ. — отвѣчалъ тотъ.

На лицѣ полиціймейстера отразилось нѣкоторое удивленіе, которое онъ, впрочемъ, какъ слѣдуетъ хорошему подчиненному, постарался скрыть и раскланялся. Въ тотъ же день сдѣлали было набѣгъ члены губернскаго правленія, чтобъ явиться новому начальнику, но не были приняты. Дня черезъ четыре, наконецъ, произошло первое представленіе вице-губернатора. Первоначально при этомъ про-

скакалъ съ своимъ казакомъ полиціймейстеръ доложить губернатору, что новый вице-губернаторъ ѣдетъ представляться. Правитель канцеляріи, дожидавшійся доклада въ приѣмной, нѣсколько призастигнулся. Адъютантъ, читавшій военные приказы, отложилъ ихъ въ сторону. Дежурный чиновникъ причесался передъ зеркаломъ.

Калиновичъ подѣхалъ на парѣ небольшихъ, но кровныхъ жеребцовъ въ фаэтонъ, какъ игрушечка. Сбросивъ въ приѣмной свой бобровый плащъ, вице-губернаторъ очутился въ томъ тонко-изящномъ и статномъ мундирѣ, какіе умѣютъ шить только петербургскіе портные. Потомъ, съ приемами и тономъ петербургскаго чиновника, раскланявшись всѣмъ очень-вѣжливо, онъ быстро прошелъ въ кабинетъ, гдѣ, съ почтительнымъ склоненіемъ головы подчиненнаго, представился губернатору.

— Очень-радъ, любезнѣйшій Яковъ Васильичъ, познакомиться съ вами, — встрѣтилъ его тотъ нѣсколько-обязательнымъ тономъ, но въ то же время сейчасъ любезно предложилъ ему стулъ и самъ сѣлъ.

— Что въ Петербургѣ, скажите вы мнѣ, такъ же шумно, дѣятельно? — началъ онъ.

— Какъ и всегда, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Славный городъ, славный! — продолжалъ губернаторъ съ нѣкоторымъ глубокомысліемъ.

— Видѣли вы, однако, вашихъ товарищей-членовъ? — прибавилъ онъ.

— Они были у меня, ваше превосходительство, но я чувствовалъ себя съ дороги не такъ здоровымъ и не могъ ихъ принять.

— О, да! это все-равно, и вы, значить, позволите мнѣ представить ихъ вамъ сегодня.

Калиновичъ поблагодарилъ его кивкомъ головы.

— Вы, можетъ-быть, захотите даже обревизовать губернское правленіе, чтобъ потомъ быть тверже въ вашемъ контролѣ.

— Я только хотѣлъ просить, ваше превосходительство, объ этомъ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Сдѣлайте милость! Я васъ самъ прошу о томъ же. Я не изъ такихъ губернаторовъ, что если я пятнадцать лѣтъ тутъ управляю, такъ, значить, все хорошо и прекрасно; напротивъ: я человекъ и чѣмъ вы больше мнѣ откроете, тѣмъ болѣе я буду благодаренъ... Многое, вѣроятно, упущено; во многомъ есть медленность... и я буду просить васъ объ одномъ только, какъ ближайшаго моего помощника, чтобъ какъ-нибудь намъ, общими силами, постараться все это исправить и поправить. Я такъ много слышанъ о васъ изъ Петербурга, что почти заранѣе увѣренъ въ успѣхѣ нашемъ.

Калиновичъ опять поблагодарилъ однимъ только молчаливымъ поклономъ.

— Хоть напередъ долженъ васъ предупредить, — продолжалъ губернаторъ: — что управлять здѣшной губерніей и быть на посту губернатора очень-не легкая вещь: въ сущности, всѣ мы здѣсь сидимъ какъ отдѣльныя герцогства. Это вотъ, напримѣръ, палата государственныхъ имуществъ... это палата финансовая... тамъ юстиція... удѣлъ, и, наконецъ, ваше губернское правленіе съ своими исправниками, городничими — и очень понятно, по самому простому, естественному теченію дѣлъ, что никому изъ всѣхъ

этихъ вѣдомствъ не понравится, когда другое зайдетъ къ нему и начнетъ умничать... Значить, пускай дѣлалъ бы каждый свое, такъ этого нѣтъ, — губернатору говорятъ: ты начальникъ, хозяинъ губерніи.

— Вы, кажется, ваше превосходительство, умѣли счастливо поладить со всѣми этимъ, — замѣтилъ Калиновичъ.

— Рѣшительно со всѣми, сколько только возможно. — подхватилъ съ нѣкоторымъ торжествомъ губернаторъ. — Изъ-за чего я стану ссориться?.. Для чего?.. — Теперь вотъ рекрутское присутствіе открыло уже свои дѣйствія, и не угодно ли будетъ подлюбопытствовать: цѣлые вороха вотъ тутъ, на столѣ, вы увидите просьбъ отъ казенныхъ мужиковъ на разнаго рода злоупотребленія ихняго начальства, и въ то же время ничего невозможно сдѣлать, а самому себѣ повредить можно: теперь вотъ съ недѣлю, какъ пріѣхалъ флигель-адъютантъ, непосредственный всего этого наблюдатель и, какъ я уже слышалъ, третій день совершенно поселился въ домъ господина управляющаго и изволитъ тамъ съ его супругой, что-ли, заниматься музыкой. Что тутъ прикажете дѣлать губернатору?

Калиновичъ отвѣчалъ на это только улыбкой.

— Теперь опять этотъ расколъ, — продолжалъ губернаторъ гораздо ужъ тише: — что это такое?.. Конечно, кто изъ всѣхъ насъ, православныхъ христіанъ, не понимаетъ, что всѣ эти секты — язва нашего общества, и кто изъ подданныхъ русскаго царя, въ моемъ, напримѣръ, рангѣ, не желаетъ искорененія этого зла? Но надобно знать, кого

преслѣдовать. Совратителей, говорятъ, и сейчасъ же указываютъ вамъ на богатаго мужа или купца; онъ, говорятъ, пользуется уваженіемъ; къ нему народу много ходитъ по торговлѣ, по знакомству; но чтобъ онъ былъ дѣйствительно совратителемъ — этого еще не однимъ слѣдствіемъ не доказано, а только есть въ виду какой-нибудь доносъ, что вотъ такая-то дѣвка, Марья Григорьева, до пятидесяти лѣтъ ходила въ православную церковь, а на шестидесятомъ перестала и совратилъ ее какой-нибудь Ѳедоръ Кузьмичъ — только! Но, положимъ даже, что существуетъ это; положимъ, что онъ двухъ-трехъ дѣвокъ, слѣпыхъ, кривыхъ, хромыхъ, ради спасенія ихъ душъ, привелъ въ свой толкъ; но тутъ, какъ я полагаю, надобно положить на вѣски это зло и ту пользу, которую онъ дѣлаетъ обществу. Я положительно, на примѣръ, могу сказать, что гдѣ бы ни былъ подобный человекъ, онъ всегда благодѣтель цѣлаго околотка: онъ и хлѣбца дастъ взаймы, и деньжонками ссудитъ; наконецъ, если есть у него какая-нибудь фабрика, — работу дастъ; ремесла, наконецъ, изобрѣтаютъ: грибы какіе-нибудь заставить собирать и скупаютъ у бѣдныхъ, продавая ихъ потомъ по этимъ Милютинымъ лавкамъ, гдѣ сидитъ такая же безпоповщина, какъ и онъ. Такъ я такими людьми всегда дорожить буду, чтобъ тамъ про меня ни говорили. Другое дѣло вотъ эти ихъ шатуны, странники, которые, собственно, эту ересь духовную своимъ лжеученіемъ и поддерживаютъ, тѣ — другое дѣло. Я имъ пикнуть не даю; какъ попадъ, такъ и въ острогъ: морю тамъ сколько возможно.

Еслибъ губернаторъ былъ менѣ увлеченъ разго-

воромъ и взглянулъ бы въ это время повнимательнѣе на лицо своего помощника, то замѣтилъ бы у него не совсѣмъ-лестную для себя улыбку.

— Каковы здѣсь чиновники, ваше превосходительство? — спросилъ Калиновичъ, потупляя глаза и, кажется, желая вызвать его на дальнѣйшій, откровенный разговоръ.

— Хороши, — отвѣчалъ губернаторъ: — по крайней мѣрѣ, по моему, собственно, вѣдомству я старался организовать, сколько возможно, почише и, собственно, къ своимъ чиновникамъ я строгъ. Мой чиновникъ долженъ быть второй я. Мое правило такое: ревнуя, я не смотрю на эти ихъ бумаги: это вздоръ, дѣло второстепенное — я изучаю край, смотрю на его потребности. Если нѣтъ на чиновника жалобъ — значитъ, хорошъ. Конечно, тутъ надобно смотрѣть, кто жалуется. Извѣтамъ этихъ клеветниковъ изъ мѣщанишекъ, пзъ выгнанныхъ приказныхъ, я не только не даю ходу, а, напротивъ, ихъ самихъ стараюсь прихлопнуть. Это, своего рода, зараза, которой если дать распространиться, такъ никому отъ нея покоя не будетъ. Но если вамъ жалуется помѣщикъ, купецъ — человекъ порядочный, — значитъ, чиновникъ вывелъ его изъ терпѣнія, и тутъ ужъ у меня пощады нѣтъ. Не губернія для насъ, а мы для губерніи существуемъ; значитъ, нами должны быть довольны; вотъ моя система!

Въ какой мѣрѣ Калиновичъ былъ согласенъ съ этою системою, по выраженію лица его судить было трудно.

— Двѣнадцать часовъ, однако; пора! — проговорилъ губернаторъ и позвонилъ.

Вошелъ съ каскою въ рукахъ адъютантъ. Генералъ сказалъ ему пофранцузски, чтобъ онъ распорядился объ экипажѣ, и предложилъ вице-губернатору, если угодно ему, отправиться вмѣстѣ въ губернское правленіе. Въ приѣмной ихъ остановили на нѣсколько минутъ просители:—какой-то отставной штабсъ-капитанъ, въ мундирѣ и въ треугольной еще шляпѣ съ перомъ, приносившій жалобу на бѣжавшую отъ него жену, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, похитила и двухспальную ихъ брачную постель, сдѣланную на собственныя его деньги; потомъ сморщенная, маленькая, съ золотушными глазами, старушка, которая, какъ увидѣла губернатора, такъ и повалилась ему въ ноги, вопія противъ собственнаго роднаго сына, прибывшаго ее *олейтой* по головѣ. Видимо, желая показать новому помощнику свою внимательность въ дѣлахъ службы, генералъ довольно подробно распросилъ обоихъ и передалъ адъютанту письменныя ихъ просьбы.

— Удивительно, какая еще грубость нравовъ! — произнесъ онъ, выходя съ Калиновичемъ: — одинъ бьетъ старушку мать, а другому не то больно, что жена убѣжала, а то, что она перину увезла... И со всѣмъ этимъ надобно какъ-нибудь ладить.

На крыльцѣ ихъ ожидалъ, стоя навтыжку, полиціймейстеръ. Губернаторъ величественно махнулъ рукой, чтобъ подавали экипажъ, и когда Калиновичъ хотѣлъ сѣсть въ свой фаэтонъ, онъ не пустилъ его.

— Сядемте со мной; потолкуемъ еще пока!

Калиновичъ исполнилъ его желаніе. Полиціймейстеръ съ казакомъ понесся впередъ; губернаторъ съ умысломъ, кажется, поддерживалъ всю дорогу очень одушевленный и почти дружескій разговоръ съ вице-

губернаторомъ. Попадавшіеся на встрѣчу чиновники и купечество, дѣлавшіе почти фрунтъ, не могли не замѣтить этого; а жена одного изъ чиновниковъ особыхъ порученій, очень молоденькая еще дама, ѣхавшая на пролеткахъ, нарочно велѣла кучеру ѣхать шагомъ и долго, прищурившись, смотрѣла вслѣдъ двумъ властителямъ. На подъѣздѣ присутственныхъ мѣсть, не смотря на осенній холодный день, дрожала печальная фигура эзекутора, въ одномъ мундиришкѣ,—фигура, въ скоромъ времени умершая, частью отъ простуды, а частью и отъ душевныхъ волненій.

— Здравствуй, любезный, — проговорилъ ему губернаторъ и, молодцовато неся голову, побѣжалъ вверхъ.

Кто испытывалъ пріятное ощущеніе входить начальническимъ образомъ на лѣстницы присутственныхъ мѣсть, тотъ пойметъ, конечно, что рѣшительно надобно быть человѣкомъ съ самыми тупыми нервами, чтобъ не испытывать въ эти минуты какого-то гордаго сознанія собственнаго достоинства; но герой мой, кажется, не ощущалъ этого — такъ, видно, было много на душѣ его тяжелыхъ и мрачныхъ мыслей. Онъ шелъ, потупя голову и стараясь только не отстать отъ своего начальника.

Канцелярія присутствія стояла уже на-вытяжкѣ.

— Народъ все порядочный! — шепнулъ губернаторъ.

При входѣ въ комнату присутствія, представились новому вице-губернатору члены.

— А сколько лѣтъ вы, Сергѣй Николаичъ, совѣтникомъ? — спросилъ губернаторъ старшаго совѣтника.

— Восемнадцать лѣтъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ тотъ смиреннымъ тономъ.

— А сколько въ это время отъ сената губернскому правленію было выговоровъ? — продолжалъ губернаторъ.

— Сколько помню, кажется, ни одного, — отвѣчалъ совѣтникъ.

Губернаторъ усмѣхнулся.

— Не дурно-съ, ни одного! — произнесъ онъ, выпрямляя станъ.

— Господинъ ассессоръ у насъ воспитанникъ московскаго университета; а вотъ, Валентину Осипычу мы обязаны такимъ устройствомъ городского хозяйства, что ужь, вѣроятно, ни въ одной губерніи такого нѣтъ, — заключилъ губернаторъ, указывая на совѣтника втораго отдѣленія, который, дѣйствительно, имѣлъ какую-то хозяйственную наружность и, какъ быкъ, смотрѣлъ въ упоръ на Калиновича.

Старшимъ секретаремъ оказался рыжій Медіокритскій: счастливая его звѣзда возшла вмѣстѣ съ звѣздою правителя канцеляріи, съ которымъ они были свояки, будучи женаты на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ священника Кипренскаго. Узнавъ, кто именно назначенъ вице-губернаторомъ, Медіокритскій обмеръ въ душѣ, но никому не открылся и только, разсчитывая показаться кѣмъ-нибудь другимъ, отростилъ, въ послѣднее время, огромнѣйшіе бакенбарды, такъ что вице-губернаторъ, дѣйствительно, какъ-будто бы не узналъ его. Губернаторъ, отзываясь лестно о совѣтникахъ, попреимуществу, въ этомъ случаѣ желалъ ихъ наградить за то, что они прежняго вице-губернатора выдали ему съ руками и ногами.

Изъ присутствія онъ повелъ вице-губернатора по отдѣленіямъ.

— Господа! вотъ новый и ближайшій начальникъ вашъ, подъ наблюденіемъ котораго непосредственно будетъ ваша нравственность и ваше усердіе по службѣ! — говорилъ онъ вездѣ звучнымъ голосомъ, послѣ чего не позволилъ себѣ далѣе удерживать Калиновича, и тотъ уѣхалъ.

Однако, этимъ не кончилось. Губернаторъ въ тотъ же день отплатилъ визитъ и непременно желалъ быть представленъ хозяйкѣ, такъ что Полина, въ дорожной кацавейкѣ и въ совершенно неубранной еще гостиной, заставленной ящиками, картонами и тому подобнымъ хламомъ, принуждена была принять его. При визитѣ этомъ оказалось, что губернаторъ зналъ еще покойнаго отца Полины, у котораго даже нѣкоторое время служилъ подъ командой, и который, будто бы, былъ превосходнѣйшій человѣкъ. На такого рода любезность, вице-губернаторша также не осталась въ долгу, и какъ ни устала съ дороги, но, для черезъ два, сдѣлала визитъ губернаторшѣ, которая продержала ее, по-крайней-мѣрѣ, часа два и, непременно заставивши пить кофе, умоляла ее, Бога-ради, быть осторожною въ выборѣ знакомствъ, и даже дала маленькій реестръ тѣмъ дамамъ, съ которыми можно еще было сблизиться. Не ограничиваясь этимъ, губернаторша, забывъ на этотъ разъ свою гордость, отплатила на другой же день визитъ Полинѣ, пила у ней также кофе и просидѣла часа три, а потомъ вездѣ начала говорить, что новая вице-губернаторша хоть и нехороша собой, но чрезвычайно милая женщина. Про Калиновича, какъ мужчины, такъ и

дамы, его видѣвшія, тоже говорили, что онъ нехорошъ собой, но имѣеть чрезвычайно умное выраженіе въ лицѣ.

III.

Дружественныя отношенія, начавшія возникать между начальникомъ губерніи и вице-губернаторомъ, были восхитительны для общества, и вслѣдствіе этого приготовлялась великолѣпнѣйшая зима. Во-первыхъ, переѣхалъ князь Иванъ и образовалъ, конечно, домъ. Другой домъ открылъ зять его, толстякъ Четвериковъ: онъ уже лѣтъ пять, какъ женился на прелестной княжнѣ, изъ которой теперь вышла восхитительная дама. Третій и тоже очень хорошій домъ былъ у предводителя, добывавшагося Анны на шею. О предсѣдатель казенной палаты и говорить нечего: это лицо и подчиненный ему совѣтникъ питейнаго отдѣленія повсемѣстно живутъ очень открыто. Управляющій палатою государственныхъ имуществъ, несмотря на свою скупость, для погашенія въ обществѣ разныхъ неблаговидныхъ про него толковъ по случаю рекрутскаго набора, и съ цѣлью повеселить флигель-адъютанта, по необходимости долженъ былъ въ эту зиму развернуться на два, на три вечера. Что касается губернатора, то, сверхъ его обычныхъ четверговъ, у него предположено было три огромнѣйшіе бала. Кроме того, онъ говорилъ, что употребить всѣ усилія переманить изъ Калуги антрепренера съ отличнѣйшей труппой актеровъ. Отъ вице-губернатора тоже ожидали, по-крайней-

мѣръ, одного бала, хоть онъ и не показывалъ никакой склонности къ общественной жизни. Словомъ, все это было какъ нельзя лучше, и все уже началось своимъ порядкомъ. Князь, какъ родственникъ вице-губернатора, замѣтно старавшійся сблизить его съ губернаторомъ, вездѣ почти говорилъ, что Калиновичъ въ восторгѣ отъ порядка въ управленіи и отъ самой губерніи. Въ обществѣ почти вѣрили тому; но люди, ближе стоящіе къ дѣлу, какъ, напри- мѣръ, совѣтники губернскаго правленія и прокуроръ— люди эти очень хорошо видѣли и понимали, что врядъ ли это такъ. Во всякомъ случаѣ, ясно было, что вице-губернаторъ хочетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно. Дѣло началось съ экзекутора губернскаго правленія, который, какъ мы знаемъ, умеръ отъ усердія къ службѣ. Замѣстить эту вакансію губернаторъ, вслѣдствіе небольшого стороной ходатайства, предположилъ его помощникомъ и далъ объ этомъ предложеніе губернскому правленію; но вице-губернаторъ явился къ нему и объяснилъ, что онъ желаетъ опредѣлить на это мѣсто своего чиновника— знакомаго намъ звѣролова Лебедева, который и былъ ужь имъ вызванъ.

— Какая же намъ цѣль принимать изъ другихъ вѣдомствъ, когда у насъ вуча своихъ? — справедливо возразилъ губернаторъ.

— Я этого человѣка, ваше превосходительство, знаю и увѣренъ, по-крайней-мѣръ, въ томъ, что онъ не будетъ красть ни казенныхъ свѣчей, ни бумаги.

Губернаторъ только улыбнулся и, не желая сориться изъ подобныхъ пустяковъ, согласился. Вторая гроза разразилась надъ Медіовритскимъ. Обревизо-

вавъ канцелярію присутствія, вице-губернаторъ вошелъ къ губернатору съ рапортомъ, объясняя въ немъ, что по дѣламъ старшаго секретаря найденъ имъ величайшій и умысленный беспорядокъ, который явно показываетъ, что г. Медіокритскій, еще прежде того, какъ ему лично извѣстно, замѣшанный въ похищеніи у частнаго лица тысячи рублей серебромъ, и нынѣ нравственно не исправился, а потому полагаетъ для пользы службы, удалить его безъ прошенія отъ должности. Кто знаетъ служебныя отношенія, тотъ пойметъ, конечно, что сдѣлать подобное представленіе, не предваривъ даже начальника губерніи, была дерзость и явное желаніе нанести непріятность правителю канцеляріи, который былъ, какъ всѣ знали, правая рука и вторая душа губернатора въ управленіи. Три дня старикъ медлил; но отъ вице-губернатора получено было новое полуофициальное письмо, въ которомъ онъ говорилъ, что ежели его превосходительству неугодно будетъ удалить секретаря Медіокритскаго, то онъ вынужденнымъ найдетъ просить министерство о назначеніи себя въ другую губернію. Такимъ образомъ, дѣло поставлено было въ такое положеніе, что губернаторъ едва нашелъ возможнымъ, чтобъ не оставить бѣдную жертву совершенно безъ куска хлѣба, дать ей мѣсто смотрителя въ тюремномъ замкѣ, что, конечно, было смертнымъ скачкомъ послѣ почетной должности старшаго секретаря. Въ новомъ замѣщеніи этой должности опять вышло непріятное столкновеніе: губернаторъ хотѣлъ, по крайней-мѣрѣ, опредѣлить на это мѣсто кого-нибудь изъ своихъ канцелярскихъ чиновниковъ — напримѣръ, одного изъ помощниковъ своего

правителя, человека, вполне ему верного и преданного; но вице-губернаторъ объявилъ, что на это мѣсто онъ имѣетъ въ виду опять нашего стараго знакомаго, Экзархатова, о которомъ предварительно были собраны справки, не передается ли онъ, по-прежнему, пьянству, и когда было дознано, что Экзархатовъ, овдовѣвъ, лѣтъ семь ничего въ ротъ не беретъ, Калиновичъ, въ собственноручномъ письмѣ, предложилъ ему мѣсто старшаго секретаря. Экзархатовъ, припоминая своего бывшего начальника, сначала отказался, но вице-губернаторъ вторично писалъ ему, извиняясь въ прежнемъ своемъ съ нимъ поступкѣ, который произошелъ, съ одной стороны, отъ его нетерпимости, а съ другой и отъ несчастной слабости Экзархатова. «Но такъ какъ (прибавлялъ онъ) оба мы съ лѣтами исправились отъ своихъ недостатковъ, то, вѣроятно, теперь сойдемся, и я васъ дружески прошу раздѣлить со мной тяжелыя служебныя обязанности, помочь мнѣ провести тѣ честныя и благородныя убѣжденія, которыя мы съ вами вдохнули въ молодости въ святыя стѣнахъ университета.» Добрый Экзархатовъ не устоялъ противъ такого приглашенія и явился къ своему новому покровителю. При первомъ свиданіи было нѣсколько странно видѣть этихъ двухъ старыхъ товарищей: одинъ былъ только что не генералъ, сидѣлъ въ великолѣпномъ кабинетѣ, на сафьянѣ и коврахъ, въ бархатномъ халатѣ; другой почтительно стоялъ передъ нимъ въ потертомъ вицмундирѣ, въ уродливыхъ выростковыхъ сапогахъ и съ своимъ обычно печальнымъ лицомъ, въ тонкихъ чертахъ котораго все еще виднѣлось присутствіе доброй и серьезной мысли. Ка-

линовичъ принялъ его чрезвычайно ласково, и дня черезъ два Экзархатовъ былъ опредѣленъ. Губернаторъ ограничился только тѣмъ, что былъ сухъ и, гдѣ только можно, придирался къ новобранцу.

— По губерньскому правленію, — говорилъ онъ открыто въ обществѣ, — я рѣшительно намѣренъ предоставить все вице-губернатору, потому что онъ его ближайшій начальникъ; его мѣсто тутъ, а мое — въ губерніи. Но потомъ оказалось, что вице-губернаторъ и въ распоряженія по губерніи началъ вмѣшиваться. Изъ разнаго рода неоднократныхъ случаевъ приведу одинъ, такъ какъ въ немъ замѣшаны болѣе знакомыя намъ лица. Кому не извѣстно, что въ настоящее время, обыкновенныя исправничьи мѣста выѣденнаго яйца не стоятъ: какихъ-нибудь триста или четыреста рублей съ откупщика, плата за лошадей, да развѣ кое-что придется сорвать на слѣдствіяхъ; а изъ этого, между тѣмъ, надо еще дать правятелю канцеляріи, подмазать въ губерньскомъ правленіи, чтобъ не очень придирались. Въ остаткѣ, значить, вздоръ. Но никакъ нельзя было этого сказать про постъ смиренѣйшаго въ мірѣ исправника въ извѣстномъ намъ Эн — скѣ. Даже помѣщики, съ тремя сотнями душъ, передъ баллотировкой говорили: «сдѣлай, говоритъ, меня въ Эн — скѣ исправникомъ, такъ я въ англійскіе короли не захочу.» Дѣло все заключалось въ лѣсномъ сплавлѣ: до трехъ тысячъ гусянокъ всякую весну сплавлялось внизъ по рѣкѣ, и теперь судохозину дать исправнику, при выправкѣ билета, съ каждаго судна какой-нибудь золотой, заведено было еще изстари, а между тѣмъ, въ итогъ это выходило пятнадцать тысячъ

серебромъ. Мѣсто это пріобрѣла и упрочила за мужень именно сама мадамъ исправница, своими исключительно личными исканіями и ходатайствами; а потому можете судить о чувствахъ этой дамы, когда она узнала, что новымъ вице-губернаторомъ назначенъ — и кто же? душка Калиновичъ! Смѣло могу увѣрить, что въ эти минуты она забыла всѣ сплетни, которыя сочиняла нѣкогда про него и про Настеньку. Съ замирающимъ сердцемъ и въ какомъ-то истерическомъ состояніи, она всѣмъ и каждому говорила, всплескивая руками: «Три года я только-что не каждый день видѣла его; ну и тогда ужь въ лицѣ у него замѣтно было что-то значительное, этакое, знаете, что-то петербургское. А милушка-то жена его? Господи, Царь небесный! Я болѣе чѣмъ дружна была съ этимъ домомъ... болѣе... Эту любовь ихнюю... все знала. Потомъ тамъ другая въ него была влюблена; онъ то къ той, то къ этой, такъ все это мило, что выразить невозможно. Онъ будетъ, онъ долженъ повровительствовать моему Семену Никитичу.» Говоря это, исправница доходила до какой-то поэзіи похвалъ — и слезы умиленія текли по ея полнымъ щекамъ. Однако, ничто не помогло и ничто не сбылось изъ ея пророчествъ. Великимъ постомъ, когда должна была начаться выдача билетовъ, вице-губернаторъ вдругъ вошелъ къ губернатору съ рапортомъ, что такъ какъ въ городѣ Эн — скѣ съиздавна производитъ земская полиція въ свою пользу незаконный сборъ съ судопромышленниковъ, то, въ видахъ прекращенія этого побора, удалить настоящаго исправника отъ должности, какъ человѣка, уже *пріобыкшаго* къ означенному злоупотребленію; въ про-

тивномъ же случаѣ, если его превосходительство сіе голословное обвиненіе найдетъ недостаточнымъ, то обстоятельство это раскрыть формальнымъ слѣдствіемъ, и съ лицами, какъ непосредственно виновными, такъ и допускающими сіи противозаконныя дѣйствія, поступить по законамъ. Губернаторъ только развелъ руками, получивъ эту бумагу. Какъ было тутъ поступить? Если назначить слѣдствіе, то эти дураки мужики, пожалуй, еще разболтаютъ про всѣ тѣ жалобы, которыя подавали они ему на исправника и которымъ, однако, не давалось никакого ходу; но съ другой стороны — основаться на словесномъ обвиненіи вице-губернатора, и безъ слѣдствія пожертвовать чиновникомъ, неукоснительно исполнявшимъ свои прямыя и косвенныя обязанности!.. Старикъ даже зободѣлъ, придумывая съ правителемъ канцеляріи, какъ бы сдѣлать лучше; и такъ какъ своя рубашка все-таки ближе къ тѣлу, то положено было, не оглашая дѣла, по какимъ-то будто бы секретно дошедшимъ свѣдѣніямъ, причислить исправника къ кандидатамъ на полицейскія мѣста. Авторъ самъ видѣлъ послѣ этого несчастнаго случая исправницу, прискакавшую было въ губернской городъ, и не слезами она плакала — нѣтъ, — каменьями! жерновами! На Калиновича она не столько претендовала: онъ сдѣлалъ это по ненависти къ ней, потому что она никогда, по глупому своему благородству, не могла молчать о его мерзкой связи съ мерзавкой Годневой; но, главное, какъ губернатору, этому старому хрычу, которому она сама, своими руками, каждый годъ платила, не стыдно было предать ихъ?..

Подобной болтовней она довела себя до того,

что, по секретному приказанію начальника губерніи, была выслана полиціймейстеромъ изъ города, тѣмъ болѣе, что губернаторъ, видимо, еще не хотѣлъ оглашать своихъ неудовольствій съ вице-губернаторомъ и все еще говорилъ, что онъ именно такого помощника себѣ желалъ, чтобъ тотъ помогалъ ему отерывать злоупотребленія, которыя отъ него, какъ отъ человѣка, были скрыты. Новая выходка вице-губернатора сдѣлала, однако, невозможнымъ продолжать такую тактику. Въ губернскомъ правленіи назначено было свидѣтельствованію умственныхъ способностей дворянина Язвина, который, по ходатайству наследниковъ, содержался уже въ сумасшедшемъ домѣ. Почти вся губернія знала, что губернаторъ, по разнаго рода отношеніямъ къ претендентамъ-родственникамъ, принималъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе и, конечно, пріѣхалъ самъ на свидѣтельство. Изъ прочихъ лицъ явились только доктора: кривошейка инспекторъ, съ крестомъ на шеѣ, и длинный, изъ нѣмцевъ и, съ какими-то ожесточенными глазами, операторъ. Оба они, вѣрные всегда и во всемъ рабы губернаторскіе, вошли въ присутствіе нога въ ногу, поклонились почтительно и заняли свои мѣста. Велѣдъ за ними пришелъ прокуроръ, молодой еще человѣкъ, до упаду всегда танцовавшій на всѣхъ губернаторскихъ балахъ польку-мазурку; но изъ предсѣдателей не явился никто; предводитель тоже, по уваженію своему къ начальнику губерніи, все они, разъ навсегда, сказали, что гдѣ только губернаторъ подпишетъ, тамъ и ихъ рука будетъ. Словомъ, все обстояло какъ слѣдуетъ! Въ двѣнадцать часовъ сумасшедшій былъ введенъ. Это былъ молодой чело-

вѣкъ съ крошечнымъ лбомъ, съ совершенно плоскимъ черепомъ, со впалой грудью и съ выдавшимся животомъ, въ байковомъ халатишкѣ, въ толстомъ, заплатанномъ бѣльѣ и порыжѣлыхъ туфляхъ. Его держалъ подъ руку высочайшій и съ какими-то адскими чертами лица, вахмистръ, способный, кажется, усмирить сотню чертей, не только что одного безумнаго. Ихъ скромно сопровождала знакомая ужъ намъ фигура Прохорова, который былъ одинъ изъ претендующихъ родственниковъ и который на этотъ разъ не горланилъ, какъ нѣкогда въ земскомъ судѣ, а смиренно, держа подъ мышкой ваточную фуражку, сталъ было у притолки; но губернаторъ движеніемъ головы предложилъ ему сѣсть, и Прохоровъ, шепетильно и едва касаясь краешка, усѣлся на отдаленное кресло.

— Этотъ господинъ былъ уже у насъ въ передѣлкѣ!—отнесся губернаторъ къ сидѣвшему отъ него по правую руку Калиновичу:—но сенатъ требуетъ вторичнаго пересвидѣтельства...

— Да, я знаю-съ: я читалъ все дѣло,—отвѣчалъ Калиновичъ.

Кривошейка-инспекторъ началъ спрашивать сумасшедшаго, какъ его зовутъ, какой онъ вѣры, званія? Нескоро и съ глупой улыбкой, какъ бы не понимая что такое все это значитъ,—отвѣчалъ тотъ, но ничего не вралъ.

— Послушайте, любезный,—отнесся вдругъ губернаторъ къ сумасшедшему:—какъ вы думаете, что вертится: земля или солнце?

— Чаво вы говорите? я не знаю, чаво вертится, васе писхадитество!—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, да вертится вѣдь что-нибудь, земля или солнце: такъ что именно вертится?—повторилъ губернаторъ.

— Да сто же такое вертится? Подите, сто такое вы говорите, васе пѣсхадитество,—отвѣчалъ сумасшедшій, боязливо пятясь назадъ.

— Не понимаетъ!—произнесъ губернаторъ, пожавъ плечами.

— По глазамъ видно отсутствіе мысли,—подтвердилъ операторъ.

— А скажите мнѣ, отчего луна не изъ чугуна?—стырилъ вдругъ ассесоръ, желавшій продолжать вопросы въ тонѣ начальника губерніи.

Сумасшедшій только посмотрѣлъ на него; губернаторъ и всѣ прочіе члены улыгнулись. Не могли удержаться отъ удовольствія, Прохоровъ захохоталъ во все горло.

— Нѣтъ, такъ спрашивать и записывать этого нельзя!—вмѣшался, привставая съ мѣста, Калиновичъ, все время молчавшій, и потомъ обратился къ больному.—Подите сюда, ко мнѣ, мой милый!

Тотъ трусливо началъ подходить.

— Не бойтесь; подходите. Отчего вы такъ дрожите?—говорилъ вице-губернаторъ, ласково беря его за руку.

— Да вонъ, этотъ все дерется, васе пѣсхадитество,—отвѣчалъ сумасшедшій, указывая на вахмистра.

— Какъ же онъ это можетъ? Онъ не смѣетъ этого: мы его накажемъ, — продолжалъ Калиновичъ.

— Мнѣ драться, ваше высокогородіе, не пошто,

а что шумять оченно...— зарпортоваль было, по-краснѣвъ въ лицѣ, солдатъ.

— Молчи!— произнесъ строго вице-губернаторъ. Вахмистръ немного попятился. Калиновичъ опять обратился къ сумасшедшему:—сядьте, вотъ, милый, тутъ, потолкуемте,— прибавилъ онъ.

— Ничего, васе пѣсхадитество, и постою, я не усталъ, ей-богу-съ! — отвѣчалъ гораздо уже свободнѣе сумасшедшій.

— А отчего это вы все подергиваетесь? Не нравится, что ли, вамъ ваше платье?

— Да сто, васе пѣсхадитество!— извѣстно-съ: все обсбрали, сто было... вонъ халатиско какой дали-съ. У нихъ, васе пѣсхадитество, народъ все пьяница такой-съ; пожалуй, еще пропьютъ; а у меня платье хоросее было-съ.

— А сколько у васъ душъ?—спросилъ Калиновичъ.

— Двѣсти душъ у меня, васе пѣсхадитество, — отвѣчалъ Язвинъ: — папенька родной оставилъ, ей-богу-съ!

— Ну, а хлѣбъ, скажите, какъ у васъ родится: хорошо, или нѣтъ?

— Гдѣ ужъ, васе пѣсхадитество, хоросо хлѣбу родиться!— продолжалъ сумасшедшій, какъ бы со-всѣмъ попавшій на свой тонъ:— все вонъ дядинька Михайло Ильичъ, вонъ онъ сидитъ тутъ: «посто, говоритъ, дуракъ, тебѣ лосади? еще убьютъ тебя», весь табунокъ и угналъ къ себѣ. Ну, а по деревнѣ, васе пѣсхадитество, извѣстно, какъ безъ лосадки, сами посудите! лосадка тебѣ и дѣло сдѣлаеть, и добра накладеть. Мужички мнѣ опосля говорятъ: «баринъ, говорятъ, посто вы лосадокъ отдали: безъ

скота хлѣбца не бываетъ»; а мнѣ сто дѣлать! Ишь они озорники какіе! Словно и Бога у нихъ нѣтъ-съ!

Прохоровъ не могъ долѣе выдерживать.

— Кабы вы были не сумасшедшій, вы бы не говорили этого, и будете наказаны за то, болванъ этакой! — проговорилъ онъ; но помѣшанный, въ свою очередь, тоже разсердился.

— Сто ты ругаешься? — возразилъ онъ, съ занальчивостью: — про сто меня накажутъ, коли я правду говорю; а ты думаешь, побоюсь тебя. Какъ же! Сто ты съ дѣвкой-то у насъ сдѣлалъ? Мальчикъ, васе пѣсхадитество, у него отъ дѣвки-то родился: дѣвусникъ-усникъ — подокосесникъ!

Губернаторъ вышелъ изъ себя.

— Молчать! вздоръ несешь! — крикнулъ онъ.

Сумасшедшій оробѣлъ. Высокій вахмистръ къ нему приблизился на два шага.

— Умѣете ли вы считать, мой милый? — поспѣшилъ перебить Калиновичъ. — На-те, вотъ, сочтите эти деньги: сколько тутъ? — прибавилъ онъ, подавая тяжелый бумажникъ.

— Это все васи деньги, васе пѣсхадитество? какой вы богатый-съ!

— Да, я богатъ. Сосчитайте.

Сумасшедшій почесалъ голову и сосчиталъ совершенно вѣрно.

— Тутъ двѣ тысячи и пятьдесятъ рублевъ, васе пѣсхадитество, да вотъ еще бумажка пять рублевъ, — отвѣчалъ онъ, отодвигая отъ себя деньги, а потомъ, обдернувъ рукава, и еще какъ-то глупый улыбнувшись, прибавилъ: — дайте, васе пѣсхадитество, мнѣ эти пять-то рубликовъ-съ.

— А у васъ развѣ нѣтъ денегъ?— спросилъ Калиновичъ.

— Нѣтъ, ваше пѣсхадитество, хоть бы копѣечка, ей-богу-съ. Это, вотъ мужичекъ насъ принесъ было мнѣ тли цѣлковиньихъ, да смотритель увидалъ и тѣв отнялъ! «ты, говоритъ, еще нозъ купишь, да зарѣжешься»; а посто я стану лѣзаться? дуракъ, сто ли, я какой! и за сто они меня тутъ держатъ съ сумасшедшими, на-ка?

Проговоривъ это, Явнинъ пріостановился, но помолчавъ, снова продолжалъ:

— Прикажите, ваше пѣсхадитество, отпустить меня, сдѣлайте милость; а то я боюсь, ей-богу-съ! Этта, у насъ одинъ благой, злой онъ такой, поймалъ другую благоую бабу, да такъ ее отррепалъ въ сѣняхъ, сто еле жива осталась, — того я гляди убьютъ еще; а коли говорить, ваше пѣсхадитество, начальству насему станесъ, такъ у нихъ только и рѣчи: «поговори, говорятъ, у насъ еще, такъ выхлещемъ» — ей-богу-съ! Сдѣлайте милость, батюска, прикажите отпустить; я вамъ въ ножки поклонюсь!— присовокупилъ сумасшедшій и, дѣйствительно, поклонился Калиновичу въ ноги.

— Есть ли, по крайней мѣрѣ, у васъ другіе родные, которые бы взяли васъ на поруки?— отвѣчалъ тотъ, поднимая его.

— Да какъ же, ваше пѣсхадитество, у меня здѣсь двоюродная сестичка есть: бѣдненькая она! пять разъ жаловаться ходила, ей-богу-съ! «За сто вы, говоритъ, брата моего держите? я его къ себѣ беру». Такъ только и есть, сто прогнали, ей-богу-съ! «Пошла вонъ», говорятъ.

— Понимаете ли вы, что и предъ кѣмъ вы горите? — вмѣшался опять Прохоровъ, показывая на губернатора.

— Однако, уведите его; довольно! — прибавилъ губернаторъ повелительнымъ голосомъ.

Вахмистръ, какъ желѣзными щипцами, ухватилъ своей лѣвой рукой больнаго за локоть и, повернувши его направо-кругомъ, увелъ.

— Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ губернаторъ: — я остаюсь при старомъ заключеніи, что онъ не въ полномъ разсудкѣ. Какъ вы? — прибавилъ онъ, обращаясь къ докторамъ.

— Въ разсудкѣ неполномъ, — подтвердилъ инспекторъ.

— Какой же тутъ разсудокъ, помилуйте! При губернаторѣ и что говорить: помилуйте! — заявилъ всему присутствію Прохоровъ.

Всѣ члены были согласны съ этимъ.

— Въ такомъ случаѣ, ваше превосходительство, значить, я буду совершенно противоположнаго мнѣнія, — возразилъ Калиновичъ. — Я полагаю, что этотъ молодой человѣкъ совершенно въ полномъ разсудкѣ.

— Какъ въ разсудкѣ? Что вы такое говорите? — воскликнулъ губернаторъ, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ.

— Въ разсудкѣ, — повторилъ Калиновичъ, не пзмѣняя тона: — а потому, полагаю, что держать его въ сумасшедшемъ домѣ и грѣшно, и противозаконно: это варварство!

— Да, вѣдь, въ законѣ глупорожденные также отнесены къ сумасшедшимъ, — замѣтилъ было прокуроръ.

Но вице-губернаторъ не обратилъ даже вниманія на его слова и продолжалъ:

— Что-жь касается того, какъ онъ управлялъ своимъ имѣніемъ, то объ этомъ произвести дознаніе и, съ заключеніемъ дворянскаго собранія, представить на рѣшеніе сената. Но, такъ какъ изъ словъ его видно, что у него обобранъ весь скотъ и, наконецъ, въ дѣлѣ есть просьбы крестьянъ на стѣснительныя и разорительныя дѣйствія наследниковъ, то обстоятельство это подлежитъ особому изслѣдованію — и виновныхъ подвергнуть строжайшей отвѣтственности, потому что усиліе ихъ представить недалеяго человѣка за сумасшедшаго съ тѣмъ, чтобъ засадить его въ домъ умалишенныхъ и самимъ, между тѣмъ, расхищать и разорять его достояніе, по моему, поступокъ совершенно равносильный воровству, посягательству на жизнь и даже грабежу.

Эта строго-официальная рѣчь Калиновича какъ громомъ оглушила все собраніе. Прохоровъ поблѣднѣлъ; члены не знали, куда глаза направить. Губернаторъ первый нашелся:

— Все это прекрасно! Но взглядъ вашъ, сами согласитесь, совершенно новый: онъ рѣшительно изъ дѣла не вытекаетъ.

— Взглядъ мой, ваше превосходительство, полагаю, единственный, который можетъ вытекать изъ этого дѣла, — возразилъ, въ свою очередь, со всею вѣжливостью, Калиновичъ.

— Это вы говорите, а мы полагаемъ, что нашъ единственный. Согласны вы, господа? — обратился губернаторъ, едва сдерживая гнѣвъ свой, къ членамъ.

Тѣ, наклоненіемъ головы, изъявили согласіе.

— Значить, такъ я записать надо,—продолжалъ губернаторъ, крутя усы. — Такъ и напишите,—отнесся онъ строго къ секретарю Экзархатову,—что всѣ господа присутствующіе остаются при старомъ заключеніи, а господинъ вице-губернаторъ имѣетъ представить свое особенное мнѣніе, и вы ужь, пожалуйста, потрудитесь незамедлить,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Калиновичу, какъ бы желая хоть этимъ стѣснить его.

— Я завтра же представлю,—отвѣчалъ тотъ совершенно равнодушнымъ тономъ.

Губернаторъ всталъ и молодецки выпрямилъ свой высокій ростъ.

— До свиданья,—сказалъ онъ, кивая всѣмъ привѣтливо головой. — До свиданья, Яковъ Васильичъ. Очень жаль, что такъ часто приходится намъ спорить съ вами,—прибавилъ онъ полушутливымъ, полуукоризненнымъ тономъ Калиновичу, и гордо вышелъ изъ присутствія.

Прохоровъ послѣдовалъ за нимъ, губернаторъ, проговоря съ нимъ нѣсколько минутъ на лѣстницѣ, сѣлъ въ экипажъ. Онъ былъ очень блѣденъ и всю дорогу продолжалъ кусать усы. По возвращеніи его домой, тотчасъ проскакалъ во весь опоръ жандармъ за правителемъ канцеляріи. Оставшіеся, между тѣмъ, члены губернскаго правленія ни слова между собой не говорили и, потупивъ глаза, стали внимательно заниматься своимъ дѣломъ. На каждомъ лицѣ какъ-будто было написано: *быть худу, быть бѣдамъ!* и одинъ только вице-губернаторъ остался совершенно спокоенъ: на губахъ его видна была даже какая-то насмѣшливая улыбка.

IV.

Въ продолженіе цѣлой недѣли въ городѣ только и говорили, что о послѣдней распрѣ двухъ властителей. Общество, положительно обвиняя вице-губернатора, еще тѣснѣй и преданнѣй сгруппировалось около губернатора, и одинъ только князь вертѣлся, какъ бѣсъ передъ заутреней. Лѣтя больше всѣхъ старику въ глаза, онъ, въ то же время, говорилъ, что со стороны вице-губернатора была тутъ одна только настойчивость — бычокъ нашель; но ничего нѣтъ ни умышленнаго, ни злонамѣреннаго, и желая, вѣроятно, какъ-нибудь уладить это дѣло, затѣялъ, наконецъ, зовъ у дочери. Дать самому у себя вечеръ, ему, говорятъ, рѣшительно было не на что: сахарный заводъ его давно уже лопнулъ. Зять, по слухамъ, копѣйкой не помогаль, имѣнье было описано и поступило въ продажу. Переѣхавъ въ городъ, онъ заложилъ все свое серебро и, вообще, по наружности былъ какой-то растерянный, такъ что куда дѣвался его прекрасный даръ слова и тонкая находчивость въ обращеніи. Но, какъ бы ни было, вечеръ онъ проектировалъ все-таки съ большимъ расчетомъ; только самые интимные и нужные люди были приглашены: губернаторъ съ губернаторшей и съ адъютантомъ, вице-губернаторъ съ женой, семейство предсѣдателя казенной палаты, прокуроръ съ двумя молодыми правовѣдами, прекрасно-говорившими по-французски, и, наконецъ, инженерный поручикъ, на всякій случай, если ужъ обществу будетъ очень скучно, такъ чтобъ заставить его играть

на фортепiano — и больше никого. Около часа прошло, какъ пріѣхалъ губернаторъ и собралось все маленькое общество; но Калиновича еще не было. Безпокойство начало отражаться на лицѣ князя.

— Да вы сами были? — шепнулъ онъ сидѣвшему около него и тяжело-пыхтѣвшему зятю.

— Самъ былъ: общался... — отвѣчалъ тотъ.

Князь пожалъ плечами.

— Странно! — проговорилъ онъ; но въ это время раздался звонокъ, и вице-губернаторъ вошелъ. Онъ первый поклонился губернаторшѣ и губернатору.

— Здравствуйте, Яковъ Васильичъ! давно мы съ вами не видались! — произнесъ старикъ, протягивая ему руку, но не приподымаясь съ креселъ, и до такой степени съумѣлъ совладѣть съ собой, что ноты непріязни не почувствовалось въ этой фразѣ.

— Давно, ваше превосходительство, — отвѣчалъ Калиновичъ совершенно простодушнымъ тономъ.

— А что жь Полина? — спросила хозяйка, разливавшая на большомъ кругломъ столѣ чай.

— Она не такъ здорова, — отвѣчалъ гость.

Князь переглянулся при этомъ съ дочерью. Губернаторша взглянула на инженернаго поручика, который, еще поутру, рассказывалъ ей, какъ замѣчательный случай, что вице-губернаторша, выѣзжавшая вездѣ, ни разу еще не была ни у княгини, ни у дочери ея. Мужъ ли ей не позволялъ того, или она сама не хотѣла — никто не зналъ. Стулья,

между тѣмъ, такъ были поставлены, что вице-губернаторъ непременно долженъ былъ сѣсть рядомъ съ губернаторомъ; но онъ, легонько повернувшись на каблучкахъ, подошелъ и сѣлъ около хозяйки въ кресло, которое собственно предназначено было для губернаторши, но которая не успѣла еще занять его.

— Я поближе къ чаю — позволите? — спросилъ Калиновичъ мадамъ Четверикову, которая была одѣта въ щегольское платье гласе и цвѣла красотой. Она взмахнула только на него своими превосходными карими глазами и проговоря: «пожалуйста!» начала готовить ему чай.

— Куда-жь вы такъ много сахару кладете? Это ужасъ! — замѣтилъ ей Калиновичъ.

— Ахъ, да, и въ самомъ дѣлѣ, это много! — сказала, какъ-бы сконфузившись, мадамъ Четверикова:— рѣшительно не умѣю наливать этого несноснаго чаю! — прибавила она.

— Что-же вы умѣете послѣэтого? — спросилъ Калиновичъ.

— Ничего, — отвѣчала мадамъ Четверикова нѣсколько-обиженнымъ голосомъ

— Дурно-съ! — произнесъ Калиновичъ, и они оба нѣсколько мнута какъ-то страстно смотрѣли другъ на друга.

— Послушайте! — начала хозяйка, низко-низко наклонившись надъ столомъ: — вы въ ссорѣ съ этимъ господиномъ? — прибавила она, указывая головой на губернатора.

— Это съ чего вы взяли?.. Не знаю, какъ онъ мной, а я имъ очень доволенъ, — отвѣчалъ Калиновичъ съ насмѣшкой.

— Ну, нѣтъ; это вы смѣтаетесь! Зачѣмъ вы ссоритесь съ нимъ? онъ такой милый! — возразила хозяйка.

— Да, онъ милый; только взяточникъ.

— Зачѣмъ вы такъ говорите? Нѣтъ, это пустяки! — возразила хозяйка.

— Вольно-жъ вамъ заставлять меня говорить о пустякахъ, тогда какъ я вижу передъ глазами ваши мелькающія руки, которымъ сама Киприда позавидовала бы!

— Мерсі за комплиментъ.

— У меня нѣтъ, въ отношеніи васъ, комплиментовъ, — отвѣчалъ Калиновичъ: — и знаете ли что? — продолжалъ онъ довольно искреннимъ тономъ: — было время, когда нѣкто, молодой человекъ, за одинъ вашъ взглядъ, за одну привѣтливую улыбку готовъ былъ отдать и самого себя, и свою жизнь, и свою будущность — все.

— Да, знаю, — отвѣчала мадамъ Четверикова, лукаво потупившись. — А послушайте, — прибавила она: — вы написали тотъ романъ, о которомъ, помните, тогда говорили?

— Нѣтъ! Я нарочно тогда его выдумалъ, чтобъ предсказать вамъ ту будущность, которою вы теперь наслаждаетесь.

— Хороши и вы! — возразила хозяйка укоризненнымъ тономъ.

— Не лучше васъ: другъ друга стоимъ! — отвѣчалъ Калиновичъ и, вообще, замѣтно было, что, вмѣсто ожидаемаго сближенія съ губернаторомъ, онъ цѣлый вечеръ намѣревался любезничать съ хозяйкою; но изъ дома принесли ему записку, при чтеніи

которой замѣтное чувство удовольствія показалось на лицѣ его.

— Adieu! — проговорилъ онъ, осторожно беря шляпу и пожимая руку хозяйки подъ столомъ.

— Куда же вы? — спросила та удивленнымъ и недовольнымъ тономъ.

— Нужно-съ; не беспокойте никого. Adieu! — проговорилъ Калиновичъ и пошелъ.

Князь побѣждалъ было за нимъ, но не успѣлъ догнать.

Губернаторъ между тѣмъ сдѣлалъ видъ, что будто бы черезъ полчаса только замѣтилъ отсутствіе Калиновича.

— А гдѣ же нашъ вице-губернаторъ? — спросилъ онъ совершенно-равнодушнымъ тономъ.

— Не знаю, убѣждалъ! Получилъ изъ дома записку и убѣждалъ, — отвѣчалъ князь.

Губернаторъ ничего на это не сказалъ и сталъ смотрѣть на ламповый транспарантъ, какъ-бы любуясь имъ. Пріѣхалъ вскорѣ полиціймейстеръ. Гремя шпорами и саблей, онъ прямо подошелъ къ губернатору и, приложивъ руку къ виску, — проговорилъ:

— Сейчасъ прибылъ, ваше превосходительство, чиновникъ министра внутреннихъ дѣлъ, надворный совѣтникъ Куропиловъ.

Губернаторъ всталъ и поблѣднѣлъ.

— Зачѣмъ? — произнесъ онъ.

— Какъ я слышала изъ разговора ихъ съ господиномъ вице-губернаторомъ, который теперь въ нимъ пріѣхалъ, что по дѣлу дворянина Язвина, — отвѣчалъ полиціймейстеръ.

— Да, прекрасно!.. Что-жь вы на меня-то смот-

рите, точно не выдали? — спросилъ его губернаторъ съ азартомъ.

Полиціймейстеръ, въ свою очередь, покраснѣлъ, но скоро поправился.

— Не будетъ ли какихъ-нибудь приказаній, ваше превосходительство? — проговорилъ онъ, опять приложивъ руку въ виску.

— Никакихъ... Какія же могутъ быть приказанія?.. Ступайте... очень вамъ благодаренъ за безпокойство... Никакихъ... — повторилъ старикъ раздраженнымъ голосомъ, и полиціймейстеръ уѣхалъ.

— Дуракъ!.. — повторилъ ему въ слѣдъ губернаторъ. — Приѣдетъ изъ Петербурга какой-нибудь тамъ чиновникъ — переполошится, скачетъ... ужасный болванъ! — присовокупилъ онъ полусутоливымъ тономъ, но не могъ скрыть безпокойства и, не дождавшись ужина, уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ того разнесся слухъ, что надворный совѣтникъ Куропиловъ не являлся даже къ губернатору и, повидавшись съ однимъ только вице-губернаторомъ, ускакалъ въ имѣнье Язвица, гдѣ началъ, говорятъ, раскапывать всю подноготную. Приближенные губернатора объявили потомъ, что старикъ вынужденнымъ находится самъ ѣхать въ Петербургъ. При этомъ извѣстіи, умы сильно взволновались. Дворянство въ первомъ же клубѣ рѣшило дать ему обѣдъ.

— Обѣдъ, господа, чтобъ показать этому молоджососу! — говорили нѣкоторые.

— Обѣдъ! — повторили почти всѣ въ одинъ голосъ.

Но тутъ сейчасъ же возникъ вопросъ: приглашать ли вице-губернатора къ подпискѣ или нѣтъ? Поглу-

пѣй и немного ужъ выпившіе кричали: «Нѣтъ, не-
нужно!.. къ чорту его!..» Но болѣе-благоразумные
недоумѣвали. Къ счастью, въ это время пріѣхалъ князь
и рѣшилъ:

— Какое мы право имѣемъ выкидывать его изъ
нашего общества? Онъ человекъ вѣжливый... при-
личный... онъ дворянинъ... здѣшній помѣщикъ, на-
конецъ... Хочетъ подписаться — прекрасно, не хо-
четъ — его дѣло.

— Его дѣло!—подтвердили благоразумные. Пред-
сѣдатель казенной палаты, какъ старшина-хозяинъ,
долженъ былъ предложить Каляновичу подписной
листъ. Онъ нарочно для этого пріѣхалъ къ нему въ
первый праздничный день, какъ-бы съ визитомъ.

— Старикъ, нашему губернатору, обѣдъ затѣ-
вается. Угодно вамъ участвовать? — говорилъ онъ
несовсѣмъ-твердымъ голосомъ.

— А! обѣдъ, и обѣдъ, вѣроятно, будетъ очень
хорошій. Я люблю хорошіе обѣды. Очень радъ! —
отвѣтилъ тотъ и сейчасъ же подписался.

Видимо, что въ этой фразѣ онъ ввернулъ штучку,
поясненную потомъ еще болѣе въ самый обѣдъ, на
который онъ не пріѣхалъ, а прислалъ, на имя стар-
шины-хозяина, записку, изъявляя въ ней искреннее
соболезнованіе, что по случившейся маленькой бо-
лѣзни не можетъ съ обществомъ раздѣлить прият-
наго удовольствія кушать мѣрныхъ стерлядей и грец-
кими орѣхами откормленныхъ индѣекъ; значить, онъ
сожалѣлъ только объ обѣдѣ, а не о томъ, что не
присутствовалъ на почетномъ прощальномъ митингѣ
начальнику губерніи. Выходка эта возбудила еще бо-
лѣе любви и уваженія къ губернатору. Тотчасъ же

послѣ портера начались изліянія чувствъ передъ нимъ. Совѣтникъ контрольнаго отдѣленія, ни на одномъ оффиціальномъ обѣдѣ не могшій сообразить, что тамъ всегда очень много подается вина, обыкновенно напивался еще за закуской. Въ этотъ разъ онъ тоже, давно уже готовый, вдругъ всталъ и притащился къ губернаторскому креслу.

— Я, ваше превосходительство, ужь пьянъ; извини! — забормоталъ онъ. — Когда тебя министръ спрашивалъ, какой такой у тебя контролеръ, ты что написалъ? Я знаю, что написалъ, и выходитъ: ты живъ — и я живъ, ты умеръ — и я умеръ! Ну и я пьянъ, извини меня, а ручку дай подѣловать, виноватъ!

— Ничего, ничего, говорилъ губернаторъ, не давая руки, которую совѣтникъ старался было поймать.

Вставши въ это время на ноги, председатель казенной палаты прекратилъ эту сцену. Онъ кивнулъ головой распорядившемуся обѣдомъ чиновнику особыхъ порученій, и тотъ отвелъ контролера на его стулъ предаваться умиленію и договаривать свою благодарность: самъ же председатель приготовлялся сказать короткій, но приличный спичъ. Прежде всего, впрочемъ, должно объяснить, что рядомъ съ губернаторомъ по правую руку сидѣлъ одинъ старикашка, генералъ фон-Вейденъ, ничтожное, мизерное существо: онъ обыкновенно страшалъ уѣздныхъ чиновниковъ своей дружбой съ губернаторомъ, передъ которымъ, въ свою очередь, унижался до подлости, и теперь съ сокрушеннымъ сердцемъ пріѣхалъ проводить своего друга и благодѣтеля. По лѣвую сторону помѣщался нѣкто Каламскій, предводитель дворянства, служившій въ военной службѣ только до подпоручика, и по-

тому никогда невоображавшій, чтобъ какой-нибудь генераль обратилъ на него человѣческое вниманіе, но съ поступленіемъ въ предводители, обласканный губернаторомъ, почувствовалъ къ нему какую-то фанатическую любовь. Заслышавъ объ отъѣздѣ его, онъ, въ два дня, проскакалъ пятьсотъ верстъ и все таки поспѣлъ къ обѣду. Оба эти лица послужили прекрасными сюжетами для оратора.

— Ни лѣта одного,—началъ онъ, указывая на старика генерала:—ни разстоянія для другаго,—продолжалъ, указавъ на предводителя:—ничто не помѣшало имъ выразить тѣ чувства, которыя питаемъ всѣ мы. Радуюсь этой минутѣ, что ты съ нами, и сожалѣемъ, что эта минута не можетъ продолжаться всю жизнь, и завидуемъ счастливцу Петербургу, который приметъ тебя въ лоно свое.

— Ура!—воскликнула со всѣхъ сторонъ толпа, съ поднятіемъ бокаловъ.

Губернаторъ, вставъ на ноги, растерялся отъ удивленія.

— Господа! на все это я могу отвѣтить только драгоценнымъ для насъ изреченіемъ: «разумѣйте, языцы, яко съ нами Богъ!» бухнулъ онъ ни къ селу, ни къ городу.

— Съ нами Богъ! —повторила за нимъ восторженная толпа.

Старикъ заплакалъ, и слѣдовавшее затѣмъ одушевленіе превышало всякую мѣру описаній. Послѣ обѣда, его качали на рукахъ. Окончательно умиленный, онъ сталъ требовать шампанскаго: самъ пилъ и непременно заставлялъ всѣхъ пить; бросилъ музыкантамъ, во все время игравшимъ тушь, пятьдесятъ

рублей серебромъ, и наконецъ, сѣвъ въ возогъ, пожелалъ, чтобъ всѣ подходили и цѣловали его выставленное въ окошечко лицо...

V.

Скажите, гдѣ и когда толпа не была лжива, влятв-
вопреступна и измѣнчива? Едва только пришло извѣ-
стіе, что старику губернатору въ Петербургѣ плохо,
а Калиновичъ, напротивъ, произведенъ былъ въ
статскіе совѣтники; едва только распространилось
это въ обществѣ, какъ губернаторша почти всѣми
была оставлена. Уединенно пришлось ей сидѣть въ
своемъ замко-подобномъ губернаторскомъ домѣ, и
общественное имѣніе явно уже склонилось въ пользу
ихъ врага, и началось это съ Полины, которая
вдругъ, ни съ того, ни съ сего, найдена была пре-
восходнѣйшей женщиной, на томъ основаніи, что,
при такомъ состояніи, нестарая еще женщина, она
рѣшительно не рядится, не хочетъ жить въ свѣтѣ,
а всю себя посвятила семейству; но что собственно
дѣлаетъ она въ этой семейной жизни — никто этого
не зналъ, и даже поговаривали, что врядъ ли она
согласно живетъ съ мужемъ, но хвалили потому
только, что надобно же было за что-нибудь похвалить.

Калиновича тоже стали понимать иначе: — очень
хорошо увидѣли, что онъ человекъ съ характеромъ
и съ большимъ, должно быть, вѣсомъ въ Петербургѣ.
Первый измѣнилъ мнѣніе, въ его пользу, председа-
тель казенной палаты, нѣкогда военный генералъ,
только два года назадъ снявшій эполеты и до сихъ

поръ еще сохранившій чрезвычайно благородную наружность; но несмотря на все это, онъ до того унижился, что пріѣхалъ къ статскому совѣтнику и сталъ просить у него извиненія за участіе въ обѣдѣ губернатору, ссылаясь на дворянство, которое будто бы принудило его къ тому, какъ старшину-хозяина. Секретарь Экзархатовъ, бывшій свидѣтель этой сцены и очень ужъ, кажется, скромный человѣкъ, не утерпѣлъ и, пришедши въ правленіе, разсказалъ, какъ предсѣдатель прижималъ руку къ сердцу, возводилъ глаза къ небу и увѣрялъ совершенно тономъ гоголевскаго городничаго, что онъ сдѣлалъ это «по неопытности, по одной только неопытности», такъ что вице-губернатору, замѣтно, сдѣлалось гадко его слушать.

— О чемъ же, ваше превосходительство, вы беспокоитесь? Для меня ей-богу все равно, — сказалъ онъ, съ досадою и презрѣніемъ; но мѣдному лбу предсѣдателя было рѣшительно нипочемъ это замѣчаніе, и онъ продолжалъ свое.

— Какъ у нихъ эта способность подличать, на счетъ всего развита, такъ уму невообразимо! — заключилъ Экзархатовъ, и вся канцелярія засмѣялась.

Второй человѣкъ, ставшій подъ знамена Калиновича, былъ князь.

— Нельзя... нельзя... нечего старику было спорить и фордыбачить... надо покориться.

Въ продолженіе всего моего романа, читатель видѣлъ, что я нигдѣ не льстилъ моему герою, а, напротивъ, всѣ нравственные недостатки его старался представить въ усиленно-яркомъ видѣ, но въ настоящемъ случаѣ не могу себя позволить пройти мол-

чаниемъ того, что въ избранной имъ служебной дѣятельности онъ является замѣчательно дѣятельнымъ и, пожалуй, даже полезнымъ челоукомъ. Князь, бывшій умный и образованный всего остальнаго общества, лучше другихъ понималъ, откуда дуетъ вѣтеръ. Калиновичъ могъ дѣйствительно быть названъ представителемъ той молодой администраціи, которая въ его время замѣтно уже начинала пробиваться сквозь толстую кору прежнихъ подъяческихъ плутней. Молодой вице-губернаторъ, еще на университетскихъ скамейкахъ, по устройству собственнаго сердца своего, чувствовалъ всегда большую симпатію къ проведенію безстрастной идеи государства, съ возможнымъ отпоромъ всѣхъ домогательствъ сословныхъ и частныхъ. Въ управленіи были приняты имъ тѣ же основанія. Дѣло началось съ городскихъ головъ, которые всѣ очень любятъ торговать и плутовать себѣ въ карманъ и терпѣть не могутъ служить для общества. Вице-губернаторъ всѣхъ ихъ вызвалъ къ себѣ и объявилъ, что если они не станутъ заниматься думскими дѣлами и не увеличатъ городскихъ доходовъ, то выговоры онъ не будетъ дѣлать, а перепечатаетъ ихъ лавки, фабрики, заводы, и цѣлый годъ не дастъ имъ ни продать, ни купить на грошъ, и что простотой и незнаніемъ они не смѣли бы отговариваться, потому что каждый изъ нихъ такой умный плутъ, что все знаетъ. Какъ изъ парной бани вышли отъ него головы и, въ ту же ночь, поскакали на почтовыхъ въ свои городки, наняли на свой счетъ писцовъ въ думы и ратуши и откопали такія оброчныя статьи, о которыхъ и помину прежде не было.

Откупъ тоже не ушелъ. Не стѣсняясь личнымъ знакомствомъ и нѣкоторымъ родствомъ съ толстымъ Четвериковымъ, Калиновичъ пригласилъ его къ себѣ и объяснилъ, что, такъ какъ дѣла его въ очень хорошемъ положеніи, то не угодно ли будетъ ему, хоть нѣсколько, расплатиться съ обществомъ, отъ котораго онъ милліоны наживаетъ, и пожертвовать тысячь десять серебромъ на украшеніе города. Можно себѣ представить, что почувствовалъ при этихъ словахъ скупой и жадный Четвериковъ!

— Вѣдь, откупъ, Яковъ Васильичъ, никакихъ на такіе случаи не имѣетъ экстраординарныхъ суммъ,— проговорилъ онъ краснѣя.

Калиновичъ вышелъ изъ себя.

— Я знать, сударь, не хочу, имѣете ли вы такіа суммы, или нѣтъ!— вскрикнулъ онъ.— Вы стыдились бы говорить это! Вся губернія, я думаю, знаетъ, что у васъ сундуки трещать отъ послѣднихъ грошей, которые отдаетъ вамъ бѣдный мужикъ и оборванный чиновникъ. Хоть бы четыре процента вы, устыдившись, возвратили съ вашего грабежа обществу. Вотъ клянусь вамъ Спасителемъ!— продолжалъ вице-губернаторъ, окончательно разгорячившись и показывая на образъ:— что если вы не дадите мнѣ... теперь ужъ не десять, а пятнадцать тысячъ, когда заартачились, если не пожертвуете этой суммой, то каждое воскресенье, каждый праздникъ, я велю во всей губерніи запирать кабаки во время обѣдни и, при малѣйшемъ намекѣ на участіе вашихъ цѣловальниковъ въ воровствѣ и буйствахъ, буду держать ихъ въ острогахъ по цѣлымъ годамъ!

Струсившій толстякъ развелъ только руками.

— Сломить меня не думайте, какъ сдѣлали это съ прежнимъ вице-губернаторомъ!— продолжалъ Калиновичъ, колотя пальцемъ по столу: — меня тамъ знаютъ и вамъ не выдадутъ; а я, съ своей стороны, нарочно останусь здѣсь, чтобъ не дать вамъ ликнуть, дохнуть... Понимаете ли вы теперь всю мою нравственную ненависть къ вашимъ продѣлкамъ?— заключилъ онъ, колотя себя въ грудь.

Толстякъ окончательно растерялся.

— Mais, mon cher, je vous prie, ne vous emportez pas... — забормоталъ онъ: — я могу эти деньги, если хотите, сегодня же доставить.

— Сдѣлайте одолженіе, а завтра же будетъ напечатано въ газетахъ и донесено министру о вашемъ пожертвованіи, — отвѣчалъ Калиновичъ. — Вы можете даже не скрывать, что я насильно и съ угрозами заставилъ васъ это сдѣлать, потому что, все-таки полагаю, въ этомъ случаѣ будетъ больше чести мнѣ и меньше вамъ!— прибавилъ онъ съ насмѣшкою, провожая Четверикова.

— О, да, конечно! Зачѣмъ же это рассказывать? — отвѣчалъ тотъ, стараясь насильно улыбнуться; но когда сѣлъ въ экипажъ, то лицо его приняло поразительно грустное выраженіе.

— Тому старому чорту отдано за годъ, и этотъ требуетъ еще пятнадцать тысячъ, тьфу ты подлость! — прошепелявилъ онъ своими жирными, отвислыми губами.

Отъ управляющаго губерніей былъ посланъ, между тѣмъ, жандармъ за начальникомъ арестантской роты — и, черезъ какіе-нибудь полчаса, въ пріемной залѣ уже стоялъ на вытяжкѣ и въ пол-

ной формѣ, дослужившійся изъ сдаточныхъ, капитанъ Тимковъ, который, не смотря на то, что владѣлъ замѣчательно твердымъ характеромъ и столь мало подвижнымъ лицомъ, что какъ-будто бы оно обтянуто было лубомъ, а не кожей человѣческой, не смотря на все это, въ настоящія минуты, самъ еще не зная, зачѣмъ его призвали, былъ блѣденъ до такой степени, что молодой чиновникъ, привезенный вице-губернаторомъ изъ Петербурга и теперь зачисленный въ штатъ губернскаго правленія, подошелъ къ нему и, насмѣшливо зѣвая, спросилъ:

— Что вы такіе? не больны ли?

— Никакъ нѣтъ-съ... — отвѣчалъ капитанъ дрожащими губами.

Каминовичъ, наконецъ, вышелъ изъ кабинета и хоть въ залѣ было нѣсколько человѣкъ другихъ чиновниковъ, прямо подошелъ къ капитану.

— Послушайте,—началъ онъ:—чтобъ прекратить ваши плутни съ несчастными арестантами, которыхъ вы употребляете въ свою пользу и посылаете на бесплатную работу къ разнымъ господамъ... которые, наконецъ, у вашей любовницы чистятъ дворъ и помойныя ямы... то чтобъ съ этой минуты ни одинъ арестантъ никуда не былъ посылаемъ! Они будутъ отдѣлывать набережную: каждый мѣсяцъ я буду самъ ихъ расчитывать и, кромѣ задѣльной платы, пойдетъ еще сумма на улучшение пищи. И горе вамъ, если капуста будетъ кисла и говядина гнила! Я приѣду самъ, и со всѣмъ вашимъ потрохомъ, окормлю васъ этой дрянью. Ступайте!

Капитанъ ужъ ничего не отвѣчалъ, но, повер-

нувшись по всей формѣ налѣво кругомъ, вышелъ. Остановившись на крыльцѣ, онъ пожалъ плечами, взглянулъ только на соборъ, какъ бы возлагая свое упованіе на эту святыню, и пошелъ въ казармы.

Всѣ эти дѣйствія Калиновича, наконецъ, начали удивлять и пугать людей солидныхъ. «Онъ сумасшедшій человѣкъ! Въ какомъ-нибудь званіи вице-губернатора передѣлываетъ, ломаетъ... помируйте!»— говорили они втихомолку другъ другу. Что же касается молодежи, среди которой обыкновенно всегда бываетъ больше протестантовъ старому порядку вещей, молодежь эта была въ восторгѣ отъ него. Между всѣми отличался толстѣйшій магистръ дерптскаго университета, служившій въ канцеляріи губернатора, гдѣ онъ далъ себѣ слово каждый день записывать въ свою памятную книжку по десятку подлостей и по дюжину глупостей, тамъ совершавшихся. Старикъ губернаторъ зналъ это и не могъ подобнаго человѣка исключить отъ себя, потому что магистръ былъ присланъ изъ Петербурга, подъ присмотръ полиціи, съ назначеніемъ именно служить въ канцеляріи. Другой протестантъ былъ нѣкто м-г Козленевъ, прехорошенькій собой молодой человѣкъ, собственный племянникъ губернатора, сынъ его родной сестры: будучи очень богатою женщиною, она со слезами умоляла брата взять къ себѣ на службу ея повѣсу, котораго держать въ Петербургѣ не было никакой возможности, потому что онъ, того и гляди, могъ попасть въ солдаты, или быть сосланъ на Кавказъ. Изъ одного этого можно заключить, что началъ выдѣлывать подобный господинъ въ губернскомъ городѣ:— не говоря уже о томъ, что какъ только дядя

давалъ великолѣпнѣйшій на всю губернію балъ, онъ дѣлалъ свой, для горничныхъ — въ одинъ разъ все для брюнетокъ, а другой для блондинокъ, которыя, конечно, и сбѣгались въ нему потихоньку со всего города и которыхъ онъ такъ угощалъ, что многія дамы, возвратившись съ бала, находили своихъ дѣвухекъ мертвецки пьяными. Каждый почти торжественный день повѣса этотъ и его лакей садился на воротные столбы, поджимали ноги, брали въ ротъ огромныя кольца и, дѣлая какія-то гримасы изъ носу, представляли довольно похоже львовъ. Всѣ эти штуки могли еще быть названы хоть сколько-нибудь извинительными шалостями; но было больше того:— обязанный, на примѣръ, привазаніемъ матери обѣдать у дяди каждый день, Козленевъ ѣздилъ потомъ по всему городу и рассказывалъ, что тетка его, губернаторша, каждое послѣ-обѣда затѣваетъ съ нимъ шутки въ родѣ жены Пентефріа, и въ доказательство этого, возилъ съ собой и всѣмъ показывалъ два сюртука, дѣйствительно съ оборванными полами. Третій былъ отставной уланскій ротмистръ, очень молодцоватый изъ себя мужчина, съ лицомъ, напоминающимъ нѣсколько лица итальянскихъ бандитовъ. Для выраженія своихъ благородныхъ чувствъ и мыслей, онъ имѣлъ какой-то отрицательный приемъ, состоявшій въ томъ, что душой и тѣломъ стремился выбить зубы каждому, кого только считалъ подлецомъ. Въ настоящее время предметомъ его преслѣдованія — былъ правитель канцеляріи губернатора, и онъ говорилъ, что не умретъ безъ того, чтобъ не разбить ему въ кровь его мордасово, и что будто бы это мордасово и существовать безъ того

не можетъ на Божьемъ мѣрѣ. Всѣ эти господа, собравшись разъ въ влудь, сидѣли за маленькимъ столомъ и разговаривали. Толстый магистръ, подробнѣйшимъ образомъ, рассказывалъ, какъ сегодня поутру Калиновичъ доказывалъ правителю канцеляріи, что онъ и тупъ, и глупъ, и подлъ. Ротмистръ пришелъ въ восторгъ.

— Молодецъ вице-губернаторъ! — крикнулъ онъ: — надобно выпить за его здоровье. Эй, ты, болванъ! дай шампанскаго! — обратился онъ къ лакею.

Вино было подано. Въ это время проходилъ мимо молодой чиновникъ, протежѣ Калиновича.

— Послушайте, батюшка, — обратился къ нему магистръ: — сейчасъ мы будемъ пить за здоровье вашего вице-губернатора. Нельзя ли его попросить сюда? Онъ въ карты тамъ играетъ. Можно вѣдь, я думаю? Онъ парень хорошій.

— Очень можно, — отвѣчалъ тотъ.

— Подите, попросите!

— Хорошо, — отвѣчалъ молодой человекъ и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ Калиновичемъ.

— Позвольте намъ выпить за ваше здоровье! — началъ ротмистръ: — за то, что вы отлично продерживаете эту губернаторскую челядь, и, пожалуйста, хорошенько!

— А моя просьба, Яковъ Васильичъ, — подхватилъ Козленевъ: — нельзя ли какъ-нибудь, чтобъ дядю разжаловали изъ генераловъ, и чтобъ тетюшку никто не смѣлъ больше называть «ваше превосходительство?» Она не перенесетъ этого, и на нашихъ глазахъ будетъ таять, какъ воскъ.

— Да здравствуетъ разумъ и правда! — сказалъ

магистръ, пожимая своей жирной рукой руку Каленовича.

— Очень вамъ благодаренъ, господа; тѣмъ болѣе мнѣ пріятно ваше вниманіе, что это мнѣніе честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, — отвѣчалъ тотъ, чокаясь со всѣми.

— Еще шампанскаго! — крикнулъ было Козленевъ, но вице-губернаторъ, не желая, можетъ быть, чтобъ сдушевленіе дошло еще до бѣльшей [фамиллярности, поспѣшилъ уйти, отзываясь тѣмъ, что его ожидаютъ партнеры.

VI.

Покуда происходили всѣ предыдущія событія, въ губерніи подготовлялось рѣшеніе довольно серьезнаго вопроса, состоявшаго въ томъ, что на дняхъ должны были произойти торги на устройство сорокаверстной гати, на которую, по первой смѣтѣ, было ассигновано двѣсти тысячъ рублей серебромъ. Въ прежнія времена не было бы никакого сомнѣнія, что дѣло это останется за купцомъ Михайломъ Трофимовымъ Папушкинымъ, который до того былъ друженъ съ домомъ начальника губерніи, что въ нѣкоторые дни губернаторша, не кончивши еще своего туалета, никого изъ дамъ не принимала, а Мишка Папушкинъ сидѣлъ у ней въ это время въ будуарѣ, потому что привезъ ей въ подарокъ серебряный сервизъ, — тотъ самый Мишка Трофимовъ, который, еще лѣтъ десять назадъ, былъ ничтожный дровяной торговецъ и котораго мы видѣли въ потертой чуйкѣ, ѣхавшаго въ

Москву съ Калиновичемъ. Но за то, посмотрите, какая теперь стала изъ него пышная фигура! посмотрите, каковъ только онъ ѣдетъ по тамошней главной улицѣ! Низко осѣлись подъ нимъ, на лежащихъ рессорахъ, покрытыя лакомъ пролетки; блеститъ на солнцѣ серебряная сбруя; блестятъ сплывшіе бока жирнѣйшаго въ мірѣ жеребца; блестятъ кафтанъ, кушакъ и шапка на кучерѣ; блеститъ, наконецъ, онъ самъ, Михайло Трофимовъ, своимъ тончайшаго сукна сюртукомъ, самъ, растолстѣвшій пудовъ до пятнадцати вѣсу и только, какъ тюлень, лѣнливо поворачивающій свою морду во все стороны и слегка кивающій головой, когда ему, почти въ поясъ, кланялись шедшіе по улицѣ мастеровые и приказные. Вообще, говорятъ, изъ него вышелъ мужикъ скотоватый и, попрежнему, только боявшійся чертей и разбойниковъ на дорогѣ, но больше никого. На встрѣчу ему ѣхалъ губернской архитекторъ, и поровнявшись, сдѣлалъ ручкой. Подрядчикъ улыбнулся ему на это.

— Пойдите-ка, Михайло Трофимычъ, погодите! — крикнулъ архитекторъ.

— Годишь, коли надо! — отозвался подрядчикъ. — Пой ты, дура! — прибавилъ онъ кучеру.

Тотъ остановился.

Архитекторъ соскочилъ съ пролетокъ и подбѣжалъ пѣтушкомъ.

— Я все старое, началъ онъ: — берете за собой Манохинскую гать, али нѣтъ?

Подрядчикъ нахмурился.

— Эхъ ты, братецъ ты мой! словно вострымъ коломъ ударилъ ты меня этимъ словомъ! — отозвался онъ и потомъ продолжалъ въ раздумь: — Манохинская

ваша гать выходитъ дѣло плевое, такъ надо сказать!

— Да что плевое-то? что? капризный ты человекъ!.. Кажется, смѣтой ужь не обижены, — говоритъ архитекторъ, глядя съ умиленіемъ въ глаза Михайлу Трофимову.

— Не о смѣтѣ, любезный, тутъ разговоръ; я вонъ ее не видалъ, да и глядѣть не стану... Тьфу мнѣ на все! — вотъ она мнѣ что значить. Не сегодня тоже завимаемся этими дѣлами; коли я обсчитанъ, такъ и вашъ братъ обсчитанъ. Это что говорить! Не о томъ теперь рѣчь; а что сами мы, подрядчики, глупы стали, — вонъ оно что!

— Да что глувы-то? Николашки Травинѣ, что ли, боишься?

— Рыломъ еще Николашка Травинъ не вышелъ, чтобъ сталъ я его бояться, и не токмо его, ни Григорья вашего Петрова, ни Полосухина, ни Семена Гребенки — никого я ихъ не боюсь тѣмъ, что знаю, что люди въ порядкѣ.

— Люди въ порядкѣ...—подтвердилъ архитекторъ.

— Въ порядкѣ,—повторилъ подрядчикъ:—и хоть бы намъ теперича портить дѣла другъ дружкѣ не приходится. Коли онъ мнѣ теперича эту оказію, въ настоящемъ видѣ, сдастъ, такъ я ему въ двадцати мѣстахъ дамъ хлѣба нажить, а дѣло то, что бая въ наше званье полѣзли. Князь тутъ нюхтитъ, коли слышалъ?

— Какъ не слышать!.. просьбу ужь подалъ; только такъ мы полагаемъ, что не за дѣломъ, братъ, гонится — будь спокоенъ, а такъ, сорвать только ладить... свистунъ, вѣдь, человекъ!

— То-то вы умны, видно, да еще не больно!—возразилъ съ досадою подрядчикъ:—и я, помевая по вашему на то, ѣздилъ къ нему и баялъ съ нимъ.

— Ну, что-жь?

— Ну, что? А то, что прямо было обозначилъ ему: «Полно, говорю, ваше сіятельство, баринъ ты умный, не порти, говорю, дѣла; возьми напередъ отступнаго спокойнымъ дѣломъ, да и баста! Я, говорю, тебѣ тысченоевъ пять уваженья сдѣлаю.» Такъ пооди! Развѣ сговоришь?.. «Мнѣ-ста, говоритъ, Михайло Трофимычъ, я теперь въ такихъ положеніяхъ, что не токмо пятью, а пятнадцатью тысячами дыръ моихъ не заткнуть, и я, говоритъ, въ этомъ дѣлѣ до послѣдней полушки сносить буду, и начальникъ губерніи, говоритъ, теперь тоже мой сродственникъ, онъ тоже того желаетъ...»

— Про начальника губерніи онъ вретъ начисто, одни только отводы дѣлаетъ: не такой тотъ человекъ!—заступился архитекторъ.

— Понимаемъ это; что ты учишь, словно малаго ребенка! — возразилъ подрядчикъ съ запальчивостью:— не сегодня тоже крестили, слава Богу! ѣздилъ я тоже и къ начальнику губерніи.

— А когда ѣздилъ, такъ и хорошо!—подхватилъ было архитекторъ.

— Спасибо за это хорошее; отвѣдалъ я его! — продолжалъ Михайло Трофимычъ: такихъ репримандовъ насказалъ, что я ничего бы съ него не взялъ и слушать-то его! Обидчикъ человекъ — больше ничего! такъ я его и понимаю. Сталъ было тоже говорить съ нимъ, словно съ путнымъ:—«такъ и такъ, говорю, ваше высокородіе, собственно этими казен-

ными подрядами я занимаюсь столько лѣтъ, и хотя бы начальство никогда никакихъ неудовольствій отъ меня не имѣло... когда и какія были?

— Какія ужь отъ тебя неудовольствія!—подтвердилъ архитекторъ.

— Какія! — повторилъ Михайло Трофимовъ ожесточеннымъ голосомъ: — а онъ что на то говоритъ? «Я-ста знать, говоритъ, не хочу того; а откуда, говоритъ, вы милліоны ваши нажили — это я знаю!» «Милліоны, говорю, ваше высокородіе, хоша бы и были у меня, такъ они нажиты собственнымъ моимъ трудомъ и попеченіемъ.» «Всѣ ваши труды, говоритъ, въ томъ только и были, что вы казну обворовывали!» Эко слово брякнулъ! Я и повыше его отъ особъ не слыхалъ того.

Архитекторъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Да ты слушай, братецъ, какіе опосля того сталъ еще рисунки расписывать — смѣхоты, да и только! — продолжалъ Михайло Трофимовъ тѣмъ же ожесточеннымъ голосомъ.—Ежели теперъ, говоритъ, это дѣло за вами пойдетъ, такъ, чтобъ на вашу комиссію — слышь? не токмо-што, говоритъ, десятый процентъ, а чтобъ ни вопѣйки не пошло — слышь?

Архитекторъ опять покачалъ головой.

— Что же ему такъ комиссія-то наша поперекъ ужь горла стала, — сказалъ онъ.

— Да ужь не о комиссіи, а о самомъ себѣ тутъ я говорю... Начальство теперъ само по себѣ, а я самъ по себѣ: кто жь въ моемъ дѣлѣ можетъ укашикъ быть? Мои деньги! хочу парю, хочу жарю, хочу съ кашей ѣмъ — и баста! разговаривать нечего!—окончательно выпыллъ, ударивъ себя въ грудь, Михайло

Трофимовъ.—«А въ производители работъ, говоритъ слышь, я изъ здѣшнихъ господъ вамъ не дамъ, а выпишу изъ Питера: того ужъ, говоритъ, не купите.» Слышь! словно мы, братецъ ты мой, питерскихъ-то не видали. Я, согрѣшилъ грѣшный, прямо ему сказалъ на то: «развѣ, говорю, ваше высокородіе, англійскихъ какихъ выпишете: тамъ, можетъ быть, у тѣхъ другое поведеніе; а что питерскихъ мы тоже знаемъ: деруть съ нашей братьи еще почище здѣшнихъ.» «Ну ужъ этого, говоритъ, не безпокойтесь, не будетъ у меня, да и принимать, говоритъ, я самъ буду; на каждой сажени дыру проверчу; и то, говоритъ, знайте!» Въ эту глубь хочеть лѣзти!

— Да что онъ въ эти дыры увидитъ? что видѣтъ-то тутъ?.. — перебилъ усмѣхнувшись архитекторъ.

— Не знаю, что увидитъ; такое ужъ, видно, любопытство на то имѣеть, — отвѣчалъ двусмысленнымъ тономъ Михайло Трофимовъ. — Пустой онъ человѣкъ, больше имени ему отъ меня нѣтъ! — продолжалъ онъ, опять одушевившись: — кабы онъ теперича былъ хорошій градоначальствующій, и коли онъ въ мнѣніи своемъ имѣеть казну соблюдать, такъ ему не то, что меня обѣгать, а искать да звать, днемъ съ огнемъ, меня слѣдуетъ, потому самому, что на это дѣло нѣтъ супротивъ меня человѣка! дѣло это большое! Теперъ этотъ князь говоритъ, что онъ до послѣдней копѣйки сбивать станетъ. Это одни только фу-фу! значить, ему, какъ бы не такъ, только денегъ сорвать, а тамъ будь, что будетъ. Знаемъ мы этихъ баръ-то-подрядчиковъ! не мало ихъ на нашихъ глазахъ въ трубу вылетѣло. Де-

шевле, хоть бы кому ни было, супротивъ меня взять не приходится: не та линія!.. У меня, можетъ, у воротъ теперь стоитъ народу тысячи полторы закабаленнаго. Я еще по веснѣ... голодъ тоже былъ да солдатство подошло... задатки роздалъ: такъ мнѣ, паря, съ пола-горя, какъ чорту въ мукѣ, ворочаться. Я, можетъ быть, по десяти копѣекъ на день стану человѣка раздѣливать, а другому и за три четвертака не найти, — такъ тутъ много надо денегъ накинуть!

— Ты бы это, Михайло Трофимычъ — какъ тамъ хочешь—а ты бы рассказалъ все это вице-губернатору; онъ бы тебя понялъ! — замѣтилъ архитекторъ.

— Нѣтъ ужъ это, дяденька, шалишь! — возразилъ подрядчикъ, выворотивъ глаза: — ему тоже откровенно дѣло сказать, такъ, пожалуй, туда попадешь, куда чортъ и костей не занасивалъ, — вотъ какъ я понимаю его ехидность. А мы тоже маленько бережемъ себя: знаемъ, съ кѣмъ и что говорить надо. Клещами ему изъ меня слова не вытащить: пускай, дѣлать, какъ знаетъ.

— Неужто и на торги-то не пріѣдете? что ужъ очень разсердились! — спросилъ архитекторъ.

Подрядчикъ опять нахмурился.

— На торги я придти приду, этихъ дѣловъ безъ меня не бываетъ, — отвѣчалъ онъ: — и теперь этотъ ихній сіятельство или отступнаго мнѣ давай, либо я его такъ влопаю, что ему съ его сродственникомъ и не расхлебать. Такую матушку-рѣпку запоютъ, что мнѣ же въ ноги поклонятся. Прямо скажу: не имъ сломить Мишку Трофимова, а я ихъ выучу!

— И выучи; ништо имъ! — подхватилъ архитекторъ и пошелъ садиться на свою пролетву.

— И выучу! — отвѣчалъ Михайло Трофимовъ приказывая рукой кучеру ѣхать.

— И выучи! — ободрялъ его въ слѣдъ архитекторъ.

— И выучу! — повторилъ Михайло Трофимовъ, уѣзжая.

Назначенные торги, 17-го сентября, наконецъ, наступили. Господа члены и желающіе торговаться были уже въ присутствіи строительной комиссіи. Больше всѣхъ волновался и егозилъ Николашка Травинъ, только еще начинавшій разживаться мелкій плутишка. У него подергивало руки и ноги, и вообще онъ какъ-то шевелился всѣмъ тѣломъ. Михайло Трофимовъ сидѣлъ спокойно въ креслахъ. Рядомъ съ нимъ помѣщался сухой, какъ скелетъ, Гребенка, какъ говорили, скопецъ-раскольникъ, промышленявшій болѣе процентами, чѣмъ подрядами. Онъ тоже былъ спокоенъ. Григорій Полосухинъ, мужикъ съ бѣлымъ на правомъ глазу, былъ только грустенъ. На противоположной отъ нихъ сторонѣ сидѣлъ князь. Все лицо его было покрыто какими-то багровыми пятнами, и глаза были такъ нехороши, что какъ-будто онъ не спалъ нѣсколько ночей. Двѣнадцать часовъ пробило: но управляющаго губерніей все еще не было. При его аккуратности, это было нѣсколько странно. Добродушный секретарь, наконецъ, вошелъ въ присутствіе и, съ улыбающею физиономіей, объявилъ: «ѣдетъ». Всѣ немножко подправились. Калиновичъ вошелъ блѣдный; рука его, державшая портфель, замѣтно дрожала.

— Извините, господа, что я позадержалъ немного, — началъ онъ, садясь на свое председа-

тельское мѣсто, а потомъ, обратившись въ секретарю, сказалъ: — подайте мнѣ залого, которые представлены къ сегодняшнимъ торгамъ.

Секретарь подалъ.

— Они всѣ тутъ? — спросилъ вице-губернаторъ, устремляя на него пристальный взглядъ.

Секретарь начиналъ блѣднѣть.

— Всѣ, ваше высококорodie, — отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Калиновичъ, перебравъ бумаги, остановился на одной.

— Все это собственно мы разсматривали, — отнеся онъ къ членамъ присутствія: — но дѣло въ томъ, что, насчетъ свидѣтельства пензенской гражданской палаты, я сейчасъ получилъ, на запросъ мой оттуда, увѣдомленіе, что на такое имѣнье она никогда и никакого свидѣтельства не выдавала: значитъ, оно подложное...

Проговоря это, вице-губернаторъ вынулъ изъ бармана и подалъ штаб-офицеру отношеніе гражданской палаты. Лица между тѣмъ у всѣхъ вытянулись. Михайлу Трофимова подало даже назадъ. Пятна на лицѣ князя слились въ одинъ багровый цвѣтъ.

— Торговъ, значитъ, господа, сегодня не состоится, — сказалъ Калиновичъ купцамъ, кладя и запирая вмѣстѣ съ тѣмъ въ свою портфель залого. — Намъ надобно еще прежде разсмотрѣть обстоятельства подлога, — обратился онъ къ членамъ.

— Конечно-съ, — отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ.

Вице-губернаторъ торопливо поклонился имъ и, какъ бы желая прекратить эту тяжелую для него

сцену, проворно вышелъ. Князь тотчасъ же юркнулъ за нимъ. Проходя по канцеляріи, Калиновичъ сказалъ ему что-то очень тихо. Красный цвѣтъ въ лицѣ князя мгновенно превратился въ блѣдный. Нѣкоторые писцы видѣли, какъ онъ, почти шатаясь, сошелъ потомъ съ лѣстницы, гдѣ ожидалъ его полиціймейстеръ, съ которымъ онъ и поѣхалъ куда-то.

Въ тотъ же день, вечеромъ, по городу разнеслась страшная молва, что князь Иванъ пойманъ съ фальшивымъ свидѣтельствомъ и посаженъ вице-губернаторомъ въ острогъ.

VII.

Политика моего маленькаго мірка поколебалась въ самомъ основаніи. Дворянство рѣшительно возстало на Калиновича. Какимъ образомъ дворянина, князя, безъ суда и слѣдствія, посадить въ острогъ? говорилось всюду на вечерахъ, балахъ и влубахъ. Губернскій предводитель, подстрекаемый доброжелателями князя, официально спросилъ вице-губернатора, на какомъ основаніи князь Иванъ арестованъ безъ депутатовъ со стороны дворянства? На что послѣдовалъ дерзкій отвѣтъ, что, по незаконности вопроса, не считаютъ даже за нужное отвѣчать на него. Предводитель донесъ о томъ министру. Молодой прокуроръ, рѣшившійся въ послѣднее время кончить свою танцевальную карьеру и жениться именно на дочери губернскаго предводителя, тоже вошелъ къ управляющему губерніею съ вопросомъ, по какому именно дѣду содержится въ тюремномъ замкѣ

арестантъ, коллежскій совѣтникъ, князь Иванъ Раменскій и въ какой мѣрѣ важны взводимыя на него обвиненія? Въ лаконическомъ отвѣтѣ, что князь Иванъ содержится по дѣлу составленія имъ фальшиваго свидѣтельства, прокурору вмѣстѣ съ тѣмъ предложено было обратить исключительное свое вниманіе, дабы употреблены были всѣ, указанныя въ законѣ, мѣры строгости къ прекращенію всякой возможности къ побѣгу, или къ другимъ упущеніямъ и злоупотребленіямъ при содержаніи сего столь важнаго арестанта. Слѣдствіе производитъ началъ красноносый полиціймейстеръ: отчасти по кровожадности собственнаго характера, отчасти для того, чтобъ угодить вице-губернатору, онъ заставлялъ самого князя отвѣчать себѣ часа по два, по три, не позволяя при этомъ садиться. Посаженъ былъ тоже въ острогъ, неизвѣстно за что, одинъ изъ княжескихъ лакеевъ; взятъ потомъ въ Энс— къ дьячокъ-рѣщикъ, и наконецъ, схваченъ, на дорогѣ въ Москву, бѣглый кантонистъ, умѣвшій будто бы подписываться подъ всевозможныя руки.

Мягкосердый секретарь строительной комиссіи удавился отъ страха. Проходя мимо полиціи, нѣкоторые слышали, что тамъ раздавались крики и стоны, которые показывали, что врядъ ли несчастныхъ подсудимыхъ не пытаются во время допросовъ. Словомъ, страсти Господни, что рассказывалось по всѣмъ закоулкамъ! Мужчины только качали головами и, съ часу на часъ, ожидали, что управляющему губерніей будетъ наконецъ сверху такой щелчокъ, послѣ котораго онъ и не опомнится. Дамы были тоже въ ужасномъ волненіи. Онъ безпере-

станно дѣлали другъ другу визиты, чтобъ сообщить или узнать какую-нибудь новость. Про князя онѣ говорили, что не знаютъ, можетъ, онѣ и виноваты и достойны своей участи, но семейства нельзя было не пожалѣть. Несчастливая княгиня, эта кроткая, какъ ангелъ, женщина, посвятившая всю жизнь свою на любовь къ мужу, должна была видѣть его въ такомъ положеніи — это ужасно! Обыкновенная молчаливость княгини перешла, говорятъ, въ какой-то идіотизмъ. Лечившій ее докторъ положительно опасался за ея умственные способности: ко всему этому толстый Четвериковъ выкинулъ такую штуку, въ которой выразилась вся его торговая душа. Едва только узналъ онѣ о постигшемъ несчастіи тестя, какъ тотчасъ же ускакалъ въ Сибирь, чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе на участіе въ этомъ дѣлѣ, и бросилъ даже свою бѣдную жену, нехотѣвшую, конечно, оставить отца въ подобномъ положеніи. Про Калиновича и говорить ужь нечего, какимъ чудовищемъ казался онѣ дамамъ.

— Вѣдь, согласитесь, онѣ бы недурень былъ собою; но всегда у него въ лицѣ было что-то инквизиторское! — говорили онѣ почти открыто.

Какъ бы подлаживаясь къ этому всеобщему страху и печальному настроенію общества, наступила туманная, сырая осень. Вечера сдѣлались безконечны. Въ одинъ изъ нихъ порывисто дулъ по улицамъ холодный, съ пзморозью, вѣтеръ. Фонари едва мерцали въ темнотѣ. Хоть бы человекъ прошелъ, хоть бы экипажъ проѣхалъ; и среди этой тишины всѣ очень хорошо знали, что, не останавливаясь, производится страшное слѣдствіе въ поли-

цейскомъ склепѣ, куда жандармы то привозили, то отвозили различныя лица, прикосновенныя къ дѣлу. Въ настоящій часъ, самъ вице-губернаторъ присутствовалъ при допросѣ стараго эя — скаго почтмейстера, на дняхъ только еще взятаго и привезеннаго въ губернской городъ. Молча и крупными буквами, какъ видѣли писцы, писалъ старикъ свои отвѣты, но что именно — неизвѣстно.

Въ вице-губернаторской квартирѣ тоже было мрачно и пустынно. Огонекъ свѣтился только въ огромной официантской, гдѣ дремалъ швейцаръ и, съ пол часа уже, дожидался какой-то господинъ въ оборванномъ пальто. На другомъ концѣ дома падалъ на мостовую свѣтъ изъ наугольной и единственной комнаты, гдѣ Полина, никуда невыѣзжавшая въ послѣднее время, проводила цѣлые дни. Поступокъ мужа ея противъ родственника и друга дома, конечно, не могъ быть ей приятенъ. Въ этотъ разъ, впрочемъ, она была не одна: у ней сидѣла m-me Четверикова, и—Боже мой, какъ измѣнились, въ послѣднее время, обѣ дамы? Вице-губернаторша была совсѣмъ уже старуха: и смолоду болѣзненное лицо Полины теперь, какъ на трупѣ, обвалилось; на исхудалыхъ пальцахъ ея едва держались, хлябая, нѣсколько дорогихъ колець. Ясно было, что семейная жизнь, и когда-то немного давшая ей радости, доканывала ее теперь окончательно. M-me Четверикова, этотъ недавній еще цвѣтокъ красоты и свѣжести, была тоже немного лучше: блѣдный, матовый отливъ былъ на ея щекахъ вмѣсто розъ; вѣки прекрасныхъ глазъ опухли отъ слезъ; хоть бы брошка, хоть бы свѣтлая булавка была видна въ ея костюмѣ. Вмѣсто цвѣтныхъ и

блестящихъ платьевъ изъ дама, на ней былъ надѣтъ простой черный шелковый капотъ. Роскошная коса ея, едва свернутая, была кое-какъ приколота шпильками. Ей ли, дочери преступника, было иначе одѣваться? По безстрастию историка, я долженъ сказать, что въ этой свѣтской дамѣ, до сихъ поръ не обнаружившей предъ нами никакихъ человѣческихъ чувствъ, какъ бы сразу откликнулась горячая и нѣжная душа женщины. Понятно стало, что она для отца готова на все, что онъ единственный идеалъ ея, какъ мужчина, ея любовь, ея счастье... Князь умѣлъ воспитывать въ свою пользу дѣтей, какъ вообще умѣютъ это дѣлать практическіе люди.

Съ полчаса, я думаю, сидѣли обѣ дамы молча. У каждой изъ нихъ такъ много наболѣло на душѣ, что говорить даже было тошно, и онѣ только перекидывались фразами.

— Ты когда его видѣла?—спросила Полина.

— Вчера. Смотритель тутъ добрый; пускаетъ меня, — отвѣчала Четверикова, закрывая лицо руками.

— Что, онъ перемѣнился?... упалъ духомъ?

— Ужасно! Денегъ, говорить, главное, теперь ему нужно; а у меня рѣшительно нѣтъ. Мужъ уѣхалъ и оставилъ какіе-то пустяки. Чаю, вообрази, *chère amie*, не дають ему: говорятъ, что сожжетъ острогъ.

Проговоря это, Четверикова заплакала. У Полины тоже были полны глаза слезъ.

— Вся теперь надежда, какъ мнѣ говорятъ, это—просить Якова Васильича. Неужели, наконецъ, онъ не сжадется? Есть же въ немъ хоть капля состраданія!

Полина горько улыбнулась.

— Яковъ Васильичъ никогда, кажется, и ни надъ чѣмъ еще не сжалился, гдѣ говоритъ его самолюбіе. Я успѣла его узнать хорошо! — отвѣчала она.

— Нѣтъ, *chère amie*, я уговорю его, я, наконецъ, стану передъ нимъ на колѣни, буду умолять его... Я женщина: онъ пойметъ это. Позволь только мнѣ просить его и пусти меня къ нему одну.

— Хорошо, — отвѣчала Полина: — но только напередъ тебѣ говорю, что это, я не знаю, какой ужасный человѣкъ! — прибавила она съ какимъ-то нервнымъ содроганіемъ.

На этихъ словахъ, дамы замолчали и задумались, но раздавшійся вскорѣ сердитый звонокъ заставилъ ихъ вздрогнуть.

— Это онъ пріѣхалъ! — проговорила Полина.

— Онъ! — повторила Четверикова, и обѣ онѣ поблѣднѣли.

Воротился, дѣйствительно, Калиновичъ. При входѣ его швейцаръ вскочилъ и вытянулся въ струнку. Господинъ въ пальто подскочилъ къ нему.

— Записка, ваше высочордіе... — началъ было онъ.

— Дождидайся тутъ, болванъ; дѣзеть! — крикнулъ сердито вице-губернаторъ.

Пальто подалось назадъ и стало на прежнее мѣсто. Калиновичъ прошелъ прямо въ свой кабинетъ. Человѣкъ поставилъ на столъ двѣ зажженные свѣчи. Вице-губернаторъ, показавъ ему головой, что онъ можетъ уйти, опустился въ кресло и глубоко задумался: видно, и ему нелегокъ пришелся настоящій его постъ, особенно въ последнее время: сѣдины на

вискахъ распространились по всей ужь головѣ; взглядъ былъ какой-то растерянный, руки опущены: словомъ, передъ вами былъ человекъ какъ бы совсѣмъ нравственно-разбитый... Но послышались тихіе шаги Полины—и лицо Калиновича въ одну минуту приняло холодное и строгое выраженіе.

— Четверикова тамъ пріѣхала, желаетъ тебя видѣть,—проговорила та.

— Что такое?—спросилъ Калиновичъ.

— Не знаю. Объ отцѣ, кажется, желаетъ что-то тебя попросить, — отвѣчала Полина.

Вице-губернаторъ покраснѣлъ. Въ первый разъ еще приходилось ему встрѣтиться съ семействомъ князя послѣ несчастнаго съ нимъ случая. Нѣсколько минутъ онъ замѣтно колебался. Отказать было черзчуръ жестоко; но съ другой стороны принять онъ стыдился и боялся за самого себя.

— Просите!—проговорилъ онъ наконецъ.

Полина съ удовольствіемъ пошла. Отвѣтъ этотъ далъ ей маленькую надежду. Вошла т-же Четверикова и проговорила: «Bon soir!» Она была такъ же стройна и граціозна, какъ нѣкогда; но съ безстрастнымъ и холоднымъ выраженіемъ въ лицѣ принялъ ее герой мой.

— Bon soir!—отвѣтилъ онъ ей и пригласилъ движеніемъ руки садиться.

— Я пришла, Яковъ Васильичъ, просить васъ за отца. Сжальтесь, наконецъ, вы надъ нимъ!—начала она прямо.

— Но что я могу сдѣлать, Катерина Ивановна?—спросилъ Калиновичъ.

— Господи! говорятъ, вы все можете, — воскликнула м-ше Четверикова, всплеснувъ руками.

Вице-губернаторъ пожалъ плечами.

— Послушайте, Калиновичъ, — продолжала она, протягивая ему прекрасную свою ручку: — мнѣ казалось, что я когда-то нравилась вамъ; наконецъ въ послѣднее время вы были такъ любезны, вы говорили, что только встрѣчи со мной доставляютъ вамъ удовольствіе и воскрешаютъ наши прежнія радости... Послушайте, я всю жизнь буду вамъ благодарна, всю жизнь буду любить васъ; только спасите отца моего, спасите его, Калиновичъ!

Проговора это, м-ше Четверикова все еще не выпускала руку Калиновича; онъ тоже не отнималъ ея.

— За прежнее, — началъ онъ: — я не говорю: вы можете меня называть тираномъ, злодѣемъ; но теперь, что теперь я могу сдѣлать? Научите вы меня сами.

— Послушайте, — начала Четверикова: — говорятъ, вотъ что теперь надо сдѣлать: у отца есть другое свидѣтельство на имѣнье этого старика-почтмейстера: вы возьмите его и скажите, что оно было у насъ, а не то, за которое вы его судите, скажите, что это была ошибка — вамъ ничего за это не будетъ.

Калиновичъ нахмурился и отнялъ руку.

— Старикъ этотъ сознался ужъ, что только на дняхъ далъ это свидѣтельство, и наконецъ, — продолжалъ онъ, хватая себя за голову: — вы говорите, какъ женщина. Сдѣлать этого нельзя, не говоря уже о томъ, какъ безнравственъ будетъ такой поступокъ.

— Спасти человѣка не безнравственно, Калиновичъ!—проговорила Четверикова.

Вице-губернаторъ пожалъ плечами.

— Но что-жь изъ этого будетъ? Поймите вы меня,—перебилъ онъ:—будетъ одно, что, вмѣстѣ съ вашимъ отцомъ, посадятъ и меня въ острогъ, и пріѣдетъ другой чиновникъ, который будетъ дѣлать точно то же, что и я.

— Нѣтъ, можно; не говорите этого; можно! — повторяла молодая женщина съ раздирающей душу тоской и отчаяніемъ.—Я вотъ стану передъ вами на колѣни, буду цѣловать ваши руки...—произнесла она и, дѣйствительно, склонилась передъ Калиновичемъ, такъ что онъ самъ успѣшилъ наклониться.

— Господи! Катерина Ивановна! что вы дѣлаете?—воскликнулъ онъ, сляся поднять ее.

— Я не встану, не уйду отъ васъ. Спасите моего отца!.. спасите!.. — говорила она и начала истерически рыдать. Калиновичъ почти въ объятіяхъ поддерживалъ ее.

— Успокойтесь, Катерина Ивановна! — говорилъ онъ: — успокойтесь! Даю вамъ честное слово, что дѣло это я кончу на этой же недѣлѣ и передамъ его въ судебное мѣсто, гдѣ гораздо больше будетъ средствъ облегчить участь подсудимаго; наконецъ, увѣряю васъ, употреблю всѣ мои связи... будемъ ходатайствовать о Высочайшемъ милосердіи. Поймите вы меня, что одинъ только царь можетъ спасти и помиловать вашего отца — клянусь вамъ!

Четверикова встала и, какъ безумная, забросила своей восхитительной ручкой разбившійся локонъ волосъ за ухо. <http://rcin.org.pl>

— Злой вы человекъ! не дасть вамъ Богъ счастья! — проговорила она и, шатаясь, вышла изъ кабинета. За дверьми приняла ее Полина.

— *Tout est fini!* — проговорила молодая женщина голосомъ, полнымъ отчаянія.

— Слышала, — отвѣчала вице-губернаторша, не менѣе встревоженная. — *Escoutez, chère amie,* — продолжала она скороговоркой, ведя пріятельницу въ гостиную: — ты къ нему ѣдишь. Позволь мнѣ въ твоей каретѣ вмѣсто тебя ѣхать. Сама я не могу, да меня и не пустять; позволь!... Я хочу и должна его видѣть. Онъ, бѣдный, страдаетъ за меня.

— Да, съѣзди, Полина, съѣзди, *chère amie!* Но, Господи! что съ нимъ будетъ? — заключила Четверикова, и обѣ дамы, зарыдавъ, бросились другъ къ другу въ объятія.

Калиновичъ, между тѣмъ, какъ остался, взявшись за спинку кресла, такъ и стоялъ, не измѣняя своего положенія.

«Всѣ меня проклинаютъ, всѣ меня ненавидятъ и за что?» проговорилъ онъ съ ироническою улыбкою и потомъ, какъ бы желая задушить внутреннюю муку, хотѣлъ чѣмъ-нибудь заняться и позволилъ.

Вошелъ тотъ же лакей.

— Тамъ какой-то человекъ стоитъ на лѣстницѣ. Позови его сюда! — проговорилъ Калиновичъ.

Пальто явилось.

— Кто ты такой? — спросилъ довольно строго вице-губернаторъ.

— Суфлеръ, ваше превосходительство, — отвѣчало пальто. — Такъ-какъ труппа наша имѣетъ прибыть

сюда, и г-жа Минаева, первая, значить, наша драматическая актриса, стали мнѣ говорить: «Ты теперь, говоритъ, Михѣичъ, ѣдешь ранѣе нашего, явись, значить, прямо къ г. вице-губернатору, и записку, говоритъ, предоставь ему отъ меня.» Записочку, ваше превосходительство, предоставить приказано.

Проговоря это, суфлеръ модно подалъ небольшое письмецо и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, принялъ ту позу, которую обыкновенно принимаютъ, въ чулкахъ и башмакахъ, театральные лакеи, роли которыхъ онъ, вѣроятно, часто исполнялъ.

— Что такое? — проговорилъ между тѣмъ Калиновичъ, развертывая письмо.

Тамъ было написано:

«По почерку вы узнаете, кто это пишетъ. Черезъ нѣсколько дней вы можете увидѣть меня на вашей сценѣ — и, Бога ради, не обнаружьте ни словомъ, ни взглядомъ, что вы меня знаете; иначе я не выдержу себя; но если хотите меня видѣть, то прѣзжайте послѣ-завтра въ какой-то вашъ глухой переулочекъ, гдѣ я остановлюсь въ домѣ Коркина. О, какъ я хочу сказать вамъ многое, многое!..»

«Ваша...»

При чтеніи этихъ строкъ, лицо Калиновича загорѣлось радостью. Письмо это было отъ Настеньки. Десять лѣтъ онъ не имѣлъ о ней ни слуху, ни духу, не переставая почти никогда думать о ней, и черезъ десять лѣтъ, наконецъ, снова откликнулась эта женщина, пытавшая къ нему какую-то собачью привязанность.

— Что-жь скажи: г-жа Минаева у васъ въ труппѣ и будетъ здѣсь играть всю зиму? — спросилъ онъ какимъ-то смѣшнымъ отъ внутренняго волненія тономъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство! — отвѣчалъ модно суфлеръ. — Будетъ публика довольна собственно черезъ нихъ, — надѣмся на то! — прибавилъ онъ.

— И хорошая, значить, она — актриса? — проговорилъ Калиновичъ. Голосъ его перехватывался.

Суфлеръ усмѣхнулся этому вопросу.

— Актриса такая, ваше превосходительство, что понимай только умѣючи, — отвѣчалъ онъ съ какимъ-то умилениемъ. — Хоть бы теперь про себя мнѣ сказать: человекъ я маленькій! значить, все равно, что свинья безчувственный, и то безъ слезъ не могу быть, когда онѣ играть изволятъ; словъ моихъ лишаясь суфлировать, потому самому, что все это у нихъ на чувствахъ идетъ; а теперь, хоть бы въ Калугѣ, на пробныхъ спектакляхъ публика тоже была все офицеры, народъ буйный, вѣтренный, но и тѣ горести сердца своего ощутили и навзрыдь плакали... Самимъ Богомъ ужь, видно, имъ на то особливое дарованье дано за ихъ, можетъ быть, ангельскую, добрую душу, которой и предъловъ, кажется, нѣтъ.

Проговоря это, Михѣичъ замѣтилъ, что вице-губернаторъ въ каждое слово его какъ бы вникается, и потому, еще болѣе расчувствовавшись, снова распространился:

— Хоть бы теперь, ваше превосходительство, опять мнѣ съ самого себя взять: сколько я ихними

милостями взысканъ — такъ и сказать того не могу! Жалованье тоже получаю маленькое. Три рубля серебромъ въ мѣсяць, а хлѣба нынче пошли дорогіе; обуться, одѣться изъ этого надобно прилично своему званію: не мужикъ простой — артистъ!... въ затрапезномъ халатѣ не пойдешь! а въ этой нашей проклятой будкѣ ужасно какъ платье дерется потому самому, что нечистота... сырость... ужасно-съ! И онѣ, видѣвъ собственно меня въ бѣдномъ моемъ положеніи, прямо мнѣ сказали: «Михѣичъ, говорятъ, живи, братецъ, у меня; я тебя прокормлю!» «Благодарю, говорю, судариня, благодарю!» А что я... что-жь?... я служить готовъ. Дяденька вотъ теперь, при нихъ живетъ: хоша бы теперь, сапоги, или платье, завсегда готовъ для нихъ приготовить; но они только сами того не допускаютъ: сами изволятъ все дѣлать.

— А дядя развѣ съ ней живетъ? — спросилъ Калиновичъ, закидывая голову на спинку кресла.

— При нихъ, ваше превосходительство, старичекъ добрѣйшій. Ужь какъ Настасью Петровну любить, такъ хоть бы отцу родному такъ беречь и дѣлать ихъ; хоть и про барышню нашу грѣхъ что-нибудь сказать: не вѣтренница! Сами, можетъ быть, ваше превосходительство, изволите знать: у другихъ, изъ ихъ званья, по два, по три за разъ бываетъ, а у насъ, что-что при театрѣ состоимъ, живемъ словно въ монастырѣ: мужскаго духу въ домѣ не слышать, сколь немного на то соискателей, но ни къ кому какъ-то изъ нихъ наша барышня желанья не имѣетъ. Въ другой разъ, видючи, какъ ихъ молодость вгунѣ пропадаетъ, жалко даже ста-

новится, ну, и тоже, по нашему смѣлому, театральному обращенію, прямо говоришь: «что это, Настасья Петровна, ни съ кѣмъ вы себѣ удовольствія не хотите сдѣлать, хоть бы насчетъ этой любви, или самыхъ амуровъ себя развлекли». Онѣ только и скажутъ на то: «ахъ! говорить, дружокъ мой, Михѣичъ, много, говорить, я въ жизни моей перенесла горя и перестрадала, ничего я теперь не желаю»; и точно: кабы не это, такъ ужъ, дѣйствительно, какому ни на есть господину хорошему нашей барышней заняться можно: не осрамить, не оконфузить передъ публикой!— заключилъ Михѣичъ, съ нѣскольکو лукавой улыбкой, и точно капли кипящей смолы падали всѣ слова его на сердце Калиновича, такъ что онѣ не въ состояніи былъ болѣе скрывать волновавшихъ его чувствованій.

— Хорошо, хорошо! — поспѣшилъ онѣ перебить: — кланяйся Настасья Петровна и скажи, что я непременно буду въ театрѣ, и возьмѣ, что она пишетъ мнѣ, я воспользуюсь. Понимаешь?

— Понимаю, ваше превосходительство, — отвѣчалъ, съ глубокомысленнымъ выраженіемъ Михѣичъ.

— Да, скажи ей! — повторилъ Калиновичъ. — А тебѣ вотъ на, повуда, на твои нужды, — прибавилъ онѣ и, взявъ со стола бумажку въ пятьдесятъ рублей серебромъ, подалъ ее суфлеру.

Тотъ даже попятился назадъ.

— Такую, ваше превосходительство, награду изволите давать, что и принять не смѣю! — проговорилъ онѣ.

— Ничего, возьми и ступай: не говори только никому.

— Слушаю, ваше превосходительство,— подхватилъ Михѣвичъ и, модно расшаркавшись, вышелъ на дыпочкахъ.

Оставшись одинъ, Калиновичъ всплеснулъ благоговѣйно руками передъ висѣвшимъ въ углу распятіемъ.

«Боже! благодарю Тебя, что Ты посылаешь мнѣ этого ангела хранителя!... Я теперь не одинъ: она спасетъ меня отъ окружающихъ меня враговъ и злодѣевъ!» воскликнулъ онъ и, въ изнеможеніи, опустился въ кресло. По щекамъ его текли слезы; лицо умилилось. Какъ бы, посреди холодной и мертвящей вьюги, вдругъ на него пахнуло весной, и показалось теплое, свѣтлое и животворное солнце. Десятилѣтней, отвратительной семейной жизни и суровыхъ служебныхъ хлопотъ какъ-будто бы и не бывало. Передъ нимъ снова воскресла и впереди мелькала опять молодость съ ея любовью, наслажденіями и мечтами. «Боже! благодарю Тебя!... За такія минуты счастья можно платиться годами нравственныхъ мукъ! Боже, благодарю Тебя!...» повторялъ онъ тысячекратно.

VIII.

На выѣздѣ главной Никольской улицы, вслѣдъ за маленькими деревянными домиками, въ окнахъ которыхъ виднѣлись иногда цвѣты и дѣтскія головки, вдругъ показывался, неприятно поражая, ог-

ромный, сѣрый острогъ, съ своей высокой стѣной и желѣзной крышей. Все въ немъ, повидимому, обстояло благополучно: ружья караула были въ козлахъ, и у пестрой будки стоялъ посинѣвшій отъ холода солдатъ. Наступили сумерки. По всему зданію то тутъ, то тамъ замелькали огоньки.

На правой сторонѣ, въ караульной комнатѣ, сидѣлъ гарнизонный, изъ поляковъ, прапорщикъ Лимовскій. Не смотря на полную офицерскую форму, онъ имѣлъ совершенно плоское женское лицо и, въ настоящую минуту, покуривая трубку, погружень былъ въ самыя романтическія мысли о родинѣ и прелестныхъ паннахъ. Жить въ обществѣ, быть знакомому съ хорошими дамами, танцовать тамъ — составляло страсть прапорщика. Желая представить изъ себя свѣтскаго человѣка, онъ старался говорить какъ можно болѣе мягкимъ голосомъ и прибиралъ обыкновенно самыя нѣжныя фразы.

Около среднихъ воротъ, съ ключами въ рукахъ, ходилъ молодцоватый унтеръ-офицеръ Карпенко. Онъ представлялъ гораздо болѣе строгаго блюстителя порядка, чѣмъ его офицеръ, и не легко было никому попасть за его постъ, такъ что даже пробѣжавшую черезъ платформу, собаку онъ сильно пихнулъ ногой, проговоря: «э, чортъ, бѣгаетъ тутъ! дьяволъ!» Къ гауптвахтѣ, между тѣмъ, подъѣхала карета, съ опущенными шторами. Соскочившій съ задка ливрейный лакей, сбѣгалъ сначала къ зрителю, потомъ подошелъ было къ унтеръ-офицеру и проговорилъ:

— Княгиня пріѣхала; отворить потрудитесь.

— Не велѣно, — отвѣчалъ тотъ лаконически и съ малороссійскимъ акцентомъ.

— Да вѣдь княгиня ѣздитъ; какъ же не велѣно? помируйте! — возразилъ лакей.

— Да что мини ѣздитъ, коли не велѣно. Давеча вонъ еще губернаторъ наѣзжалъ съ полиціймейстеромъ... наказывали. Ѣздитъ! — отвѣчалъ унтеръ-офицеръ.

— Что-жь! я у смотрителя былъ: они приказали, — возразилъ опять лакей.

— Ничего не приказали. Что мини смотритель? не начальство мое. У меня свой офицеръ здѣсь есть... Смотритель!... — говорилъ сурово Карпенко.

— И офицеръ прикажетъ, — произнесъ лакей и побѣжалъ.

— Прикажутъ? да! — повторилъ ему въ слѣдъ со злобой унтеръ-офицеръ.

— Княгиня, ваше благородіе, пріѣхала, солдаты не пускаютъ, — доложилъ лакей, входя въ караульню.

Прапорщикъ вскочилъ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! — воскликнулъ онъ и тотчасъ же побѣжалъ.

— Отворить! — крикнулъ онъ унтеръ-офицеру.

— Не приказано, ваше благородіе...—осмѣлился было ему возразить Карпенко.

— Отворить, дуракъ! — крикнулъ грознымъ голосомъ нѣжнѣйшій прапорщикъ и, какъ истый рыцарь, вышелъ даже изъ себя для защиты дамъ; но, потомъ, принявъ, сколько возможно, любезную улыбку, побѣжалъ къ каретѣ.

— Рагаон, madame, тысячуразъ виноватъ. Поз-

вольте мнѣ предложить вамъ руку,— говорилъ онъ, принимая изъ кареты наглухо закутанную даму.

— Эти наши солдаты такой народъ, что возможности никакой нѣтъ! — говорилъ онъ, ведя свою спутницу подъ руку: — и я, признаться сказать, давно желалъ имѣть честь представиться въ вашъ домъ, но рѣшительно не смѣлъ, не зная, какъ это будетъ принято; а еслибъ позволили, то...

— Пожадуйста, мы рады будемъ, — отвѣчала дама не своимъ голосомъ.

— А для меня это будетъ неожиданнымъ и величайшимъ блаженствомъ! — воскликнулъ прапорщикъ восторженнымъ тономъ: — но, madame! вы трепещете? — прибавилъ онъ: — Будьте тверды, не падайте духомъ, заклинаю васъ! И, Бога ради, Бога ради, осторожнѣе перешагивайте этотъ ужасный порогъ, не повредите вашей прелестной ножки... — объяснялся прапорщикъ, проходя внутреннй дворъ.

На лѣстницѣ самаго зданія, страхъ его дамы еще болѣе увеличился: — зловонный, удушливый воздухъ, который отовсюду пахнулъ, захватывалъ у ней дыханіе. Почти около нея раздался звукъ цѣпей. Она невольно отшатнулась въ сторону: проводили скваннаго по рукамъ и ногамъ, съ бритой головой, арестанта. Вдали слышалась перебранка нѣсколькихъ голосовъ. Въ полутемномъ корридорѣ мелькали стволы и штыки часовыхъ.

— Князь здѣсь, — проговорилъ, наконецъ, прапорщикъ, подведя ее къ двери со стеклами. — Желаю вамъ воспользоваться пріятнымъ свиданіемъ, а себя поручаю вашему высокому вниманію, — заключилъ онъ

и, отворивъ дверь, пустилъ туда даму, а самъ отправился въ караульню, чтобъ помечтать тамъ на свободѣ, какъ онъ будетъ принять въ такой хорошей домъ.

Дама, между-тѣмъ, вошедши, увидѣла, что князь сидѣлъ въ глубокой задумчивости, облокотясь на маленький столикъ. Передъ нимъ горѣла салная свѣчка. Слегка кудрявые на вискахъ его волосы были совсѣмъ уже сѣды; худоба лица еще болѣе оттѣнилась опущенными усами и овладистой бородой, которые тоже были, какъ молокомъ, спрыснуты просѣдью. Князь все еще былъ въ щеголеватомъ бархатномъ халатѣ; чистая рубашка его была разстегнута и обнаруживала часть бѣлой груди, покрытой волосами; словомъ, при этомъ небрежномъ туалетѣ, съ выразительнымъ лицомъ своимъ, онъ былъ рѣшительно красавецъ, какого когда-либо содержали тюремныя стѣны. Легкій шорохъ вошедшей дамы заставилъ его обернуться. Онъ всталъ, недоумѣвая, кто это пришелъ. Дама въ это время откинула скрывавшій ее капишонъ бурнуса.

— Боже мой! Полина! — воскликнулъ князь.

— Да, — отвѣчала та подходя.

Князь схватилъ и началъ цѣловать ея руку. Она, въ изнеможеніи, опустилась на его арестантскую кровать.

— Ну, что ты? здоровъ? — проговорила она, какъ-бы не зная, что сказать.

— Къ несчастію, — отвѣчалъ князь, и тоже опустился на свой стулъ.

Оба они нѣсколько времени смотрѣли другъ другу въ глаза, какъ-бы желая повѣрить, кто изъ нихъ въ послѣднее время болѣе страдалъ.

— Какъ ты пріѣхала отъ твоего аргуса? — началъ, наконецъ, князь.

— Въ каретѣ княгини. Подъ ея ужь именемъ, — отвѣчала Полина. — Я денегъ тебѣ привезла. Catherine вчера говорила... двѣ тысячи тутъ... — прибавила она, вынимая толстый бумажникъ.

— Merci! — произнесъ князь, цѣлуя ея руку и дрожащей рукой засовывая деньги въ халатный карманъ.

На глазахъ его навернулись слезы.

— Catherine, значить, была у васъ? — спросилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Была, и просила-было...

— И что-жь?

— Разумѣется, ничего.

Лицо князя приняло мрачное выраженіе.

— Гм!.. — повторилъ онъ насмѣшливымъ тономъ и хотѣлъ, кажется, еще что-то сказать, но промолчалъ.

— Это онъ тебѣ за меня мститъ рѣшительно за меня, — продолжала Полина.

— Да. Но какимъ же образомъ онъ это узналъ? не чортъ же ему на берестѣ написалъ! — произнесъ князь.

— Я сама ему все рассказала, — произнесла Полина задыхавшимся голосомъ.

Князь пожалъ плечами.

— Это сумасшествіе! — воскликнулъ онъ: — дѣвочка... пансіонерка, и та того не сдѣлаетъ. Помилуйте, Полина!

— Что дѣлать! — возразила она. — Ты самъ хорошо помнишь, какъ я за него выходила; не совершенно же я была какая-нибудь потерянная женщина. Я

все-таки хотѣла быть настоящей ему женой и раскаялась передъ нимъ, какъ только можетъ человѣкъ раскаяться передъ смертью. Всю душу, все сердце я открыла ему, и онъ, вмѣсто того, чтобъ поддержать во мнѣ этотъ порывъ, мной же данное оружіе употребилъ противъ меня.— На этихъ словахъ, Полина пріостановилась, но потомъ, горько улыбувшись, снова продолжала:— обиднѣе всего для меня то, что самъ на мнѣ женился рѣшительно по расчету, и никогда мнѣ не былъ настоящимъ мужемъ, а въ то же время мститъ и преслѣдуетъ меня за мое прошлое. Вначалѣ, когда я имѣла еще глупость выговаривать ему за его холодность и почти презрѣніе ко мнѣ, онъ прямо отвѣчалъ,— что развѣ такія женщины, какъ я, имѣютъ право ожидать отъ мужей любви?... Каково это было выслушивать? Или теперь, въ Петербургѣ, соберутся иногда знакомыя и начнутъ, въ обыкновенномъ гостинномъ разговорѣ, рассказывать про какую-нибудь немножко скандальную любовь — ну, и скажешь къ слову:—«что это? какъ это можно?» онъ сейчасъ же возразитъ, что въ этомъ случаѣ гораздо лучше быть строгими къ себѣ, чѣмъ къ другимъ, и на себя посмотрѣть надобно! Ну и покраснѣешь невольно. Десять лѣтъ, мой другъ, терплю я эту муку, ожидая каждую минуту всякаго рода оскорбленія и униженія!

— Мерзавецъ!— воскликнулъ князь.

— Ужасный! — подхватила Полина.— Просто, я тебѣ говорю, онъ страшный человѣкъ!.. Разъ, до того меня вывелъ изъ терпѣнія своими колкостями, что я прямо ему высказала эту твою — помнишь! мысль, что онъ креатура наша. «Вы, говорю, не

смѣете такъ со мной обращаться! Если вы дѣйстви-тельно оскорблены какъ мужъ, такъ не имѣете на то права:— васъ вывели изъ грязи, едѣлали человѣкомъ и заплатили вамъ деньги...» Онъ — ничего; закусилъ только свои тонкія, гладкія губы и поблѣднѣлъ. «Да, говоритъ, дѣйствительно:— вы первое еще справедливое слово сказали. Благодарю васъ за урокъ.» И ушелъ. Я, конечно, очень хорошо знала, что этимъ не кончится; и дѣйствительно,— кто бы, послѣ того, къ намъ ни пріѣхалъ, сколько бы чело-вѣкъ ни сидѣло въ гостиной, онъ непременно нач-нетъ развивать и доказывать, «какъ пошло и ни-чтожно наше барство, и что превосходный предста-витель, какъ онъ выражается, этого гнилаго сосло-вія, это ты — извини меня — гадкій, мерзкій, сквер-ный человѣкъ, который такъ развращенъ, что не только самъ мошенничаетъ, но чувствуетъ какое-то дьявольское наслажденіе совращать другихъ». Я дала себѣ слово на все это рѣшительно молчать, какъ-будто ничего не понимаю. Онъ видитъ, что этого мало, не дѣйствуетъ, — начинаетъ вдругъ изъ своей протестаціи противъ взятокъ, которую такъ гордится, начинаетъ прямо, при цѣломъ обществѣ, говорить, что отецъ мой, бывши полковымъ командиромъ, воровалъ, что, служа тамъ, въ Польшѣ, тоже воровалъ, и въ доказательство всего этого, ссылается на меня... Дочь приводитъ въ свидѣтели противъ отца!

Князь пожалъ плечами.

— Я тебѣ говорю!— продолжала Полина: — ты знаешь, онъ очень осторожный человѣкъ на словахъ, но если что коснется до меня, чтобы мнѣ нанести

оскорбленіе, онъ рѣшительно тутъ дѣлается сумасшедшимъ человѣкомъ: забываетъ даже всякое приличіе, и наконецъ... этотъ поступокъ съ тобой? Онъ теперь ссылается на свое правосудіе, безпристрастіе, на долгъ службы — лжетъ! и даже это онъ тебѣ мститъ, а главное — тутъ я. Онъ очень хорошо понимаетъ, что во мнѣ можетъ снова явиться любовь къ тебѣ, потому что ты единственный человѣкъ, который меня истинно любилъ и котораго бы я должна была любить всю жизнь — онъ это видитъ и, чтобъ ударить меня въ послѣднее больное мѣсто моего сердца, изобрѣлъ это проклятое дѣло, отъ котораго, если Богъ спасетъ тебя, — продолжала Полина съ большимъ одушевленіемъ, — то я разойдусь съ нимъ и буду жить около тебя, чтобы въ свѣтѣ ни говорили... Наконецъ, если сошлютъ тебя, я пойду за тобой въ Сибирь. Пускай же всѣ видятъ, что жена его ушла съ любовникомъ, человѣкомъ, котораго онъ изъ мести погубилъ. Это, я знаю, какъ задѣнетъ его самолюбіе и какое положитъ пятно на его имя, которое онъ, какъ святыню какую, бережетъ, — мерзавецъ!

Князь видѣлъ, до какой степени Полина была ожесточена противъ мужа, и очень хорошо, въ то же время, зналъ, что, въ подобномъ нравственномъ настроеніи, женщина способна рѣшиться на многое.

— Ты любишь еще меня, другъ мой? — произнесъ онъ вкрадчивымъ голосомъ и, пересѣвъ рядомъ съ ней на кровать, взялъ ее за руку.

Полина вспыхнула.

— Рѣшительно люблю! — отвѣчала она съ какой-то гордой экзальтаціей.

Князь поцѣловалъ ее. Лицо ея совсѣмъ горѣло.

— Онъ, я знаю, не высказываетъ, но ревнуетъ меня, по сию пору, къ тебѣ... Пускай же, по крайней-мѣрѣ, имѣетъ право на то.

— Да, пускай!—повторилъ князь.

— Всякому терпѣнію, наконецъ, бываетъ предѣлъ: въ десять лѣтъ камень лопнетъ! Я не знаю, какъ и чѣмъ могу отмстить ему за всѣ обиды, которыя онъ мнѣ наносилъ и наноситъ,—говорила Полина.

Князь думалъ.

— Одно, что остается,—началъ онъ медленнымъ тономъ:—напиши ты баранессѣ письмо, расскажи ей всю твою ужасную домашнюю жизнь, и объясни, что господинъ этотъ заигрался теперь до того, что, изъ ненависти къ тебѣ, начинаетъ мстить твоимъ роднымъ и что я сдѣлался первой его жертвой... Заступились бы тамъ за меня... Не только что чело-вѣка, собаки, я думаю, не слѣдуетъ оставлять въ безответственной власти озлобленнаго и пристрастнаго тирана. Гдѣ-жь тутъ справедливость и правосудіе?...

— Я готова. Но что она можетъ сдѣлать?—возразила Полина.

— Она можетъ многое сдѣлать... Она будетъ говорить, кричать вездѣ, требовать, какъ о дѣлѣ вопіющемъ; а ты, между прочимъ, такъ какъ Петербургъ не любитъ ни о чемъ даромъ беспокоиться, прибавь въ письмѣ, что, считая себя виновною въ моемъ несчастіи, готова половиной состоянія пожертвовать для моего спасенія.

— Я готова,—согласилась Полина.

— Или наконецъ...— продолжалъ князь, хватаясь за голову и какъ бы придумывая еще что-то такое:— наконецъ, поѣзжай сама въ Петербургъ... я составлю тебѣ записку, какъ и черезъ кого тамъ дѣйствовать.

— Какъ же, поѣзжай? Онъ не пуститъ меня, конечно.

— Чортъ его возьми!— его и спрашивать ненадо. Деньги и вещи при тебѣ?

— Да,— подтвердила Полина.

— Ты все это уложи, выбери день, когда его дома не будетъ, пошли за наемными лошадьми и поѣзжай... всего какіе-нибудь полчаса времени на это надо.

Полина грустно покачала головой.

— Я боюсь его ужасно!.. Еслибъ ты только зналъ, какой онъ страхъ мнѣ внушаетъ... онъ отнял у меня всякій характеръ, всякую волю... Я дѣлаюсь совершеннымъ ребенкомъ, какъ только еще говорить съ нимъ начинаю... — произнесла она голосомъ, полнымъ отчаянія.

— Ты боишься, сама не знаешь чего; а мнѣ угрожаетъ каторга. Помилуй, Полина! Сжальтесь же вы надо мной! Твое предположеніе идти за мной въ Сибирь — это вздоръ, дѣтскія мысли; и если мы не будемъ дѣйствовать теперь, когда можно еще спастись, такъ въ результатъ будетъ, что ты останешься блаженствовать съ твоимъ супругомъ, а я пойду въ рудники... Это безбожно! Ты сама сейчасъ сказала, что я гибну за тебя. Помоги же мнѣ хоть сколько-нибудь...

— О, Господи!— воскликнула Полина: — неужели

ты сомнѣваешься, что еслибъ отъ меня что-нибудь зависѣло...

— Конечно отъ тебя, — перебилъ князь...

Полина зарыдала... Но въ это время раздался шумъ, и слышались явственные шаги по корридору. Князь вздрогнулъ и отскочилъ отъ нея; та тоже, сама не зная чего, испугалась и поспѣшно отерла слезы.

— Что такое? — проговорила она.

— Не знаю, — отвѣчалъ князь уже шепотомъ.

Въ это время двери отворились, и вошелъ Калиновичъ въ виць-мундирномъ сюртукѣ и въ крестахъ. Его сопровождалъ блѣдный, какъ мертвецъ, смотритель Медиокритскій.

Полина схватилась за стулъ, чтобъ не упасть. Судороги исказили лицо моего героя; но минута — и онъ перешли въ улыбку.

— Васъ, князь, такъ любятъ дамы, что я рѣшительно не могу имъ отказать въ желаніи посѣщать васъ, и даже жену мою отпустилъ, хоть это совершенно противозаконно, — проговорилъ Калиновичъ довольно громко.

— Я вамъ очень благодаренъ, — отвѣчалъ князь.

— У васъ, кажется, помѣщеніе нехорошо; я постараюсь помѣстить васъ удобнѣе, — продолжалъ Калиновичъ. — Ну, я за тобой пріѣхалъ, пора ужъ! поѣдемъ въ моей каретѣ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Полинь.

— Поѣдемъ, — отвѣчала она.

— Идемъ, значить. Я ужъ все кончилъ, — заключилъ Калиновичъ, указывая рукой на дверь.

Полина пошла.

— До свиданья, присовокупилъ онъ князю и вышелъ.

У кареты ихъ встрѣтилъ и посадилъ любезный, но уже струсившій прапорщикъ.

— Я дамъ допускаю въ князю... какъ же дамамъ отказать? — проговорилъ онъ.

— Конечно! — отвѣчалъ Калиновичъ, захлопывая дверцы у кареты и подымая стекло.

Медіокритскій только посмотрѣлъ ему въ слѣдъ глухимъ и бессмысленнымъ взглядомъ.

Впродолженіе дороги, кучеру послышался въ экипажѣ шумъ, и онъ хотѣлъ было остановиться, думая, не господа ли его зовутъ; но вскорѣ все смолкло. У подъезда Калиновичъ вышелъ въ свой кабинетъ. Полину человекъ вынулъ изъ кареты почти безъ чувствъ, и провелъ на ея половину. Лицо ея опять было на-глухо закрыто капюшономъ.

IX.

Посѣщеніе вице-губернаторомъ острога имѣло довольно энергическія послѣдствія. Князь былъ переведенъ и посаженъ въ камеру съ желѣзными дверьми, гдѣ, съ самой постройки острога, содержался изъ дворянъ одинъ только арестантъ, Василій Замятинъ, десять лѣтъ грабившій и разбой чинившій на большихъ дорогахъ. Батальонный командиръ отдалъ строжайшій приказъ, чтобъ гг. офицеры, содержащіе при тюремномъ замкѣ караулы, отнюдь не допускали, согласно требованію господина начальника губерніи, никого изъ постороннихъ лицъ къ арестанту, князю

Ивану Раменскому, во все время производства надъ нимъ изслѣдованія. Въ отношеніи смотрителя Медіокритскаго, управляющимъ губерніей дано было губернскому правленію предложеніе уволить его отъ службы, безъ прошенія, по неблагонадежности.

Въ послѣдній вечеръ, передъ сдачей должности своей, несчастный смотритель сидѣлъ, понуривъ голову, въ сырой и мрачной каморѣ князя. Сальная свѣчка тускло горѣла на столѣ. Невдалекѣ отъ нея валялся огрызокъ огурца на тарелкѣ и стоялъ штофъ водки, собственно для Медіокритскаго купленный, изъ котораго онъ рюмочку другую ужъ выпилъ; князь ходилъ взадъ и впередъ. Видимо, что между ними происходилъ очень серьезный разговоръ.

— А что, скажите, пожалуйста, что говоритъ этотъ мерзавецъ кантонистъ?

— О кантонистъ вы, ваше сіятельство, не беспокойтесь, — отвѣчалъ Медіокритскій убѣдительнымъ тономъ. — Онъ третій разъ ужъ въ острогѣ сидитъ, два раза сквозь строй былъ прогнанъ; человекъ ломаный, не наболтаетъ на себя лишняго! Я все дѣло, отъ первой строки до послѣдней, читалъ: Прямо говорить: «я и писать, говоритъ, не умѣю, не то что подъ чужія руки, да и своей собственной.» Къ показаніямъ даже рукоприкладства не дѣлаетъ... бестія малый — одно слово! Теперь они его больше на томъ допытываютъ, что онъ за человекъ? Ну, а ему тоже сказать свое званіе, значить, третій разъ сквозь зеленую улицу пройти — не хочется ужъ этого. Наименовалъ себя непомящимъ родства, да и стоитъ на томъ, хоть ты рѣжь! «Пускай, говоритъ, въ арестантскую роту сажаютъ, все безъ тѣлеснаго нака-

занія.» А что про васъ ему разболтать? Помилуйте! какой резонъ? Тутъ ужь прямо выходитъ, крестись да на кобылу укладывайся — знаетъ это, понимаетъ!

— Ну, а рѣщикъ? — спросилъ князь, продолжая ходить взадъ и впередъ.

— Рѣщикъ тоже умно показывается. Хорошо старичокъ говорить! — отвѣчалъ Медіокритскій съ какимъ-то умиленіемъ: — печати, говоритъ, дѣйствительно, для князя я вырѣзывалъ, но гербовыя, для его фамиліи — только. Такъ какъ, говоритъ, по нашему ремеслу, мы подписками даже обязаны, чтобъ казенныя печати изготовлять по требованію только присутственныхъ мѣстъ, какимъ же образомъ, теперь, и на какомъ основаніи могъ сдѣлать это я для частнаго человѣка?»

— Умно, — повторилъ князь.

— Умно-съ! — повторилъ и Медіокритскій.

— Одинъ только Петрушка мой, выходитъ, и наболталъ... это чортъ знаетъ, какая скотина! — воскликнулъ князь.

— И Петръ вашъ ничего, рѣшительно ничего! — подхватилъ Медіокритскій: — во-первыхъ, показанія вѣрностныхъ людей приемятся на господъ только по первымъ тремъ пунктамъ; а второе, онъ и сговариваетъ.

— Сговариваетъ?

— Сговариваетъ. Вотъ этта ему, какъ-то на дняхъ, съ кантонистомъ очная ставка была, — тотъ его разбилъ на всѣхъ пунктахъ. «Ты, говоритъ, говоришь, что видѣлъ меня у барина: въ какомъ же я тогда былъ платьѣ?» «Въ такомъ-то». «Хорошо, говоритъ, гдѣ у меня такое платье? Не угодно ли

господамъ слѣдователямъ осмотрѣть мои вещи?» А платя ужь, конечно, нѣтъ такого: по три раза, можетъ, въ недѣлю свой туалетъ пропиваетъ и новый заводитъ. «Ты говоришь, что въ барской усадьбѣ меня видѣлъ: кто-же меня еще изъ другихъ людей видѣлъ? Я не иголва, а цѣлый человѣкъ; кто меня еще видалъ?» «А можетъ, говорить, и не васъ»... Словомъ, путаетъ.

— Путаетъ! — подтвердилъ князь.

— Да еще то ли онъ имъ наплететъ — погодите вы немного! — продолжалъ Медіокритскій таинственнымъ тономъ. — Не знаю, какъ при новомъ смотрителѣ будетъ, а у меня онъ сидѣлъ съ дѣдушкой Самойломъ... старичокъ изъ раскольниковъ, можетъ, изволили видать: бѣлая этакая борода... Тотъ на это преловкій человѣкъ, ни одинъ арестантъ теперь изъ острога къ допросу не уйдетъ безъ его наставленія, и старикъ свѣдушій... законникъ... лѣтъ семь теперь его по острогамъ таскаютъ... и онъ это дѣлаетъ не то, чтобъ ради корысти какой, а собственно для спасенія души своей. «Если, говоритъ, я не наставлю ихъ, въ слѣпотѣ ходящихъ, въ комъ же имъ послѣ того защиту имѣть?» Онъ Петру прямо началъ съ того: «Нѣсть, говоритъ, Петруша, власти аще не отъ Бога, а ты, я слышалъ, противъ барина идешь. Нехорошо, говоритъ, братецъ!.. Но, и окромѣ того, если барину будетъ худо, такъ и ты не уйдешь». «Ахъ, говоритъ, дѣдушка, что-жъ мнѣ теперь дѣлать, если я въ первый разъ далъ такіе отвѣты?» А я, какъ нарочно, тутъ на эти его самыя слова и вхожу. «Ну ужь, я говорю, братецъ, ты этого не говори: мы тоже знаемъ, какимъ манеромъ тобой первая ко-

казанія сдѣланы. Видѣли, какъ пучки розогъ проносили. Достало, чай, припарки на двѣ, на три.» «Точно такъ, говоритъ, ваше благородіе, было это дѣло!»

— О-то, мерзавцы! — воскликнулъ князь, пожимая плечами.

— Три раза принимались...—подтвердилъ Медіокритскій:—ну, и разумѣется сробѣлъ, разболталъ все!.. А что теперь ему прямо попервоначалу объявить надо прокурору, а потомъ и на допросахъ сговорить, пояснивъ, что всѣ первыя показанія имъ сдѣланы изъ-подъ страха — такъ мы ему и внушили.

— Изъ страха? Да! Хорошо!—подхватилъ князь, одобрительно кивнувъ головой.

— Хорошо-съ! Да и все дѣло могло бы прекраснѣйшимъ манеромъ идти. Рѣщикъ тоже говоритъ, что они его стращали; а кантонисту, какъ цѣлковыхъ десять обѣщать, такъ онъ и рубцы покажетъ, гдѣ сѣчень. У него, по прежнимъ еще дѣяньямъ, вся спина исполосована — доказательства, значитъ, когда хочешь, на-лицо... Да какъ теперь вы еще объявите, что первое показаніе вами дано изъ-подъ страха пытки, коей вамъ угрожали, не смотря на ваше дворянское и княжеское достоинство, такъ они, чортъ знаетъ, куда улетятъ — чортъ знаетъ!— заключилъ Медіокритскій съ одушевленіемъ.

— Улетятъ! — повторилъ князь.

— Непремѣнно! Строжайшей отвѣтственности, по закону, должны быть подвергнуты. Но главная теперь ихъ опора въ свидѣтельствѣ: говорятъ, документъ, вами составленный, при прошеніи вашемъ представленъ; и ежели бы даже теперь лица, къ дѣлу прикосновенныя, оказались отъ него изъятыми, то пра-

вительство должно будетъ другихъ отыскивать, потому-что фальшивый актъ существуетъ, и вы, все-таки, передъ закономъ стоите одинъ его совершитель.

Князь поблѣднѣлъ.

— Украсть его!—произнесъ онъ, закусывая усы:— украсть, во что-бъ то ни стало!

Медіокритскій усмѣхнулся.

— Не украсть бы, а, какъ я тогда предполагалъ, подвѣннить бы его слѣдовало, благо такой прекрасный случай выходилъ: этого старика почтмейстера свидѣтельство той же губерніи, того же уѣзда... точно оба документа въ одну форму отливали, и все-таки ничего нельзя сдѣлать. Полицмейстеръ, говорятъ, теперь подлиннаго дѣла, не только что писцамъ въ руки не даетъ, а даже въ полицію совсѣмъ не сносить; всѣ допросы на память отбираетъ, потому самому, что боится очень, — себя тоже бережетъ... Гдѣ это видано, помилуйте! Начальникъ губерніи дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ слѣдствія и самъ присутствуетъ на немъ: вѣдь, это прямо значитъ направлять слѣдователя, чтобъ онъ дѣйствовалъ какъ я хочу, а тотъ, конечно, какъ подчиненный, и дѣйствуетъ такъ... какъ же это возможно-съ?

— Да,— подтвердилъ князь.

— Невозможно-съ!— повторилъ Медіокритскій: — и не будь теперь подобнаго, незаконнаго, со стороны губернатора, настоянія, развѣ такое бы могло имѣть направленіе ваше дѣло? Развѣ тотъ же полицмейстеръ не пошелъ бы на деньги? Знаемъ тоже его не сегодня; можетъ, своими глазами видали, сколько всѣ дѣйствія этого человѣка на интересъ основаны:— за какія-нибудь тысячи двѣ-три, онъ

мало что ваше тамъ незаконное свидѣтельство, а все бы дѣло вамъ отдалъ — берите только да жгите, а мы-де начнемъ новое;— бывали такіе случаи, по смертоубійствамъ даже, гдѣ ужъ точно-что кровь иногда вопіетъ на небо; а вы, слава Богу, еще не душу человѣческую загубили! И послѣ прямо бы можно было написать, что дѣйствительно вами было представляемо свидѣтельство, но на имѣніе существующее господина почтмейстера; а почему начальство такимъ образомъ распорядилось и подвергло васъ тюремному заключенію — вы неизвѣстны, и на обстоятельство это неоднократно жаловались, какъ уголовныхъ дѣлъ стряпчему, такъ и прокурору.

Князь соображалъ...

— Довѣренности у меня нѣтъ отъ этого стараго чорта:— не поворотишь ее заднимъ числомъ!— возразилъ онъ.

— Довѣренности пускай и не будетъ; что вы безпokoитесь! — воскликнулъ Медіокритскій: — это ихъ вина, что они васъ, безъ довѣрія отъ залогодателя, допустили до торговъ. Стараго журнала комиссіи у нихъ нѣтъ. Я тогда, съ вашихъ словъ, пугнулъ этого секретаря. Онъ при мнѣ его сжегъ, а послѣ, сглуна да со страха, удавился. Новаго они теперь поэтому составить не могутъ, а еслибъ и составили, такъ не будетъ его скрѣпы, какъ чело-вѣка мертваго; прямо на это обстоятельство и упереть можно будетъ, и накидать такихъ тутъ петель, что самъ чортъ не разберетъ, кто кого деретъ... Предѣлы судебной власти мы тоже знаемъ. Коли ваше дѣло, такимъ манеромъ, затемнить да запутать,

такъ много-много, что оставятъ васъ въ подозрѣннѣи, да и то еще можно будетъ обжаловать.

Князь очень хорошо понималъ, что Медіокритскій говоритъ почти правду. Надежда *остаться только въ подозрѣннѣи* мелькнула передъ нимъ во всей прелести своими радужными цвѣтами.

— Что-же дѣлать намъ — а? — больше спросилъ онъ.

Медіокритскій пожалъ плечами.

— Дѣлать одно, что хлопотать надо объ удаленнѣи вашего сродственничка и общаго всѣхъ насъ злодѣя! — произнесъ онъ какимъ-то отчаянно-рѣшительнымъ голосомъ; потомъ, помолчавъ, продолжалъ съ грустнымъ умиленіемъ: — и сколько бы вамъ всѣ благодарны были за то — такъ и выразить того невозможно. Хоть бы теперь по губернскому правленію послушать: только одни университетскіе и превозносятъ его, а что прочіе служащіе стономъ отъ него стонутъ. Изстари было тамъ заведено, что коли проситель пришелъ, прямо идетъ въ отдѣленіе: тамъ сдѣлаютъ ему какую-нибудь справочку; онъ рубликъ, либо два, все ужъ безпремѣнно въ столъ дастъ; а нынче и думать забудь: собаки посторонней въ канцелярскія комнаты не пустятъ. Какъ арестанты какіе-нибудь сидятъ запертыми! Коли кто изъ публики пришелъ, сейчасъ пожалуй въ присутствіе; туда для него дѣло вынесутъ и все, что надо, прочтутъ и объяснятъ. Когда бывали и въ какомъ присутственномъ мѣстѣ такіе порядки? Вѣдь это значитъ у служащаго послѣдній кусокъ отнимать!

Князь почти не слушалъ Медіокритскаго и что-то самъ съ собою соображалъ.

— А хоть бы и про себя мнѣ сказать, — продолжалъ между тѣтъ тотъ, выпивая еще рюмку водки: — за что этотъ человекъ всю жизнь мою гонитъ меня и преслѣдуетъ? за что? что я у его и моей, съ позволенья сказать, любовницы ворота дегтемъ вымазалъ, такъ она, бестія, сама была того достойна; и какъ онъ меня тогда подвелъ, такъ по всѣ дни живота не забудешь того.

— Да... и наконецъ теперь все преслѣдуетъ! — отозвался, наконецъ, князь.

— Да-съ... а и теперь... — подхватилъ Медіокритскій: — изъ старшихъ секретарей въ какую должность попалъ! Хорошій писецъ губернскаго правленія на это мѣсто не пойдетъ, но онъ и въ томъ поехидствовалъ и позавидовалъ, что я съ дѣтьми своими, можетъ быть, одной съ арестантами пищей питался — и того меня лишилъ теперь! Пьянаго мужика, коли хозяинъ прогоняетъ отъ себя, такъ тому отъ правительства запрещено марать у него паспортъ, чтобъ онъ могъ найти кусокъ хлѣба въ другомъ мѣстѣ, а чиновнику и этой льготы не дано! Куда я теперь сунусь! помилуйте! Всякій начальникъ, взглянувъ на аттестатъ, прямо скажетъ: «были вы, милостивый государь, секретаремъ губернскаго правленія, понизили васъ сначала въ тюремные смотрители, а тутъ и совсѣмъ выгнали: какъ я васъ могу принять!» Вѣдь онъ, ехидная душа, поступаючи такъ со мной, понималъ это, и что-жь мнѣ послѣ того осталось дѣлать? Полевой работы я не снесу по силамъ моимъ, къ мастерствамъ не приученъ, въ извощики идти — званье не позволяетъ, значитъ, и осталось одно: — взять ножъ да идти на дорогу.

На послѣднихъ словахъ Медіокритскій даже прослезился и отеръ глаза бумажнымъ носовымъ платкомъ.

— Все это вздоръ, и современемъ поправится, но тутъ такого рода обстоятельство открывається...— началъ князь какимъ-то протяжнымъ тономъ:— господинъ этотъ выведенъ въ люди и держится теперь рѣшительно по милости своей жены...

— Это слыхали-сь,— подтвердилъ Медіокритскій.

— Да,— продолжалъ князь:— жена же эта, какъ вамъ извѣстно, мнѣ родственница и въ то же время, какъ женщина, очень добрая и благородная, она понимаетъ, конечно, все безобразіе поступковъ мужа и сегодня именно писала ко мнѣ, что, на дняхъ же, нарочно ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы тамъ дѣйствовать и хлопотать...

Медіокритскій слушалъ князя, склонивъ голову.

— А потому,— продолжалъ тотъ:— завтрашній же день, извольте вы отправиться къ ней, отъ моего имени. Васъ пропустятъ! вы расскажите ей сегодняшній разговоръ нашъ и постарайтесь, сколько возможно, растолковать, чего именно мы хотимъ и чего перваго надобно добиваться.

— Это можно будетъ сдѣлать,— отвѣчалъ Медіокритскій вроткимъ голосомъ.

— Да, но и кромѣ того: такъ какъ она все-таки женщина и при всемъ своемъ желаніи, при всей возможности, не въ состояніи сама будетъ вести всего дѣла и соображать, тѣмъ больше, что на многія, можетъ быть, обстоятельства придется указать доносомъ, подать какую-нибудь докладную записку...

— Дѣйствительно-сь,— подтвердилъ Медіокритскій тѣмъ же вроткимъ тономъ.

— По всему этому необходимо, чтобы при ней былъ руководитель и вотъ, если вы хотите, я рекомендую ей, чтобы она васъ взяла съ собой въ Петербургъ, какъ человѣка мнѣ преданнаго и хорошо знающаго самое дѣло.

Лицо Медіокритскаго просіяло удовольствіемъ, но онъ счелъ однако за нужное скрыть это.

— Вамъ, вѣдь, теперь здѣсь дѣлать нечего, — заключилъ князь.

— Конечно, что нечего-съ! — подтвердилъ Медіокритскій: — только, откровенно говоря, ваше сіятельство, — прибавилъ онъ, послѣ короткаго молчанія и съ какой-то кислой улыбкой: — сколь ни несчастно теперь мое положеніе, но въ это дѣло мнѣ даромъ влопываться невозможно.

— Кой чортъ даромъ! Кто это вамъ говоритъ? Просите тамъ сколько вамъ надобно! — проговорилъ князь.

Лицо Медіокритскаго умилилось.

— Мнѣ надобно, ваше сіятельство, не больше другихъ. Вонъ, тоже отсюда не то, что по уголовнымъ дѣламъ, а по гражданскимъ искамъ чиновники ѣзжали въ Петербургъ, такъ у всѣхъ почти, какъ калачъ купить, была одна цѣна: полторы тысячи въ годъ на содержаніе, да потомъ треть или половину съ самаго иска, а мнѣ въ вашемъ дѣлѣ, при благополучномъ его окончаніи, если назначите, сверхъ жалованья, десять тысячъ серебромъ, такъ я и доволенъ буду.

— Какъ десять тысячъ? вѣдь это состояніе! что вы? — воскликнулъ князь.

— А какъ же иначе? — возразилъ Медіокритскій,

склонивъ голову:—Хоть бы, теперь, насчетъ этихъ доносовъ: — если онъ безымянный, такъ ему почти никакой вѣры не даютъ, а коли съ подписью, такъ тоже очень отвѣтственъ, и тѣмъ паче, что вице-губернаторъ машина большая, и обвинять его передъ правительствомъ не городничаго какого-нибудь. Онъ въ Петербургѣ, можетъ быть, на двѣнадцати якоряхъ стоять, и каждый, можетъ, изъ нихъ приметъ это себѣ въ обиду. Я же маленькій человекъ: въ порошокъ стереть могутъ... въ слову какому-нибудь нескладному придерутся, и за то отдадутъ въ уголовную, а я ее, матушку, тоже знаю: по должности становаго пристава, за пустяки, за медленность — судился, такъ и тутъ всякую шваль напой да накорми... совершенно было разорили! А хоть бы и вамъ, — продолжалъ Медіокритскій вразумляющимъ тономъ:—скупиться тутъ нечего, потому что, прямо надобно сказать, голова ваша все равно, что въ пасти львиной или на плахѣ смертной лежитъ, пока этотъ человекъ на своемъ мѣстѣ властвовать будетъ.

— Ну, чортъ тутъ въ деньгахъ! сочтемся!—перебилъ князь.

— Разумѣется, — подтвердилъ его собесѣдникъ, а потомъ, какъ бы самъ съ собой, принялся разсуждать печальнымъ тономъ:—какъ бы, кажется, Царь небесный помогъ низвергнуть этого человека, такъ бы не пожалѣлъ новую ризу, изъ золота кованную, сдѣлать на нашу Владычицу Божью Матерь, хранительница граду сего.

— Именно, — подхватилъ князь.—Такъ — такъ значить, — заключилъ онъ, видимо желая поскорѣе проводить своего собесѣдника.

— Да ужь такъ покуда будетъ!.. Начнемъ хлопотать, — отвѣчалъ тотъ. — Посошокъ, однако, на дорожку позвольте взять, — прибавилъ онъ, наливая рюмку водки.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ князь, скрывая гримасу и, съ замѣтно-непріятнымъ чувствомъ, пожимая протянутую ему Медіокритскимъ руку, который, раскланявшись, вышелъ тихой и кроткой походкой.

Присутствіе духа, одушевлявшее, какъ мы видѣли, все это время князя, вдругъ оставило его совершенно. Бросившись на диванъ, онъ вздохнулъ всей грудью и простоналъ: «О, тяжело! тяжело!»

Тяжело, признаться сказать, было и мнѣ, смиренному расквашу, довести до конца эту сцену, и я съ полной радостью и любовью обращаю умственное око въ грядущую перспективу событій, гдѣ мелькнетъ, хоть не надолго, для моего героя, въ его суровой жизни, такое полное, искреннее и молодое счастье!

Х.

У театральнаго подъѣзда горѣли два фонаря. Какъ рыцарь, вооруженный съ головы до ногъ, слѣлъ жандармъ на лошади, употребляя всѣ свои умственные способности на то, чтобъ лошадь поднимъ не шевелилась и стояла смирно. Другой жандармъ, побрякивая саблей, ходилъ пѣший. Хожалый, въ киверѣ и съ палочкой, тоже ходилъ, перебраниваясь съ предводительскимъ фореиторомъ.

— Что мотаешься, дылда? — говорилъ онъ.

— А ты что лаешься? — отвѣчалъ фореиторъ.

— Еще бы тѣ не лаяться, коли порядку не знаешь, чортъ этакой!

— Самъ чортъ! дьяволы эбіе, право! — продолжалъ фореиторъ, осаживая лошадей.

— Ну, да, дьяволы! Поговори еще у меня! — отвѣтилъ хожалый и отступился.

Толстый кучеръ совѣтника питейнаго отдѣленія, по правамъ своего барина, выпивъ даромъ въ ближайшемъ кабакѣ водки, спалъ на пролеткѣ. Худо-щавая лошадь директора гимназій, скромно-питаемая пансіонскимъ овсомъ, вдругъ, почему-то, вздумала молодцовато порыть землю ногой и тѣмъ ужасно разсмѣшила длинновязаго дуралея, ассесорскаго кучера.

— Глянь-ко, глянь, какъ лапы выкидываетъ!... штукарка же она, паря, у тебя! — сказалъ онъ директорскому кучеру.

— Какая тутъ штукарка! Такъ лошадь-лѣшій, пустая! — отвѣтилъ тотъ.

— Лѣшій?

— Лѣшій! — подтвердилъ директорскій кучеръ, и затѣмъ болѣе замѣчательнаго у подѣзда ничего не было; но, во всякомъ случаѣ, вся губернская публика, такъ долго скучавшая, была на этотъ разъ въ сборѣ, ожидая видѣть превосходную, говорятъ, актрису Минаеву, въ роли Эйлали, которую она должна была играть въ извѣстной печальной драмѣ Коцебу: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. Трагикъ, говорятъ, тоже былъ очень хорошій и съ душой. Зала театра, по случаю торжественнаго спектакля,

была освѣщена въ два ряда. Занавѣсъ, изображающій городскую площадь, таинственно колебался, и сквозь обычную на срединѣ его дырочку показывался повременамъ любопытствующій человѣческій глазъ. Кресла были полнехоньки мужчинами, между которыми лоснилось и блестѣло довольное число, какъ ладонь, гладкихъ, плѣшивыхъ головъ, и очень рельефно рисовалась молодцоватая фигура председателя казенной палаты, который стоялъ въ первомъ ряду, небрежно опершись на перегородку, отдѣляющую музыкантовъ. Инженерный поручикъ, прекрасно играющій на фортепіано, былъ также въ первомъ ряду и, не безъ эффекта, кутался въ шинель съ бобровымъ воротникомъ. Въ третьемъ или четвертомъ ряду, сидѣлъ толстый магистръ. Отпускной мичманъ безпрестанно глядѣлъ, прищурившись, въ свой бинокль, и съ такимъ выраженіемъ обводилъ его по всѣмъ ложамъ, что, видимо, хотѣлъ заявить эту прекрасную вещь грубой провинціальной публикѣ, которая, по его мнѣнію, такихъ биноклей и не видывала; но, какъ-бы ради смиренія его гордости, тутъ-же сидѣвшій съ нимъ рядомъ, жирный и сильно потѣвшій, Михайло Трофимовъ Палушкинъ, заплатившій, между прочимъ, за кресло пятьдесятъ цѣлковыхъ, вдругъ вытащилъ, не умѣя даже хорошенько въ рукахъ держать, свой бинокль огромной величины и рублей въ семьдесятъ, вѣроятно, цѣною. Мичманъ былъ уничтоженъ! Бель-этажъ, въ свою очередь, блестѣлъ дамами, изъ которыхъ многія, не смотря на явную опасность простудиться, пріѣхали декольте. Большая часть изъ нихъ имѣли при себѣ дѣтей, изъ которыхъ нѣкоторые начали ужъ ревѣть.

Одна только ложа въ этомъ случаѣ представляла исключеніе и была, сравнительно съ другими, пустынна. Въ ней помѣщался одинъ-одинехонекъ повѣса Козленевъ. Онъ, по его словамъ, нарочно взялъ ложу, чтобъ имѣть возможность падать въ обморокъ въ *раздираемыхъ сценахъ* драмы. Семь часовъ, наконецъ, пробило. Въ залу вошелъ торопливо, съ озабоченнымъ лицомъ, полиціймейстеръ, прямо подошелъ къ предсѣдателю казенной палаты и шепнулъ ему что-то на ухо. Тотъ поблѣднѣлъ. Едва полиціймейстеръ успѣлъ оборотиться въ другую сторону, какъ къ нему адресовался инженерный поручикъ:

— Что такое? не случилось ли чего-нибудь?

— Губернаторъ новый у насъ; старикъ въ отставку вышелъ, — отвѣчалъ полиціймейстеръ.

— По своему желанію?

— Какое по желанію... велѣли!

— Кто-жь на его мѣсто будетъ? — спросилъ поручикъ съ замѣтнымъ ужь безпокойствомъ.

— Да врядъ-ли не вице-губернаторъ, — отвѣчалъ полиціймейстеръ.

У инженера окончательно лицо вытянулось.

— Это чортъ знаетъ, какъ человека выводятъ!... — невольно воскликнулъ онъ, но потомъ тотчасъ же опомнился. — А что, въ театрѣ онъ будетъ? — прибавилъ онъ, взглянувъ на губернаторскую ложу, гдѣ такъ еще недавно сидѣла его милая и обязательная покровительница губернаторша: но теперь тамъ было пусто, и никогда ужь она тамъ не будетъ сидѣть. Молодому инженеру сдѣлалось не на шутку грустно: тутъ только онъ понялъ, что любилъ эту

женщину. Полиціймейстеръ, между тѣмъ, прошелъ въ другіе ряды и стремился къ магистру, желая, вѣроятно, на всякій случай, завскать въ немъ, такъ какъ тотъ замѣтно начиналъ становиться любимцемъ вице-губернатора. Наклонившись къ нему, онъ шепнулъ:

— Губернаторъ смѣненъ, и вице-губернаторъ на мѣсто его назначается,

— Пора, наконецъ! — воскликнулъ магистръ: — и отлично будетъ: этотъ славный человекъ! — прибавилъ онъ.

Полиціймейстеръ ничего на это не сказалъ и переглянулся съ Папушкинымъ.

— Такъ-ли, какъ мнѣ въ Питерѣ говорили? — спросилъ тотъ.

— Такъ, такъ, — отвѣчалъ полиціймейстеръ.

Папушкинъ вздохнулъ.

— Эх-ма! — проговорилъ онъ и задумался.

Въ бель-этажѣ тоже очень недолгъ распространилась эта новость.

Встревоженный предсѣдатель казенной палаты сейчасъ же прошелъ въ ложу къ своему семейству и сказалъ на ухо женѣ. Та отвѣчала ему значительнымъ взглядомъ своихъ большихъ и очень еще недурныхъ голубыхъ глазъ. Она, съ одной стороны, испугалась за мужа, который пользовался дружбой прежняго губернатора, а съ этимъ былъ только что не врагъ, но съ другой — глубоко обрадовалась въ душѣ, что эта длинновязая губернаторша *будетъ*, наконецъ, сведена съ своего престола. Сидѣвшая съ ней рядомъ предсѣдательша уголовной палаты

сейчасъ же поинтересовалась узнать, что такое сказалъ ей генералъ?

— Губернаторъ смѣненъ, и вице-губернаторъ будетъ вмѣсто его, — отвѣчала предсѣдательша казенной палаты, сколь возможно, по важности предмета, спокойнымъ тономъ.

Предсѣдательша уголовной палаты поступила совершенно иначе. Кто знаетъ дѣло, тотъ пойметъ, конечно, что даму эту, по независимости положенія ея мужа, менѣе, чѣмъ кого-либо, должно было безпокоить, кто бы ни былъ губернаторъ; но, бывъ отъ природы женщиной нервной, она вообще тревожилась и волновалась при каждой перемѣнѣ сильныхъ лицъ, и потому это извѣстiе приняла какъ-то ужь очень близко къ сердцу.

— Ахъ, Боже мой! скажите! Боже мой! — начала она восклицать вслухъ, двигаясь на креслѣ, такъ что сидѣвшая съ ней дочь, дѣвушка лѣтъ семнадцати, покраснѣла за нее.

— Мамаша, не говорите такъ громко! всѣ смотрятъ, — сказала она; но предсѣдательша не унималась.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — продолжала она стонать и шевелиться.

Впрочемъ, надобно сказать, что и вся публика, если и не такъ явно, то въ душѣ ахала и охала. Превосходную актрису, которую предстояло видѣть, всѣ почти забыли и всѣ ожидали, когда и какъ появится новый кумиръ, къ которому устремлены были теперь всѣ помыслы. Полицейскій хожалый первый завидѣлъ двухъ рыжихъ вице-губернаторскихъ рысаковъ и, съ остервенѣнiемъ бросившись на подѣвхавшаго въ это время къ подѣзду съ вупцомъ

извозчика, началъ его лупить палкой по головѣ и по рожѣ, говоря:

— Убирайся, шваль этакая! — не видишь кто ѣдетъ?

— Позвольте, почтеннѣйшій, что-жь такое? Мы сами только-что подѣхали, — началъ было возражать купецъ.

— Убирайся! — крикнулъ хожалый и съ неистовствомъ оттащилъ лошадь извозчика въ сторону. Вице-губернаторъ подѣхалъ. Скромно и нѣсколько сгорбившись, вошелъ онъ въ сѣни. Довольно почтенной наружности частный приставъ, имѣвшій собственно тутъ свой постъ и только было сбравшійся выкурить папирску, презентованную ему, вмѣстѣ съ рюмкой водки, содержателемъ буфета, при видѣ управляющаго губерніей, поблѣднѣлъ и бросилъ папирску на полъ. Передъ ложей губернатора, Калиновича встрѣтилъ самъ полиціймейстеръ и хотѣлъ было отворить въ нее дверь, но вице-губернаторъ отрицательно мотнулъ головой и прошелъ въ кресла. Появленіе его въ залѣ сопровождалось полнымъ эффектомъ. Всѣ взоры направились на него, и все какъ бы приняло нѣсколько официальный видъ. Предсѣдатель казенной палаты всѣми силами души желалъ, чтобъ онъ заговорилъ съ нимъ первымъ. Одинъ изъ любимыхъ писцовъ стараго губернатора нарочно перебѣжалъ съ своего мѣста на другое, чтобъ попасть на глаза вице-губернатору, и когда попалъ, то поклонился ему въ поясъ. Даже лѣнивый магистръ привсталъ и кивнулъ Калиновичу головой съ значительной улыбкой. Онъ отвѣчалъ ему тоже улыбкой. Инженерный поручикъ, еще за

минуто предъ тѣмъ такъ неосторожно про него сказавшій, отдалъ теперь почтительный поклонъ, приложивъ руку по формѣ ко лбу. Прекрасный полъ — и тотъ, въ настоящемъ случаѣ, снова доказалъ старую истину, что ничто въ глазахъ его не поднимаетъ такъ мужчину, какъ публичный и официальный успѣхъ. Даже m-me Потвинова, которая, какъ извѣстно, любитъ только молоденькихъ молодыхъ людей, такъ что, по этой страсти, она жила въ Петербургѣ и брала къ себѣ каждое воскресенье чelовѣкъ по пяти кадетъ, — и та, при появленіи столь молодаго еще начальника губерніи, спустила, будто невзначай, съ лѣваго плеча мантилью и такимъ образомъ обнаружила полную шею, которою она, предпочтительно передъ всѣми своими другими женскими достоинствами, гордилась. Но еще съ большимъ волненіемъ забилось сердце у пожилой дѣвственницы, родной сестры управляющаго палатой государственныхъ имуществъ. Въ началѣ этой части, она была влюблена въ пріѣзжавшаго по набору флигель-адъютанта, а потомъ тайно влюбилась въ вице-губернатора и, въ своей полусумасшедшей экзальтаціи, безусловно оправдывала все его дѣйствія, къ величайшему неудовольствію своего брата. На сценѣ тоже засуетились. Содержатель, смотрѣвшій въ дырочку занавѣса, когда Калиновичъ сѣлъ на свое мѣсто, хлопнулъ, что есть силы, въ ладони — и музыканты заиграли, а вскорѣ и занавѣсъ поднялся. Театръ представлялъ сельскій видъ съ бѣдной хижиной. Актеръ, игравшій роль глупаго сына управителя, только что не кувыркался, стараясь смѣшить публику, — однако никто не смѣялся. Вышелъ потомъ

Неизвестный, въ высочайшихъ воротничкахъ и повѣсивъ голову. Первому трагику захлопали. Съ притворною злобою сталъ говорить онъ о ненавистныхъ ему людяхъ съ своимъ лакеемъ, котораго игралъ задушевнѣйшимъ образомъ Михѣичъ, особенно, когда ему надобно было говорить о г-жѣ Миллеръ; но трагикъ съ мрачнымъ спокойствіемъ выслушивалъ всѣ рассказы о ея благодѣяніяхъ старому нищему, которому, въ свою очередь, давъ тайно денегъ на выкупъ сына, торжественно ушелъ. Ему опять похлопали. Декорація потомъ перемѣнилась и представила комнату въ замкѣ. Вошла Настенька, въ роли несчастной Эйлаліи, скрывавшейся подъ именемъ г-жи Миллеръ. Мужчины въ креслахъ сейчас же захлопали; дамы съ любопытствомъ уставили на нее лорнеты; Козленевъ аплодировалъ какъ сумасшедшій. Любимый писецъ стараго губернатора, гораздо болѣе занятый созерцаніемъ своего новаго начальника, чѣмъ пьесой, замѣтилъ, что у вице-губернатора задрожала голова. Настенька тоже была сконфужена: едва владѣя собой, начала она говорить довольно тихо и просто, но, помимо словъ, въ звукахъ ея голоса, въ задумчивой позѣ, въ этой тонкой игрѣ лица чувствовалась какая-то глубокая, затаенная тоска, сдержанныя страданія, такъ что все смолкло и притаило дыханіе, и только въ концѣ монолога, когда она, съ грустной улыбкой и взглянувъ на Калиновича, произнесла: «хотя на свѣтѣ одни только глаза, которыхъ я должна страшиться», публика не вытерпѣла и разразилась аплодисментомъ. Козленевъ, вовсе ужъ не шутя и не стѣняясь тѣмъ, что сидѣлъ въ ложѣ, стучалъ руками и ногами. Даже председа-

тель казенной палаты, забывъ мысль о новомъ губернаторѣ, проговорилъ почти вслухъ: «хорошо, очень хорошо!» а любимый губернаторскій писецъ опять замѣтилъ, что на глазахъ вице-губернатора, молчавшаго и не хлопавшаго, заискрились слезы. Словомъ, сколько публика ни была грубовата, какъ ни мало эстетически развита, но душа взяла свое, и когда упалъ занавѣсъ, всѣ остались какъ бы ошеломленные, подѣ влияніемъ совершенно новаго и неиспытаннаго впечатлѣнія, не понимая даже хорошенько, что это такое. Въ первый еще разъ на театральныхъ подмосткахъ стояла передъ ними не актриса, а женщина, съ такой правдой страдающая, что, пожалуй, не встрѣтишь того и въ жизни, гдѣ, какъ извѣстно, очень много притворщицъ. Во второмъ дѣйствиіи артистка еще болѣе поразила своихъ зрителей. Какъ свѣтская женщина, говорила она съ маіоромъ, скромно старалась уклониться отъ благодарности старика нищаго; встрѣтила, наконецъ, своихъ господъ, графа и графиню, хлопотала, когда графъ упалъ въ воду; но въ то же время каждый, не выключая, я думаю, вонъ этого сиволапаго мужика, свѣсившаго изъ райна свою рыжую бороду, — каждый чувствовалъ, какъ все это тяжело было ей. Всѣ почти молодыя женщины ясныѣ поняли, что и онѣ, по большей части, осуждены также притворяться — поняли это и потихоньку отирали слезы. Экзальтированная сестра управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, огкинувшись на задокъ кресель, произнесла:

— Нѣтъ, это невозможно! Я бы на ея мѣстѣ не вынесла!

Съ концомъ этого акта ужасно всѣхъ интересовало, что-жь дальше будетъ.

— Чудесная актриса, чудесная! — слышалось всюду.

— Мила, чрезвычайно мила! — подтверждали дамы.

— Я только такую въ Варшавѣ и видѣлъ, когда мы тамъ стояли; а то ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ нѣтъ такой, — рассказывалъ почти всѣмъ предсѣдатель казенной палаты.

Калиновичъ сидѣлъ, опустивъ голову.

Въ третьемъ актѣ драма начала развязываться. Графиня дѣлаетъ бѣдной Эйлалиі предложение отъ своего брата, честнаго маіора. Отказать никакихъ нѣтъ причинъ, но она не можетъ его принять, потому что считаетъ себя мало еще пострадавшею.

«— Не слыхали ли вы чего-нибудь о баронессѣ Мейнау? — спрашиваетъ она.

«— Да, — отвѣчала ей графиня: — мнѣ помнится, что я что-то слышала объ этой твари... Она, какъ мнѣ говорили, сдѣлала несчастнымъ честиѣйшаго человѣка.

«— Самого честиѣйшаго! — подтвердила Настенька и взглянула на Калиновича.

«— Она убѣждала отъ него съ какимъ-то негодемъ, — продолжала графиня.

«— Такъ, — подтвердила Настенька: но!.. — произнесла она, захлебываясь отъ рыданій: но!.. — повторила она, бросаясь на колѣни: — не выгоняйте меня, дайте мнѣ мѣстечко, гдѣ бы я могла спокойно умереть.

«— Бога ради... вы? — спросила растроганная графиня.

«— Эта тварь — я, — отвѣчала Настенька глу-

химъ голосомъ! Публика захопала было, но опять какъ-то торжественно примолкла и стала слушать.

«— Я увѣряю васъ, что я буду молчать, — говорила графиня, поднимая ее.

«— А совѣтъ? Совѣтъ развѣ замолчить когда-нибудь?» — произнесла Настенька.

Публика не выдержала болѣе и загремѣла рукоплесканіями. Съ какимъ-то отчаяннымъ хладнокровіемъ начала бѣдная женщина доканчивать свою исповѣдь.

«— У меня былъ любви достойный супругъ... — говорила она.

«— Ободритесь! — утѣшала ее графиня.

«— Богъ знаетъ, живъ ли онъ теперь или умеръ.

«— Взоръ вашъ становится страшень! — говорила ей графиня. И въ самомъ дѣлѣ взглядъ Настеньки какъ бы помутился.

«— Для меня онъ умеръ!» — произнесла она, опускающая руки. — «У меня былъ отецъ, — продолжала она: — и печаль по мнѣ умертвила его...»

Аплодисментъ снова раздался. Вице-губернаторъ отвернулся и сталъ смотрѣть на губернаторскую ложу. Впечатлѣніе этой сцены было таково, что конецъ дѣйствія публика уже слушала въ какомъ-то утомленіи отъ перенесенныхъ ощущений. Антрактъ передъ четвертымъ дѣйствіемъ тянулся довольно долго. Годнева просила не поднимать занавѣса. Замѣтно утомленная, сидѣла она на скамейкѣ Неизвѣстнаго. Передъ ней стоялъ Козленевъ съ восторженнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Послушайте, m-lle Минаева, прелесть!.. чудо!.. — говорилъ онъ: — это божественно, какъ вы играете...

Я — напередъ вы знайте — непременно въ васъ влюблюсь.

— А я въ васъ не влюблюсь — вы тоже напередъ это знайте, — отвѣчалъ нехотя Настенька, и взглянула на декорации, между которыми стоявшіе актеры вдругъ вытянулись и появилась сухощавая фигура вице-губернатора.

— Послушайте, — начала она торопливо: — подите туда, къ себѣ, въ ложу... оставьте меня: я устала, и мнѣ еще очень трудный актъ предстоитъ.

— Что-жь я вамъ мѣшаю, сокровище мое? — воскликнулъ съ упрекомъ Козленевъ.

— Ну да, мѣшаете! Ступайте — я этого требую... несносный! — говорила Настенька.

Козленевъ пожалъ плечами.

— Послушай ты, чертенокъ! — обратился онъ къ одному изъ рабочихъ мужиковъ: — спусти меня въ этотъ провалъ: иначе я не могу уйти отсюда!

— Спусти его, Михайло, поскорѣй только; я тебѣ цѣлковой дамъ, — подхватила Настенька.

— Сейчасъ! — отвѣчалъ мужикъ и, проворно сбѣжавъ, началъ опускать Козленева,

— Иду въ адъ и буду вѣчно плѣненъ! — воскликнулъ онъ, простирая руки кверху; но полъ за нимъ задвинулся и, съ противоположной стороны, вошелъ на сцену Калиновичъ, сопровождаемый содержателемъ театра, толстымъ и оборотливымъ малымъ, прежде повѣреннымъ по откупамъ, а теперь занимавшимся театромъ.

— Какъ здѣсь, однако, хорошо! я никогда тутъ не бывалъ! — говорилъ вице-губернаторъ, обводя глазами.

— Слава Богу, хорошо теперь стало, — отвѣчалъ содержатель, потирая руки: — однѣхъ декораций, ваше превосходительство, сдѣлано мною пять новыхъ; стѣны тоже побѣлплъ, механику наверху поправилъ; а то было, того и гляди, что убьетъ кого-нибудь изъ артистовъ. Не могу, какъ другіе антрепренеры, кое-какъ заниматься театромъ. Приѣхалъ сюда — такъ не то, что на сценѣ, въ залѣ было хуже, чѣмъ въ мусорной ямѣ. Въ одну недѣлю просадилъ тысячи двѣ серебромъ. Не знаю, поддержитъ ли публика, а теперь тяжело: дай Богъ концы съ концами свести.

— Конечно поддержитъ. У васъ прекрасно играютъ, — отвѣчалъ Калиновичъ: — я однако подписался на кресла и на ложу, а не расплатился еще: тутъ ровно такъ! — прибавилъ онъ, подавая антрепренеру триста рублей серебромъ.

У того задрожали руки.

— Хорошо играютъ, ваше превосходительство, — продолжалъ онъ, не зная отъ радости, что говорить: — труппа чистенькая, съ поведениемъ! Ко мнѣ тоже много артистовъ просилось и артисты хорошіе, да запиваютъ либо въ картишки зашибаются — и не беру. Я лучше дороже заплачу, да, по-крайней-мѣрѣ, знаю, что человекъ исправный.

— Разумѣется, — отвѣчалъ вице-губернаторъ и взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Настенька. Антрепренеръ это подмѣтилъ.

— А какъ вамъ нравится, ваше превосходительство, наша Минаева? — спросилъ онъ съ нѣскольکو лукавымъ взоромъ.

— Очень хороша! — проговорилъ Калиновичъ

равнодушнымъ тономъ, какъ прилично было его званію.

— Великая артистка! — подхватилъ содержатель. — Мнѣ просто Богъ послалъ за мою простоту этотъ брилліантъ! Не знаю, какъ здѣсь, а въ Калугѣ она дѣлала большіе сборы.

— Немудрено: она очень мила, — отвѣчалъ вице-губернаторъ, замѣтно желая подойти къ Настенькѣ.

Антрепренеръ, какъ человѣкъ ловкій и опытный въ дѣлахъ этого рода, счелъ за нужное стусеваться. Калиновичъ совсѣмъ подошелъ къ ней.

— Какъ вы прекрасно играете! — проговорилъ онъ.

Годнева взглянула на него — и, Боже! сколько нѣжности, любви выразилъ этотъ короткій взглядъ.

— Вы будете у меня сегодня послѣ театра? — прошептала она.

— Буду, — отвѣчалъ Калиновичъ задыхавшимся отъ волненія голосомъ и, отвернувшись, сказалъ актрисѣ игравшей графиню, маленькую любезность насчетъ ея игры.

— Ахъ, очень рада, что вамъ нравлюсь! — отвѣчала та жеманно, и затѣмъ вице-губернаторъ ушелъ со сцены.

Антрепренеръ, проводя его до дверей, тотчасъ началъ звонить — и занавѣсъ поднялся. Трагикъ, между тѣмъ, былъ оскорбленъ до глубины души равнодушіемъ къ нему публики, но и на его долю выпало хлопанье. Читатель, можетъ быть, знаетъ тотъ монологъ, гдѣ баронъ Мейнау, скрывавшійся подъ именемъ Незвѣстнаго, рассказываетъ маіору, своему старому другу, повѣсть своихъ несчастій, монологъ, въ которомъ шопотъ покойнаго Мочалова до сихъ

поръ еще многимъ снится и слышится въ ушахъ. Въ этомъ монологѣ, когда баронъ говоритъ, что, возвращаясь на родину, онъ думалъ исправлять закоренѣлыя глупости, покрытыя столѣтнимъ мракомъ предразсудковъ, — «О! кому дорого свое спокойствіе, — тотъ не жертвуй имъ никогда для человѣческихъ глупостей. Меня гнали, обижали! — произносилъ актеръ съ удареніемъ:—я прослылъ опаснымъ человѣкомъ. Онъ уменъ, говорили вездѣ, но онъ имѣетъ дурное сердце.»

На этихъ словахъ, вице-губернаторъ вдругъ захопалъ и за нимъ все общество, какъ бы произнося себѣ публичное обвиненіе.

«Умеръ у насъ полковникъ, — говорилъ актеръ:— полковниковъ было у насъ много; я думалъ, что сдѣлаютъ кого-нибудь изъ нихъ, и желалъ того; но у какой-то прелестницы былъ двоюродный братъ, глупый и надменный повѣса, который служилъ только шесть мѣсяцевъ, и его сдѣлали моимъ командиромъ. Я не стерпѣлъ этого и вышелъ въ отставку.»

Вице-губернаторъ опять захопалъ, а за нимъ и всѣ.

«Одинъ изъ моихъ друзей, — продолжалъ Мейнау:— котораго я считалъ за честнѣйшаго человѣка, обманулъ меня на половину состоянія; я это вытерпѣлъ и ограничилъ свои издержки. Потомъ явился другой другъ, молодой:—этотъ оболстилъ мою жену. Доволенъ-ли ты этимъ? извиняешь-ли мою ненависть въ людямъ?»

Вице-губернаторъ снова и съ какимъ-то ужъ изступленіемъ захопалъ. Публика тоже хлопала и съ любопытствомъ смотрѣла на него. Наблюдалъ его

еще зритель, которому онъ, кажется, и хотѣлъ быть только понятенъ — это Настенька, которая стояла, прислонившись къ декорации и, дрожа всѣмъ тѣломъ, впиалась въ него глазами. Въ явленіи ея съ обманутымъ мужемъ, она вышла съ покойной твердостью принять на себя всю тяжесть обвиненія; но когда трагикъ спросилъ ее и спросилъ довольно задушевымъ голосомъ: «Что ты хочешь отъ меня, Эйлалія?» она вздрогнула всѣмъ тѣломъ. «Нѣтъ, Бога ради! я въ этому не приготовилась! Ахъ, этотъ голосъ пронзаетъ мое сердце! Это *ты*, это дружеское *ты*! Ради Бога, великодушный супругъ! Грубый и жестокій голосъ долженъ быть для слуха преступницы!» — проговорила она и проговорила такъ, что половина кресель привстала съ своихъ мѣстъ.

— Это совсѣмъ душа! — сказалъ магистръ, и вмѣстѣ съ нимъ, у сотни тутъ сидѣвшихъ картежниковъ, взяточниковъ, даже въ райкѣ у плутовъ купцовъ, подупьяныхъ лакеевъ, развратныхъ горничныхъ — у всѣхъ навернулись слезы. Дамы высшаго круга, забывъ приличіе, высунулись изъ ложъ — и такъ прошло все явленіе довольно тихо; но когда привели дѣтей, Эйлалія кинулась въ объятія мужа съ какимъ-то потрясающимъ душу воплемъ, такъ что вздрогнула вся толпа; съ сестрой управляющаго палатой государственныхъ имуществъ сдѣлалось дурно. Козленевъ опустилъ голову на перегородку въ сосѣдную ложу. У Потвиновой заревѣлъ восьмилѣтній мальчишка, и занавѣсъ опустился... Толпа загремѣла рукоплесканьемъ и крикомъ «Минаеву!» Она вышла. Публика вызывала ее еще разъ — она показалась уже въ салонъ и тотчасъ скрылась; но мо-

лодежь продолжала вызывать, и между всѣми ими слышался, попреимуществу, басъ магистра. Содержатель театра, однако, вышелъ и объявилъ, что г-жа Минаева уѣхала, потому что очень устала. Вслѣдъ затѣмъ поднялся и вице-губернаторъ. Полиціймейстеръ, мимо котораго онъ прошелъ, послѣдовалъ было за нимъ, но скоро вернулся.

— Что, уѣхала? — спросилъ его предсѣдатель казенной палаты.

— Уѣхала, — отвѣчалъ полиціймейстеръ: — хотѣлъ было проводить — не велѣлъ!

— Да и не велить! А у стараго хрыча, бывало, помните, все парады! а этотъ большаго ума человекъ! — проговорилъ предсѣдатель.

— Ну... да!.. — подтвердилъ полиціймейстеръ.

ХІ.

На полныхъ рысяхъ неслась вице-губернаторская карета по главной Никольской улицѣ, на которой полиціймейстеръ распорядился, чтобъ всѣ фонари горѣли свѣтлѣйшимъ образомъ, но потомъ — чего никакъ не ожидалъ полиціймейстеръ — вице-губернаторъ вдругъ повернулъ въ Дворянскую улицу, по которой ему вовсе не слѣдовало ѣхать и которая поэтому была совершенно не освѣщена. Въ улицѣ этой чуть-чуть не попали имъ подъ дышло дрожки инспектора врачебной управы, тоже ладившія объѣхать лужу и державшіяся къ сторонкѣ.

— Что ты, ворона? руки, что-ль, не знаешь! — крикнулъ вице-губернаторскій вучеръ и, быстро продер-

гивая, задѣлъ дрожки за переднее колесо и оборвалъ тяжъ. Инспекторскій кучеръ, или, въ сущности большіиный солдатъ, едва усидѣлъ на козлахъ.

— Экъ, ты, чортъ, сблаговалъ! Прямые вице-губернаторскіе разбойники, — осмѣлился онъ вполголоса пробормотать имъ въ слѣдъ.

Карета между-тѣмъ повернула направо въ переулочъ и поѣхала было шагомъ, такъ какъ колеи и рытвины пошли неимовѣрныя; но вице-губернаторъ сердито крикнулъ: «пошелъ!» и кучеръ понесся такъ, что одно только сотенное достоинство лежачихъ рессоръ могло выдерживать толчки, которые затѣмъ послѣдовали. Куда стремился Калиновичъ — мы знаемъ, и глядя на него, нельзя было не подумать, что Богу еще вѣдомо, чья любовь стремительнѣй: мальчика-ли неопытнаго, бѣгущаго съ лихорадкой во всемъ тѣлѣ, съ пылающимъ лицомъ и съ поэтически-разбросанными кудрями на тайное свиданіе, или человѣка съ солидно выстриженной и посѣдѣлой уже головой, который десяти лѣтъ прожилъ безъ всякой ужъ любви въ мелкихъ служебныхъ хлопотахъ и дрязгахъ, въ ненавистныхъ для души поклонахъ, въ угнетеніи и наказаніи подчиненныхъ, — человѣка, который, по опыту жизни, узналъ и одѣнилъ всю чарующую прелесть этихъ тайныхъ свиданій, этого *средства души*, столь осмѣяннаго практическими людьми, которые, однако, платятъ иногда сотни тысячъ, чтобъ воскресить хоть фальшивую тѣнь этого сердечнаго средства съ какой-нибудь несовсѣмъ свѣжей, нѣмецкаго или испанскаго происхожденія, m-lle Миной.

Въ глухомъ переулкѣ, передъ маленькимъ деревяннымъ домикомъ, Калиновичъ крикнулъ: «стой!»

и, самъ отворивъ себѣ дверцы, проворно юркнулъ въ калитку. На дворѣ ему пришлось идти по деревяннымъ мосткамъ, которые прыгали подъ ногами, какъ фортепьянныя клавиши. Въ маленькихъ сѣнничкахъ онъ запнулся за кадку, стукнулся потомъ головой о верхній косякъ двери и очутился въ темной передней, гдѣ, сбросивъ торопливо на полъ свою двухтысячную шубу, вошелъ въ сѣренькое зальцо. Сильный запахъ турецкаго табаку и сухихъ травъ, затнутыхъ за божницей, обдалъ его — и Боже! сколь знакомая картина предстала его взору: съ беспорядочно-причесанной головой, съ слѣдами еще румянъ на лицѣ, въ широкой блузѣ, полузастегнутой на груди, сидѣла Настенька въ креслахъ. На ломберномъ столѣ, съ прожженнымъ сукномъ, стоялъ самоваръ, и чай разливалъ, въ полунаклоненномъ положеніи, капитанъ, въ томъ же какъ будто неизносимомъ вице-мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами; та же, кажется, его коротенькая пенковая трубка стояла между чашками и только, вмѣсто умершей Діанки, сидѣлъ въ углу комнаты на заднихъ лапахъ огромный кобель, Трезоръ, родной сынъ ея и какъ двѣ капли воды похожій на нее. Къ дополненію этой дорогой и ни съ чѣмъ несравнимой для Калиновича сцены, у косяка стоялъ, съ подносомъ въ рукахъ, Михѣичъ, нарочно отказавшійся суфлировать въ послѣдней пьесѣ и теперь даже снявшій сапоги и надѣвшій туфли изъ *Калифа Багдадскаго*, чтобы не такъ хлопать и ловче подавать чай.

— Пріѣхалъ! — встрѣтила, привставая, Настенька своего гостя.

— Пріѣхаль! — повторилъ онъ съ какимъ-то сіяющимъ лицомъ.

— Честь имѣю рекомендовать вамъ знакомаго капитана, — продолжала Настенька.

— Да, здравствуйте! — говорилъ вице-губернаторъ, протягивая капитану руку, но, въ самомъ дѣлѣ, готовый броситься ему на шею.

— Здравствуйте, — отвѣчалъ тотъ радушно, но все-таки церемонно.

— Ну, садись! — говорила Настенька, силясь своей рукой достать и подвинуть Калиновичу стулъ; но Михѣичъ предупредилъ ее: съ ловкостью театральнаго лакея, онъ поставилъ самое покойное кресло и съ такой же ловкостью отошелъ и сталъ на свое мѣсто.

Калиновичъ сѣлъ и, уставивъ глаза на Настеньку, ничего не могъ говорить.

— Угодно вашему превосходительству чаю? — спросила она шутя.

— Хорошо, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Дальше они опять замолчали, рѣшительно не находя, что имъ говорить, и только смотрѣли другъ другу въ глаза. Капитанъ, между-тѣмъ, началъ аккуратно разливать чай, а Михѣичъ вытянулъ подносъ для принятія чашекъ.

— Однако, ваше превосходительство, изволили порядочно постарѣть! — заговорила наконецъ Настенька, продолжая съ нѣжностью смотрѣть на Калиновича. Тотъ провелъ рукою по короткимъ и посѣдѣвшимъ волосамъ своимъ.

— И вы не помолодѣли! — проговорилъ онъ.

— Еще бы! но только не въ чувствахъ, — отвѣчала Настенька съ шутливой кокетливостью.

— А, можетъ быть, и я тоже, — возразилъ Калиновичъ съ улыбкой.

Лицо Настеньки вдругъ приняло серьезное выраженіе.

— Слышала, мой другъ... все мнѣ рассказывали, какъ ты здѣсь служишь, держишь себя, и я тебѣ говорю откровенно, что начала послѣ этого еще больше тебя уважать, — проговорила она со вздохомъ.

Калиновичъ потупился и поспѣшилъ обратиться къ капитану, который разлилъ чай и сѣлъ около него.

— И съ вами, капитанъ, еще Богъ приведетъ увидѣться!

— Да-съ, — отвѣчалъ тотъ и конечно далѣе не поддержалъ разговора.

— Но, скажите мнѣ, давно ли вы и какимъ образомъ попали на театр? — спросилъ Калиновичъ Настеньку.

— Исторія эта длинная, — отвѣчала она:—впрочемъ, тутъ всё свои: значить, можно говорить свободно. Дядя ужъ теперь не разсердится — такъ, дядя?

Капитанъ потупилъ глаза.

— И ты, Михѣичъ, никому не болтай — слышишь?— обратилась она, погрозя рукой суфлеру.

— Понимаю, матушка Настасья Петровна, и только теперь, глядѣвши на васъ, всёмъ сердцемъ моимъ восхищаюсь! — возразилъ тотъ и съ умиленіемъ склонилъ голову на-бокъ.

— Ну-съ, такъ вотъ какъ!—продолжала Настенька:—послѣ той прекрасной минуты, когда вамъ угодно

было убѣжать отъ меня и потомъ такъ великодушно расплатиться со мной деньгами, которыя мнѣ ужасно хотѣлось, вмѣстѣ съ какемъ-нибудь мѣднымъ шандаломъ, бросить тебѣ въ лицо... и, конечно, не будь тогда около меня Бѣлавина, я не знаю, что бы со мной было...

Калиновичъ слегка улыбнулся.

— Бѣлавина?— повторилъ онъ.

— Да... Что-жь вы съ такимъ удареніемъ сказали это?— подхватила Настенька.

— Vous étiez en liaison avec lui?—спросилъ Калиновичъ нарочно по-французски, чтобъ капитанъ и Михѣичъ не поняли его.

Настенька пограснѣла.

— Ты почему это знаешь?—спросила она, бросая нѣсколько лукавый взглядъ.

Надобно сказать, что вообще тонъ и манеры актрисы замѣтно обнаруживались въ моей героинѣ; но Калиновича это еще болѣе восхищало.

— Я все знаю, что вы дѣлали въ Петербургѣ,— отвѣчалъ онъ.

Настенька улыбулась.

— Послушай,— начала она:— если когда-нибудь тебя женщина увѣряла, или станетъ увѣрять, что вотъ она любила тамъ мужа, или любовника, что ли... онъ потомъ умеръ, или измѣнилъ ей, а она все-таки продолжала любить его до гроба, повѣрь ты мнѣ, что она или ничего еще въ жизни не испытала, или лжетъ. Всѣ мы имѣемъ не ту способность, что вотъ любить именно одно существо, а просто способны любить или нѣтъ. У одной это чувство больше развито, у другой меньше, а у третьей и ни-

чего нѣтъ... Какъ я глубоко и сильно была привязана къ тебѣ, въ этомъ я кидаю перчатку всѣмъ въ мірѣ женщинамъ!— воскликнула Настенька.

Калиновичъ поцѣловалъ у ней при этомъ руку.

— Но въ то же время,— продолжала она:— когда была брошена тобой и когда около меня остался другой человекъ, который, казалось, принимаетъ во мнѣ такое участіе, что дай Богъ отцу съ матерью... я видѣла это и невольно привязалась къ нему.

— И...— добавилъ Калиновичъ.

— Что и?.. Въ томъ-то и дѣло, что не и!— возразила Настенька.— Послушайте, дядя, подите похлопочите объ ужинѣ... Какъ бы кстати была теперь Пелагея Евграфовна! Какъ бы она обрадовалась тебѣ и какъ бы угостила тебя!— обратилась она къ Калиновичу.

— А гдѣ она?— спросилъ тотъ.

Настенька вздохнула.

— Она умерла, другъ мой; году послѣ отца не жила. Вотъ любила, такъ любила не понашему съ тобой, а потому именно, что была очень простая и непосредственная натура... Вина тоже, дядя, дайте намъ: я хочу, чтобъ Жакъ у меня сегодня пилъ... Помнишь, какъ пили мы съ тобой, когда ты сдѣлался литераторомъ? Какія были счастливыя минуты!.. Впрочемъ, зачѣмъ я это говорю? и теперь хорошо!.. Ступайте, дядя.

Капитанъ, мигнувъ Михѣичу, ушелъ съ нимъ.

Калиновичъ сейчасъ же воспользовался ихъ отсутствіемъ: онъ привлекъ къ себѣ Настеньку, обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Ну-съ?— проговорилъ онъ, сажая ее къ себѣ на колѣни.

— Ну-съ?— отвѣчала Настенька.— Ты говоришь и... но ошибаешься: связи у меня съ нимъ не было... Что вы изволите такъ насмѣшливо улыбаться? Вы думаете, что я скрытничаю?

— Есть немножко,— возразилъ съ улыбкою Калиновичъ.

Настенька отрицательно покачала головой.

— Давно ужь, другъ мой,— начала она съ грустной улыбкой: — прошло для меня время хранить и беречь свое имя, и чтобъ тебѣ доказать это, скажу прямо, что меня удержало отъ близкой интриги съ нимъ не pruderie моя, а онъ самъ того не хотѣлъ. Довольны ли вы этимъ признаніемъ?

Калиновичъ опять улыбнулся и проговорилъ:

— Глупъ же онъ!

— Нѣтъ, онъ умнѣй насъ съ тобой. Онъ очень хорошо рассчиталъ, что стать въ эти отношенія съ женщиной, значитъ прямо взять на себя нравственную и денежную отвѣтственность.

— Ты думаешь?

— Конечно, потому что это одинъ изъ тѣхъ милыхъ, петербургскихъ холостяковъ, которые на подобныя вещи не рискуютъ, и потому онъ мелкій, по моему, человѣкъ!— заключила Настенька съ одушевленіемъ.

— О-о! чувство оскорбленной любви говорить вашими устами, моя милая!— воскликнулъ Калиновичъ.

— Нѣтъ, мой другъ,— возразила она:— это не оскорбленная любовь, а скорѣй досада разочарованія,

которое тѣмъ тяжеле, что пришло совершенно-неожиданно и негаданно. Ты самъ очень хорошо знаешь, на какихъ этотъ человѣкъ всегда умѣлъ себя держать заманчивыхъ ходуляхъ, которыя я только послѣ поняла и оцѣнила. Ты, напримѣръ, можешь взбѣситься, показаться сухимъ, черствымъ человѣкомъ, а Бѣлавинъ въ нотѣ никогда не ошибется: онъ всегда какъ-то возвышенъ, симпатиченъ и благороденъ. Очень естественно, что сталъ мнѣ казаться какимъ-то идеаломъ мужчины, но потомъ, отъ перваго же серьезнаго вопроса, который задала намъ жизнь, вся эта фольга и мишура сразу облетѣла, такъ что смѣшно и грустно теперь становится, какъ вспомнишь, что было.

— Что жъ такое? — спросилъ Калиновичъ.

Настенька пожала плечами.

— Было, — продолжала она:— что я, въ самомъ дѣлѣ, полюбила его, привыкла, наконецъ, къ нему, и вижу въ то же время, что нравилась ему, потому что, какъ хочешь, онъ цѣлые дни просиживаетъ у меня, предупреждаетъ малѣйшія мои желанія, читаетъ мнѣ, тоскуетъ — а между тѣмъ деньжонки мои начинаютъ подходить всѣ. Я, знаешь, по своей провинціальной наивности, думаю: что-жъ тутъ скрывается? очень просто и прямо говорю ему однажды: «Послушайте,—говорю,—Бѣлавинъ, у меня нѣтъ денегъ; мнѣ жить нечѣмъ; пожалуйста, сыщите мнѣ какое-нибудь мѣсто». Онъ какъ-то особенно торопливо поддержалъ меня въ этой мысли, и на другой же, кажется, день получаю отъ него письмо, что мѣсто есть для меня у одной его родственницы, старой

графини, быть компаньонкой... однако пусти меня... дядя сейчас придетъ.

Проговоря это, Настенька пересѣла на свое мѣсто и задумалась. Калиновичъ глядѣлъ на нее, не спуская глазъ.

— И сколько я страдала тутъ, другъ мой! — начала она: — ты вообразить себѣ не можешь: старуха оказалась злѣйшее существо, гордое, напыщенное, такъ что, въ полгода какіе-нибудь, я начала чувствовать, что у меня рѣшительно дѣлается чахотка отъ этого постояннаго униженія, вѣчнаго ожиданія, что вотъ заставятъ тебя подать скамеечку или поднять платокъ. Бѣлавинъ все это напередъ зналъ и могъ предвидѣть: значить, онъ прямо мной жертвовалъ въ этомъ случаѣ. Но, что ужаснѣе всего, когда я стала ему наконецъ говорить прямо, что я не могу тутъ жить, потому что меня все оскорбляетъ, что я не рождена быть ни у кого рабой и служанкой... онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, надулся, началъ мнѣ читать рацею, что онъ любитъ меня какъ сестру, что готовъ для меня сдѣлать все, что сдѣлалъ бы для родной сестры... и такъ далѣе на одну и ту же тему: сестра да сестра... Я, наконецъ, поняла, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Самолюбіе во мнѣ заговорило. Какъ Гоголь говоритъ, что долго человекъ предъ вами скрывается, но достаточно иногда одного нечистаго движенія его души, чтобъ онъ сдѣлался совершенно ясенъ для васъ — такъ и Бѣлавинъ: весь сталъ передо мной какъ на ладони. «Я сама, говорю Михайло Сергѣичъ, васъ люблю, какъ брата, и никакой особенной жертвы отъ васъ не требую».

— Что-жь онъ на это? — спросилъ Калиновичъ.

— Ничего, смолчалъ, и, знаешь, показался мнѣ какой-то старой, безсемейной дѣвкой, которая, отъ собственной душевной пустоты, занимаются участію другихъ, и для которыхъ ничего нѣтъ страшнѣй, какъ прямыя, серьезныя отношенія въ жизни, и онѣ любятъ только *ирать въ чувства*...— вотъ вамъ и гуманность вся его... откуда она происходитъ!..

Калиновичъ усмѣхнулся.

— Наконецъ, Господи Боже мой! я тебѣ узнала цѣну, сравнивъ его съ тобой! — воскликнула Настенька:— ты тоже эгоистъ, но ты живой человѣкъ, ты вѣкъ свой стремишься къ чему-нибудь, страдаешь; ты, наконецъ, чувствуешь въ людямъ и къ ихъ извѣстнымъ убѣжденіямъ либо симпатію, либо отвращеніе, и сейчасъ же это выразишь въ жизни; а Бѣлавинъ никогда: онъ обо всемъ очень благородно разсудить и дальше не пойдетъ! Ему легко жить на свѣтѣ, потому что онъ тряпка, безъ крови, безъ сердца, съ однимъ только умомъ!..

Калиновичъ болѣе не выдержалъ.

— О, милая моя! какая ты умница! — воскликнулъ онъ и, взявъ ее за руку, хотѣлъ опять привлечь къ себѣ.

— Нѣтъ, оставь, идутъ, — проговорила она, и капитанъ дѣйствительно вмѣстѣ съ Михѣичемъ внесли накрытый столъ.

— Этотъ человѣкъ, — снова заговорила Настенька о Бѣлавинѣ:— до такой степени лелѣетъ себя, что на тысячу верстъ постарается убѣжать отъ всякаго ничтожнаго ощущенія, которое можетъ, хоть сколько-нибудь, его обезпокоить, слова не скажетъ, послѣ котораго бы отъ него чего-нибудь потребовали;

а мы такъ съ вашимъ превосходительствомъ не таковы, хоть и надѣлали, можетъ быть, въ жизни много серьезныхъ проступковъ — неправда ли?

— Да, мы не таковы, — подтвердилъ и Калиновичъ, глядя съ любовью на нее.

— Кушать готово, — доложилъ въ это время Флегонтъ Михайлычъ.

— Отлично, ка питанъ! я ужасно ѣсть хочу! — воскликнула Настенька. *Monsieur, prenez votre place!* скомандовала она Калиновичу и сама съѣла. Тотъ помѣстился напротивъ нея.

— Обоихъ васъ, господа, какъ я подумаю, — продолжала Настенька, покачавъ головой: — обоихъ васъ умиковъ лучше мой Иволгинъ.

— И Иволгинъ вашъ? — спросилъ Калиновичъ, выпивая цѣлый стаканъ вина, чего почти никогда съ нимъ не бывало.

— Конечно мой. И это отличнѣйшій человѣкъ.

— Чѣмъ-же онъ отличнѣйшій?

— Тѣмъ, что художникъ въ душѣ, — возразила Настенька. — Кто тогда первый открылъ и поддержалъ во мнѣ призваніе актрисы, и далъ мнѣ этотъ, что называется, кусокъ хлѣба на всю жизнь. За одну его страсть къ театру можно, Богъ знаетъ, какъ любить его... Тогда, только-что умеръ у него отецъ, онъ сейчасъ же заложилъ имѣніе, согласился съ однимъ старымъ антрепренеромъ и является ко мнѣ. «Вотъ, — говоритъ, Настасья Петровна, мы все хотѣли съ вами сыграть на театрѣ и все намъ не удавалось; а теперь я набираю провинціальную труппу... Пожалуй-ста, Бога ради, поѣдете съ нами и будьте у насъ первой драматической актрисой». Я сначала было

разсмѣялась его предложенію, но, потомъ, думаю: «что-жь, Господи! не гораздо ли благороднѣе зарабатывать себѣ хлѣбъ на подмосткахъ, чѣмъ быть лакейкой у какой-нибудь засохшей графини», и рѣшилась... Написала дядѣ: «поѣдемте, говорю, мой рыцарь, искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ... Карету мнѣ, карету!..» такъ, дядя?

— Такъ-съ; этими самыми словами...—отвѣчалъ, съ добродушной улыбкой, капитанъ.

Но Калиновичъ, между тѣмъ, начиналъ что-то хмуриться.

— Или, теперь, это... — продолжала Настенька, обращаясь къ нему:—всѣ вы, господа, молодежь, не исключая и вашего превосходительства, всѣ вы, что бы вы ни говорили, смотрите на насъ, особенно провинціальныхъ актрисъ, свысока; вы очень любите за нами волочиться, ухаживать; способны даже немножко промотаться для насъ, въ тоже время считаете насъ достойными только стать на степень вашей любовницы — никакъ больше! А Иволга, милая моя, иначе на это смотрѣлъ: то, что я актриса, это именно и возвышало меня въ глазахъ его; два года онъ о томъ только и мечталъ, чтобъ я сдѣлалась его женой, и дядя вотъ до сихъ поръ меня бранить, отчего я за него не вышла. Нехорошо, вѣдь капитанъ, я сдѣлала?

— Нѣтъ, что-жь, ваша воля! — отвѣчалъ Флегонтъ Михайлычъ, подливая Калиновичу еще вина.

— Мозгами еще жидокъ господинъ Иволгинъ, чтобъ быть ему вашимъ супругомъ — извините вы меня! — вмѣшался вдругъ стоявшій съ тарелкой за столомъ Михѣичъ.

— Хорошо сказано! — воскликнулъ вице-губернаторъ.

— Да какъ-же, помилуйте, ваше превосходительство, — продолжалъ тотъ: — какая это партія можетъ быть?.. Жена, теперь, по своему воспитанію, слово скажетъ, а мужъ и понять его не можетъ! Слыхали мы тоже часто его разговоръ съ барышней: лямъ... тлямъ — и дальше нейдетъ; ходитъ только да волосы ерошитъ.

— Ну, перестань, Михѣичъ, не говори этого: мы сами съ тобой не очень умны... Да и кромѣ того, если бы даже онъ немного и глуповатъ былъ, за то въ приданое съ нимъ шло двѣ тысячи душъ; а это такая порядочная цифра, что я знаю, напримѣръ, очень хорошихъ людей, которые нѣкогда не устояли противъ половины... — пошутила Настенька и взглянула на Калиновича; но замѣтивъ, что онъ еще болѣе нахмурился, сейчасъ перемѣнила тонъ. — Ты сердисься? Ну нѣтъ; что же это? — или ревнуешь?.. да?... Такъ вотъ же тебѣ, послушай! — проговорила она, протягивая ему руку, слушай: — въ одинъ достопамятный день случайно прочла я въ газетахъ, что знакомый вамъ господинъ назначенъ вице-губернаторомъ... Что я почувствовала тогда — знаютъ только ночь да темные лѣса. Какъ сумасшедшая, начала я потомъ расспрашивать кого только можно... Рассказали, разумѣется, многое... Какъ бы то ни было, думаю, я хочу видѣть этого человѣка — и увидѣла. Успокоились ли теперь?

Лицо Калиновича въ самомъ дѣлѣ просвѣтлѣло.

— Что жъ тебѣ говорили обо мнѣ? — спросилъ онъ.

— Говорили, разумѣется, что ты взятокъ не бе-

решь, что человѣкъ очень умный, знающій, но деспотъ и строгій безъ милосердія... Что общество ты ненавидишь, и что въ театрѣ ты, вѣроятно, ни разу не будешь, потому что предпочитаешь казни на площади сценическимъ представленіямъ; словомъ, всѣ похвалы были очень серьезныя, а обвиненія—сущій вздоръ, на который я тебѣ совѣтую не обращать никакого вниманья,—присовокупила Настенька, снова замѣтивъ, что послѣднія слова были неприятны Калиновичу.

— Нѣтъ, это не вздоръ! Дайте мнѣ, капитанъ, вина!.. — проговорилъ онъ, обращаясь къ Флегонту Михайлычу.

Тотъ сейчасъ-же и съ большимъ удовольствіемъ налилъ ему.

— Это не вздоръ!... — повторилъ вице-губернаторъ, выпивая вино и какимъ-то задыхающимся голосомъ:—про меня тысячи языковъ говорятъ, что я человѣкъ сухой, тиранъ, злодѣй; но отчего же никто не хочетъ во мнѣ замѣтить хоть одной хорошей человѣческой черты, что я никогда не былъ подлецомъ и никогда ни предъ кѣмъ не сгибалъ головы?

— Господи! кто же въ этомъ сомнѣвается?—возразила Настенька.

— Всѣ!—воскликнулъ Калиновичъ:—и никто даже знать не хочетъ, что если я достигалъ чего-нибудь въ жизни, такъ никогда ни просьбами, ни пекательствами въ людяхъ, а всегда, напередъ поймавъ человека въ свои лапы, заставлялъ его дѣлать для себя. Поступокъ съ тобой и женитьба моя — единственные случаи, въ которыхъ я считаю себя сдѣлавшимъ подлость; но къ этому привело меня то же

милое общество, которое произноситъ мнѣ теперь проклятіе и которое съ ребячьихъ лѣтъ давило меня; а я... чтожь мнѣ дѣлать? я по натурѣ большой корабль, и мнѣ всегда было надобно большое плаванье.

— Я ужасно досаую,—перебила Настенька:—что ты не сдѣлался литераторомъ: это настоящее твое было назначеніе по твоему уму, по твоему воспитанію и по твоему, наконецъ, взгляду на вещи.

Калиновичъ почти вышелъ изъ себя.

— О, чортъ... эта литература! Менѣ чѣмъ что-либо она была мнѣ всегда свойственна. И, наконецъ, еслибъ я даже былъ какимъ-нибудь русскимъ Байрономъ, Шекспиромъ—что-жь изъ этого? На нашихъ глазахъ мы видѣли, какая участь постигаетъ у насъ всѣхъ передовыхъ людей на этомъ дѣлѣ: кого подстрѣляютъ, кто нищимъ умретъ на соломѣ, кто съ кругу сопьется, или съ ума сойдетъ... Нѣтъ еще съ!.. покуда у насъ не водъ поэтамъ и художникамъ... Не во двору они намъ пришли...—Проговоря это, вице-губернаторъ остановился на нѣсколько минутъ. Потомъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою, снова продолжалъ, разведя руками:

— Болѣе сорока лѣтъ живу я теперь на свѣтѣ и что же вижу, что выдвигается впередъ: трудъ ли почтенный, дарованье ли блестящее, умъ ли большой? Ничуть не бывало! Какая-нибудь выгодная наружность, случайность породы, или, наконецъ, деньги. Я избралъ послѣднее: отвратительнѣйшимъ образомъ продалъ себя въ женитьбѣ и сдѣлался милліонеромъ. Тогда сразу горизонтъ прояснился и дорога всюду открылась. Господа, которые очей сво-

ихъ не хотѣли извести до меня, очутились у ногъ моихъ!..

— Все это я очень хорошо знаю и понимаю...— подтверждала Настенька.

Калиновичъ, между тѣмъ, все больше и больше приходилъ въ волненье и выпилъ еще вина.

— Послушайте,— началъ онъ, беря Настеньку за руку:— я теперь немного пьянъ, и это, можетъ быть, первая еще откровенная минута моя послѣ десяти лѣтъ адскаго, упорнаго молчанія. Вы, мой маленькій другъ, и вы, капитанъ, единственные въ мѣрѣ люди, которые, я желалъ бы, чтобъ хоть сколько-нибудь меня любили и понимали... послушайте! знаете-ли вы, что съ перваго дня моего брака я сдѣлался чиновникомъ, гражданиномъ, какъ хотите назовите, но только ужъ больше не принадлежалъ себѣ. Я искалъ и желалъ одного: чтобъ сдѣлать пользу и добро другимъ; за что же, скажите вы мнѣ, преслѣдуетъ меня общественное мнѣнiе? Богачъ — я почти веду аскетическую жизнь. Бывъ чиновникомъ, я работалъ день и ночь, подкупалъ на свои деньги шпионовъ, самъ дѣлался фискаломъ, сыщикомъ, чтобъ открыть какое-нибудь ничтожное зло. На настоящемъ моемъ посту я сломилъ губернатора, который пятнадцать лѣтъ тяготѣлъ надъ губерніей и сосалъ изъ нея деньги. Отъявленнаго мерзавца, извѣстнаго вамъ князя Ивана, я посадилъ за уголовное преступленіе въ острогъ и, можетъ быть, еще какихъ-нибудь пять или шесть взяточниковъ выгналъ изъ службы. И за все это... за то, что я очищаю губернію отъ подобнаго сора, меня же обвиняютъ... Двухъ трехъ учителей, въ честности которыхъ я былъ убѣжденъ и

потому перевелъ на очень ничтожныя мѣста — и то мнѣ поставлено въ вину: говорятъ, что я подбираю себѣ шайку, тогда какъ я сыну бы родному, умирай онъ съ голоду на моихъ глазахъ, гроша бы жалованья не прибавилъ, еслибъ не зналъ, что онъ полезенъ для службы, въ которой я хочу быть, какъ голубь, святъ и чистъ отъ всякаго лицепріятія—это единственная мечта моя... это слава моя... кромѣ этого у меня ничего нѣтъ въ жизни... — Проговоря это, вице-губернаторъ закрылъ лицо руками и склонилъ голову.

— Какъ сведешь все это въ итогъ,—продолжалъ онъ какимъ-то озлобленно-насмѣшливымъ тономъ:— такъ выходитъ далеко не пустяки—жить въ обществѣ, въ которомъ такъ еще шатко развито понятіе о чести, о справедливости; жить и дѣйствовать въ такомъ обществѣ — далеко не вздоръ!

— Кто-жь съ этимъ не согласится? Но зачѣмъ принимать такъ къ сердцу? — возразила было Настенька.

— Принимать къ сердцу!—повторилъ съ усмѣшкой Калиновичъ:—поневоля примешь, когда знаешь, что всѣ тутъ твои враги, и ты одинъ стоишь противъ всѣхъ. Какъ хочешь, сколько ни дай человѣку силы, поневоля онъ ослабѣетъ и будетъ разбитъ.

Разговоръ на нѣкоторое время прекратился, и, такъ какъ ужинъ кончался, то капитанъ съ Михѣичемъ стали убирать со стола. Настенька съ Калиновичемъ опять остались вдвоемъ.

— А что жена твоя? скажи, пожалуйста,—спросила она.

Слова эти точно обожгли Калиновича. Онъ проворно приподнялъ голову и проговорилъ:

— Съ женой насъ Богъ будетъ судить, кто больше виноватъ: она или я. Во всякомъ случаѣ, я знаю, что въ настоящее время меня готовы были бы отравить, еслибъ только не боялись законовъ.

— Господи! что-жъ это такое, другъ мой, ты говоришь?—произнесла Настенька и, подошедши къ Калиновичу, положила ему руку на плечо.—Зачѣмъ ты въ такомъ раздраженномъ состояніи? Послушай... молишься ли ты? — прибавила она шепотомъ.

— Молюсь!—отвѣчалъ Калиновичъ со вздохомъ.— Какое странное, однако, наше свиданіе,—продолжалъ онъ, взмахнувъ глаза на Настеньку:—вмѣсто того, чтобъ говорить слова любви и нѣжности, мы толкуемъ Богъ знаетъ о чемъ... Такіе ли мы были прежде?

— Да; но что-жъ? мы любимъ другъ друга не меньше прежняго!

— Я больше,—проговорилъ Калиновичъ.

— А я развѣ не тоже?—подхватила Настенька и поцѣловала его.

Вошли капитанъ и Михѣичъ. Она сѣла на прежнее свое мѣсто. Нѣкоторое время продолжалось молчаніе.

— Прощайте однако,—проговорилъ вдругъ вице-губернаторъ вставая.

— Куда-жъ ты?—спросила Настенька.

— Домой,—отвѣчалъ Калиновичъ.— Я нынче начинаю вѣрить въ предчувствіе, и вотъ, какъ хочешь объясни,—продолжалъ онъ, беря себя за голову:—но только меня какъ-будто бы въ клещи ущѣмилъ ва-

кой-то непонятный страхъ, такъ что я ясно чувствую... почти вижу, что въ эти именно минуты тамъ, гдѣ-то на небѣ, по таинственной волѣ судебъ, совершается переломъ моей жизни: къ худому онъ или къ хорошему — не знаю, но только страшный переломъ... страшный.

— Очень понятно это предчувствіе, — возразила Настенька: — встрѣтился со мной и, конечно, будетъ переломъ.

— Нѣтъ, это не то! Прощай!.. Прощайте, Флегонтъ Михайлычъ, — проговорилъ Калиновичъ и пошелъ. Настенька съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и съ грустью проводила его до передней. Капитанъ бросился ему свѣтить, а Михѣвичъ, подавъ ему шубу и взявъ отъ Флегонта Михайлыча свѣчку, послѣдовалъ за вице-губернаторомъ до самаго экипажа. «Не ушибитесь тутъ, ваше превосходительство, сохрани васъ Господи!» — предостерегалъ онъ его, слегка придерживая подъ руку, и потомъ, захлопнувъ за нимъ дверцы въ каретѣ, присовокупилъ, расшаркиваясь на грязи: «спокойной ночи вашему превосходительству желаю!»

— Спасибо! — сказалъ ласковымъ голосомъ Калиновичъ и уѣхалъ.

Предчувствіе его, по пріѣздѣ домой, оправдалось. На слабо освѣщенной лѣстницѣ ему попалось подъ ноги что-то бѣлое,

— Это что такое? — спросилъ онъ лакея, который встрѣчалъ его.

— Ящикъ... барынинъ, — отвѣчалъ тотъ нетвердымъ голосомъ.

— Зачѣмъ же онъ тутъ?

Лакей еще больше замаялся.

— Онъ уѣхать изволили, такъ въ карету не установился, и оставили тутъ.

— Какъ уѣхала, куда?—спрашивалъ Калиновичъ, продолжая идти.

— Въ дорогу, должно быть, на почтовыхъ... Письмо тамъ на вашемъ столѣ оставлено,—отвѣчалъ лакей совсѣмъ ужъ блѣдный.

Вице-губернаторъ, наконецъ, остановился и посмотрѣлъ ему нѣсколько времени въ лицо.

— Гм!—больше простоналъ онъ и, переведя дыханье, прошелъ въ свой кабинетъ. Тамъ дѣйствительно на столѣ лежала записка отъ Полины. Она писала:

«Послѣдній вашъ поступокъ даетъ мнѣ право исполнить давнишнее мое желаніе и разойтись съ вами. Если вы вздумаете меня преслѣдовать и захотите силой заставить меня жить съ вами, я обращаюсь къ правительству и буду у него просить защиты отъ васъ.»

По всему было замѣтно, что Калиновичъ никакъ не ожидалъ удара съ этой стороны. Удивленный, взбѣшенный и въ то же время испуганный мыслию объ общественной огласкѣ и другими соображеніями, онъ, на первыхъ порахъ, какъ бы совершенно потерялся и, самъ не зная, что предпринять, судорожно позвонилъ.

Вбѣжалъ лакей.

— Пошелъ, скажи каретѣ, чтобъ она ѣхала туда, гдѣ я сейчасъ былъ, и тамъ отдать эту записку!—сказалъ онъ, подавая доскутокъ бумаги, на которой написалъ нѣсколько словъ.

— Погоди! — крикнулъ вице-губернаторъ. — Послать жандарма къ полиціимейстеру и велѣть ему, отъ моего имени, чтобъ онъ сію же секунду ѣхалъ въ острогъ, осмотрѣлъ бы тамъ, все ли благополучно, и сейчасъ же мнѣ донесъ. Распорядившись такимъ образомъ, онъ потряхнулъ головой, какъ бы желая тѣмъ придать себѣ бодрости, и вошелъ въ спальню Полины. Шифоньерка, въ которой, по обыкновенію, хранились вещи и деньги, была даже не затворена и совершенно пуста. Калиновичъ усмѣхнулся и возвратился въ свой кабинетъ. Здѣсь, опустившись въ кресло и съ какимъ-то бессмысленнымъ выраженіемъ въ лицѣ, онъ пробылъ до тѣхъ поръ, пока не вошла съ безпокойнымъ лицомъ Настенька, за которою онъ и посылалъ карету.

— Поздравьте меня: я теперь человѣкъ совершенно свободный... разводокъ! — встрѣтилъ ее вице-губернаторъ на первыхъ же шагахъ.

— Что такое случилось, скажи, пожалуйста? — говорила она, садясь, но не снимая ни салопы, ни шляпки.

— Ничего!.. Комплоть... заговоръ составленъ противъ меня. Я не даромъ ее засталъ у него... Вонъ оно откуда все это идетъ!.. Цѣлая галерея, я думаю, минъ и подкоповъ подведена теперь, чтобъ разомъ взорвать меня... Поглядимъ... посмотримъ... — говорилъ онъ, какъ-то странно пожимая плечамп.

Настенька со страхомъ смотрѣла на него. Раздавшійся въ залѣ звукъ сабли далъ знать, что пріѣхалъ полиціимейстеръ. Калиновичъ вышелъ къ нему.

— Что скажете? — спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Все благополучно,—отвѣчалъ полиціймейстеръ.

— А арестантъ—князь Иванъ Раменскій?

— Содержится. Спитъ теперь.

Калиновичъ нѣкоторое время думалъ.

— Такъ какъ къ допросамъ онъ не будетъ требоваться, то заколотить его намору совершенно и пищу давать ему въ обошечко,—проговорилъ онъ строго-повелительнымъ голосомъ.

Полиціймейстеръ былъ человѣкъ привычный и, по натурѣ своей, склонный ко всякаго рода крутымъ мѣрамъ; но, услышавъ это приказаніе, нѣсколько смутился.

— Предписаніе на то отъ вашего высокородія будетъ?—спросилъ онъ.

— Будетъ-съ!—отвѣчалъ вице-губернаторъ.

Полиціймейстеръ откланялся. Настенька слушала этотъ разговоръ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Другъ мой, что ты хочешь дѣлать?—спросила она, когда Калиновичъ возвратился въ кабинетъ.

— Ничего! хочу только покрѣпче посадить, а то они всѣ разбѣгутся!—отвѣчалъ онъ съ истерическимъ хохотомъ, снова опускаясь въ кресло.—Ихъ много, а я одинъ,—говорилъ онъ, между-тѣмъ какъ въ лицѣ его подергивало всѣ мускулы.

— Какъ же ты одинъ, когда я около тебя?—сказала Настенька, подходя къ нему.

— Да, ты должна быть моей женой... другомъ... сестрой... И пускай объ этомъ знаютъ всѣ—да! Не оставь меня, другъ мой,—заклучилъ вице-губернаторъ и, какъ малый ребенокъ, зарыдавъ, склонилъ голову на грудь Годневой.

Она обвила его руками и начала цѣловать въ

темя, въ лобъ, въ глаза. Эти искреннія ласки, кажется, нѣсколько успокоили Калиновича. Посадивъ невдалекѣ отъ себя Настеньку, онъ сейчасъ же принялся писать и занимался почти всю ночь. На другой день отъ него была отправлена въ Петербургъ эстафета и куча писемъ. По всему было видно, что онъ чего-то сильно опасался и принималъ противъ этого всевозможныя мѣры.

XII.

Умы между-тѣмъ продолжали въ губерніи волноваться. Три собственно пункта были исходными точками настоящаго движенія. На первомъ планѣ, конечно, стояло назначеніе новаго губернатора, исправляющимъ должность котораго дѣйствительно былъ утвержденъ Калиновичъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Вторымъ пунктомъ былъ нечаянный и быстрый отъѣздъ новой губернаторши. Какъ и зачѣмъ она уѣхала? спросили себя многіе не безъ удивленія. Однако Калиновичъ въ разговорѣ съ нѣкоторыми лицами совершенно удовлетворительно объяснилъ это, говоря, что онъ давно собирался съѣздить съ семействомъ въ Петербургъ, но теперь, получивъ настоящее назначеніе, не можетъ этого сдѣлать, а потому отпустилъ жену одну. Третій пунктъ превышалъ всякое ожиданіе, всякую мѣру терпѣнья—и это былъ офиціальныи пріемъ, который сдѣлалъ новый губернаторъ чиновникамъ. На другой же день, послѣ полученія указа объ утвержденіи его, полиціи-мейстеръ повѣстилъ всѣ губер-

скія и уѣздныя присутственные мѣста, чтобъ члены оныхъ, а равно и секретари явились, 12-го марта, въ одиннадцать часовъ утра, на представленіе начальнику губерніи. Повѣстка эта произвела, какъ водится, нѣкоторую ажитацію. Автору, напримѣръ, совершенно извѣстно, что уѣздный судья, Бобковъ, уже нѣсколько лѣтъ имѣвшій обыкновеніе пить передъ обѣдомъ по восьми и передъ ужиномъ по десяти рюмокъ водки, цѣлые два дня передъ тѣмъ не употреблялъ ни капли, чтобъ не дохнуть какимъ-нибудь образомъ на начальника губерніи этимъ неприятно-пахучимъ напиткомъ. Городской глава, точно передъ какимъ-нибудь тайнствомъ, подстригъ накануне немного бороду, сходилъ въ баню и потомъ на самое представленіе страшно напомадился. Помощникъ почтмейстера, по-крайней-мѣрѣ съ двухъ часовъ до пяти, ходилъ по рядамъ и выбиралъ себѣ новую шляпу и шпагу: все онѣ казались ему не того достоинства, какого бы онъ желалъ имѣть. Повивальная бабка Эрнестина, наслышавшись о строгости новаго губернатора, въ ужаснѣйшемъ безпокойствѣ ѣздила по городу и всѣхъ умоляла сказать ей, что должна-ли она представляться или нѣтъ, потому что тоже служащая, хоть и дама.

Двѣнадцатаго числа, наконецъ, еще съ десяти часовъ утра, вся почти улица передъ подъѣздомъ начальника губерніи переполнилась экипажами разнообразнѣйшихъ фасоновъ, начиная съ уродливыхъ дрожекъ судьи Бобкова до очень красивой кареты на лежачихъ рессорахъ совѣтника питейнаго отдѣленія. Молоденькая жена чиновника особыхъ порученій вмѣстѣ съ молоденькою прокуроршей, будто

бгтаясь, нѣсколько ужь разъ проѣзжали по набережной, чтобъ хоть въ окно заглянуть и посмотреть, что будетъ дѣлаться въ губернаторской квартирѣ, гдѣ, дѣйствительно, въ огромной залѣ собрались всѣ чиновники, начиная съ девятаго класса до пятаго, чиновники, по большей части, полные какъ черепахи, и выставившіе свои нѣсколько сутуловатыя головы изъ нескладныхъ, хоть и золотомъ шитыхъ, воротниковъ. Ближе прочихъ къ кабинету стояло губернское правленіе, замыкавшееся секретаремъ Экзархатовымъ, который, кажется, изъ всѣхъ тутъ находившихся, былъ спокойнѣе другихъ. Предсѣдатель казенной палаты, держа въ рукахъ свою генеральскую шляпу и ходя около взвода своей палаты, замѣтно старался казаться веселымъ, насмѣшливымъ и даже нѣсколько вольнодумнымъ; но лицо ему измѣняло! Строительная коммиссія, по преимуществу, бросалась въ глаза штабъ-офицеромъ, который, по словамъ зубоскала Козленева, былъ первоначально дѣланъ на шоссейную будку, но потомъ, когда увидѣли, что онъ выщелъ очень неуклюжъ, такъ повернули его въ настоящее званіе... Стоящій рядомъ съ нимъ губернской архитекторъ былъ какъ распущенный въ водѣ. У него ужь тысячи на три меньше очутилось въ карманѣ, когда Калиновичъ былъ еще только вице-губернаторомъ, а теперь, пожалуй, и ничего не попадетъ. Управляющій палатой государственныхъ имуществъ, чтобъ представить своихъ чиновниковъ въ болѣе полномъ комплектѣ, пригналъ даже трехъ волостныхъ головъ; но у одного изъ нихъ до такой степени сапоги воняли ворванью, что принуждены были его прогнать. Почтовое въ-

домство, по родственнымъ сношеніямъ съ директоромъ гимназіи, стояло въ одной кучкѣ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Когда всѣ власти такимъ образомъ разстановились, Калиновичъ не заставилъ себя долго дожидаться: онъ вышелъ въ полной губернаторской формѣ, впрочемъ, нисколько не рисуясь, а, напротивъ, очень просто всѣмъ поклонившись, остановился на срединѣ залы, такъ что всѣ почти видѣли его лицо.

— По распоряженію правительства, господа, я назначенъ начальникомъ здѣшней губерніи, — началъ онъ скороговоркой и потупляя глаза: — характеръ моего управленія вамъ нѣсколько извѣстенъ изъ дѣйствій моихъ, какъ вице-губернатора, и потомъ какъ управляющаго губерніей. Ко всему этому мнѣ остается развѣ прибавить нѣсколько словъ. Всѣ, которыхъ я имѣю честь здѣсь видѣть, всѣ мы чиновники, и потому маскироваться намъ другъ передъ другомъ нечего. Всякій, конечно, изъ насъ понимаетъ, что единственными руководителями каждаго благонамѣреннаго чиновника должны быть законъ, его собственный здравый смыслъ и, наконецъ, полная готовность дѣлать добро. Никакихъ другихъ побужденій онъ имѣть не долженъ; но въ то же время, кто не согласится, что это далеко не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ?... Я не говорю уже о полицейскихъ властяхъ, которыя, я знаю, дозволяютъ себѣ и фальшивое направленіе въ слѣдствіяхъ, и умышленную медленность при производствѣ взысканій, и вообще вопіющую неапорядительность отъ незнанія дѣла, отъ лѣности, отъ пьянства; и такъ какъ все это непосредственно подчинено мнѣ, то потому я напередъ говорю, что все

это буду преслѣдовать съ полною строгостью, и въ отношеніи виновныхъ буду чуждъ всякаго снисхожденія.

При этихъ словахъ Калиновича, всѣ невольно взглянули на полиціймейстера, который, однако, какъ человѣкъ бывалый, хоть бы глазомъ мигнулъ.

— Но, кромѣ этихъ частныхъ случаевъ, — продолжалъ губернаторъ, не поднимая глазъ: — существуютъ, если можно такъ выразиться, установившіяся, вошедшія въ какую-то законность злоупотребленія, которыя не влекутъ за собой никакихъ жалобъ, а потому почти не оглашаются. Напримѣръ, при служебныхъ разъѣздахъ, мнѣ часто случалось встрѣчать чрезвычайно дурныхъ лошадей; и когда я спрашивалъ, отчего это? почти-содержатели откровенно мнѣ говорили, что они не могутъ вести иначе дѣла, потому что платятъ мѣстному почтовому начальству по 15-ти рублей съ пары.

Губернскій почтмейстеръ поблѣднѣлъ и переглянулся съ шуриномъ своимъ, директоромъ гимназіи.

— Живя въ молодости по уѣзднымъ городкамъ, я слышалъ, какъ самую обыкновенную вещь, что въ казначействахъ взимаются какіе-то гроши съ паспортовъ, берется съ мужиковъ сборъ на мытье половъ, которые они будто бы очень топчутъ, и, наконецъ, заставляютъ ихъ дѣлать вкладъ на масло для образной лампы!

По всѣмъ вѣдомствамъ, за псключеніемъ казенной палаты, пробѣжала улыбка.

— При рекрутскихъ наборахъ я тоже бывалъ печальнымъ свидѣтелемъ, какъ эта, и безъ того тяжелая обязанность нашихъ низшихъ классовъ, составляетъ

стѣнокость, праздникъ для волостныхъ головъ, окружныхъ начальниковъ, рекрутскихъ присутствій и докторовъ въ особенности!—сказалъ губернаторъ и, какъ всѣ замѣтили, прямо при этомъ посмотрѣлъ на кривошейку инспектора врачебной управы, который, въ свою очередь, какъ-то весь съежился, сознавая самъ въ душѣ, что при наборахъ, касательно интереса, онъ дѣйствительно былъ не человекъ, а дьяволъ.

Одинъ изъ головъ тоже представлялъ при этомъ случаѣ довольно любопытную фигуру: какъ услышалъ онъ, что дѣло коснулось рекрутства, сейчасъ же вытянулся всѣмъ тѣломъ и умоляющимъ выраженіемъ своихъ глазъ, плаксивымъ складомъ носа, губъ, какъ бы говорилъ: «Знать ничего не знаю... На все воли начальства была.»

— Всѣ эти злоупотребленія,—продолжалъ губернаторъ, выпрямляя наконецъ свой станъ и поднимая голову:—всѣ они еще не такъ крупны, какъ сдѣлки господъ чиновниковъ съ разнаго рода поставщиками, подрядчиками, которые—доставляютъ ли въ казну вино, хлѣбъ, берутъ ли на себя какую-нибудь работу—по необходимости должны бываютъ имѣть въ виду, при сносѣ цѣны на торгахъ, вопервыхъ, лицъ, которыя утверждаютъ торги, потомъ производителей работъ и наконецъ тѣхъ, которые будутъ принимать самое дѣло.

Проговора это, Калиновичъ пріостановился на нѣсколько секундъ. Въ залѣ, между тѣмъ, царствовало совершенное молчаніе: всѣ были замѣтно и глубоко оскорблены.

— Изъ всего, что я перечислялъ теперь, вѣроятно сотой доли не существуетъ въ здѣшней губер-

ни; но еслибъ и было что-нибудь подобное, такъ всѣ мы, предсѣдательствующія лица, поставимъ, конечно себѣ въ святую обязанность истребить и уничтожить это съ корнемъ,—заключилъ онъ болѣе ядовитымъ, чѣмъ искренимъ тономъ и, раскланявшись потомъ на всѣ стороны, поспѣшно ушелъ въ кабинетъ.

Молчаніе продолжалось еще нѣкоторое время.

— Что-жь это такое?—проговорилъ первый предсѣдатель казенной палаты.

— Всѣмъ досталось... всѣхъ обругалъ...—подхватилъ управляющій палатою государственныхъ имуществъ.

— Безпокойный человѣкъ, безпокойный!—повторилъ, въ раздумѣ, штабъ-офицеръ строительной коммисіи.

Почтмейстеръ съ директоромъ гимназіи нѣжно глядѣли другъ другу въ глаза. Губернское правленіе, какъ болѣе другихъ привыкшее къ выходкамъ своего бывшего вице-губернатора, первое пошло по домамъ, а за нимъ и прочіе.

— Что-жь это такое? — повторилъ предсѣдатель казенной палаты, сходя съ лѣстницы, и тутъ-же перешелъ кой съ кѣмъ изъ значительныхъ лицъ, чтобъ съѣхаться и потолковать насчетъ подобнаго казуса.

— Непремѣнно надобно!—подтвердили тѣ, и въ тотъ же вечеръ къ нему собралось человѣкъ десять; но чтобъ не было огласки ихъ собранію, нарочно усѣлись въ хозяйскомъ кабинетѣ съ запертыми ставнями и опущенными даже сторами.

Больше всѣхъ горячился самъ хозяинъ.

— Я, ваше превосходительство, — говорилъ онъ губернскому предводителю, заклѣтому врагу Калиновича по дѣлу князя:—я старше его лѣтами, службой, чиномъ наконецъ, потому что онъ пока еще вчера только испеченный дѣйствительный статскій, а я генераль-маіоръ государя моего императора и, какъ начальнику губерніи, я всегда и вездѣ уступлю ему первое мѣсто; но если онъ, во всеуслышаніе, при общемъ собраніи, говоритъ, что всѣ мы взяточники, я не могу этого перенести!

Губернскій предводитель вивкомъ головы одобрилъ его.

— Какое онъ право имѣетъ на это?—вмѣшался молодой прокуроръ:—я съ сенаторами ревизовалъ нѣсколько губерній; они посылаются съ большею властью, но и тѣ не принимали такимъ образомъ чиновниковъ.

— Теперь онъ на улицѣ встрѣтитъ худую почтовую лошадь—я и виноватъ!—добавилъ губернскій почтмейстеръ.

На этотъ разговоръ пріѣхалъ инженерный полковникъ вмѣстѣ съ Папушкинымъ.

— Я привезъ къ вамъ Михайла Трофимыча... Онъ недавно изъ Питера и слышалъ тамъ кое-что о нашемъ новомъ начальникѣ,—проговорилъ онъ, указывая на подрядчика.

— Скажите, пожалуйста,—началъ хозяинъ прямо:—какъ его тамъ разумѣютъ: сумасшедшій ли онъ, дуракъ ли, или ужь очень умный человекъ, такъ что мы понимать его не можемъ?

— А что разумѣютъ! — отвѣчалъ грубо Мишка Папушкинъ и, не стѣсняясь тѣмъ, что находится въ генеральскомъ домѣ, нецеремонно опустился въ кре-

сло:—разумѣютъ такъ, что человѣкъ въ большой силѣ. Я было... такъ какъ и по нашимъ хошь бы теперь производствамъ дѣло отъ него не поеть... говорилъ было тоже кое съ кѣмъ изъ начальства ихняго... «Что, я говорю, господа, хотъ контрибуцію съ насъ возьмите, да разведите насъ только съ этимъ человѣкомъ.»— «Нѣтъ, говорятъ, Михайло Трофимычъ, этого ты и не проси, а лучше съ нимъ ладыте... У насъ только то и дѣлается, что онъ самъ захочеть!»

— Что-жь его тамъ считаютъ за человѣка очень способнаго, геніальнаго, что ли?—спросилъ губернский предводитель.

— Богъ, вѣдь, знаетъ, господа, какъ, и про что, и за что у васъ человѣка возвышаютъ. Больше всего, чай, надо полагать, что письмами отъ Хованскаго онъ очень хорошую себѣ рекомендацію дѣлаетъ, а тутъ тоже говорятъ, что и черезъ супругу держится. Она тамъ сродственница другой барынѣ, а та тоже по министеріи-то у нихъ фаверь большой имѣеть. Прахъ ихъ знаетъ! Болтали многое... Я другаго, пожалуй, и не разобралъ, а много болтали.

— Это такъ,—проговорилъ губернский предводитель, соображая.—Онъ теперь за тѣмъ жену и послалъ, чтобъ крѣпче связать этотъ узелъ.

— Можетъ быть, — подхватилъ со вздохомъ хозяинъ.—Во всякомъ случаѣ, господа, я полагаю, что и мнѣ, и вамъ, Федоръ Иванычъ,—обратился онъ въ жандармскому штабъ-офицеру,—и вашему превосходительству конечно, и вамъ наконецъ; Рафаилъ Никитичъ,—говорилъ онъ, относясь къ губернскаго предводителю и губернскаго почтмейстеру:—всѣмъ намъ донести по своимъ начальствамъ, какъ мы были при-

няты, и просить защиты — потому что онъ теперь говорить, а потомъ будетъ и дѣйствовать, тогда служить будетъ невозможно!

Съ этимъ были почти все согласны. Одинъ только Мишка Папушкинъ какъ-то сурово поглядывалъ на председателя.

— Отчего служить нельзя?.. пустяки!.. можно! — проговорилъ онъ.

— То-то, что не можно, — возразилъ тотъ съ досадой. — Ты это, братецъ, говоришь потому, что службы не знаешь и не понимаешь!

— Можно! — повторилъ настойчиво Михайло Трофимовъ. — У насъ насчетъ такихъ случаевъ складная деревенская побасенка есть... слышь!..

— Не до побасенокъ твоихъ, Михайло Трофимычъ, — замѣтилъ было инженерный штабъ-офицеръ.

— Да ты погоди — постой, не до побасенокъ! — перебилъ его Папушкинъ: — и побасенки послушай, коли она тебя уму-разуму учить. Дѣло, батеньки мои, было такого ходу... — продолжалъ онъ, погладивъ себя усы и бороду: — во времена это происходило еще древнія, старыя... жилъ былъ по деревнѣ мужикъ жаднѣющій... бывало, на обухъ рожь молотить приметя, зернышка не уронить; только было у него, промежъ прочаго другаго имѣнья, стадо овецъ... Слышать-прослышать онъ, однимъ временемъ, что въ нѣмецкихъ земляхъ съ овецъ шерсть стригутъ и большую пользу отъ того имѣютъ. Парень нашъ, не будь глупъ, сейчасъ въ поле, и ну валять да стричь ту да другую овцу; а тѣ, дуры, слупа да съ непривычки, лягаться да брыкаться начали... Ну, а при такомъ положеніи, извѣстно, обиходить неловко.

Вотъ онъ которую по нечаянности, а которую и въ сердцахъ, ткнетъ да пхнетъ ножницами въ бокъ... Смотришь, выскочить отъ него сердечная овечка, шерсть острижена и бока помяты... Испугались наши овцы... пошли, дѣлать нечего, къ козлу за совѣтомъ. «Ахъ, вы, дуры, дуры!—говорить,—лежите только смирно — больше ничего! пускай потѣшится, пострижетъ: самъ собой отстанетъ, какъ руки-то намозолить; а у васъ, промежь-тѣмъ, шерстка-то опять втихомолку подрастетъ, да и бока-то будутъ цѣлы, не помяты!» То и вамъ, господа генералы и полковники, въ вашемъ теперешнемъ дѣлѣ, я совѣтовалъ бы козлинаго наставленія послушать. Не лягайтесь — пускай его потѣшится, пострижетъ! По пословицѣ: одинъ у каши неспоръ... Умается, повѣрьте вы моему слову.

Заключеніе присказки Михайло Трофимова заставило всѣхъ улынуться.

— Хороша побасенка! — сказалъ губерскій предводитель.

— Хорошая!—повторилъ подрядчикъ и въ скоромъ времени, неуклюже раскланявшись, уѣхалъ.

XIII.

Точно сама мудрость на этотъ разъ вѣщала устами Папушкина. Какъ обозначилъ онъ, такъ и пошло въ губерніи. Всѣ почти чиновники, бывшіе и небывшіе на совѣщаніи, — сказали себѣ мысленно: «Прахъ его побери! пускай потѣшится и пострижетъ... шерстки, одно дѣло, заранѣе ужъ позапасено, а другое, можетъ-быть, и напередъ сего, хоть

не очень-шибко, а все-таки станетъ подростать!» Калиновичъ тоже какъ-будто бы дѣйствовалъ по сказкѣ Папушкина. Онъ сталъ валять и стричь, какъ овецъ, одного чиновника за другимъ. Первый, конечно, былъ уничтоженъ правитель канцеляріи, и на мѣсто его опредѣленъ Экзархатовъ. Потомъ, ударъ разразился надъ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ, въ которомъ, по представленію начальника губерніи, былъ удаленъ управляющій и перетасованы окружные начальники. Полиція, начиная съ послѣдняго квартальнаго до частныхъ приставовъ, была смѣнена. Красноносому полиціймейстеру, говорятъ, угрожала та же участь. Ко всему этому ожидалась еще губернаторская ревизія. Исправники, почти не выѣзжая изъ уѣздовъ, выбивали недоимку и сгоняли народъ на дорогу, чтобъ привести все въ благоустроенный видъ. Городничіе, въ уѣздныхъ городишкахъ, посредствомъ брани, палокъ и даже на свой собственный счетъ, мостили мостовыя и краспили заборы. Въ палатахъ, по судамъ, въ думахъ, въ магистратахъ, секретари цѣлые дни и ночи просиживали въ канцеляріяхъ и писали.

Но въ то время, какъ служебная дѣятельность была развита такимъ образомъ по всѣмъ судебнымъ и административнымъ артеріямъ, въ обществѣ распространилась довольно странная молва: Сашка Козленевъ, какъ извѣстный театраль, знавшій всѣ закулисныя тайны, первый началъ ѣздить по городу и болтать, что новый губернаторъ — этотъ идеаль чиновничьяго поведенія — тотчасъ, послѣ отъѣзда жены, приблизилъ къ себѣ актрису Минаеву и проводитъ съ ней всѣ вечера. Обстоятельство это по-

казалось до такой степени значительнымъ, что двѣ дамы, изъ самыхъ первыхъ сановницъ, сочли нужнымъ сдѣлать Настенькѣ визитъ, который, конечно, былъ имъ не оплаченъ. Смѣло увѣряя читателя въ достовѣрности этого факта, я, въ тоже время, никогда не позволю себѣ назвать имена совершившихъ его, потому что, кто знаетъ строгость и щепетильность губернскихъ понятій насчетъ нравственности, тотъ пойметъ всю громадность уступки, которую сдѣлали въ этомъ случаѣ обѣ дамы, и которая, между прочимъ, можетъ показать, на какую жертву послѣ того не рѣшатся женщины нашего времени для служебной пользы мужей. Губернаторъ, между тѣмъ, какъ бы желая выразить и окончательно свое неуваженіе къ обществу, рѣшительно началъ дурачиться. Часто, среди дня, онъ прямо изъ присутственныхъ мѣстъ проѣзжалъ на квартиру къ Настенькѣ, гдѣ, какъ всѣ видѣли, экипажъ его стоялъ у воротъ до поздней ночи; видѣли потомъ, какъ Настенька иногда пріѣзжала къ нему въ его каретѣ, съ неподнятыми даже огнями, и наконецъ онъ дошелъ до того, что однажды, во время многолюднаго гулянья на бульварѣ, проѣхалъ съ ней мимо въ открытомъ фаэтонѣ.

Молоденькая прокурорша и молоденькая жена чиновника особыхъ порученій, гулявшія, по обыкновенію, вмѣстѣ, первыя это замѣтили и вспыхнули отъ стыда; а жена председателя уголовной палаты, нѣкогда столь обезпокоившаяся отставкою прежняго начальника губерніи, въ этотъ разъ съ какимъ-то неистовствомъ выбѣжала изъ сада, сѣла на пролетку и велѣла себѣ везти вслѣдъ за губернаторскимъ экипажемъ.

На ея глазахъ Калиновичъ подвѣхаль къ своему крыльцу, вышелъ самъ первый, а потомъ, высадивъ Минаеву, какъ жену, подъ руку, скрылся съ нею за стекляную дверь. **Вслѣдъ** затѣмъ Настенька совершенно по домашнему взбѣжала на лѣстницу, прошла въ залу и, садясь небрежно въ гостиной на диванъ, проговорила: «Охъ, устала... жарко немножко». Калиновичъ сѣлъ и съ какой-то грустной нѣжностью смотрѣлъ на нее... Здѣсь я не могу обойти молчаніемъ того, что если кто видалъ мою героиню, когда она была дѣвочкой, тотъ конечно бы теперь не узналъ ея — такъ она похорошѣла. Для женскихъ личиковъ розовыхъ, свѣженькихъ, тридцать лѣтъ обыкновенно почти **бѣда**: розы переходятъ въ багровыя пятна, глаза тускнѣютъ, черты еще болѣе пошлѣютъ. Но не то бываетъ съ осмысленными женскими физіономіями, подъ которыми таится духовная красота. Въ этомъ возрастѣ присутствіе ума, чувствъ, нѣкоторой страстности — все это ярче и больше начинаетъ въ нихъ выражаться, и къ такого рода физіономіямъ принадлежало именно лицо Настеньки. Одѣта она была очень мило. Петербургъ и званіе актрисы dokonчили въ этомъ отношеніи ея воспитаніе. Часовъ въ восемь, человекъ на огромномъ серебряномъ подносѣ принесъ чайный приборъ и приготовилъ его на особенномъ столѣ. Настенька, совершенно какъ бы хозяйка, сѣла за него и начала разливать чай. Изъ боковыхъ дверей появился Флегантъ Михайлычъ, и за нимъ нецеремонно вошелъ кобель Трезоръ.

— Здравствуйте, дядя! — проговорилъ ему привѣтливо губернаторъ.

Капитанъ съ обычнымъ приѣмомъ раскланялся и, сѣвъ нѣсколько поодаль, потупилъ глаза. За нѣсколько еще дней передъ тѣмъ онъ имѣлъ очень длинный разговоръ съ Каллиновичемъ въ кабинетѣ, откуда вышелъ если не опечаленный, то очень разстроенный. Возвратившись домой, онъ какъ-то особенно моргалъ глазами.

— Ну, что, дядя, говорили вы съ нимъ?—спросила его Настенька.

— Говорилъ съ,—отвѣчалъ капитанъ.

— Что-жь, успокоились теперь и поняли, что когда дѣло сдѣлано, такъ нечего пятиться назадъ?

— Да-съ.

— И убѣдились наконецъ, что этотъ человѣкъ меня любить?—заклЮчила Настенька.

— Да-съ! — подтверждалъ Флегонтъ Михайлычъ и началъ послѣ того все почти вечера вмѣстѣ съ Настенькой проводить у губернатора. Въ простодушныхъ понятіяхъ его чины имѣли такое громадное значеніе, что тотъ же Каллиновичъ казался ему теперь совершенно инымъ человѣкомъ, и онъ никогда ни въ чемъ не позволялъ себѣ забыть, гдѣ и передъ кѣмъ онъ находится. Что касается губернатора, то, послѣ служебной ломки, которую онъ почти каждое утро производилъ, присутствіе этихъ добрыхъ людей, видимо, заставляло его какъ-то отдыхать душой, и какое-то тихое, отрадное чувство поселяло въ немъ. Въ настоящій вечеръ, впрочемъ, онъ былъ что-то особенно грустенъ и мраченъ, такъ что Настенька спросила его, что съ нимъ?

— Ничего! Позвони, пожалуйста, другъ мой! — отвѣчалъ онъ.

Та дернула сонетку.

Вошелъ лакей.

— Что тамъ, пришла ли почта, или нѣтъ? — Поплите узнать жандарма къ Экзархатову!

— Они сами здѣсь, ваше превосходительство, — отвѣчалъ лакей.

— Что-жь вы, болваны, не скажете? Проси!... — проговорилъ съ безпокойствомъ губернаторъ. — Какъ это, Николай Ивановичъ, вы не ведите о себѣ скзывать... что за щепетильность пустая! — встрѣтилъ онъ Экзархатова.

Тотъ подаль ему цѣлую кучу пакетовъ. Калиновичъ съ пренебреженіемъ перекидалъ ихъ и остановился только на одной бумагѣ, на которой была сдѣлана надпись: *въ собственныя руки*. Онъ распечаталъ ее, прочиталъ внимательно и захохоталъ такимъ страннымъ смѣхомъ, что все посмотрѣли на него съ удивленіемъ, а Настенька даже испугалась.

— Всегда тебя эта проклятая почта встревожить! — проговорила она.

Калиновичъ ничего не отвѣчалъ ей и снова прочиталъ бумагу.

— Еще по тремъ доносамъ требуютъ объясненія! — обратился онъ, наконецъ, съ судорожной усмѣшкой къ Экзархатову, подавая ему бумагу: — теперь ужъ присланы совершенно вопрозные пункты. Какъ преступника или подсудимаго какого-нибудь спрашиваютъ!

Экзархатовъ не зналъ, читать ему бумагу или нѣтъ.

— Взгляните, прочтите! Я ни скрывать, ни

стыдиться этого не намѣренъ...—сказалъ Калиновичъ и опять захохоталъ.

Настенька смотрѣла на него съ безпокойствомъ. Она очень хорошо видѣла, что онъ былъ подъ вліяніемъ страшнѣйшаго гнѣва.

— Ни стыдиться, ни скрывать этого не намѣренъ! — повторялъ губернаторъ, а потомъ вдругъ обратился къ Экзархатову. — Послушайте! — началъ онъ: — не хотите ли, пока есть еще время, вмѣсто настоящей службы, получить мѣсто какого-нибудь городничаго или исправника, окружнаго, наконецъ, начальника?... Я, по своему вліянію, могу еще теперь сдѣлать это для васъ.

Предложеніе это замѣтно удивило и оскорбило Экзархатова.

— Развѣ я не гоюсь въ настоящей моей должности? — прогорилъ онъ.

— О, Боже мой! кто жъ вамъ это говорить! — воскликнулъ Калиновичъ: — но я могу быть переведенъ; пріѣдетъ другой, который васъ вытѣснитъ и вы останетесь безъ куска хлѣба!

Экзархатовъ выпрямился, поднялъ свою опущенную голову и вообще какъ-то пріосанился.

— Я, Яковъ Васильичъ, сколько себя понимаю, служу не лицамъ, а дѣлу... что-жъ мнѣ этого очень опасаться? — проговорилъ онъ.

Калиновичъ захохоталъ.

— Не лицамъ!... на службѣ дѣлу хочетъ выѣхать! — Нельзя, сударь, у насъ такъ служить! — воскликнулъ онъ и, вставъ съ своего мѣста, началъ, злобно усмѣхаясь, ходить по комнатѣ. Выраженіе

лица его было таково, что изъ сидѣвшихъ тутъ лицъ никто не рѣшался съ нимъ заговорить.

— Потрудитесь, пожалуйста, — обратился онъ на конецъ къ Экзархатову: — написать къ завтраму отвѣтъ на это. Тамъ спрашиваютъ, на какомъ основаній князь арестованъ и теперь производится о немъ слѣдствіе безъ депутата со стороны дворянства. Пишите, что полицейская власть всякое лицо, совершившее уголовное преступленіе, имѣетъ право одна, сама собой, арестовать, потому что, пока бы она стала собирать депутатовъ, у ней всѣ преступники разбѣжались бы. Кажется, это ясно и понятно? А что при допросахъ нѣтъ депутата, такъ нигдѣ и никакимъ закономъ не вмѣнено слѣдователю въ обязанность спрашивать грамотныхъ дворянъ при какихъ бы то ни было заступникахъ, и мнѣ для этого не выдумывать новыхъ постановленій. Насчетъ откупа отвѣчайте тоже, что дѣлалъ съ него сборъ въ пользу города и нахожу это, съ своей стороны, совершенно-законнымъ, потому что хоть соую часть возвращаю обществу изъ огромныхъ барышей, которые получаетъ откупщикъ — такъ и пишите этими самыми словами.

— Чтобъ не оскорбились за выраженія... — замѣтилъ было Экзархатовъ.

— А я не оскорбленъ? — Они меня не оскорбили, когда я помысломъ не считаю себя виновнымъ въ службѣ? — воскликнулъ губернаторъ, хватая себя за голову и потомъ, съ замѣтнымъ успіемъ, принявъ спокойный видъ, снова заговорилъ: — На вопросъ о вступительной рѣчи моей пропишите ее всю цѣлкомъ, все, что припомните, отъ слова до слова, какъ

и о какого рода взяточникахъ я говорилъ; а если что забыли, я самъ дополю и добавлю: у меня все на памяти. Я говорилъ тогда не зря. Ну, теперь, значить, до свиданья... Ступайте, займитесь этимъ!

Экзархатовъ, потупивъ голову, вышелъ.

— Скажи, пожалуйста, отчего это и откуда пошли всѣ эти неприятности тебѣ? Ты прежде такъ же служилъ и дѣйствовалъ, но тебя еще повышали, а тутъ вдругъ...

Калиновичъ въ упоръ и насмѣшливо поглядѣлъ на нее.

— За то, что я не имѣлъ счастья угодить моей супругѣ Полинь Александровнѣ. Ха, ха, ха! И мнѣ ужь, конечно, не тягаться съ ней. У меня вонъ всего въ шкатулкѣ пятьдесятъ тысячъ, которыя мнѣ заплатили за женитьбу и которыми я не рискну, потому что онѣ все равно что кровью моей добыты и теперь у меня остались послѣднія; а у ней, благодаря Творцу небесному, все-таки еще тысяча душъ съ сотнями тысячъ денегъ. Мнѣ съ ней никакъ не бороться.

— Говорять, съ ней Медіокритскій поѣхалъ — это зачѣмъ? — спросила Настенька.

— Да, воришко Медіокритскій... онъ теперь главный ея повѣренный и даетъ почти каждую недѣлю у Дюссо обѣды разнымъ господамъ, чтобъ какъ-нибудь повредить мнѣ и поправить дѣло князи, и который, между прочимъ, пишетъ сюда своему мерзавцу родственнику, бывшему правителю канцеляріи, что если имъ Богъ поможетъ меня уничтожить, такъ онъ навѣрное пріѣдетъ сюда старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія!

Заклучивъ послѣднія слова, губернаторъ снова захохоталъ.

— Какъ же они могутъ тебя уничтожить? — спросила Настенька.

Калиновичъ пожалъ плечами.

— Я полагаю, — началъ онъ ироническимъ тономъ: — что, помня мои услуги, на первый разъ ограничатся тѣмъ, что запрячутъ меня къ какую-нибудь маленькую недворянскую губернію, съ приличнымъ наставленіемъ, чтобъ я служебно и правственно исправился, *ибо*, какъ мнѣ писали оттуда, возмущены не только дѣйствіями моими какъ чиновника, но и какъ человека, имѣющаго безпокойный характеръ и совершенно-лишеннаго гуманнхъ убѣжденій... Ха, ха, ха!

— Но что-жь тебѣ такъ безпокоиться? — Пускай посылаютъ! Намъ съ тобой вездѣ будетъ весело! — возразила Настенька.

Калиновичъ глубоко вздохнулъ.

— Нѣтъ! — началъ онъ: — это обидно, очень обидно! Обидно за себя, когда знаешь, что въ десять лѣтъ положилъ на службу и душу, и сердце... Наконецъ грустно за самое дѣло, которое, что бѣ ни говорили, мало подвигается къ лучшему.

Вскорѣ послѣ этой маленькой сцены и въ обществѣ стали догадываться, что вѣтеръ какъ-то подулъ съ другой стороны. Началось это съ того, что по дѣлу князя была вдругъ прислана изъ Петербурга особая комиссія, подъ предѣдательствомъ статскаго совѣтника Опѣнкина. Надобно было не имѣть никакого соображенія, чтобъ не видѣть въ этомъ случаѣ щелчка губернатору, тѣмъ болѣе, что сама комиссія открыла свои дѣйствія съ того, что сейчасъ же сдѣ-

лала распоряженіе о выпускѣ князя Ивана изъ острога на поруки его родной дочери. Обстоятельству этому были очень рады въ обществѣ, и всѣ, кто только не очень зависѣлъ по службѣ отъ губернатора, поѣхали на другой же день къ князю поздравить его. Однако онъ былъ такъ остороженъ, что сказался больнымъ и благодарилъ всѣхъ черезъ дочь за участіе, но никого не принялъ. По дѣлу его, между тѣмъ, со стараго почтмейстера снята была подписка о невыѣздѣ его изъ города, и онъ ужь отправился на мѣсто своего служенія. Дьячекъ-рѣщикъ былъ тоже выпущенъ, какъ человѣкъ совершенно ни въ чемъ неуличенный. Даже крѣпостной человѣкъ князя и кантонистъ, — какъ сказывалъ писецъ губернскаго правленія, командированный для переписки въ комиссію, — даже эти лица теперь содержались одинъ за разнорѣчивыя показанія, а другой за преступленія, совершенныя имъ въ другихъ случаяхъ; словомъ, всему дѣлу было дано видимо другое направленіе!.. Одинъ изъ членовъ комиссіи, молодой еще человѣкъ, прекрасно образованный и, вѣроятно, пооткровеннѣе другихъ, даже явно объ этомъ проболтался.

— Вашъ губернаторъ, господа, вообще странный человѣкъ; но въ дѣлѣ князя онъ поступалъ рѣшительно какъ сумасшедшій! — сказалъ онъ, по-крайней-мѣрѣ, при сотнѣ лицъ, которыя, въ отвѣтъ ему, двусмысленно улыбнулись, но ничего не возразили, и одинъ только толстый магистръ, сидѣвшій совершенно у другаго столика, прислушавшись къ словамъ молодаго человѣка, довольно дерзко обратился къ нему и спросилъ:

— А почему бы это губернаторъ дѣйствовалъ, какъ сумасшедшій?

Молодой человекъ пожалъ плечами и началъ ему пунктуально доказывать:

— Во-первыхъ, — говорилъ онъ: — губернаторъ посадилъ дворянина въ острогъ въ то время, какъ еще не было совершено преступленіе.

— Какъ не было совершено преступленіе? — возразилъ съ упорствомъ магистръ: — оно совершено въ то время, когда князь сдѣлалъ фальшивое свидѣтельство — вотъ когда оно совершено!

— Ничуть не бывало, — продолжалъ молодой человекъ прежнимъ дѣловымъ тономъ: — преступленіе въ этомъ дѣлѣ тогда бы можно считать совершеннымъ, когда-бы самъ подрядъ, обеспеченный этимъ свидѣтельствомъ, допнулъ: казна, значить, должна была бы дальнѣйшія работы производить насчетъ залоговъ, которыхъ въ дѣйствительности не оказалось, и тогда, въ самомъ дѣлѣ, существовало бы фактическое зло, а потому существовало бы и преступленіе.

— А еслибъ онъ, съ Божіей помощью, на это фальшивое свидѣтельство взялъ подрядъ и благополучно его кончилъ, тогда бы ничего? — возразилъ магистръ.

— Я думаю, что ничего! — проговорилъ молодой человекъ, нѣсколько сконфуженный этимъ замѣчаніемъ.

— Я самъ тоже думаю, что ничего! — сказалъ магистръ съ явной ужь насмѣшкой.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, — отвѣчалъ ему тоже съ насмѣшкой молодой человекъ и тотчасъ обратился къ другимъ своимъ слушателямъ. Кромѣ

ужь этихъ теоретическихъ соображеній, — продолжалъ онъ:—смотрите, что самые факты показываютъ. Губернаторъ говоритъ, что княземъ Раменскимъ составлено фальшивое свидѣтельство. Князь говоритъ, что имъ представляемъ былъ актъ не фальшивый, а на имѣнье существующее, Эн—скаго почтмейстера, которому дѣйствительно и выдано было изъ гражданской палаты за годъ передъ тѣмъ свидѣтельство. Строительная коммиссія отозвалась, что какого рода въ разсмотрѣнїи ея находилось свидѣтельство, она, за давнопрошедшимъ временемъ, не запомнить. Въ прошенїи князя подпись его руки половина секретарей признала, а половина нѣтъ. Значить, сколько тутъ шансовъ направо и налѣво?

— Поэтому фальшивое свидѣтельство составилъ самъ губернаторъ? — возразилъ ему магистръ.

— Я ничего не знаю, — отвѣтилъ уклончиво молодой человекъ.—Вы знаете, слѣдователь не имѣетъ даже права дѣлать заключенія въ дѣлѣ, чтобъ не спутать и не связать судебного мѣста. Я говорю только факты.

— Только факты! — повторилъ, глядя ему въ лицо, магистръ.—О-то Шемякинъ судъ! — произнесъ онъ почти вслухъ и, неуклюже вышедши изъ-за стола, ушелъ въ бильярдную.

— Заступникъ! — повторилъ ему въ слѣдъ чиновникъ.

Нѣсколько головъ легкимъ кивкомъ подтвердили его мысль. Разговоръ этотъ на другой-же день разнесся, конечно, по всему городу.

— Плохо будетъ губернатору, плохо! — рѣшили почти единогласно всѣ губернскіе дипломаты, и только

одинъ Папушкинъ, нелюбившій скоро отступать отъ своихъ убѣжденій, — возражалъ на это: «ничего не плохо — осилить!»

— Чего осилить? Самъ ужь струсилъ. Недѣли двѣ, говорятъ, ни по канцеляріи, ни по губернскому правленію ничего не дѣлаетъ — струсилъ, — доказывали ему.

— Ничего не струсилъ! — стоялъ на своемъ Папушкинъ, и послѣднія слова его подтвердились въ непродолжительномъ времени.

Случился пожаръ въ казенныхъ соляныхъ магазинахъ, которые, какъ водится, Богу вѣдомо, отчего загорѣлись. Калиновичъ прискакалъ на пожаръ первый, верхомъ на лошади, безъ сѣдла, распекъ потомъ полиціймейстера, покаялся брандтмейстера сдѣлать солдатомъ и началъ самъ распорядиться. Плоховатая пожарная команда, подъ его грозными распоряженіями, начала обнаруживать рьяную храбрость и молодечество, и въ то время, какъ онъ, запыленный, закоптѣлый, въ сажѣ, облитый водою, стоялъ почти передъ самымъ пламенемъ, такъ что лошадь его безпрестанно фыркала и пятилась назадъ, — въ это самое время съ обѣда предсѣдателя казенной палаты, а потому порядкомъ навеселѣ, пріѣхалъ тоже на пожаръ статскій совѣтникъ Опѣнкинъ. Взглянувъ сквозь очки на страшную сцену разрушенія, онъ тоже началъ кричать на частнаго пристава и приказывать командѣ дѣйствовать трубами не на ту часть стѣны, на которую она дѣйствовала. Услышавъ это, Калиновичъ вдругъ повернулъ къ нему лошадь и громкимъ голосомъ проговорилъ:

— Господинъ Опѣнкинъ! я и господинъ полицій-

мейстеръ здѣсь, а потому въ другихъ распорядителяхъ никакой нѣтъ надобности.

— Я, ваше превосходительство, распоряжаюсь и дѣйствую для спасенія казеннаго интереса, — возразилъ, въ свою очередь, разгорячившись, статскій совѣтникъ.

— Я тутъ хозяинъ и я одинъ только долженъ оберегать всякаго рода казенный интересъ! — закричалъ ужь Калининъ, колотя себя въ грудь. — Господинъ офицеръ! вытяните отъ пожара цѣпь, и чтобъ никого тутъ изъ зѣвакъ не было за ней; а который прорвется, братъ подъ караулъ! — отдалъ онъ тѣмъ же голосомъ приказаніе наряженному на пожаръ офицеру. Тотъ командовалъ взводу — и цѣпь вытянулась почти передъ самымъ носомъ статскаго совѣтника. Сбѣжавшіеся на пожаръ гимназисты засмѣялись этому во все горло. Опенкинъ позеленѣлъ; но, по наружности, будто смѣясь, сѣлъ на председательскія пролетки и уѣхалъ.

На другой же день послѣ этого случая, комиссія прекратила всѣ свои дѣйствія и уѣхала въ Петербургъ, а общество осталось въ какомъ-то томительномъ недоумѣніи. Чѣмъ все это кончится — интересовало ужасно всѣхъ. Наконецъ 18 декабря все это разрѣшилось: получена была такого рода бумага, что писцы, столоначальники и секретари губернскаго правленія, какъ прочитали ее, такъ и присѣли на своихъ мѣстахъ, выпучивъ глаза и растопыривъ руки. Секретарь казенной палаты, что есть духу, поспежалъ на извожикѣ къ бывшему еще дома председателю казенной палаты. У губернскаго предводителя за его завтракомъ въ двѣнадцатомъ часу перебивалъ

почти весь городъ, и на большей части лицахъ было написано удовольствіе. Губернскій архитекторъ, встрѣтившись опять на улицѣ съ Папушкинымъ, еще издали кричалъ ему какимъ-то радостнымъ голосомъ:

— А что? не сбылось ваше пророчество! не сбылось!

— Что-жъ не сбылось? *Зарвался очень... очень зарвался!* — отвѣчалъ на этотъ разъ и Папушкинъ.

Въ бумагахъ было сказано, что Калиновичъ увольняется отъ службы, съ преданіемъ суду за противозаконныя дѣйствія, какъ по управленію своему въ званіи вице-губернатора, такъ и въ настоящей своей должности.

Выйдя на сцену съ героемъ моимъ, при первомъ его поступленіи на службу, я считаю себя совершенно въ правѣ разстаться съ нимъ при выходѣ его въ отставку... Что мнѣ дальше съ нимъ дѣлать?.. Пора молодости, любви и какихъ бы то ни было новыхъ сердечныхъ отношеній для него давно уже миновалась, а служебную дѣятельность, которая была бы теперь свойственна его возрасту и могла-бы вызвать его снова на борьбу, эту дѣятельность онъ долженъ былъ покинуть навсегда и, какъ подстрѣленный орелъ, примкнувъ къ числу недовольныхъ, скромно поселиться вмѣстѣ съ Настенькой и капитаномъ въ Москвѣ. Изъ партіи враговъ его, князь, не оставленный даже въ подозрѣніи по своему дѣлу, снова поселился въ своей усадьбѣ и началъ жить рѣшительно на прежнюю ногу. Обновленіе сего феникса объяснялось на этотъ разъ очень просто: столкнувшись съ Медіокритскимъ, онъ такъ, говорятъ, распорядился состояніемъ Полины, что та потеряла

весь свой капиталъ и половину имѣнія. Всѣми оставленная, всѣми обманутая, бѣдная женщина не перенесла этого удара и, съ первымъ вскрытіемъ невестской воды, вытерпѣла послѣднюю житейскую неприятность — предсмертную агонію, и скончалась. Черезъ полгода послѣ ея смерти, Калиновичъ женился на Настенькѣ. Фактъ этотъ, казалось бы, развязывалъ для меня, какъ для романиста, всѣ нити, но, въ тоже время, я никакъ не могу, подобно старымъ повѣствователямъ, сказать, что главные герои мои, послѣ долговременныхъ тревоженій, пристали наконецъ въ мирную пристань тихаго семейнаго счастья. Далеко это было не такъ на самомъ дѣлѣ! Сломанный нравственно, больной физически, Калиновичъ рѣшился на новый бракъ единственно потому только, что ни на что болѣе не надѣялся и ничего ужъ болѣе не ожидалъ отъ жизни, да и Настенька, болѣе ужъ, кажется, любившая Калиновича по воспоминаніямъ, оставила театръ и сдѣлалась дѣйствительною статскою совѣтницею скорѣе изъ сознанія какого-то долга, что она одна осталась въ мірѣ для этого человѣка и обязана хоть сколько-нибудь поддержать и усладить жизнь этой разбитой, но все-таки любезной для нея силы, и такимъ образомъ одинъ только капитанъ сталъ вполнѣ наслаждаться жизнью, заправляя по всему дому 'хозяйствомъ и постоянно называя племянника и племянницу: «ваше превосходительство».

КОНЕЦЪ СЕДЬМАГО ТОМА

Оглавление VII-го тома.

ТЫСЯЧА ДУШЪ.

	СТР.
Часть третья	1.
Часть четвертая	222

© 1999 by the Board of Regents of the University of Illinois

REPRODUCED FROM THE

F

24.186 (6-2)